

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Туркевич Андрей Львович

**НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРОФЕССОРА В.Е. МАЙЕРА (1918–1985 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Шишкина Наталья Геннадьевна

Ижевск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. В.Е. МАЙЕР В 1918–1955 ГОДЫ: СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ.....	30
1.1. Семья, детские и юношеские годы В.Е. Майера.....	30
1.2. В.Е. Майер в военные и первые послевоенные годы.....	46
ГЛАВА 2. РОЛЬ В.Е. МАЙЕРА В ОРГАНИЗАЦИИ	
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УГПИ–УдГУ	64
2.1. Преподавание дисциплин всеобщей истории в Удмуртском	
государственном педагогическом институте в 1931–1946 гг.	64
2.2. Создание и первые годы работы кафедры всеобщей истории УГПИ.	79
2.3. В.Е. Майер – заведующий кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ:	
кадровая политика и принципы организации учебно-методической работы	92
ГЛАВА 3. НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Е. МАЙЕРА.....	133
3.1. Основные направления научной работы.	133
3.2. Школа В.Е. Майера: характер и основные черты.....	170
3.3. В.Е. Майер как проректор по научной работе УдГУ.....	193
ГЛАВА 4. ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
В.Е. МАЙЕРА	225
4.1. В.Е. Майер как представитель общественных организаций.....	225
4.2. Лекционная общественно-просветительская работа	250
4.3. Деятельность В.Е. Майера на посту депутата Индустриального	
районного совета г. Ижевска	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	271
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	278
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Основные даты жизни В.Е. Майера.....	314
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Фотографии.....	317

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Советская эпоха, ее послевоенный этап, для большинства регионов нашей страны, в том числе Удмуртии, стали временем формирования системы высшего образования. Во многих из них, не имевших собственных квалифицированных кадров, этот процесс стал возможным благодаря деятельности ученых и педагогов, прошедших подготовку в вузах Москвы и Ленинграда. Это определяет исследовательский интерес к личностям, стоящим у истоков высшего образования, в том числе исторического.

Вильгельм (Василий)¹ Евгеньевич Майер (1918–1985 гг.) (Фото 1) стал одной из тех фигур, с чьим именем принято ассоциировать историческое образование в Удмуртии. Отечественным медиевистам он хорошо известен. В Советском Союзе профессор Майер был одним из немногих специалистов, занимавшихся изучением проблем крестьянской, аграрной истории Германии классического и позднего средневековья. Этой теме были посвящены его кандидатская и докторская диссертации, а также две монографии и ряд научных статей²; исследования В.Е. Майера были признаны научным сообществом СССР и ГДР.

Историю творят люди, а пишут ее историки. Этот тезис известен довольно широко. Однако сами историки зачастую остаются без достаточного внимания со стороны своих коллег и последователей. «К сожалению, – писал академик Г.Н. Севостьянов, – мы все еще мало знаем о жизни и творчестве многих наших известных ученых-историков, обогативших науку оригинальными исследованиями»³. Несмотря на то, что в последние два-три десятилетия появились и обобщающие проекты, и квалифицированные обзоры, а также отдельные монографии и

---

¹ Данное будущему историку при рождении немецкое имя «Вильгельм» после событий Великой Отечественной войны оказалось «неудобным», поэтому его коллеги и ученики знали его под именем «Василий». Первое имя осталось употребимым среди друзей-сокурсников по Московскому государственному университету и в семейном кругу. В настоящей работе мы будем использовать то имя, под которым его знало большинство людей, сохранивших о нем память

² Перечень научных трудов историка: Список научных трудов В.Е. Майера / сост. Б.П. Сысоева, И.В. Никитина // История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики (Историк и его дело; вып. 10). Ижевск, 2013. С. 262–271.

³ Севостьянов Г.Н. Предисловие // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. Москва-Иерусалим, 2000. С. 5.

статьи, посвященные жизни и творчеству видных отечественных историков¹, не только многие заслуживающие внимания ученые, но и целые важнейшие группы проблем остаются «за бортом» научного интереса специалистов.

Одной из таких тем, по справедливому замечанию Н.И. Девятайкиной, являются «проблемы, связанные с комплексным определением роли ученого-гуманитария в провинции, особенно – историка-специалиста по “всеобщей” истории, поставленного объектом своего научного внимания посредником между историей и культурой собственной страны и культурой изучаемой страны, региона Запада или Востока»². Соглашаясь с мнением ученого, мы должны признать, что тема «истории» регионального историка советской эпохи, отразившего ее в своей биографии, как в зеркале, до сих пор не раскрыта, хотя, безусловно, этого заслуживает.

Необходимость изучения не только научной, но и организационно-педагогической и общественно-просветительской деятельности профессора В.Е. Майера в Удмуртии в 1940–1980-е гг. диктуется рядом обстоятельств. Следует иметь в виду те изменения, которые происходят в современной России в сфере образования, особенно высшего. В последние годы мы можем наблюдать процесс отказа от тех организационных методов и форм построения образовательного процесса, которые в нашей стране существовали не одно десятилетие. Взятый курс на сближение образовательных систем России и западного мира был встречен неоднозначно и зачастую негативно научным и педагогическим сообществом. Именно в этой связи сейчас как никогда актуально обращение к позитивному опыту организации университетского образования в Удмуртии, в Удмуртском государственном университете, который во многом связан с именем профессора В.Е. Майера. Анализ его деятельности в этой сфере позволит не только оценить

---

¹ Выделим только некоторые из них в качестве примеров. Многотомное издание – Портреты историков: Время и судьбы. ТТ. 1-5. М., 2000-2010; альманах – «Мир историка: историографический сборник». ТТ. 1-10. Омск, 2005-2015; прекрасный обзор отечественного антиковедения – Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб, 2006. 608 с.; монография, посвященная жизни и творчеству историка, – Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. 382 с.; научная статья – Кузнецов А.А. Новые факты биографии С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 267-282. Список, безусловно, можно продолжать и дальше.

² Девятайкина Н.И. Профессор С.М. Стам как культурная и ученая личность: роль для университета и Саратова // Средневековый город. Вып. 20. Саратов, 2009. С. 47.

его личный вклад в развитие высшего образования в УдГУ и Удмуртской Республики, но и извлечь полезные уроки, применимые к современной ситуации.

Отдельно следует отметить тот факт, что В.Е. Майер – это фигура значимая именно для Удмуртского государственного университета. УдГУ, как и многие другие вузы России сегодня, находится в определенном поиске, пытается определить вектор, направление, в котором ему следует двигаться дальше. Поэтому сейчас недопустимо игнорировать и не учитывать значительное влияние профессора Майера, которое он оказывал, будучи заведующим кафедрой и проректором по науке, на «университетизацию» реорганизованного Удмуртского государственного пединститута: прививал новые формы организации учебной и научной деятельности, создавал фундамент, базу для последующего развития вуза, потерять которые сейчас нельзя.

Выбранная тема исследования соответствует паспорту специальности 07.00.02 – «Отечественная история», в частности по областям исследований 12. «История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов», 17. «Личность в Российской истории, ее персоналии» и 22. «Интеллектуальная история России».

Объект исследования – история становления высшей школы и исторической науки в Удмуртии.

Предмет диссертационного исследования – научно-организаторская и общественно-просветительская деятельность профессора В.Е. Майера, которой он занимался в 1940–1980-е гг., и ее влияние на развитие высшего образования в Удмуртии.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1918–1985 гг., т.е. годы жизни В.Е. Майера. Выбор обусловлен спецификой темы исследования, подразумевающей комплексное изучение личности на протяжении всей жизни. Крайне важным для исследования оказалось обращение к детским и юношеским годам историка, а также к годам его учебы на историческом факультете Московского госуниверситета, поскольку именно в этот период шло формирование личности и становление убеждений, оказывавших влияние на последующую деятель-

ность. Годы Великой Отечественной войны и связанное с нею формирование особой правовой системы относительно немецкого населения страны позволяют оценить причины, повлиявшие на развитие его карьеры в послевоенную эпоху. Период 1946–1985 гг. – это время основных научных и педагогических достижений Василия Евгеньевича, анализу которых, а также его общественной и просветительской деятельности, посвящена большая часть настоящего исследования.

Территориальные рамки диссертационной работы охватывают территорию Удмуртской Республики, на которой развернулась основная деятельность В.Е. Майера, а также территории Южной Украины и Москвы, с которыми связаны его детские и юношеские годы.

Степень изученности проблемы. Говоря об историографической разработанности поднятой нами проблемы, можно выделить следующие группы научной литературы, определяемые по проблемному принципу.

1. Работы, посвященные изучению собственно личности В.Е. Майера. Прежде всего, это статьи и заметки биографического толка, первым из которых стал некролог Ю.Л. Бессмертного, опубликованный в 1986 г. в сборнике «Средние века»¹. В традиционной для подобного жанра манере автор отметил позитивный вклад профессора Майера в медиевистику, а также благожелательно описал его личные качества.

В дальнейшем изучение биографии В.Е. Майера было развито его коллегами по кафедре всеобщей истории УГПИ–УдГУ В.Е. Владыкиным и Н.Г. Шишкиной, работавшими как отдельно, так и в соавторстве. Первый опыт подобной работы увидел свет в 1989 г. в виде совместной статьи «Профессор В.Е. Майер – ученый и педагог»², опубликованной в межвузовском сборнике научных трудов «Проблемы германской истории (эпоха феодализма)», посвященном памяти ученого. Здесь впервые был поднят вопрос о сложной судьбе историка и его пути в науку.

В 2002 г. вышел первый сборник научных статей «Историк и его дело», посвященный памяти профессора Василия Евгеньевича Майера, открывавшийся

¹ Бессмертный Ю.Л. Памяти В.Е. Майера (1918-1985) // Средние века. М., 1986. Вып. 49. С. 323-333.

² Владыкин В.Е., Шишкина Н.Г. Профессор В.Е. Майер – ученый и педагог // Проблемы германской истории (эпоха феодализма). Ижевск, 1989. С. 5-22.

статьей В.Е. Владыкина¹. Основанная на воспоминаниях, статья содержала ценные биографические сведения о жизни историка в довоенные и военные годы.

В 2006 г. Н.Г. Шишкиной был подведен своеобразный итог собственным наработкам, посвященным биографии В.Е. Майера, который был оформлен в виде фундаментальной статьи «Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело», вышедшей в академическом сборнике «Средние века»². В этой работе автор довольно подробно осветила биографию историка, опираясь, прежде всего, на воспоминания и опыт личного знакомства с профессором В.Е. Майером. Основным лейтмотивом биографического раздела статьи стало проведение мысли о том, что путь в науку Василия Евгеньевича сопровождался трудностями, характер которых был далек от самой науки; жизнь историка определялась как постоянное преодоление препятствий, но, несмотря на это, В.Е. Майеру удавалось с достоинством и честью выходить из тех сложных ситуаций, в которые его бросала судьба.

Тема биографии и судьбы ученого в контексте его немецкого происхождения была поднята в совместной статье Н.Г. Шишкиной и А.Л. Туркевича³. Авторы отметили, что события Великой Отечественной войны во многом предопределили будущее историка, лишив его на долгие годы возможности возвращения в Московский государственный университет для продолжения научной работы. Однако незаурядные личные качества В.Е. Майера позволили ему и в провинциальном вузе заниматься наукой на высочайшем уровне.

К вопросам непростой биографии В.Е. Майера обращались профессиональные журналисты, ученики профессора А.В. Васильев и В.В. Любич. Они осветили не только перипетии судьбы историка, но и, опираясь на личный опыт, раскрыли особенности педагогической работы, основанных на принципах «жесткой доброты»⁴.

¹ Владыкин В.Е. В Ижевск, к Майеру // Историк и его дело. Вып. 1. Ижевск, 2002. С. 3-8.

² Шишкина Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 216-245.

³ Шишкина Н.Г., Туркевич А.Л. Немецкое происхождение профессора В.Е. Майера: тернистый путь к профессиональному мастерству // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. М., 2012. С. 77-80.

⁴ Васильев А., Любич В. Вильгельм Майер: состоявшаяся жизнь // Номенклатура: сборник биографических очерков. Ижевск, 2005. С. 341-349; Васильев А., Любич В. Состоявшаяся жизнь // Вспоминая былые годы ... Ижевск, 2011. С. 167-173.

Первый опыт систематизации источникового материала, необходимого для создания аналитической биографии В.Е. Майера, был предпринят в 2011 г. И.Г. Шапран¹. Она, в частности, отметила, что «для оценки творчества и деятельности В.Е. Майера необходимы дополнительные изыскания, поиск и детальное изучение корпуса источников, пока еще оставшихся без внимания исследователей, и переосмысление того, что уже введено в научный оборот», поскольку в восприятии личности историка уже «сложился определенный стереотип»².

И.Г. Шапран предложила следующую типологию источников для создания биографии ученого: научное наследие; рецензии; конспекты учебных лекций; мемуары; личная библиотека; эпистолярное наследие; архивы общественных организаций; материалы иконографии (фотодокументы). Подобная типология, по ее словам, позволит исследователю ввести в научный оборот новые факты биографии В.Е. Майера, эффективно вписать их в контекст историко-культурных и социально-политических реалий 1920–1980-х гг., а также определить его роль как ученого, педагога и публициста³.

2. Оценка научного наследия В.Е. Майера. Эта тема впервые была поднята в 1988 г. в статье В.Е. Владыкина, посвященной майеровским разработкам проблем аграрной истории, опубликованной в сборнике «Проблемы аграрной истории Удмуртии»⁴. Профессор Владыкин отмечал, что в некотором роде, интерес Василия Евгеньевича к аграрной истории был «предопределен» его крестьянским происхождением, поэтому ему удалось в этой сфере добиться успеха не только в германистике (основном направлении деятельности), но и в удмуртоведении. В двух статьях⁵ В.Е. Майер «проанализировал состояние удмуртского общества <...> во второй половине XVIII в. и убедительно доказал его внутреннюю готовность к

¹ Шапран И.Г. К вопросу об источниковой базе для создания аналитической биографии В.Е. Майера // Историк и его дело. Вып. 9. 2011. С. 53-59.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 54-59.

⁴ Владыкин В.Е. Профессор В.Е. Майер и его исследования по проблемам аграрной истории // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 5-14.

⁵ Майер В.Е. Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Ижевск, 1975. С. 24-34; Он же. Важный источник по истории крестьянской общины в Удмуртии // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. Ижевск, 1981. С. 36-60.

выработке и усвоению <...> письменности», а также рассмотрел «феномен удмуртской общины-бускель с позиций современной исторической науки, <...> проанализировал удмуртские общинные институты в едином контексте истории европейской социальной системы»¹.

В дальнейшем к вопросам научного наследия профессора Майера обращались В.Е. Владыкин, Н.Г. Шишкина², а также С.Г. Разбаков³, Л.В. Котова⁴, А.Л. Туркевич⁵ и ряд других авторов, освещавшие разные аспекты деятельности ученого – преимущественно, проблемы аграрной истории Германии в развитое средневековье.

Обширный раздел уже упоминавшийся статьи Н.Г. Шишкиной в сборнике «Средние века» был посвящен собственно научной деятельности профессора Майера, разработке им проблем аграрной истории Германии позднего средневековья. Именно здесь, пожалуй, научные достижения Василия Евгеньевича, благодаря которым он считался в Советском Союзе крупнейшим специалистом в своей области, были освещены наиболее подробно. Н.Г. Шишкиной были проанализированы, в частности, поднимавшиеся В.Е. Майером проблемы источниковедения и изучения «вайстюмов» – документов юридического характера, регулировавших отношения крестьянской общины и феодала, которым были посвящены кандидатская диссертация ученого; вопросы генезиса капитализма в германской деревне XIV–XVI вв. и состояния сельского хозяйства вообще; некоторые малоисследованные проблемы истории средневекового города – взаимосвязь феодальной крепости и средневекового города Германии, общинные владения городов и особен-

¹ Владыкин В.Е. Профессор В.Е. Майер и его исследования по проблемам аграрной истории // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 11-12.

² Шишкина Н.Г., Владыкин В.Е. Научно-педагогическое наследие профессора В.Е. Майера // Вестник Удмуртского университета. 1998. Специальный выпуск: Всеобщая история: к 80-летию профессора В.Е. Майера. С. 3-18; Шишкина Н.Г., Лукина С.Г. Некоторые проблемы социальной истории позднесредневековой Германии в трудах В.Е. Майера // Национальный/ социальный характер: археология идей и социальное наследство. М., 2010. С. 272-273.

³ Разбаков С.Г. Анализ Urkunden позднесредневековой Германии как компонент источниковедческого мастерства В.Е. Майера // Историк и его дело. Вып. 1. Ижевск, 2002. С. 63-66.

⁴ Котова Л.В. Три вайстюма из собрания Якоба Гримма // Вестник Удмуртского университета. 1998. Спец. Выпуск. С. 132-135. Она же. Вайстюм Бингенхеймской марки и другие переводы В.Е. Майера // Историк и его дело. Вып. 4. Ижевск, 2005. С. 150-158.

⁵ Туркевич А.Л. Полемика В.Е. Майера с западногерманскими историками о проблемах аграрного развития Германии в позднее средневековье // Наука в УГПИ-УдГУ: история, современное состояние, перспективы. Ижевск, 2011. С. 121-130.

ности городской общины; вопросы политической и религиозной истории, в особенности те, что были связаны с Крестьянской войной в Германии 1524–1525 гг. Отдельное внимание Н.Г. Шишкина уделила «удмуртской» проблематике в творчестве В.Е. Майера, т.е. научным статьям, посвященным вопросам аграрной истории удмуртского народа в средневековье. В своей статье Н.Г. Шишкина неоднократно подчеркивала, что большинство тем, изучением которых занимался профессор Майер, были мало исследованы не только в Советском Союзе, но и в Германии. Поэтому те выводы, к которым пришел историк, не только тщательно обоснованы и аргументированы, но и в большинстве своем новационны и получили заслуженное признание среди коллег-медиевистов.

С.Г. Разбаков на примере работы В.Е. Майером над своеобразным историческим источником «urkunden» (т.е. грамота), фиксировавшим разного рода сделки между светскими, духовными феодалами и городами, проанализировал особенности источниковедческой работы историка и определил этапы и методы этой работы. Также он отметил огромное значение, которое придавал ученый источникам в своих исследованиях.

К источниковедческой и переводческой деятельности В.Е. Майера обращалась его ученица Л.В. Котова. В статье «Три вайстюма из собрания Якоба Гримма» она обобщила майеровские достижения по изучению этого вида источников. Подытоживая, Людмила Викторовна отмечала: «Исследования вайстюмов, проделанные В.Е. Майером, несут на себе отпечаток времени, как и всякие другие исторические исследования, но они основаны на тщательной разработке источников. Даже тот, кто не согласится с его [*т.е. В.Е. Майера – А.Т.*] классификацией вайстюмов, не может не признать, что выделенные им группы документов реально существуют, а универсальную периодизацию пока еще никому не удалось составить»¹.

3. Внимание исследователей было уделено и педагогической составляющей деятельности В.Е. Майера. Н.Г. Шишкиной, А.А. Зориной, А.Л. Туркевичу уда-

---

¹ Котова Л.В. Три вайстюма из собрания Якоба Гримма // Вестник Удмуртского университета. 1998. Спец. Выпуск. С. 135.

лось осветить майеровские традиции в области педагогики и популяризации исторической науки, оценить его влияние на следующие поколения ижевских историков¹. Исследователи критически проанализировали такие аспекты педагогического творчества В.Е. Майера как методику подготовки и чтения лекций, проведение семинарских занятий и зачетов. По мнению Н.Г. Шишкиной, именно незаурядный педагогический талант и мастерство ученого было важнейшим фактором, который определял очевидную популярность Василия Евгеньевича среди студентов. Кроме того, авторы статей подчеркивали, что педагогические методики профессора Майера и в настоящее время не считаются устаревшими, а его наработки и опыт постоянно используются учениками и в школьном, и в вузовском преподавании².

4. Отдельно необходимо выделить литературу, в которой деятельность В.Е. Майера рассматривается с точки зрения организации исторического образования в Удмуртии и УГПИ–УдГУ. Значительное внимание этой теме было уделено Н.Г. Шишкиной и А.А. Зориной³. В ряде статей они проанализировала опыт руководства В.Е. Майером кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ, организации коллектива историков-медиевистов, а также позитивное влияние, оказываемое и по сей день, майеровскими традициями на методы руководства структурными подразделениями в рамках высшего учебного заведения.

¹ Шишкина Н.Г. Профессор В.Е. Майер. Опыт анализа педагогической концепции // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы. Ижевск, 1996. С. 52-54; Она же. Василий Евгеньевич Майер: педагогическое наследие // Инновационные процессы в сфере образования и проблемы повышения качества подготовки специалистов. Т.2. Ижевск, 2005. С. 158-162; Она же. Методика проведения экзаменов и зачетов (из опыта профессора В.Е. Майера) // Проблема качества исторического образования в системе высшей школы. Казань, 2008. С. 201-207; Она же. Размышления В.Е. Майера о творческом характере подготовки к экзаменам и зачетам // Историк и его дело. Вып. 8. Ижевск, 2010. С. 144-149; Зорина А.А., Шишкина Н.Г. В.Е. Майер и традиции преподавания истории средних веков в Удмуртском государственном университете // История средних веков. Казань-Ижевск, С. 26; Шишкина Н.Г., Туркевич А.Л. Профессор В.Е. Майер как просветитель и популяризатор исторической науки // Историческая наука образование в условиях современных вызовов. Казань, 2012. С. 147-149.

² См., например, Гуца Е.М. Вспоминая учителя. Слово о В.Е. Майере // Историк и его дело. Вып. 8. Ижевск, 2010. С. 149-153.

³ Шишкина Н.Г. Кафедра истории древнего мира и средних веков УдГУ (из опыта руководства) // Диалоги о прошлом: материалы семинара-совещания преподавателей истории древнего мира и средних веков. Казань, 2002. С. 57-61; Она же. Кафедра истории древнего мира и средних веков: из века минувшего в век нынешний // Историк и его дело. Ижевск, 2003. С. 3-13; Зорина А.А., Шишкина Н.Г. Медиевистика в Удмуртском университете: традиции и перспективы // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 455-457; Зорина А.А., Старкова Н.Ю., Шишкина Н.Г. Кафедра истории древнего мира и средних веков: прошлое, настоящее, перспективы // Историческая наука в УГПИ–УдГУ, 1931-2006. Ижевск, 2007. С. 57-82; Зорина А.А. Содержание и формы организации научно-педагогической деятельности на кафедре истории древнего мира и средних веков // Наука Удмуртии. 2009. № 6. С. 105-134.

С иной точки зрения рассмотрела деятельность В.Е. Майера как организатора исторического образования в Удмуртии профессор О.М. Мельникова¹. В отличие от коллег, в сферу ее внимания попало развитие не всеобщей истории, а археологии. Она, в частности, проанализировала каким образом деятельность профессора В.Е. Майера в 1972–1976 гг., когда он занимал пост проректора по науке УдГУ, способствовала развитию только зарождавшейся Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ). Этой же проблемы коснулась и начальник КВАЭ профессор Р.Д. Голдина в монографии, посвященной становлению экспедиции².

Деятельность В.Е. Майера была неразрывно связана с Удмуртским госуниверситетом, поэтому в историографическом обзоре необходимо выделить литературу, посвященную его истории и развитию. В частности, следует отметить две монографии, написанные под редакцией В.В. Пузанова³. В этих работах авторы на основании архивных материалов, интервью и воспоминаний достаточно подробно осветили историю УГПИ–УдГУ, в том числе и в период реорганизации пединститута в университет, активную роль в которой играл В.Е. Майер. В этих же изданиях был приведен обзор предыдущего опыта исследования истории Удмуртского госуниверситета⁴.

5. Отдельной историографической единицей следует выделить мемориальный альманах «Историк и его дело», посвященный профессору В.Е. Майеру, издававшийся историческим факультетом Удмуртского Госуниверситета под эгидой Российского общества интеллектуальной истории в 2002–2013 гг.⁵. Первый выпуск издания, включивший в себя материалы научных чтений памяти историка⁶, состоялся в 2002 г. В него вошли как воспоминания об историке, так и исследова-

¹ Мельникова О.М. В.Е. Майер и развитие археологии в Удмуртском государственном университете // Историк и его дело. Ижевск, 2003. С. 13-20.

² Голдина Р.Д. Силуэты растаявших веков. Ижевск, 1996. С. 36, 46-47.

³ Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931-2001. Ижевск, 2001. 272 с.; Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. 564 с.

⁴ См., например: Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931-2001. Ижевск, 2001. С. 7-13.

⁵ Серия сборников научных статей «Историк и его дело» (Вып. 1-10. Ижевск, 2002, 2003, 2003, 2005, 2006, 2007, 2008, 2010, 2011, 2013).

⁶ «Майеровские чтения» – это традиционная мемориальная конференция, приуроченная ко дню рождения профессора В.Е. Майера (6 декабря), проводимая в УдГУ. Впервые она состоялась в 1989 г.

ния по проблемам всеобщей истории. Подобный формат издания оказался весьма успешным, и следующие выпуски альманаха также включали в себя воспоминания о В.Е. Майере, неопубликованные ранее материалы научного наследия профессора, критические обзоры его работ и научные статьи по разным областям всеобщей и отечественной истории, в первую очередь соприкасавшимся с интересами самого историка: средневековая Германия, аграрная история, история Удмуртии и др. К настоящему моменту вышло десять выпусков сборника «Историк и его дело», некоторые из которых были посвящены конкретной проблематике¹. И как самостоятельное явление, и как собрание научных статей и воспоминаний, «Историк и его дело» может считаться ценнейшим историографическим элементом.

В соответствии с предметом работы определена ее **цель**: создание комплексной биографии профессора В.Е. Майера как историка, педагога и общественного деятеля, отразившего эпоху, в которой он жил и работал.

Для достижения поставленной цели нам необходимо решить следующие исследовательские **задачи**. Во-первых, изучить биографию и деятельность В.Е. Майера в 1918–1955 гг., включающий в себя период детских и юношеских лет, учебы на историческом факультете МГУ, годы Великой Отечественной войны и первое десятилетие работы в УГПИ;

во-вторых, проанализировать роль В.Е. Майера в организации исторического образования УГПИ–УдГУ, оценив его деятельность как заведующего кафедрой всеобщей истории (1964–1985 гг.) относительно периодов предшествующего развития;

в-третьих, подвергнуть анализу научную деятельность В.Е. Майера: основные направления его научной работы, а также ее организаторскую составляющую в качестве проректора по науке УдГУ (1972–1976 гг.);

---

¹ Так, в пятый выпуск альманаха вошли материалы научно-практической конференции «Российские немцы: история и современность», в седьмой – материалы международной научной практической конференции «Судьбы ученых и научных школ», в девятый – материалы республиканского круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», проходившего в п. Ува Удмуртской Республики.

в-четвертых, провести анализ общественно-просветительской деятельности В.Е. Майера в Удмуртской АССР в 1945–1985 гг.

Источниковую базу исследования составил комплекс неопубликованных и опубликованных материалов. При написании работы использовались материалы 10 фондов пяти архивов и музеев: ГКУ «ЦГА УР» (Центральный государственный архив Удмуртской Республики), ГКУ «ЦДНИ УР» (Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики), Архива ФГБОУ ВО «УдГУ» (Удмуртский государственный университет), Архива МО «Город Ижевск», а также Фонды БУК НМУР (Национальный музей Удмуртской Республики) им. К. Герда¹.

В содержательном отношении данные архивов, к которым мы обращались, неоднородны. Так, фонды ЦГА УР содержат, в основном, сведения делопроизводственного характера (протоколы заседаний кафедры всеобщей истории, Ученого Совета и т.п.) о функционировании УГПИ–УдГУ и Удмуртского отделения Общества «Знание». Близок с точки зрения содержания сведений фонд, посвященный УдГУ, в ЦДНИ УР, в котором хранятся данные Партийного архива вуза (например, протоколы партийных собраний).

Гораздо шире и разнороднее материалы фонда профессора Майера, в котором хранятся и рабочие тетради ученого, и страницы дневников, и переписка с коллегами, и документы, отражающие его общественную работу. Подобная гетерогенность фонда, с одной стороны, определяет его высокую ценность для исследователя, а с другой, несет в себе некоторые сложности при работе с ним. Сведения фондов Архива МО «Город Ижевск», напротив, монотематичны и отражают деятельность В.Е. Майера на посту депутата Индустриального райсовета г. Ижевска.

---

¹ ГКУ «ЦГА УР» (Центральный государственный архив Удмуртской Республики) – фонды № р-1282 «Удмуртский государственный педагогический институт» и № р-1550 «Удмуртский государственный университет», № р-1152 Удмуртское отделение Общества «Знание», ГКУ «ЦДНИ УР» (Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики) – фонд № 176 «Удмуртский государственный университет», фонд № 5014 «Майер Вильгельм (Василий) Евгеньевич, историк-медиевист, доктор исторических наук, профессор УдГУ, общественный деятель Удмуртии, отличник народного просвещения РСФСР, заслуженный деятель науки Удмуртской АССР» (6 декабря 1918 г. – 10 февраля 1985 г.), Архива ФГБОУ ВО «УдГУ», Архива МО «Город Ижевск» – фонд № 331, Фондов НМУР (Национальный музей Удмуртской Республики) им. К. Герда и пр. Полный перечень архивных и музейных фондов, к которым мы обращались, представлен в Списке использованных источников и литературы.

Фонды Национального Музея УР, содержащие как документы личного происхождения, так и материальные предметы личного характера способствуют уточнению имеющихся сведений и воссозданию духа эпохи.

Традиционно, самым массовым источником, на который опирается исследователь при создании работы, посвященной научному деятелю, являются его научные труды. Это может считаться справедливым, если исследование носит историографический характер. Однако настоящая работа предполагает существенное расширение круга источников, поскольку очевидно, что создание целостного образа человека и эпохи не может быть осуществлено только лишь на основании его научных изысканий.

Выделим следующие группы источников, привлеченных для написания работы.

1. Законодательные источники. К этой группе относится, во-первых, законодательство Российской Империи, отражающее «приглашение» иностранцев, в том числе немцев, для заселения ими пустующих территорий, привлеченное нами для оценки происхождения В.Е. Майера и его семьи¹. Во-вторых, законодательные материалы позволяют оценить правовое положение советских немцев в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, что для исследования является крайне важным, поскольку именно этот фактор во многом определил послевоенное будущее В.Е. Майера². Кроме того, для уточнения ряда сведений, отраженных в материалах личного происхождения, в частности, в письмах историка, а также при анализе его общественной деятельности, привлекались законодательные акты Советского Союза и РСФСР³.

¹ С точки зрения анализа происхождения В.Е. Майера интерес для исследователя представляет законодательные инициативы Екатерины II: ПСЗ. Собр. I. Т. 16. №. 11720 и ПСЗ. Собр. I. Т. 16. №. 11880.

² При оценке правового положения советских немцев в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы большое значение для нас имеет сборник документов: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. 448 с., где впервые был опубликован ряд постановлений, регулировавших этот аспект.

³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1936. 46 с.; Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми на I и II сессиях Верховного Совета РСФСР третьего созыва. М., 1952. 36 с.; Кодекс законов о труде РСФСР. 1922. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901857831> [Дата обращения: 12.01.2016]; Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР от 24 декабря 1958 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alppp.ru/law/obrazovanie-nauka-kultura/obrazovanie/42/zakon-sssr-ot-24-12-1958.pdf> [Дата обращения: 18.03.2016].

2. Делопроизводственная документация. Эти источники особо ценны при анализе деятельности В.Е. Майера в Удмуртском госуниверситете, в том числе как заведующего кафедрой всеобщей истории и проректора по науке, а также при оценке деятельности его коллег.

Анализ фонда Удмуртского государственного университета в ЦДНИ УР (ранее – партийный архив Удмуртского обкома КПСС) дает исследователю ценные сведения о состоянии преподавания дисциплин всеобщей истории и взаимоотношениях между сотрудниками исторического факультета. Обращение к таким материалам как протоколы заседаний партсобраний УГПИ позволяет составить представление о том, как складывалась судьба В.Е. Майера и его коллег в институте: жесткой критике, в частности, в разное время подвергался и сам Василий Евгеньевич¹, а также С.Н. Чеботарев², Е.А. Миллиор³, В.С. Маркин⁴, К.А. Каретников⁵. Помимо этого, документы данного фонда содержат сведения об отношении студентов к В.Е. Майеру, в том числе в период его «опалы» в 1953 г., просьбы вернуть его к преподавательской работе⁶.

Специфика материалов фонда определила то, что именно здесь отражены сведения о принятии В.Е. Майера в кандидаты в члены, а затем – в члены КПСС, что сам историк воспринимал как серьезное достижение, подтверждающее его права и статус⁷.

Еще более обширный массив делопроизводственной документации и сведений о деятельности В.Е. Майера и его коллег в УГПИ–УдГУ содержится в фондах ЦГА УР⁸, а также, отчасти, в личном фонде В.Е. Майера в ЦДНИ УР⁹. Такие источники как протоколы заседаний кафедры истории (затем – всеобщей истории)¹⁰,

¹ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. Л. 89; ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 42. Л. 121.

² ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 7. ЛЛ. 15, 32, 35, 36, 67, 70, 89-92, 135 (об.)

³ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. Л. 76.

⁴ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 36, 146, 147, 154-156.

⁵ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 49, 49 (об.), 50, 58, 58 (об.), 74 (об.), 76 (об.); ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. ЛЛ. 3, 15.

⁶ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. Л. 157; ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 33. Л. 86.

⁷ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 48. Л. 15, 15 (об.)

⁸ ЦГА УР. Фонд р-1282. Удмуртский государственный педагогический институт; ЦГА УР. Фонд р-1550. Удмуртский государственный университет.

⁹ ЦДНИ УР. Ф. 5014.

¹⁰ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. ДД. 8, 17, 66 и др.

протоколы заседаний Совета исторического факультета¹, протоколы заседаний Совета УГПИ–УдГУ², планы работы кафедры всеобщей истории³, годовые⁴ и пятилетние отчеты о работе кафедры всеобщей истории⁵ дают исследователю не только важные сведения о кадровом обеспечении соответствующих дисциплин (данные о том, кто и в какой период читал те или иные курсы, обучался в аспирантуре, проходил повышения квалификации и т.п.), но и позволяют составить представление о том, как была организована работа кафедры всеобщей истории при В.Е. Майере и его предшественниках, оценить разницу в их подходах, выявить принципиально новые методы руководства, введенные Василием Евгеньевичем.

Кроме того, материалы этой группы, находящиеся в фондах ЦГА УР, отражают деятельность профессора В.Е. Майера как проректора по науке УдГУ. Годовые отчеты, с которыми историк выступал на заседаниях Ученого Совета⁶, его доклады о промежуточных итогах работы⁷ содержат важные сведения о том, какие задачи стояли перед новым проректором, каким образом осуществлялось их решение и, соответственно, позволяют оценить конкретный вклад В.Е. Майера в развитие вверенной ему сферы деятельности.

Особую значимость представляют материалы деятельности Удмуртского отделения общества «Знание», членом которого долгие годы был В.Е. Майер. В постановлениях Президиума⁸, протоколах заседания научно-методических советов⁹, тов⁹, разнородных докладах и отчетах членов Общества¹⁰ и других документах делопроизводственного характера отражена специфика деятельности и «Знания» в целом, и профессора В.Е. Майера в частности. Анализ названных материалов

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. ДД. 304, 1756 и др.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. ДД. 302, 303 и др.

³ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 35.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 31; ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 66.

⁵ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 115; ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. ДД. 251, 252.

⁶ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 302. ЛЛ. 1-18.

⁷ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 153. ЛЛ. 35-59; ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 302. ЛЛ. 151-159; ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 303. ЛЛ. 83-85 и др.

⁸ ЦГА УР. Ф. р. 1152. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 1-2, 15-16; ЦГА УР. Ф. р. 1152. Оп. 1. Д. 4. Л. 380 и др.

⁹ ЦГА УР. Ф. р. 1152. Оп. 1. Д. 223. ЛЛ. 1-3; ЦГА УР. Ф. р. 1152. Оп. 1. Д. 381. ЛЛ. 9-10, 17-21 и др.

¹⁰ ЦГА УР. Ф. р. 1152. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. 12-30; ЦГА УР. Ф. р. 1152. Оп. 1. Д. 26. ЛЛ. 296-300 и др.

дает сведения об административных обязанностях, выполняемых Василием Евгеньевичем, и позволяет более полно раскрыть его убеждения и принципы.

Уникальные материалы делопроизводственного характера были привлечены в ходе работы с фондами архивного отдела Администрации МО «Город Ижевск»¹. Ижевск»¹. Хранящиеся здесь документы о деятельности депутатов муниципального и районных Советов г. Ижевска (протоколы собраний, планы работы депутатских групп, указы избирателей и справки об их исполнении) предоставляют исследователю возможность проанализировать общественную работу В.Е. Майера как депутата: его обязанности, конкретные проводимые мероприятия, степень вовлеченности и ответственности.

3. Большую значимость имеют источники личного происхождения В.Е. Майера: дневники², автобиографии³, анкеты⁴, а также воспоминания о нем⁵. Именно эти документы позволяют выявить уникальные элементы биографии ученого, составить впечатление о нем как личности, оценить характер его взаимоотношений с близкими и внутрисемейных связях, дают представление об образе мыслей В.Е. Майера в тот или иной период времени, демонстрируют отношение к нему со стороны коллег и учеников.

Некоторые из источников этой группы к настоящему моменту опубликованы. В первую очередь, речь идет о воспоминаниях, впервые появившихся еще при жизни В.Е. Майера⁶. В дальнейшем большую роль в сборе и публикаций воспоминаний об ученом на страницах альманаха «Историк и его дело» сыграли его

¹ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1.

² Фрагменты дневниковых записей В.Е. Майера, относящихся к первым послевоенным годам, хранятся в Центре документации новейшей истории УР (ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7), а также в личном архиве автора.

³ Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 3677. В личном деле В.Е. Майера, находящемся в архиве ФГБОУ ВО «Удмуртский университет» содержатся несколько автобиографий ученого, относящихся, в основном, к 1950-1960-м гг. Также автобиография ученого содержится в личном фонде профессора Майера в ЦДНИ: ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 1.

⁴ Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 3677. Также значительный интерес для исследователя представляет анкета-ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ, опубликованная в 2009г., поскольку она дает ценнейшие и уникальные сведения о периоде учебы В.Е. Майера в МГУ, слабо нашедшем отражение в прочих источниках (Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». М., 2009. С. 190–194).

⁵ Сведения об опубликованных воспоминаниях о В.Е. Майере содержатся в сборнике «История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики». Ижевск, 2013. С. 271-282.

⁶ См., например: Шишкина Н. Человек большой души // Удмуртский университет. 1974. 4 июля; Владыкин В.Е. Самый большой титул // Удмуртский университет. 1978. 7 декабря; Тронин А.А. Майер не кабинетный ученый // Удмуртский университет. 1978. 7 декабря и др.

ученики, прежде всего Н.Г. Шишкина¹. В 2012 г. увидели свет воспоминания вдовы историка Б.П. Сысоевой², записанные автором еще в 2003 г. Содержащие ценную информацию и написанные прекрасным литературным языком, они стали важным источником настоящего исследования.

Внимание исследователей привлекали и дневники В.Е. Майера. А.Л. Туркевичем, на основании имеющихся в его распоряжении дневниковых записей 1946–1947 гг., была подготовлена статья, в которой анализируется этот вид источника, и содержащая, соответственно, выдержки из него³.

К этой группе относятся и эпистолярные источники. Личная переписка В.Е. Майера в настоящее время доступна для исследователя в виде отрывков некоторых писем, использовавшихся вдовой историка при написании воспоминаний⁴. Часть «рабочей» переписки Василия Евгеньевича с наставниками и коллегами опубликована. Под редакцией Б.П. Сысоевой была издана переписка между ижевским историком и его научным консультантом М.М. Смирным, охватившая более чем двадцатилетний период⁵. Кроме того, материалы писем В.Е. Майера были использованы Д.А. Черниенко при написании статьи, посвященной проблематике научной переписке ученого⁶. Частично эпистолярное наследие профессора Майера хранится в личном архиве автора и использовалась при написании настоящего исследования. Ценность «рабочей» переписки заключается в том, что она позволяет оценить уровень научных и профессиональных коммуникаций историка.

¹ Так, например, в девятом выпуске сборника «Историк и его дело», посвященном «увинскому» периоду жизни В. Е. Майера, были собраны воспоминания его учеников этого времени: Историк и его дело. Вып. 9. Ижевск, 2011. С. 104-107.

² Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 11-336.

³ Туркевич А.Л. «Вот правда, с которой я вступаю в новую жизнь»: историк в дневнике, дневник как история // Диалог со временем. № 43. М., 2013. С. 170-179.

⁴ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. 419 с.

⁵ Сысоева-Майер Б.П. Из переписки с учителем и другом // Историк и его дело. Вып. 6. Ижевск, 2007. С. 172-202; Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. Вып. 70 (1-2). М., 2009. С. 316-355.

⁶ Черниенко Д.А. Историк и его дело (из научной переписки профессора В.Е. Майера) // Диалог со временем. № 28. М., 2009. С. 166-175.

4. Научные работы В.Е. Майера. Это важнейшие источники при написании исследования проблемно-биографического плана¹. К этой группе относятся монографии, статьи, рецензии ижевского ученого, а также отзывы², заключения³ и рецензии⁴ на его работы. Обращение к этим материалам позволяет оценить, в первую очередь, особенности научной деятельности ученого: выбор тем исследования, методы работы с источниками, конкретно-исторические достижения, методологические установки и т.п.

Говоря о научных работах В.Е. Майера, мы можем условно разделить их на две неравные группы. Первая – это труды, посвященные германистике, т.е. в которых автор обращался к тем или иным сторонам истории средневековой Германии. Эта группа также неоднородна, поскольку в поле исследовательского интереса ижевского историка попадали проблемы аграрной истории, взаимоотношения города и деревни, революционной идеологии в годы Крестьянской войны 1524–1525 гг. Ко второй группе научных работ, более малочисленной, относятся труды В.Е. Майера в области удмуртоведения.

Отдельно отметим, что при оценке научной деятельности профессора Майера были привлечены не только опубликованные труды историка, но и также тексты кандидатской⁵ и докторской диссертации⁶, что позволило глубже оценить специфику его работы, поскольку все богатство выявленного им конкретно-исторического материала не смогло найти в полной мере отражения в опубликованных изданиях.

Особый интерес среди источников этой группы представляют вопросы, замечания и отзывы членов редколлегии научных журналов и коллективных трудов, в

¹ Список научных трудов В.Е. Майера опубликован в сборнике «История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики». Ижевск, 2013. С. 262–271.

² ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 164. ЛЛ. 3-5, 15-21.

³ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 164. ЛЛ. 1-2.

⁴ Барг М.А. [Рец. на книгу]: Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. 168 с. // Вопросы истории. 1981. № 5. С. 139–141; Володарский В.М. [Рец. на книгу]: Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. 168 с. // Средние века. М., 1981. Вып. 44. С. 294–297.

⁵ Майер В.Е. Уставы (“Weistümer”) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века: дис. ... канд. ист. наук. 1955. 385 с.

⁶ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. 853 с.

которых публиковались статьи В.Е. Майера. Критические замечания С.Д. Сказкина¹, А.Д. Люблинской², М.А. Барга³, А.Н. Чистозвонова⁴, Н.Ф. Колесниченко⁵, В.А. Сметанина⁶, А.В. Адо⁷, а также ответные справки самого Василия Евгеньевича⁸ дают ценнейшие сведения об авторской работе, творческом поиске, «внутренней кухне» исследователя.

5. Публицистические труды профессора В.Е. Майера. Они носят преимущественно просветительский характер⁹. Именно эти источники позволяют составить представление о взглядах историка, оценить его убеждения, понять какое значение им придавалось общественно-просветительской деятельности. Основными сюжетами его публицистических работ была историческая наука и ее роль в системе знаний, педагогическое и лекторское мастерство и овладение ими, а также религиозная и международная тематика.

6. В отдельную группу следует выделить книжное собрание В.Е. Майера. Изучение этого источника позволяет существенно расширить представление о научных, общекультурных, художественных интересах его владельца¹⁰. Личная библиотека профессора В.Е. Майера уже становилась объектом исследовательского интереса. Анализ дарственных надписей на книгах позволил нам составить представление о круге контактов историка, его отношениях с близкими и коллегами¹¹.

7. Визуальные источники. Фотографии как исторический источник позволяют не только визуализировать В.Е. Майера, членов его семьи и коллег в разные

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 165. ЛЛ. 8-9.

² ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 166. ЛЛ. 1, 1 (об.)

³ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.

⁴ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 167. ЛЛ. 11-13; ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 165. ЛЛ. 3-7.

⁵ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 169. ЛЛ. 3-7.

⁶ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 171. ЛЛ. 1-6.

⁷ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 173. ЛЛ. 1-3.

⁸ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 169. ЛЛ. 8-9.

⁹ См., например: Майер В.Е. Что такое христианство. Ижевск, 1960. 31 с.; Он же. Мировое коммунистическое движение – самая влиятельная политическая сила нашего времени. Ижевск, 1962. 27 с.; Он же. Славное столетие Парижской Коммуны // Блокнот агитатора. 1971. № 3. С. 17-24.

¹⁰ Шапран И.Г. К вопросу об источниковой базе для создания аналитической биографии В.Е. Майера // Историк и его дело. Вып. 9. 2011. С. 57.

¹¹ Туркевич А.Л. Автографы и дарственные надписи на книгах из библиотеки профессора В.Е. Майера (как дополнительный источник к биографии ученого) // История. Международные отношения. Вып. 5. Ижевск, 2012. С. 137-142.

жизненные периоды, но и отражают проявления его деятельности – научной и общественной. Некоторые из имеющихся в распоряжении автора фотографий размещены в приложении к настоящей работе. Часть фотографического наследия В.Е. Майера (30 единиц хранения) находится в фонде профессора в НМУР им. К. Герда.

8. В качестве вещественного источника, отражающего деятельность В.Е. Майера, может быть привлечена его пишущая (печатная) машинка «Erika» со встроенным латинским шрифтом¹, что имело немаловажное значение, поскольку научная работа Василия Евгеньевича подразумевала значительное использование немецких слов и понятий.

Значительный массив источникового материала, имеющего отношения к поднятой нами проблеме, находятся в фондах различных архивов и до настоящего момента не опубликован. В этой связи большое значение приобретают обзоры, подготовленные Т.И. Останиной² и О.М. Безносовой³, освещающих содержание фондов В.Е. Майера в БУК «Национальный Музей Удмуртской Республики им. К. Герда» и ГКУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики» соответственно, а также общий обзор А.Л. Туркевича о находящихся в архивах Удмуртии документах о деятельности профессора Майера⁴.

Большинство из использованных в работе источников в научный оборот вводятся впервые.

Методология и методы исследования. В отечественной историографии в последние два десятилетия наблюдается настоящий всплеск интереса к проблемам интеллектуальной истории. Возросший интерес к «человеческому измерению истории» стимулировал не только изучение коллективных ментальностей, но и приковал пристальное внимание к индивиду и, соответственно, к трансформации методологии объектно-ориентированной исторической биографии как истории

¹ НМУР. Ф. Профессор В.Е. Майер (б/н). 35212-УРМ.

² Останина Т.И. Материалы профессора В.Е. Майера в фондах Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда // Историк и его дело. Вып. 9. Ижевск, 2011. С. 67-74.

³ Безносова О.М. Фонд Василия Евгеньевича Майера в ГКУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики» // Историк и его дело. Вып. 9. Ижевск, 2011. С. 59-67.

⁴ Туркевич А.Л. Архивы Удмуртской Республики о профессоре В.Е. Майере: новые штрихи к портрету // Архивы сегодня: взгляд извне и изнутри. Ижевск, 2013. С. 99–102.

индивидуальной жизни в концептуально-обновленном предметном поле «персональной» или «новой биографической» истории¹.

Как отмечают Т.Н. Иванова и Г.П. Мягков, современное состояние жанра исторической биографии может быть охарактеризовано как «биографический бум», «ренессанс персональной истории», «новый биографизм», «биографический поворот»². В условиях отказа от позитивистского сциентизма произошла глубинная антропологизация самого объекта исследования; для историков стало возможным обращение к созданию научных работ в таком жанре как «интеллектуальная биография», которая подразумевает неразрывную связь между жизнью и творчеством личности³.

¹ Репина Л.П. Биографические исследования в современной российской историографии // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 229.

² Отметим, что речь идет не только о росте «популярности» исследований биографического плана (см. например, Агеева Н.Н. Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX-начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2015. 22 с.; Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011. 760 с.; Крайнева И.А. Научная биография академика А.П. Ершова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 39 с.; Кузнецов А.А. Новые факты биографии С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 267-282; Савицкая И.С. Д.Н. Блудов: формирование личности представителя «просвещенной бюрократии»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 26 с.; Солодовченко С.А. Общественно-просветительская деятельность Г.М. Веселовского в Воронежском крае во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. 24 с. и др.), но и о перманентных попытках методологического осмысления этого феномена, поисках новых смыслов и «краев» как со стороны историков, так и философов, культурологов, социологов: См., например: Александров Е.П. Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4. С. 223-227; Он же. Биография историка как предмет исследования: постановка проблемы // История и историки в контексте времени. 2009. № 6. С. 125-132. Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 37-54; Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне humanities (Методология анализа биографии в социогуманитарном знании). Одесса, 2008. 212 с.; Иконникова С.Н. Биографика как часть исторической культурологии // Вестник СПбГУКИ. № 2 (11) июнь. 2012. С. 6-10; Она же. Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). С. 1-6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/files/file/02_2012_13_50_01_1328608201.pdf [Дата обращения: 24.11.2016]; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Биографический жанр в современном историографическом нарративе // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 232-235; Кузнецов А.А. Отзывы Н.И. Кареева, Е.А. Косминского, В.Н. Бочкарева в 1929 г. о научных работах С.И. Архангельского // История и историки в пространстве национальной культуры XVIII – начала XXI веков. Челябинск, 2011. С. 245-253; Маловичко С.И., Румянцев М.Ф. Историографический источник как факт интеллектуальной биографии историка // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 238-241; Петрина А.Б. Научная биография в российской культурной и интеллектуальной традиции: поиск новой модели: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 182 с.; Попова Т. Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні: Зб. наук. пр. 2012. Вип. 22. С. 265-292; Репина Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 76-100. Она же. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 343-359; Она же. От исторической биографии к биографии истории // В тени великих: образы и судьбы. СПб, 2010. С. 5-18. Она же. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 287-324; Она же. Биографические исследования в современной российской историографии // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 229-232 и др.

³ Некрасова Н.В. Интеллектуальная биография тверского историка В.И. Колосова (1854 – 1919): возможности реконструкции по документам личных фондов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: tcdni.ru/files/ArchiviSTLibrary/archreading1.doc [Дата обращения: 14.03.2016].

Решение поставленных исследовательских задач в настоящей работе будет осуществляться на основе познавательных методов микроистории¹, опора на принципы которой позволяет историкам принципиально по-новому перерабатывать биографический метод и создавать исследования в русле «персональной» или «новой биографической» истории. «Персональная» история ставит во главу угла анализ деятельности индивида, индивидуального сознания и самосознания, личного интереса и целеполагания и отвечает на вопрос, каким образом и в какой степени, унаследованные культурные традиции и обычаи, определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах и, следовательно, – ход событий и их последствий².

Автор, разделяя классификацию научных биографий, предложенную Д. Леви, при написании настоящей работы опирался на выделенный тип «контекстуальной биографии», в котором ведущее значение имеет атмосфера и исторические события конкретной общественной эпохи, в которой реализует себя личность. Жизнь человека является своеобразной иллюстрацией культурно-исторических жизненных обстоятельств, а общественные условия предопределяют жизненный путь личности³.

Современная историческая наука исходит из представления о двух версиях (или платформах) персональной истории, базирующихся на принципиально разных исследовательских стратегиях. Первая из платформ, т.н. «социальная» платформа, рассматривает реконструкцию личной жизни исторических индивидов одновременно и как главную цель исследования, и как необходимую предпосылку познания включавшего их исторического социума (т.е. не только как личностная история, а шире – как история через личность). Вторая платформа персональной истории, подчеркивая «автономию и самоценность исторической личности», ста-

---

¹ О микроистории см.: Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сборник статей. М., 2004. С. 287-320; Медик Х. Микроистория // ТНЕСИС. Вып. 4. 1994. С. 193-202.

² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 290, 293.

³ Репина Л.П. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Выпуск 2. М., 1998. С. 78.

вит в центр внимания изучение ее психологических характеристик и сознательно ограничивается «несоциальными» видами биографизма¹.

Диссертационная работа основана на первой, «социальной» платформе персональной истории, поскольку автор убежден, что изучение личности может представлять собой действительно научное исследование только в случае «включения» персонажа в исторический контекст, анализа не только личности в истории, но и истории через личность.

Определение предмета и объекта настоящего исследования именно в том ключе, как это сделано нами, стало возможным благодаря выработке отечественными историками концепта «человек второго плана в истории»². Если в традиционном биографическом жанре в центре изучения находились исторические личности, оказавшее существенное влияние на политику, культуру, науку, то приращение проблемного поля в «новой биографической истории» стало возможным за счет фигур «второго плана»³.

Сама идея «человека второго плана в истории» прекрасно вписалась в проблематику «персональной истории», которая включает в свое предметное поле «позиционирующегося между “человеком массы” и “титанами и героями” промежуточный, пограничный тип личности, наименее, пожалуй, типологически исследованный – “человек второго плана”»⁴.

Новизна концепта обусловила тот факт, что единое и четкое определение понятия «человек второго плана в истории» до настоящего времени не выработано – почти каждый автор пытается определить сам суть феномена⁵. Наиболее взвешенную дефиницию этого термина предложил А.В. Корневский, понимающий под ним личность незаурядную, но не претендующую на движущую роль в исто-

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 297-298.

² Об истории и методологических особенностях этого проекта см.: Корзун В.П., Колеватов Д.М. На первый-второй рассчитайся: человек второго плана как исследовательский проект // Диалог со временем. Вып. 28. М., 2009. С. 342-357; Мининков Н.А., Корневский А.В., Иванеско А.Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы. СПб, 2010. С. 5-18.

³ Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Новые аспекты биографики в современных исторических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. М., 2012. С. 172.

⁴ Корзун В.П., Колеватов Д.М. На первый-второй рассчитайся: человек второго плана как исследовательский проект // Диалог со временем. Вып. 28. М., 2009. С. 344.

⁵ Там же. С. 345.

рии, не обгоняющую время, но, тем не менее, как никто другой отражающий в делах и мыслях коллизий своей эпохи¹. Таким образом, им подчеркивается мысль, которая и нам кажется основополагающей для исследователя, создающего произведение в рамках «персональной истории» и определившего своим героем «человека второго плана в истории»: через подобную биографию историк способен отразить эпоху в целом.

Опора на общенаучные принципы историзма и объективности позволила нам в настоящей диссертационной работе, с одной стороны, изучить предмет исследования в его генетических связях и внутренней эволюции, а с другой – представить выводы, основанные на анализе широкого круга разнородных источников, обеспечивающих максимально объективную оценку изучаемых явлений.

Основой диссертационной работы стал историко-биографический метод, главная характеристика которого – «раскрытие изучаемой личности во всей полноте ее жизненной истории». Также в ходе исследования были использованы такие общенаучные методы как: анализ, синтез, сравнение, дедукция и индукция. Автором использовались и специально-исторические методы, в частности, историко-генетический метод, поскольку он в большей степени позволяет реализовывать принцип историзма – изучении объекта как системы, развивающейся во времени², основополагающего принципа для исторических исследований.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые осуществлен целостный анализ личности В.Е. Майера как ученого, организатора науки, просветителя и общественного деятеля. Изучение проблемы было предпринято не только через оценку деятельности профессора В.Е. Майера в Удмуртской АССР в 1940–1980-е гг., но и через обращение к его детским и юношеским годам, оказавшим серьезное влияние на формирование личности.

Фактические впервые в историографии был предпринят анализ деятельности профессора В.Е. Майера в качестве проректора по науке Удмуртского государ-

---

¹ Корневский А.В. Неукротимый ересиарх (штрихи к портрету Н.С. Ильина) // Человек второго плана в истории. Вып. 1. Ростов н/Дону. 2004. С. 80.

² Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 477.

ственного университета в 1972–1976 гг. и депутата Индустриального райсовета г. Ижевска Удмуртской АССР в 1965–1973 гг.

Материалы диссертации вносят вклад в изучение персональной и социальной истории, результаты исследования позволяют осмыслить процессы становления высшего образования в региональном измерении. Кроме того, в рамках персональной истории была предложена модель изучения биографии ученого.

При разработке поднятой темы автором были выявлены и введены в научный оборот более 100 ранее неопубликованных и неиспользованных материалов пяти архивов и музеев (ГКУ ЦДНИ УР, ГКУ ЦГА УР, Архив МО «Город Ижевск», Фонды НМУР УР им. К. Герда, Архив УдГУ). Кроме того, для исследования привлечлись многочисленные источники личного происхождения, хранящиеся в личном архиве автора. Все это позволило создать максимально полное представление о личности ученого и характере его разнородной деятельности.

Научная и практическая значимость.

Исследование может быть использовано при подготовке лекционных курсов, практических и других учебных занятий по истории Отечества и Удмуртии, краеведению; при составлении учебных и методических пособий по соответствующей тематике. Материалы исследования могут быть использованы при создании комплексных исследований, посвященных определению роли и места ученого-гуманитария в «провинции», обобщающих трудов по истории исторической науки, биографических работ как в методологическом отношении – применении разработанной структуры диссертации, так и в конкретно-историческом смысле – обращение к конкретному фактическому материалу.

Проведенное исследование имеет социальную значимость: полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе в средней и высшей школе, а также в музейной практике при изучении истории образования.

Положения, выносимые на защиту.

1. Особенности происхождения и воспитания, а также детские и юношеские годы В.Е. Майера оказали серьезное влияние на его дальнейшую научную и общественную деятельность.

2. Годы учебы В.Е. Майера на историческом факультете Московского государственного университета решающим образом воздействовали на него с точки зрения понимания сферы будущей деятельности, роли и месте историка в общественной жизни. Пример исторического факультета МГУ в плане подхода к организации учебной и научной деятельности оказывал на В.Е. Майера влияние в годы работы в УГПИ–УдГУ.

3. Великая Отечественная война оказалась для В.Е. Майера фактором, который определил условия его деятельности более чем на сорокалетний период. Война стала для него «вторым университетом», который окончательно сформировал личность и позволил ему обрести семью. Однако вынужденное нахождение в Удмуртии ограничивало возможности для научной работы по проблемам германской истории.

4. Разработка В.Е. Майером проблем аграрной истории Германии позднего средневековья позволила ему первому из советских историков создать целостную картину социально-экономического развития немецкой деревни в XIV–XVI вв.

5. Эффективная деятельность В.Е. Майера на посту заведующего кафедрой всеобщей истории привела к увеличению профессорско-преподавательского состава, расширению проблемного поля научных интересов преподавателей и ее логичному разделению на три самостоятельных структурных подразделения.

6. Деятельность В.Е. Майера в качестве проректора по науке УдГУ как члена новой управленческой команды Университета способствовала гармоничной перестройке пединститута в классическое учебное заведение высшего образования.

7. Анализ общественно-просветительской сферы деятельности В.Е. Майера позволяет сформировать знания о нем как представителе советской интеллигенции, искренне вовлеченного в судьбу государства и не формально относящегося к выполнению возлагавшихся на него обязательств.

Достоверность и апробация исследования. Достоверность исследования и аргументированность выводов определяются широкой источниковой базой диссертационной работы. В процессе исследования было изучено 10 фондов пяти архивов и музеев, более 100 единиц хранения, которые содержат материалы, отно-

сящиеся к теме диссертации. Кроме того, был привлечен широкий массив опубликованных источников как нормативно-правового характера, так и личного происхождения. Исследование проведено с опорой на современные методы исторической науки.

Основные положения настоящей работы нашли отражение в 15 научных статьях, 3 из которых опубликованы в журналах, входящих в список рекомендованных ВАК. Промежуточные результаты исследовательской работы освещались на международных (г. Казань, 2012 г., 2013 г.), всероссийских (г. Екатеринбург, 2012 г., г. Москва, 2012 г., г. Ижевск, 2013 г., 2016 г.) и межвузовских конференциях (г. Ижевск, 2011 г., 2013 г., 2015 г.).

Разработанная программа исследования предопределила *структуру* работы, состоящей из «Введения», четырех глав, каждая из которых призвана решить поставленные задачи, «Заключения», а также библиографического списка и приложения.

ГЛАВА 1. В.Е. МАЙЕР В 1918–1955 ГОДЫ: СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

1.1. Семья, детские и юношеские годы В.Е. Майера

6 декабря 1918 г., в разгар Гражданской войны, в селе Высокополье Херсонской губернии (сейчас – поселок городского типа Высокополье Херсонской области Украины) в семье крестьянина-середняка Майера Евгения Вильгельмовича и его жены Матильды Федоровны (Фото 2) родился сын Вильгельм – будущий известный советский историк-медиевист, специалист по аграрной истории Германии позднего средневековья. Вилли был младшим ребенком в семье: старшей сестрой была Антонина (1905 г.р.), старшими братьями – Оскар (1907 г.р.) и Альберт (1914 г.р.).

«Важнейшими аспектами характеристики личности человека, – как справедливо отмечает Т.Н. Иванова, – является его происхождение, национальность, конфессиональная принадлежность, особенности детского периода, воспитания и обучения»¹. Исходя из этого, крайне важным представляется обращение к детским и юношеским годам будущего историка, позволяющее проследить процесс формирования личности В.Е. Майера, понять каким образом особенности воспитания детских лет и окружающая обстановка оказали влияние на его последующую деятельность как ученого, педагога, просветителя и общественного деятеля.

Василий Евгеньевич Майер родился в семье потомков немецких колонистов-меннонитов. Сам факт особенностей национального и конфессионального происхождения побуждает подробнее остановиться на этом аспекте его биографии.

Несмотря на то, что подданные иностранных государств, так или иначе, оказывались на территории России в связи с самого разного рода обстоятельствами, начиная уже с XII в., историю российских немцев принято начинать с правления Екатерины II². Связывается это, прежде всего, с двумя манифестами, вышедшими

---

¹ Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. С. 31.

² Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). М., 1998. С. 15.

в первые годы ее правления. Первый из них – «О позволении иностранцам, кроме Жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу»¹ от 4 декабря 1762 г. В этом документе Екатерина II приглашала всех иностранцев, за исключением евреев, селиться на территории России и обещала им оказывать «Нашу монаршую милость и благоволение». Уже в декабре того же года при тесном взаимодействии сената и коллегии иностранных дел текст манифеста был напечатан на русском, французском и других языках и разослан в европейские страны через дипломатических агентов².

Однако издание манифеста не принесло ожидаемого результата – сколь либо массового переселения иностранцев из стран Европы в Россию или возвращения бывших сограждан не наблюдалось, и, в определенной мере, эта неудача была прогнозируемой. С одной стороны, закон, кроме призыва к поселению, не содержал в себе никаких конкретных гарантий в пользу будущих подданных России в случае их переселения (расплывчатая формулировка «милость и благоволение» не могла ни в коей мере привлечь потенциальных компатриотов). С другой стороны, как отмечал А. Клаус, во второй половине XVIII в. «Европа смотрела на Россию, и в известном смысле, не без основания, почти теми же глазами как древние греки и римляне на Скифию»³.

Таким образом, Екатерине II, если она действительно была не намерена отступать от своих планов по привлечению иностранцев для заселения пустующих российских земель, необходимо было издать новый документ, который бы преодолел недостатки первого. В этой роли выступил манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах»⁴. В дополнение к манифесту от 22 июля 1763 г. был приложен реестр земель, которые колонистам

¹ ПСЗ. Собр. I. Т. 16. №. 11720.

² Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М., 1909. С. 49.

³ Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистке иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб, 1869. С. 7.

⁴ ПСЗ. Собр. I. Т. 16. №. 11880.

предлагалось заселить. В него вошли ряд территорий в Астраханской, Оренбургской и Воронежской губерний, а также некоторые сибирские земли.

Переселение колонистов в Россию, начавшееся с новой силой после издание Манифестов Екатерины II, привело к активному заселению ими, в первую очередь, районов Поволжья. Однако необходимость заселения и других территорий, в частности Новороссийских земель, требовала от руководства страны активных мероприятий по целенаправленному, точечному привлечению колонистов. В рамках этой деятельности, по распоряжению фаворита Екатерины II князя Г.А. Потемкина, во второй половине 1780-х гг. в Гданьск был направлен Георг Траппе, в задачу которого входил набор колонистов для Новороссийского края в землях, окружавших Гданьск, в том числе и в Пруссии. В качестве возможных колонистов Траппе определил меннонитов, компактно проживавших здесь с середины XVI века.

Религиозное течение меннонитов оформилось на территории современных Нидерландов в 1530-е гг. и получила свое название благодаря основателю движения, бывшему католическому священнику Менно Симонсу. Вступив в число анабаптистов (т.н. «перекрещенцев»), в скором времени он отошел от них, не приняв некоторые из особенностей их догматики. Развивая собственное учение, Менно Симонс постепенно сформировал свои догматы веры, сводящиеся к следующему.

1. Отрицание воинской службы, присяги и судебных тяжб;
2. Крещение (или перекрещение) только в зрелом возрасте;
3. Ожидаемое восстановление в мире царства Божия через основание и распространение на земле церкви чистой и святой;
4. Принятие авторитета Библии как главного источника вероучения.

Обращение Траппе к меннонитам как к возможным колонистам на территории России, было выгодно обеим сторонам. Российские власти были заинтересованы в том, чтобы пустующие земли Новороссии были заселены трудолюбивыми, строгими в быту колонистами, которыми, собственно, являлись последователи Менно Симонса. При этом само положение меннонитов в Гданьске и в Пруссии

перманентно ухудшалось в связи со скученным проживанием и накладыванием на них некоторых тяжелых обязанностей со стороны властей: выплат существенного денежного налога взамен рекрутской повинности, ограничений по приобретению земли и т.п.

С 1786 г. начался долгий этап переговоров между российскими властями, в лице Траппе и затем лично Г.А. Потемкина, с представителями меннонитов об условиях будущего переселения. Не вдаваясь в особенности этого запутанного процесса, тем более, что в соответствующих работах он рассмотрен более чем подробно¹, отметим следующий факт: весной 1789 г. в Новороссию прибыла первая партия меннонитских колонистов в составе 228 семей, которые образовали к 1790 г. 8 колоний, составивших так называемый Хортицкий меннонитский округ (по месту их компактного расселения в районе Хортицкого урочища)². Это событие получило название первого расселения (водворения) меннонитов в России.

С 1793 г. началась вторая волна расселения меннонитов (в период с 1793 по 1796 гг. на территорию Новороссии прибыло 118 колонистских семей, а в 1803 г. – еще 150). На этом этапе в Россию отправлялись уже более зажиточные колонисты, а территорий их расселения на новом месте жительства стал так называемый Молочанский округ, получивший свое название по р. Молочной (Молочные Воды), в районе которой поселились меннониты³.

В 1830–1850-е гг. в России появились еще три меннонитских округа, помимо оформившихся ранее: Мариупольский, Малышинский и Александртальский⁴. Однако, если говорить о предках В.Е. Майера, то, с большой долей вероятности, можно предполагать, что они были выходцами из второго, возникшего в России, меннонитского округа, т.е. Молочанского. Это предположение кажется нам наиболее обоснованным при учете того фактора, что именно выходцами из Молочан-

¹ См. изложение о процессе переговоров между меннонитами и российскими властями, условиях и его действующих лицах: Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М., 1909. С. 245–340.

² Клибанов А. Меннониты. М., 1931. С. 43–45.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же.

ского округа было образовано поселение Кронау (Kronau)¹, в 1915 г. переименованное в с. Высокополье, где через три года родился Вилли Майер.

Отсутствие аутентичных источников этого периода, в частности метрических книг (относительно Кронау они известны лишь с 1899 г.²), позволяет нам только предполагать, что именно среди переселенцев в Кронау были предки В.Е. Майера. Важно подчеркнуть следующее. Сама история происхождения родного села Василия Евгеньевича (образованного как немецкая колония), а также его национальный и конфессиональный состав (значительное число колонистов-меннонитов) способствовали тому, что он, помимо русского и украинского языков, овладел не только современным немецким языком, но и немецким средневековым, который сохранили в своем общении и религиозной литературе меннониты Высокополья. В дальнейшем это способствовало определению темы научных исследований В.Е. Майера, основанных на изучении средневековых источников на немецком языке.

К началу Первой Мировой войны Кронау представляло собой довольно развитое село. Здесь проживало 756 человек, функционировали две паровые мельницы, аптека, пивоваренный завод, винный погреб, разного рода лавки и склады (земледельческих орудий, лесоматериалов, винный и др.). Кроме того, в Кронау работала земская школа, а с 1912 г. – прогимназия³.

В первое десятилетие XX в. существенно усложнился национальный и конфессиональный состав Кронау: начавшееся строительство железной дороги Херсон–Апостолово привлекло из окрестных сел значительное число украинских крестьян, осевших затем в Кронау. Вследствие этого, в 1906 г. уже 61 % населения здесь составляли украинцы.

Существенное влияние на развитие села оказывало имущественное расслоение, наблюдавшееся среди его жителей, и имевшее, во многом, национальный от-

¹ Немцы Поволжья: историко-краеведческий и генеалогический форум // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wolgadeutschen.borda.ru/?1-14-40-00000007-000-0-0> [Дата обращения: 11.01.16].

² Державний архів Херсонської області. Анотований реєстр описів: Фонди до 1917 року / Автор-упорядник Ю. Кони́к; А. Карпова (керівник проекту). Херсон, 2006. С. 81.

³ Немцы России: населенные пункты и места поселений: энциклопедический словарь / сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2006. С. 229.

тенок. Немцы-колонисты традиционно были собственникам наиболее крупных участков земли, а также мельниц и других предприятий. Украинцам в Кронау принадлежало 203 десятины земли, при этом 26 наиболее бедных хозяйств имели земельные наделы размером менее десятины, в то время как 59 зажиточных семей колонистов имели по 60–80 и более десятин плодородных земель, а всего они владели 4348 десятинами¹.

Трансформация Кронау в Высокополье, произошедшая в 1915 г., была связана с событиями Первой Мировой войны, когда российское правительство на волне антигерманских настроений, поднявшихся в стране, прибегло к массовым переименованиям немецких названий городов и сел на русские.

Первая Мировая война и Октябрьская революция в России до предела накалили ситуацию в с. Высокополье. В январе 1918 г. здесь была установлена Советская власть. Однако уже весной того же года Высокополье заняли немецкие войска, и советские реформы были свернуты. С ноября 1918 г. вплоть до марта 1919 г. село подвергалось грабежу со стороны петлюровцев. Взятие Высокополья Красной Армией весной 1919 г. привело к перераспределению земли, хлеба, посевного материала и пр., реквизированного у «кулаков»². В конце июля 1919 г. село перешло в руки деникинцев, «советские» реформы вновь оказались свернуты. Лишь в январе 1920 г. войска Деникина были выбиты из Высокополья, и советская власть здесь установилась окончательно.

Трудно сказать, насколько это событие отвечало чаяниям немецких колонистов в целом и родителей В.Е. Майера в частности. С одной стороны, основная масса немцев-меннонитов представляла собой зажиточное население, а сам Василий Евгеньевич в автобиографии 1950 г. свою семью называл «середняцкой»³.

---

¹ История городов и сел Украинской ССР. Херсонская область. Высокополье // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mycity.kherson.ua/hersonskij-kraj/vysokop/vysokopole.html> [Дата обращения: 11.01.16].

² Там же.

³ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

С другой стороны, как отмечает А. Клаус и вслед за ним А.Н. Ипатов¹, отказ ортодоксальной части меннонитов России от пересмотра устоявшейся практики наследования земли приводил к тому, что положение безземельных колонистов было «действительно безотрадным и удручающим». И если все-таки предположить, что родители В.Е. Майера относились к числу безземельных (или малоземельных) крестьян, то в таком случае логичной выглядит его безоговорочная поддержка советской политики, взращенная в нем через родительское воспитание: вспоминая свою мать, В.Е. Майер писал, что в детские годы они вместе, с большим воодушевлением пели «Интернационал», и она, несмотря на усиливавшиеся тенденции среди немцев-меннонитов к переселению в США, категорически отвергала эту возможность, заявляя, что любит Украину и не хочет ее покидать². В 1929 г., как отмечает В.Е. Майер, его родители вступили в колхоз и, таким образом, были одними из первых «единоличников», пошедших по этому пути: к 1 ноября 1929 г. было коллективизировано лишь 19,7 % единоличных хозяйств³.

Для понимания личности важно составить максимально полное представление о родителях: их мировоззрении, принципах и идеалах, потому что, в конечном итоге, это оказывает огромное влияние на становление ребенка. Составить представление о родителях В.Е. Майера мы можем на основании его дневников, написанных в послевоенное время, в которых довольно много внимания уделено детским и юношеским годам, а также по воспоминаниям Б.П. Сысоевой.

В.Е. Майер в дневниковых записях 1946–1947 гг. ничего не пишет о своем отце, однако о матери вспоминает, часто — в контексте своих отношений с религией, как о человеке, оказавшем на него значительное влияние⁴. Он отмечал ее яркий антиклерикализм: «церковь, попов, богомольцев она всей душой ненавидела». В

¹ Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистке иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб, 1869. С. 181-184; Ипатов А.Н. Меннониты. (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М., 1978. С. 100-101.

² ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

³ История городов и сел Украинской ССР. Херсонская область. Высокополье // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mycity.kherson.ua/hersonskij-kraj/vysokop/vysokopole.html> [Дата обращения: 11.01.16].

⁴ Мы должны отметить следующий момент. Отношение В.Е. Майера к религии и церкви может не совпадать с мнением автора по этому вопросу и ни в коей мере не должно восприниматься как образцовое, единственно верное и т.п. Для нас важно создать комплексный портрет Человека, сына своей эпохи, с присущими ему достоинствами и недостатками. Мы не считаем возможным игнорировать те или иные эпизоды в биографии историка, его воззрения и убеждения.

церковь Матильда Федоровна перестала ходить еще до революции, но в Бога верила. Он у нее «был какой-то особенный, рассудительный, с ним она советовалась, его она ругала, но о нем она не любила рассуждать»¹.

Помимо матери, огромное влияние на юного Вилли Майера в вопросе антирелигиозного воспитания оказала советская школа. «В церковь я перестал ходить с первого дня посещения школы», – писал В.Е. Майер в своем дневнике в 1946 г.² Вспоминая о своих отношениях с религией и церковью в школьные годы, Василий Евгеньевич приводит следующий эпизод, который красноречиво описывает атмосферу, царившую в его родном селе, школе и семье.

«Когда я учился в 3-м классе [1928–1929 гг. – А.Т.], – писал В.Е. Майер, – мы с товарищем собрались в рождество [*написание религиозного праздника с прописной буквы – авторское, и в целом для него характерно написание слов, связанных с религией, в том числе Бог, с прописной буквы – А.Т.*] на антирелигиозный вечер. Я <...> одет был неважно. Меня очень хорошо приняла мать товарища, который сиял в новом костюмчике. Потом она нас позвала, и мы втроем отправились. Я был уверен, что мы идем в клуб, но мать Гарри шла в направлении церкви. Мне стало неудобно. <...> стало вдруг так жутко: дома я сказал, что пойду в клуб, в школе я был примерным пионером и вдруг на – когда повсюду говорят о том, что религия – это дурман, я пойду в нее. У самого входа в церковь я вдруг увильнул в сторону и побежал в клуб.

После рождества учитель Отто Кюн, говоря нам о вредности религии, поставил перед классом вопрос: "Кто был в рождество в церкви?" Гарри молчал. Вспыхивая от волнения, я все рассказал. Дома мы с братом Альбертом выпустили стенгазету, где продернули и нашего Гарри. Стишки получились на славу. Долго висела эта газета в клубе, никто не знал, кто ее написал, да и никто не подозревал, что такие малыши способны на такие дела»³.

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

² Там же. Л. 4.

³ Там же.

Таким образом, майеровские воспоминания о конце 1920-х гг. рисуют довольно яркую картину. С одной стороны, их семья жила в селе, основателями которого были колонисты-меннониты – люди, разумеется, верующие. Многие из них и с установлением советской власти, политика которой в отношении церкви, была весьма враждебна, не отказывались от соблюдения религиозной обрядности. С другой стороны, семья В.Е. Майера, по крайней мере его мать, и школа, в которой он обучался, были настроены «критично», относительно церкви и религии. В этих условиях в юном Вилли со школьного возраста формируется устойчивое негативное отношение к церкви. При этом, сформированная убежденность Вилли Майера в том, что «религия – это дурман» была настолько сильна, что он, не испытывая, по-видимому, никаких угрызений совести, «сдал» учителю своего товарища. С позиции морали дня сегодняшнего этот поступок вряд ли можно назвать героическим, однако, и спустя почти двадцать лет, В.Е. Майер сохранял уверенность в том, что с его стороны действия были абсолютно верные: посещение церкви в Рождество, по его мысли, было настолько серьезным проступком, что о его совершении нельзя было умолчать перед учителем.

В 1931 г. Евгений Вильгельмович Майер был завербован на работу по строительству Днепрогэса в качестве столяра коммунального отдела Коксохимзавода¹. Тринадцатилетний Вилли Майер не переехал с отцом на Днепрострой, а стал жить вместе со своим старшим братом Оскаром, обособившимся от родителей в 1927 г. и проживавшем в с. Зеленое Поле, где работал школьным учителем². Сам В.Е. Майер называл Зеленое Поле – «отсталой менонитской деревней», и причиной для такого суждения служила религиозность жителей села, в том числе и среди детей.

«Я был единственным пионером [*в с. Зеленое Поле – А.Т.*], – писал В.Е. Майер. Раз мы отправились <...> к пруду купаться. По пути ребята демонстративно запели религиозные песни. Мне было стыдно, но я оставался среди них. В это

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² С. Зеленое Поле (сейчас – в Криворожском районе Днепропетровской области Украины), как и с. Высокополье, – бывшая немецкая колония. Было основано в 1873 г. немецкими колонистами и до I мировой войны носило название Грюнфельд,

время я особенно интересовался вопросами материализма и дарвинизма. Дарвинизм имел большой успех среди менно<нитов>, исключительно расчетливых, настойчивых в своих исканиях истины. На этой почве у нас разгорелись споры. В 1934 г. они сами решили закрыть церковь. В 1935 г. уже была у них большая комсомольская организация»¹.

Отсталость и развитость села, таким образом, у В.Е. Майера напрямую соотносилась с религиозностью или антирелигиозностью его жителей. При этом уже в школьные годы он стал проявлять себя не только как атеист, но и как пропагандист: искренняя убежденность во вредности «религиозных заблуждений» побуждала В.Е. Майера к воздействию на своих сверстников с тем, чтобы переубедить их, отвлечь от церкви в пользу пионерской и комсомольской организации.

Несмотря на недостаточность материалов, отражающих детские и юношеские годы жизни В.Е. Майера, мы можем составить представление о том, каким образом проходило его религиозное воспитание. Применительно уже к середине 1930-х гг. В.Е. Майера можно назвать убежденным атеистом, и эта убежденность оказалась настолько сильной, что в дальнейшем он не менял позиции по этому вопросу. «Мне кажется, – писал В.Е. Майер в 1946 г., – что <...> я с самого детства ее [церковь – А.Т.] возненавидел <...> В это время [конец 1920-х гг. – А.Т.] я дал себе слово, где бы я ни был, а в бога верить не буду. Для меня это было ясно. У меня тогда даже мелькнула мысль: "В бога не буду верить даже тогда, когда кому-нибудь вздумается принудить меня к этому"»², – красноречивое свидетельство майеровских убеждений. Эти качества, сформированные в детстве, оказывали в дальнейшем серьезное влияние на общественную деятельность В.Е. Майера: участвуя в работе Удмуртского отделения Общества «Знание», он продолжительное время, в 1960–1970-х гг., занимал пост председателя научно-методического совета по атеизму.

В 1934 г., после окончания восьми классов Зеленопольской средней школы, В.Е. Майер устроился на работу счетоводом на заготовительном пункте «Загот-

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

² Там же. ЛЛ. 3-5.

зерно» на ст. Пичугино Сталинской железной дороги¹ (сейчас – грузопассажирская железнодорожная станция на Приднепровской железной дороге), а в январе 1935 г. – счетоводом сельсовета с. Зеленое Поле. Здесь он проработал чуть более полугода. Однако в 1936 г. В.Е. Майер переехал в Запорожье, к родителям. Причины этого шага нам установить не удалось, но можно предположить, что молодому Вилли оказалось непросто одному, в восемнадцатилетнем возрасте самостоятельно устраивать свою жизнь. В Запорожье В.Е. Майер продолжил обучение и в 1937 г. закончил среднюю школу № 11 (Фото 3), преподавание в которой велось на немецком языке.

В 1937 г. для Вилли Майера начался новый период жизни. Первый опыт трудовой деятельности оставил в нем чувство неудовлетворенности, однако в нем отчетливо отмечалось желание продолжать учиться. После окончания школы он поступил на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Безусловно, это был рискованный и, в некотором роде, авантюрный шаг: в Москве у Майеров не было ни друзей, ни родственников, которые каким-либо образом могли оказать Вилли помощь и поддержку; рассчитывать приходилось только на себя. Ситуация с поступлением в МГУ обстояла настолько непросто, что после сдачи вступительных испытаний, дожидаясь результатов зачисления, В.Е. Майеру приходилось некоторое время жить в учебной аудитории².

Говоря об объективных сложностях, сопутствующих поступлению в МГУ В.Е. Майера, мы не должны упускать из виду обстоятельства позитивного характера. С одной стороны, несмотря на крестьянское происхождение, Майеры стремились к образованности. Оба старших брата работали учителями в сельских школах Украины (Оскар – в с. Зеленое Поле, Альберт – в с. Сергеевка, Емильчинского района Житомирской области)³. Очевидно, что это позитивное влияние не могло обойти стороной младшего брата. С другой стороны, высокий уровень зна-

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 2,6.

² Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». М., 2009. С. 192.

³ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 4-5.

ния давала запорожская немецкая школа, в которой В.Е. Майер обучался в 1936–1937 гг. В частности, В.П. Классен, классный руководитель, вспоминал, что «большая группа Вашего [*т.е. В.Е. Майера – А.Т.*] выпуска поступила в Саратовский мединститут [*сейчас – Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского – А.Т.*]»¹. Таким образом, «в пользу» В.Е. Майера при поступлении в МГУ играли не только очевидные природные интеллектуальные способности вкупе со знанием немецкого языка, но и позитивный опыт старших братьев, освоивших педагогические профессии, а также качество школьного образования, по крайней мере, в старших классах.

Отвечая на вопрос, почему Вилли Майер решил поступать именно на исторический факультет Московского государственного университета, отметим следующее. Воспоминания историка дают наглядное представление о том, что в детстве его всерьез интересовали вопросы материализма, эволюционизма и атеизма. Поэтому вполне логичным выглядит выбор именно исторического факультета, обучение на котором дало бы В.Е. Майеру возможность реализации своих интересов.

Источниковая база периода обучения В.Е. Майера в МГУ не богата. Сведения об учебе прослеживаются только по содержанию диплома². Ценным материалом для нас является анкета, заполненная В.Е. Майером в 1975 г. по просьбе Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ³. Благодаря этому документу, мы можем составить представление об окружении, в котором он оказался в университете, о влиянии, которое на него оказывали его друзья и однокурсники, эволюции его взглядов и убеждений, сформировавшихся в детские годы.

Говоря об университетских друзьях В.Е. Майера, мы должны, в первую очередь, обратить внимание на те черты характера, которые он в них выделял. Это отражает и те качества, которые он ценил в людях, и стремился развить в себе.

¹ Цит. по: Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 284.

² Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 149.

³ Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». М., 2009. С. 190-194.

1. Трудолюбие и упорство. Это важнейшие качества, которые отмечал В.Е. Майер. Работа в читальных залах до 22-23 часов, постоянное самосовершенствование, регулярное ведение дневника – вот чем восхищался будущий историк.

2. Политическая активность. Говоря о своих университетских друзьях, В.Е. Майер постоянно подчеркивал их вовлеченность в политическую жизнь: работа агитатором, споры о современной политической ситуации, рассуждения о судьбе партии, ее лидерах и т.п. Уже в те годы, не без влияния однокашников, у него окончательно сформировались твердая убежденность в верность коммунистических идеалов и искреннее стремление вступить в партию. Вспоминая одного из своих близких друзей Михаила Митькова, он писал, что в его памяти Михаил навсегда остался «человеком, готовым рекомендовать меня в партию»¹.

В университетский период отмечается развитие убеждений В.Е. Майера, сформировавшихся в школьные годы, в частности, – отношения к религии. Вспоминая, он писал о своем однокурснике Анатолии Мамонтове: «Одно время у него появилась примета – в день экзамена не заправлять койку. Когда я ему на это намекнул, он тут же сознался, и больше так не поступал»². Логика В.Е. Майера здесь очевидна. Он не столько упрекал своего товарища в небрежности и неаккуратности, сколько говорил следующее: примета, появившаяся у Анатолия, – это суеверие, а суеверие есть проявление религиозности – явление недопустимое для комсомольца, коммуниста, агитатора.

Университетские друзья оказали на будущего историка значительное влияние, благодаря которому В.Е. Майер формировался не только как ученый или педагог, но и как гражданин. Оценить степень этой привязанности можно хотя бы по тому факту, что своего второго сына от второго брака Василий Евгеньевич назвал Анатолием в память о своем однокурснике – Анатолии Мамонтове, погибшем в годы Великой Отечественной войны³.

¹ Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». М., 2009. С. 193.

² Там же.

³ Там же.

Непростое материальное положение, в котором В.Е. Майер оказался в Москве, вынудило его пойти на совмещение учебы с работой. В 1940 г. он в течение нескольких месяцев работал секретарем деканата исторического факультета МГУ, а затем – в отделе редкой книги Государственной публичной исторической библиотекой РСФСР [*сейчас – Государственная публичная историческая библиотека – А.Т.*]¹. Сам историк в дальнейшем, по-видимому, не придавал этому краткому трудовому опыту большого значения, поскольку не включал его ни в один из известных нам «листочков» по учету кадров, составленных в период работы в УГПИ–УдГУ².

В 1941 г. трудовая карьера В.Е. Майера получила новый оборот. В марте этого года Вилли Майер был привлечен к работе над рукописями Карла Маркса в Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б). Важнейшей задачей Института в то время была обработка и подготовка к печати произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, что требовало от его сотрудников уверенного знания немецкого языка. Именно этот фактор сыграл в пользу В.Е. Майера при приглашении на работу. С 1 марта 1941 г. он был назначен на должность вспомогательного научного сотрудника в ИМЭЛ³.

Л.А. Пантюхин, вспоминая позднее свои беседы с В.Е. Майером, отмечал, что, по словам последнего, работа над рукописями К. Маркса была невероятно сложна. В свой первый рабочий день на новом месте Василию Евгеньевичу удалось перевести около десяти строк предложенного ему текста, однако для новичка это считалось великолепным результатом: обычно им удавалось перевести не более двух строк⁴. Помимо ответственности и престижности, эта работа обеспечивала В.Е. Майера неплохим доходом: за смену ему удавалось зарабатывать от 100 до 200 рублей, часть из которых он отправлял своим родным в Украину.

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

² Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 3677.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Пантюхин Л.А. Воспоминания о В.Е. Майере // Российские немцы: история и современность. Историк и его дело. Вып. 5. Ижевск, 2006. С. 149.

К лету 1941 г., когда для успешного окончания исторического факультета В.Е. Майеру необходимо было сдать государственные экзамены и защитить дипломную работу, он был на «хорошем счету» на факультете, со вполне определенными перспективами продолжить научную работу в МГУ. Несмотря на трудности: отсутствие какой-либо помощи и поддержки в Москве, самостоятельное устройство быта и необходимость зарабатывать себе на жизнь уже в студенческие годы; кроме того, в декабре 1937 г. был репрессирован Оскар, старший брат В.Е. Майера, по словам В.Е. Владыкина, по совершенно нелепому обвинению в получении из Германии учебника по химии¹, и последствия этого события для студента МГУ могли быть совершенно непредсказуемые, Василию Евгеньевичу удавалось успешно учиться и заниматься научной деятельностью, используя свои сильные стороны: знание немецкого языка, трудолюбие, настойчивость.

Годы учебы на историческом факультете Московского государственного университета оказали на В.Е. Майера огромное влияние. Его становление как ученого и как педагога было подготовлено именно на почве МГУ. Здесь, на историческом факультете, Василий Евгеньевич понял и осознал, что хотел бы дальнейшую жизнь посвятить служению истории, причем в сразу двух ипостасях: как исследователь и как педагог.

МГУ для него всегда был и оставался «носителем высокой культуры». «<Когда> восемнадцатилетним юношей я стал студентом истфака МГУ, – вспоминал В.Е. Майер, – на меня, приехавшего из далекой провинции, университет произвел ошеломляющее впечатление. Прежде всего, поразили неподражаемый гуманизм тогда еще молодых, ныне всемирно известных профессоров <...>, которые трудились на истфаке. С первой встречи с этими учеными сложилось впечатление, что они ни на минуту не сомневались в том, что ты способен освоить вершины науки, сдать достойно все зачеты и экзамены, выйти из стен университета ученым, а главное, они первыми вселили уверенность, что все получится, что все твои мечты сбудутся, ты сможешь и должен преодолеть все преграды, которые в изобилии

---

¹ Владыкин В.Е. В Ижевск, к Майеру // Историк и его дело. Вып. 1. Ижевск, 2002. С. 6.

встанут перед тобой. Они служили и служат нам примером лекторского мастерства, глубокой научности своих выводов, исключительного трудолюбия, высокой ответственности перед советским народом, социалистической отчизной»¹.

На протяжении всей жизни, В.Е. Майер был нацелен на то, чтобы в научной и педагогической деятельности соответствовать тем идеалам, которые были заложены в нем историческим факультетом МГУ. Как преподаватель, он стремился к тому, чтобы уровень знаний студентов, уровень их гражданской и политической активности был приближен к «эталонным» уровням студентов Московского университета. «Какая разница между ними [*студентами УГПИ – А.Т.*] и столичными студентами. <Но> они должны все знать и они будут знать. <...> Постараемся», – писал В.Е. Майер в первые годы своей работы на историческом факультете УГПИ². Студенчество МГУ поражало Майера своей нацеленностью на учебную деятельность (самостоятельность в изучении тем, монографий и журналов, негласной соревновательностью в получении нового знания и т.п.) и политической активностью.

Именно в МГУ В.Е. Майер для себя твердо усвоил, что историк не может стоять в стороне от современных ему событий, а должен быть, в том числе, пропагандистом и агитатором. «Рассказать своевременно, именно тогда, когда в этом больше всего нуждается народ, о политике партии, разоблачить очередную побасенку буржуазной пропаганды или мещанской выдумки, мобилизовать массы на выполнение новых задач строительства коммунизма – вот задачи, которые историки призваны выполнять в своей повседневной деятельности», – сформулировал В.Е. Майер задачи историка-пропагандиста³. Уже будучи заведующим кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ (1964–1985 гг.), проректором по науке УдГУ (1972–1976 гг.), он в своей работе опирался на опыт исторического факультета МГУ и стремился организовывать свою деятельность и деятельность подвластных ему структурных подразделений по самым высоким московским стандартам.

¹ Майер В.Е. Носитель высокой культуры // Удмуртский университет. 21 октября 1982.

² ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7. ЛЛ. 7-8.

³ Майер В.Е. В исторической науке нуждаются все // Удмуртский университет. 24 апреля 1975.

1.2. В.Е. Майер в военные и первые послевоенные годы

22 июня 1941 г., после нападения фашистской Германии, Советский Союз вступил во II Мировую войну. Это событие повлекло за собой необратимые последствия для всех жителей СССР; никто в условиях войны не мог остаться в стороне, ничья жизнь в дальнейшем не была независимой от ее итогов. Говоря о В.Е. Майере, мы с полным правом можем утверждать, что во многом именно Великая Отечественная война стала тем событием, которое предопределило его судьбу, а период 1941–1945 гг. определил, если не сущность и характер, но, однозначно, форму и рамки его будущей деятельности¹. Студент, формирующийся молодой ученый, рассчитывавший на продолжение карьеры в столичном вузе, после войны оказался в глубокой провинции, выбраться из которой, ему было не суждено. То огромное значение, которое война оказала на судьбу В.Е. Майера, не позволяет нам игнорировать это событие, а, напротив, побуждает подробно остановиться на «военном» период его жизни, соединить разрозненные факты в истории страны и истории историка в одну цепочку, оценить эволюцию гражданских и политических убеждений Василия Евгеньевича, подготовив таким образом анализ влияния событий тех лет на его дальнейшую жизнь.

Попытка реконструкции хода событий в жизни В.Е. Майера во время Великой Отечественной войны была предпринята в рамках подготовки юбилейного сборника «Великая Отечественная война в нашей памяти», посвященного ветеранам фронта и тыла, преподавателям и студентам УГПИ–УдГУ². Однако, несмотря на привлечение ее авторами-составителями довольно широкого круга источников, некоторые из них оказались упущены, что снизило познавательную ценность обзора.

Оценка влияния Великой Отечественной войны на жизнь В.Е. Майера связана с определенными трудностями, в первую очередь, выявления источников. Сам

---

¹ Также см. об этом: Туркевич А.Л. Профессор В.Е. Майер в годы Великой Отечественной войны: начало «удмуртского этапа» в жизни ученого // Патриотизм – духовный потенциал Великой Победы. Ижевск, 2015. С. 119–124; Ворожцов С.С. Профессор В.Е. Майер и Удмуртия: нить, связавшая судьбу. Историк и его дело. Вып. 9. Ижевск, 2011. С. 27–33.

² Великая Отечественная война в нашей памяти: Сб. воспоминаний. Ижевск, 2010. С. 6–17.

историк о событиях войны не любил вспоминать ни в кругу семьи, ни с друзьями. С одной стороны, для него, как бывшего фронтовика, «ужасы войны» были еще свежи в памяти и лишний раз беречь эту рану не хотелось¹. С другой стороны, свою роль могло сыграть чувство обиды – стремление Майера защищать Родину обернулось для него обвинениями в возможном предательстве, в результате которых он был отозван с передовой. С учетом этого фактора, основными источниками по «военному» периоду для нас будут являться законодательные документы о правовом положении советских немцев в годы войны, а также данные автобиографий, воспоминания друзей, учеников и коллег.

После нападения Германии на Советский Союз, В.Е. Майер продолжал некоторое время работать в Институте Марксизма–Ленинизма, однако уже 7 июля 1941 г., в числе многих студентов исторического факультета МГУ, ушел добровольцем на фронт. По воспоминаниям А.И. Немировского, несмотря на то, что большинство истфаковцев были отправлены на сооружение противотанковых рвов в деревню Снопоть под Смоленском, В.Е. Майер оказался в Народном ополчении, где служил рядовым в 21-й дивизии².

21-я дивизия народного ополчения Киевского района Москвы была сформирована на базе школы № 59. В ее состав вошли рабочие некоторых московских фабрик и комбинатов (Хладокомбинат, Дорогомиловский химзавод и др.), а также служащие, представители научной и творческой интеллигенции, в том числе и студенты высших учебных заведений. Среди последних оказался В.Е. Майер. 7 июля он совершил в пешем строю 40-километровый марш в составе дивизии, которая встала на лесную стоянку западнее Москвы. Здесь же 24 июля было организовано вручение боевых знамен³. Однако уже 12 августа 1941 г. как студент V, последнего курса исторического факультета МГУ В.Е. Майер был отозван из со-

¹ Об этом же пишет, например, вспоминая историка-антиковеда В.Г. Боруховича, его ученик В.Н. Парфенов: Парфенов В.Н. Владимир Григорьевич Борухович в моей жизни // Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах. Саратов, 2009. С. 97. Однако в отличие от Боруховича, который спустя 20-25 лет «оттаял» относительно своего боевого прошлого и позволял себе о нем вспоминать, В.Е. Майер так к этому и не пришел.

² Немировский А.И. Воспоминания о В.Е. Майере // Проблемы германской истории (эпоха феодализма). Ижевск, 1989. С. 143.

³ Смоленщина 1941. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://smol1941.narod.ru/divnaropolh.htm> [Дата обращения: 11.01.16].

става народного ополчения и направлен на продолжение учебы. К этому времени университет оказался уже эвакуированным, и 17 августа по месту работы (т.е. институту Маркса–Энгельса–Ленина) В.Е. Майер был мобилизован Киевским РК ВКП(б) Москвы на строительство Малоярославского укрепрайона, западнее с. Ильинского¹. В стройбате он прослужил вплоть до 17 октября, когда в составе батальона он вернулся в Москву. По словам Л.А. Пантюхина, летом-осенью 1941 г., будучи на фронте, Василий Евгеньевич был не тяжело, но чувствительно ранен в пятку². Однако не представляется возможным определить в какой именно период (во время службы в 21-й дивизии Народного ополчения или в строительном батальоне под Малоярославцем) произошли эти события.

19 октября 1941 г. В.Е. Майер был мобилизован в ряды РККА Краснопресненским районным военкоматом Москвы, где некоторое время находился на воинском учете. Однако в соответствии с директивой народного комиссара обороны СССР № 35105 от 8 сентября 1941 г. на фронт он не был отправлен. Согласно директиве предписывалось «Изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной Армии, как на фронте, так и в тылу, всех военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа для направления в строительные батальоны»³.

Издание директивы шло в русле мероприятий, которые осуществляло советское правительство в отношении немецкого населения страны в первый год Великой Отечественной войны. Опасаясь возможных диверсий, предательств, саботажа, а если говорить о военнослужащих – случаев перехода лиц «немецкой национальности» на сторону врага, правительство предприняло ряд жестких мер в отношении советских немцев. Одной из первых реакций руководства СССР на нападение Германии стала их эвакуация из прифронтовых территорий, а также последующая их депортация из всех областей европейской части страны в Си-

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 2,3; Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». М., 2009. С. 190.

² Пантюхин Л.А. Воспоминания о В.Е. Майере // Российские немцы: история и современность. Историк и его дело. Вып. 5. С. 150.

³ RusDeutsch – информационный портал российских немцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=8&hmenu01=76&hmenu02=238> [Дата обращения: 11.01.16].

бирь, Казахстан и Среднюю Азию¹. Вслед за этим был последовательно издан еще ряд приказов, касавшихся советских немцев. Согласно им осуществлялось переселение немецкого населения СССР с территорий Крыма, Поволжья, Москвы, Украины, Тульской и Воронежской областей, ряда республик Северного Кавказа, ликвидировалась Республика немцев Поволжья². В рамках этой политики оказались переселены родители В.Е. Майера – 1 октября 1941 г., согласно решению Верховного Совета СССР, они были перевезены в Ордынский район Новосибирской области³.

Для В.Е. Майера издание директивы от 8 сентября 1941 г. обернулось тем, что поздней осенью 1941 г. он был направлен в составе взвода, составленного из лиц «немецкой национальности», из Москвы в Марийскую АССР. Несмотря на то, что на время перехода В.Е. Майер был назначен помощником командира взвода, это событие стало для него тяжелейшим испытанием: практически весь путь колонна прошла пешком, бойцов сняли с продовольственного снабжения по фронтовой норме, а одежда и обувь пришла за время перехода в полную негодность, осложнив и без того непростую задачу в условиях зимнего времени. В Йошкар-Оле Майер оказался в распоряжении 133-го запасного стрелкового полка, где с декабря 1941 г. по январь 1942 г. проходил обучение на сержантских курсах. 13 января 1942 г. на основании приказа ГКО от 5 декабря 1941 г.⁴ В.Е. Майер был демобилизован из рядов РККА и одновременно мобилизован на работу в трест «Ижлес». Таким образом, в его жизни начался новый этап: период работы в рамках так называемой «трудовой армии».

Как отмечают исследователи проблем функционирования «трудовых армий» в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны, ни в одном официальном документе, служебной переписке, отчетах государственных и хозяйственных

¹ Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941-1945). М., 1998. С. 28.

² Там же. С. 28-32.

³ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. В автобиографии, написанной в 1950 г., В.Е. Майер случайно или намеренно предписывает переселение своих родителей «воле» Верховного Совета СССР. Зачастую переселение немцев с территории Днепропетровской части Украины осуществлялось на основе распоряжений наркома внутренних дел.

⁴ Дата и номер приказа даются согласно сведениям самого В.Е. Майера (см.: Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». М., 2009. С. 190).

органов этот термин в военные годы не встречался вообще. Это название на себя распространили сами «трудармейцы», заимствовав его у реально существовавших в период гражданской войны «революционных армий труда» – военизированных формирований, создававшихся на базе управлений, частей обеспечения и запасных частей РККА, стремясь таким образом хоть каким-либо образом повысить свой социальный статус, фактически сведенный к статусу заключенного¹.

Фактически под «трудармией» следует понимать военизированные рабочие формирования, сочетавшие в себе элементы военной организации, производственной сферы ГУЛАГа НКВД, составленные из депортированных с европейской территории СССР в начале войны немцев². «Трудовые армии» в Советском Союзе возникли, в основном, на территории Урала и Сибири, в том числе и в Удмуртской АССР. Здесь их лагеря и поселения находились в Малой Пурге, Сарапуле, Камбарке, Ижевске, Воткинске, Игре, Глазове, Кезу, а также, особенно широко, на территории железной дороги Кияик–Ува–Кильмезь³.

При тресте «Ижлес» – в бухгалтерии ст. Угловой В.Е. Майер проработал не многим более одного месяца, после чего, по-видимому, по его просьбе («... счетная <...> работа не могла меня удовлетворить тем более, что я переписывался со старыми товарищами, сражавшимися на фронтах Великой Отечественной войны. Я стал просить республиканский военкомат УАССР, чтобы меня направили либо в армию, либо на какой-нибудь другой трудный участок», – вспоминал В.Е. Майер об этом периоде⁴) он был переведен 20 февраля 1942 г. в состав 133 рабочего батальона (строительной колонны). Здесь В.Е. Майеру была доверена роль штабного писаря штаба 133-й строительной колонны Увинского военкомата Удмурт-

¹ См., например: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941-1945). М., 1998. С. 6-7; Гончаров Г.А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. М., 2001. С. 154-155. Нельзя не отметить и противоположную точку зрения относительно возникновения термин «трудармеец» применительно к событиям Великой Отечественной войны, согласно которой это понятие начало встречаться в документах еще в 1942 г.: Дизендорф В.Ф. Чтобы помнили: трудармия, лесные лагеря, усольлаг // Немцы Поволжья: историко-краеведческий и генеалогический форум. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wolgadeutsche.ru/gedenkbuch/usollag_1.htm [Дата обращения: 11.01.16].

² Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941-1945). М., 1998. С. 6-7

³ Ренев Е. Немецкие армии Сталина // «МК в Ижевске». Ижевск, 2005. 13-20 апреля. С. 11.

⁴ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 26.

ской АССР, занимавшейся лесозаготовками, лесопилением и отправкой древесины для нужд фронта и предприятий обороны Ижевска¹.

20 апреля 1942 г. 133-я строительная колонна была расформирована, после чего, согласно Постановлениям Государственного Комитета Обороны №№ 1123сс и 1281сс от 10 января и 14 февраля соответственно², 26 апреля 1942 г. В.Е. Майер был направлен на работу на Увинский лесозавод, де-юре в качестве экспедитора. Однако де-факто его работа здесь включала в себя целый комплекс профессий, связанных, в том числе, и с тяжелым физическим трудом. Василий Евгеньевич «занимался здесь учетом, приемкой, отправкой леса, сваленного такими же мобилизованными по трудгужповинности из окрестных деревень женщинами, подростками, стариками»³.

Хронология этого периода не поддается детальному восстановлению, однако письма и воспоминания В.Е. Майера могут дать нам определенное представление о характере его деятельности. Об этих годах он писал своему сыну: «Это было время, когда я <...> работал такелажником, грузчиком, десятником, бригадиром, начальником цеха, экспедитором ... <Однажды> Мы доставали кирпич, <...> и мне пришлось самому грузить всю ночь вагон или полтора»⁴. Тяжелейшая работа в условиях войны, когда отношение к немцам среди населения Советского Союза в большинстве своем было негативным, оказала значительное влияние на В.Е. Майера.

На Увинском лесозаводе В.Е. Майер проработал до 13 января 1943 г., когда, по согласованию Наркомпроса Удмуртской АССР и треста «Ижлес», он был

¹ Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 3677. Л. 7; Пудов А.И. Народное образование Увинского района: история, известные педагоги, учительские династии. Ува-Ижевск-Сарапул, 2012. С. 165.

² Тексты Постановлений см.: История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). М., 1993. С. 168-170. Согласно этим документам предписывалось все трудоспособное немецкое население СССР в возрасте от 17 до 50 лет мобилизовывалось в рамках трудовых колонн на обязательные работы по лесозаготовкам и строительству железных дорог.

³ Пудов А.И. Народное образование Увинского района: история, известные педагоги, учительские династии. Ува-Ижевск-Сарапул, 2012. С. 165-166.

⁴ Сысоева-Майер Б.П. В.Е. Майер в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям) // Великая Отечественная война в нашей памяти: Сб. воспоминаний. Ижевск, 2010. С. 10-11.

направлен на учительскую работу в село Новый Мултан Увинского района¹. Приказом № 177 от 27 января 1943 г. по Увинскому РОНО он был назначен учителем истории и рисования в средней школе с. Новый Мултан (Фото 4); параллельно В.Е. Майер стал читать лекции в местном педучилище. Столь резкая смена деятельности для участника «трудовой армии», по мнению А.И. Пудова, может быть объяснена изменениями на фронтах войны, в частности благоприятно складывавшейся ситуаций в Сталинградской битве, когда грядущая победа становилась все более очевидной². Кроме того, следует учитывать тот факт, что педучилище в связи с войной лишилось учителя истории. По воспоминаниям Б.П. Сысоевой прежний преподаватель был призван в армию, однако необходимость продолжения учебного процесса вынудила Наркомпрос искать ему замену, в том числе и среди отправленных в тыл немцев³. Наиболее подходящей кандидатурой оказался В.Е. Майер, студент 5 курса исторического факультета МГУ.

Будучи преподавателем Новомултанского педучилища, В.Е. Майер привлекался НКВД для проведения политработы среди немецких военнопленных, которые содержались в лагере № 75 в пос. Рябово Увинского района УАССР. Летом 1943 г., после окончания учебного года, он был официально переведен в этот лагерь как политинструктор НКВД⁴. Помимо работы в качестве переводчика, в его задачи входило проведение политических и агитационных бесед с военнопленными, в ходе которых он разъяснил им особенности ленинского учения, преимущества советского строя и т.п. Эти беседы имели значение государственной важности: летом 1943 г. становилось все более очевидно, что Советский Союз одержит в войне победу, и тем более важной стала задача привить немецким пленным, которые, так или иначе, вернутся на родину, лояльность к СССР, социалистиче-

¹ Подробнее историю этого села, сыгравшего значительную роль в жизни В.Е. Майера, см.: Пудов А.И. История Увинских деревень. Ува, 2000. С. 131-140. Коровкина Г.С. Новый Мултан. История села: документы и воспоминания. Ува, 2011. 160 с.

² Пудов А.И. Народное образование Увинского района: история, известные педагоги, учительские династии. Ува-Ижевск-Сарапул, 2012. С. 166.

³ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 192.

⁴ Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 3677. Л. 4. Об условиях, в которых В.Е. Майеру приходилось работать в лагерях №№ 75 и 155, см.: Пантюхин Л.А. Воспоминания о В.Е. Майере // Российские немцы: история и современность. Историк и его дело. Вып. 5. С. 142-151; Кирпикова Н.Н. «Военнопленные питались лучше, чем охрана» // Неделя Удмуртии. № 51 (1216). 17.12.1993.

скому строю и т.д. Позднее, в 1943 г., после того, как на территории 17-го километра лесовозной железной дороги в Увинском районе был организован новый лагерь для военнопленных – № 155, В.Е. Майер, как наиболее квалифицированный переводчик и политинструктор, был переведен туда, где прослужил до февраля 1944 г. Как оперуполномоченный НКВД В.Е. Майер был представлен к званию младшего лейтенанта¹.

Работа политинструктором в годы войны не могла не влиять на В.Е. Майера. Подверглась серьезному испытанию его вера, если отбросить идеологическую составляющую, в непогрешимость политики партии. Немецкие военнопленные, особенно до августа 1943 г., безразлично реагировали на проводимую В.Е. Майером политработу, а сравнивая крестьян Германии с советскими колхозниками, они приходили к выводу о гораздо более худшем положении крестьянства СССР². Тем не менее, по словам В.Е. Майера, политическая и воспитательная политика партии в годы войны произвела на него колоссальное впечатление, лишь укрепив в нем, сформировавшуюся в студенческие годы убежденность в ее действенности и правильности, а также тесной связи профессии историка с агитацией и пропагандой³.

В феврале 1944 г. В.Е. Майер было уволен с должности оперуполномоченного на основании ст. 47, пункта «в» КЗОТ 1922 г.⁴. По его словам, причиной увольнения послужил факт того, что в личной анкете он не указал, что его брат, Оскар Майер был арестован в декабре 1937 г.⁵

С 20 февраля 1944 г. В.Е. Майер вновь стал работать в Новомултанском педучилище, которое к этому времени переехало в районный центр – п. Уву, где проработал в качестве преподавателя истории более года, до 20 июня 1945 г. И в

¹ Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». М., 2009. С. 191.

² Ренев Е. Немецкие армии Сталина // «МК в Ижевске». Ижевск, 2005. 13-20 апреля. С. 11.

³ Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». М., 2009. С. 191.

⁴ Кодекс законов о труде РСФСР. 1922. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901857831> [Дата обращения: 12.01.16]. Пункт «в» статьи 47 КЗОТ 1922 г., на который ссылается В.Е. Майер, предполагает расторжение трудового договора «в случае обнаружившейся непригодности нанявшегося к работе».

⁵ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 23.

Новом Мултане, и в Уве учащиеся педучилища к своему новому преподавателю истории, несмотря на его национальность, относились с уважением, симпатией и даже влюбленностью (большую часть из учащихся составляли, разумеется, девушки). Воспоминания учениц педучилища периода 1943–1945 гг. создают образ внимательного, интеллигентного преподавателя, великолепно знающего свой предмет и стремящегося донести его содержание до своих подопечных. Уважение к учащимся, сдержанная, но уверенная манера вести лекции, присущие В.Е. Майеру, – все это привело к тому, что история для них стала любимыми предметом, а огорчать своего преподавателя невыученными уроками стало считаться постыдным делом¹.

Для В.Е. Майера период работы в педучилищах Увинского района стал значительным шагом в его карьере. Здесь, в крайне сложных условиях, он получил свой первый педагогический опыт. При подготовке занятий опираться ему приходилось лишь на тот материал, который он сам усвоил за школьный и университетские курсы: монографий и конспектов в его распоряжении не было, приходилось вспоминать, импровизировать, использовать личный опыт.

Помимо педагогического опыта и практического осознания того, что есть профессия педагога, Увинский район подарил ему встречу со своей будущей женой, Б.П. Сысоевой – спутницей, помощницей и коллегой по педагогическому призванию. По словам В.Е. Владыкина, «на Уве» начался поворотный этап жизненного пути ученого, который привел его в творческое совершеннолетие, здесь В.Е. Майер впервые для себя открыл удмуртский народ, познакомился с его системой мироощущения и миропонимания². Впоследствии сам историк, несмотря на всю тяжесть «увинского» периода, вспоминал с любовью и теплотой этот район, его жителей и первых учеников.

Годы Великой Отечественной войны стали для В.Е. Майера, по его словам, вторым университетом. «Это было время, когда я впервые понял, – писал он сво-

---

¹ См.: Историк и его дело. Вып. 9. Ижевск, 2011. С. 104-107.

² Шишкина Н.Г., Владыкин В.Е. Научно-педагогическое наследие профессора В.Е. Майера // Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск. Всеобщая история: к 80-летию профессора В.Е. Майера. 1998. Ижевск. С. 12.

ему сыну, – почем фунт лиха и какие бывают замечательные люди в самых, казалось бы, неподходящих условиях для проявления человеческих качеств»¹. Для будущего историка это время стало серьезным испытанием: участие в боевых действиях, «несправедливый» отзыв с фронта, работа в составе «трудовой армии», первый опыт педагогической деятельности – и все это в условиях войны с Германией. В эти годы, когда речь шла фактически о выживании, произошло окончательное формирование личности В.Е. Майера. «До своего второго университета я был зол, вспыльчив, неосмотрителен, не умел различать людей, не задумывался над тем, какое же я занимаю место в обществе», – писал историк, спустя 23 года после окончания войны². Война отняла у В.Е. Майера многое, прежде всего, – возможность вернуться в столицу и, как следствие, возможность вести научную работу на совершенно ином уровне, чем это было возможно тогда в Удмуртии.

После окончания учебного года в Увинском педучилище, в сентябре 1945 г. В.Е. Майер успешно окончил исторический факультет МГУ. Как немцу, переселенному в годы войны, ему пришлось для этого просить специальный отпуск у наркома просвещения Удмуртской АССР Е.А. Никифоровой, к ведомству которой он продолжал относиться. После получения отпуска, руководство МГУ предложило ему, как и всем студентам, находившейся в схожей ситуации, восстановиться на заочное отделение исторического факультета, где он должен был написать дипломную работу и сдать государственные экзамены³. Выпускная работа, посвященная путчу Каппа–Лютвица, В.Е. Майером была защищена на «отлично». В отзыве на работу отмечалось, что она «в целом показывает умение автора изучать историческую литературу и источники, делать в результате этого изучения правильные выводы и оформлять эти выводы литературно. Тов. Майер показывает определенные способности к исследовательской работе, и было бы желательно принять его в аспирантуру, хотя бы заочную»⁴. В сентябре 1945 г., после получе-

¹ Великая Отечественная война в нашей памяти: Сб. воспоминаний. Ижевск, 2010. С. 10.

² Там же. С. 12.

³ Фанасова М.А. Воспоминания о В.Е. Майере // Российские немцы: история и современность. Историк и его дело. Вып. 5. С. 152.

⁴ Цит. по: Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 149.

ния диплома об окончании исторического факультета МГУ, В.Е. Майер, воспользовавшись выданной ему рекомендацией, подал заявление о приеме его в заочную аспирантуру. После этого он вернулся в Удмуртию, где согласно приказу по наркомпросу РСФСР КК/9/205/ 1323 от 20 сентября 1945 г. был назначен преподавателем кафедры всеобщей истории Удмуртского государственного педагогического института¹.

На первый взгляд, действия В.Е. Майера в конце сентября 1945 г. не выглядят логичными: хорошо зарекомендовавший себя студент исторического факультета МГУ, обладающий навыками и опытом исследовательской работы с источниками на немецком языке, вместо продолжения карьеры в Москве вернулся в Удмуртию, где перспективы научной деятельности, тем более связанной с вопросами германской истории, были туманы. Близких друзей, коллег и знакомых у В.Е. Майера в Ижевске не было. Казалось бы, для возвращения нет никаких оснований.

Б.П. Сысоева в своих воспоминаниях предлагает, на наш взгляд, несколько романтизированную версию возвращения В.Е. Майера в Удмуртию. По ее словам, причиной такого хода развития событий стало обещание, данное историком Е.А. Никифоровой, наркому просвещения УАССР, перед его отъездом в Москву для получения диплома. Е.А. Никифорова была заинтересована в том, чтобы квалифицированный специалист, историк-педагог с выучкой Московского университета остался в Удмуртии, учреждения образования которой остро нуждались в сильных кадрах².

Не ставя под сомнение свидетельства, приведенные Б.П. Сысоевой, мы, тем не менее, считаем, что причина, указанная ею, не единственная, повлиявшая на решение В.Е. Майера. В частности, нельзя игнорировать особенности правового статуса немцев Советского Союза, переселенных в годы войны, к числу которых

¹ Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 3677. Л. 30. Обращает на себя внимание несоответствие формулировки приказа («кафедра всеобщей истории») с реальной ситуацией в УГПИ, где на тот момент существовала только общая кафедра истории. Подобная путаница была связана с затяжным процессом организационного разделения общей кафедры на два самостоятельных подразделения, окончательно оформившимся весной 1947 г.

² Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 148.

относился и Василий Евгеньевич. Ликвидации «трудовых армий» в 1945–1946 гг., фактически означала, что «все бывшие трудармейцы получали статус спецпоселенцев и, как крепостные, прикреплялись к своим предприятиям, строительствам, лагерям»¹.

Процесс правового оформления статуса спецпоселенцев начался в январе 1945 г. Согласно постановлению СНК № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» устанавливалось следующее:

1. Спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР за исключением ограничений, предусмотренных настоящим Постановлением.

2. Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом <...> За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами.

3. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой. Самовольная отлучка за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой, рассматривается как побег и влечёт за собой ответственность в уголовном порядке.

4. Спецпереселенцы – главы семей или лица, их заменяющие обязаны в 3-дневный срок сообщить в спецкомендатуру НКВД о всех изменениях, происходящих в составе семьи (рождение ребёнка, смерть члена семьи, побег и т. п.). ...².

Несмотря на то, что В.Е. Майер писал о постановке его на специальный учет как «поселенца-выселенца» лишь с 28 апреля 1948 г.³, можно предположить, что уже осенью 1945 г., находясь в ведении наркомпроса УАССР, он не мог свободно покинуть территорию Удмуртии: приказы и постановления советского правительства, изданные в годы войны, в том числе и об отзыве с территории боевых действий военнослужащих-немцев, согласно которому был отправлен на территорию Марийской и Удмуртской АССР В.Е. Майер, продолжали оставаться в силе.

¹ RusDeutsch – информационный портал российских немцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu01=80&hmenu0=8> [Дата обращения: 12.01.16].

² История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). М., 1993. С. 175.

³ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 27.

Постановление от 8 января 1945 г. чрезвычайно затруднило организацию необходимых В.Е. Майеру поездок для сдачи необходимых экзаменов и встреч с научным консультантом М.М. Смириним, вынуждая его каждый раз делать соответствующий запрос в спецкомендатуру НКВД по УАССР. Ситуация с передвижением по стране для него усложнилась в связи с выходом 26 ноября 1948 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в годы Отечественной войны»¹. Этот документ развивал и дополнял положения, установленные Постановлением от 8 января 1945 г. Согласно Указу, переселение немцев, в числе других народов, проведенное в годы Великой Отечественной войны, объявлялось бессрочным, «без права возврата их к прежним местам жительства». Существенным образом утяжелялись меры наказания за нарушения правила поселения: «За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ»².

Эти законы нанесли тяжелый удар по В.Е. Майеру. С одной стороны, они оказывали моральное давление на преподавателя УГПИ: ограниченность в правах делала его, как бы, неполноправным, неполноценным среди его коллег, в некотором роде ущемленным, и эти чувства он не переставал ощущать вплоть до отмены указанных законов.³ С другой стороны, принятые указы и постановления, серьезным образом ограничивали возможности передвижения В.Е. Майера по УАССР и стране в целом, что негативно сказывалось на эффективности работы над кандидатской диссертацией.

¹ Текст Указа см.: История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). М., 1993. С. 176.

² История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). М., 1993. С. 176.

³ Также существенным образом эти постановления влияли в целом на его положение в УГПИ: ущемленность в правах, хоть и не связанная напрямую с институтом, очень часто приводила к тому, что само его пребывание здесь в качестве преподавателя находилось под угрозой. Таким образом, например, ситуация развивалась осенью 1953 г., когда по сугубо формальным причинам – не полном указании данных о своих родственниках в автобиографии, с В.Е. Майера было снято прикомандирование к кафедре истории средних веков МГУ для написания кандидатской диссертации, а также произошло увольнение его с должности старшего преподавателя кафедры всеобщей истории УГПИ.

Только в 1955 г. ситуация для В.Е. Майера изменилась в лучшую сторону. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 г.¹ предусматривал снятие с учета спецпоселения и освобождение из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в годы Великой Отечественной войны. Однако этот же Указ устанавливал, что «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»². Несмотря на позитивный, в целом, подтекст закона, для В.Е. Майера фактически он означал, что Удмуртия, в которой он оказался в годы войны, поневоле становилась его постоянным местом проживания.

Унизительные для советских немцев положения законов 1945, 1948 и 1955 гг. были пересмотрены лишь в 1972 г. Соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» снимал ограничения в выборе места жительства, предусмотренного Указом от 13 декабря 1955 г. для немецкого населения Советского Союза и давал право выбора места жительства в соответствии с действующим законодательством³. Отметим, что к этому времени В.Е. Майер имел троих детей от второго брака, защитил докторскую диссертацию, возглавлял кафедру всеобщей истории в реорганизованном УдГУ и являлся проректором по научной работе университета. То есть, к моменту получения возможности поменять место жительства, уехать в Москву, где В.Е. Майер всегда хотел заниматься научной работой, он оказался столь плотно связанным с Удмуртией, что сделать это становилось практически невозможным и, в некотором роде, бессмысленным.

---

¹ История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). М., 1993. С. 177.

² Там же.

³ Там же. С. 179.

Говоря о положении В.Е. Майера в Удмуртии в первые послевоенные годы и отношении к нему местного населения, важно отметить не только влияние окончившейся войны и соответствующего отношению к немцам, но и учитывать еще один немаловажный фактор, а именно – развод Василия Евгеньевича с первой женой и вторичную женитьбу, события, которые произошли в 1946 г. Еще в 1935 г., работая счетоводом сельсовета с. Зеленое Поле, В.Е. Майер познакомился со своей будущей первой женой Екатериной. Как писал сам Василий Евгеньевич: «любовь наша была искренна и нежна <...> мы, несомненно, с первого дня думали о хорошем и светлом будущем»¹. Их отношения продолжались на протяжении трех лет с небольшим перерывом, когда В.Е. Майер из Зеленого Поля уезжал в Запорожье, к родителям. Зимой 1938 г., уже после поступления на исторический факультет МГУ, они официально оформили свои отношения, а 23 марта этого же года у них родился первый сын – Альберт. Жена и сын В.Е. Майера стали жить с его родителями в Запорожье, однако сам он не бросил учебы в МГУ и виделся с семьей только на каникулах. В апреле 1941 г. родился второй сын, Вилли, однако, В.Е. Майеру не довелось его увидеть вплоть до конца 1940-х гг.²

С началом Великой Отечественной войны В.Е. Майер на долгое время потерял связь с семьей. Родители и жена с сыновьями были перевезены в Новосибирскую область. С июня 1941 г. по январь 1943 г. он вообще не имел никаких сведений о своей семье. Но и в дальнейшем, даже после установления связи между ними посредством переписки, супруги продолжали жить порознь из-за ограничений, накладываемых на них законодательством. Таким образом, к апрелю 1946 г. «баланс» их семейной жизни сводился к тому, что вместе они прожили не более 6 месяцев. Именно это обстоятельство, по словам В.Е. Майера, послужило основной причиной, по которой их брак закончился разводом: искренняя любовь, существовавшая между ними в конце 1930 – начале 1940-х гг., не прошла испытания временем³.

---

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же.

Развод с первой женой и женитьба на Бориславой Петровной Сысоевой (Фото 5), произошедшие осенью 1946 г., могут считаться одними из наиболее драматичных событий в жизни В.Е. Майера. В эти годы он чувствовал острые внутренние противоречия: с одной стороны, чувства долга и совести не позволяли ему оставить первую жену с двумя детьми на попечение престарелых родителей, переселенных в Сибирь, с другой, понимая, что больше ее не любит, он страстно желал начать новую жизнь, на новом месте, отбросив в прошлое тяготы войны. Стоя на распутье, он принял решение, которое многими в его ижевском окружении было воспринято как аморальное: развод и вторая женитьба. В.Е. Майер чувствовал из-за этого невероятные угрызения совести. «Она [*первая жена – А.Т.*] находится в тяжелом материальном положении, – писал он вскоре после этих событий, – с двумя детьми, в буквальном смысле этого слова, пробивается в жизни. На ее плечах мои родители [*к этому времени родители В.Е. Майера были уже пенсионерами, а отец почти потерял зрение – А.Т.*]. Тем не менее, я ее бросил, оставил, покинул (как это ужасно звучит). Я нисколько не хочу оправдываться. Это было бы глупо. Но иначе я не могу. Жизнь наша никогда не была б счастлива»¹. Тем не менее, несмотря на то, что сам В.Е. Майер прекрасно понимал, в насколько невыгодном свете он себя покажет, разведясь с первой женой, на этот шаг он решился.

Говоря о моральной стороне этих событий, мы должны отметить, что В.Е. Майер не счел для себя возможным в этой ситуации проявить лицемерие: «<...> Катю я разлюбил и никогда полюбить не смогу. Без любви не может быть семейной жизни. Дети это прекрасно стали бы понимать. Стоит ли после этого ее мучить и себя. <...> Пусть моя мораль сейчас низка в глазах большинства людей, но быть в цепях еще хуже»². Официальный развод позволял его первой супруге претендовать на «часть его зарплаты», т.е. алименты, и В.Е. Майер считал, что это будет лучшее, чем он сможет помочь своим детям, которых продолжал любить. Впрочем, все эти обстоятельства не смягчали серьезности его поступка в глазах

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

² Там же. Л. 2-3.

общественности, что лишь еще сильнее усугубляло тяжесть переживаемой им внутренней драмы, и в конечном итоге негативно сказывалось на его репутации в Ижевске и Пединституте.

Таким образом, сложившаяся в годы Великой Отечественной войны и первые несколько лет после ее окончания правовая система в отношении российских немцев, серьезно повлияла на судьбу В.Е. Майера. Принятие упомянутых законов 1942, 1945 и 1948 гг. привело к тому, что в период до 1955 гг. важнейшие свободы человека, такие как определение места жительства и сферы деятельности находились в ведении государства.

Однако перед нами встает вопрос: правомерно ли считать, что события Великой Отечественной войны и законодательство в отношении советских немцев оказали решающее влияние в определении дальнейшей судьбы В.Е. Майера? Как нам представляется, нельзя отвечать на поставленный вопрос однозначно. Безусловно, меры советского правительства в годы войны привели к тому, что сначала историк оказался на территории Удмуртии, а затем – к тому, что его пребывание здесь оказалось практически бессрочным. Безусловно, эти события определили границы деятельности В.Е. Майера в УАССР, но отнюдь не ее содержание. Научные исследования по германской проблематике, активная педагогическая деятельность, участие в работе общественных организаций – эти виды деятельности, которыми В.Е. Майер занимался в Удмуртии, находились в сфере его интересов и отвечали убеждениям, сформированных еще в детские и юношеские годы. Мы не можем не отметить личные качества историка: во многом благодаря ответственности, трудолюбию, упорству, твердому осознанию поставленных перед ним целей и задач, пониманию того, за счет чего, оказавшись в неблагоприятных для него условиях, он сможет проложить себе путь «наверх», ему удалось достичь тех высот, с которыми мы привыкли его ассоциировать.

Детские и юношеские годы, а также период учебы в Московском государственном университете – это время, когда в В.Е. Майере проявились желание и способность учиться и учить. В нем отчетливо определился интерес к истории и,

во многом связанной с ней, общественной работе. Вероятно, в период учебы в МГУ Вилли Майер впервые задумался о возможности ведения научной работы по германской проблематике, что позволило бы ему использовать свои сильные стороны – уверенное знание немецкого языка. Мировоззрение, которое он пронес в дальнейшем через всю жизнь, также сформировались именно в эти годы. Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для Василия Евгеньевича. С одной стороны, она укрепила в нем его убеждения, желание заниматься преподавательской и научной работой. Но с другой стороны, Война «очертила границы», в рамках которых эту деятельность ему пришлось вести.

ГЛАВА 2. РОЛЬ В.Е. МАЙЕРА В ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УГПИ–УДГУ

2.1. Преподавание дисциплин всеобщей истории в Удмуртском государственном педагогическом институте в 1931–1946 гг.

Одной из поставленных перед нами исследовательских задач является анализ деятельности В.Е. Майера как заведующего кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ. Однако будет неверным при изучении этой проблемы обращаться к материалам и источникам, относящихся только к годам непосредственного «заведования», т.е. к 1964–1985 гг. Важно помнить, что В.Е. Майер, прежде чем возглавить кафедру всеобщей истории, почти 19 лет проработал на историческом факультете УГПИ. Очевидно, что за столь продолжительный срок он не мог не усвоить некоторые принципы работы его коллег и предшественников на этом посту и, как следствие, принять их опыт в своей практике или, напротив, по-новому организовать свою работу как заведующего. Таким образом, это определяет первую причину (т.е. оценка деятельности коллег В.Е. Майера в должности заведующего кафедрой, присущих им принципов и методов руководства и, соответственно, возможного влияния), которая побуждает нас к изучению работы кафедры всеобщей истории в «домайеровский» период.

Вторая причина, определяющая наш интерес к ранней истории кафедры всеобщей истории УГПИ, связана с комплексом факторов. Для нас важно понять, с одной стороны, политику и требования, предъявляемые руководством института и исторического факультета к своим сотрудникам, а с другой – атмосферу, царившую здесь в 1930–1950-е гг. И то, и другое, в конечном итоге, накладывали свой отпечаток на научную и общественную деятельность как рядовых преподавателей, так и руководящего состава факультета.

Необходимо выяснить, насколько была подготовлена почва, на которую «упали семена» деятельности В.Е. Майера, что представлял собой фундамент, заложенный его предшественниками по этой должности, оценить то позитивное и

негативное, с чем ему пришлось столкнуться, заняв новое кресло, и то, что ему пришлось изменить, перебороть или взять на вооружение.

Проблемы становления и развития кафедры всеобщей истории УГПИ–УдГУ, научного и жизненного пути ее членов уже поднимались в исторической литературе как в специальных статьях о кафедре¹, так и в общих изданиях, посвященных историческому факультету и университету в целом². Однако это не означает, что данные вопросы изучены досконально. Так, Н.Г. Шишкина в своей статье уделила внимание периоду с середины 1960-х гг., когда заведующим кафедрой стал В.Е. Майер, до начала XXI в. О более раннем этапе истории кафедры она сообщала, что о нем известно «особенно мало». При написании статьи Н.Г. Шишкина, в основном, руководствовалась личными наблюдениями и воспоминаниями. В изданиях, посвященных УГПИ–УдГУ и историческому факультету, авторы активно обращались к архивным материалам, но, не ставя перед собой задачу подробно осветить историю кафедры, они дали лишь фрагментарные сведения по интересующим нас вопросам.

Таким образом, в истории кафедры всеобщей истории период с начала 1930-х гг. (в те годы в УГПИ не было специализированной кафедры, но преподавание дисциплин всеобщей истории велось) до середины 1960-х гг. представляет собой очевидную лакуну, который призван заполнить настоящий раздел работы.

10 апреля 1931 г. состоялась торжественная церемония открытия Удмуртского государственного педагогического института, включавшего тогда четыре отделения: социально-экономическое, языка и литературы, физики и математики, естествознания³. Преподавание исторических дисциплин осуществлялось на со-

¹ Шишкина Н.Г. Кафедра истории древнего мира и средних веков: из века минувшего в век нынешний // Историк и его дело: Сб. науч. статей, посв. 85-летию со дня рождения профессора В.Е. Майера. Ижевск, 2003. С. 3-13; Туркевич А.Л. Кафедра всеобщей истории УГПИ–УдГУ: первые шаги, становление, развитие // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2013. Вып. 1. С. 134-139.

² Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931-2001. Ижевск, 2001. 272 с.; Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006; Историческая наука в УГПИ–УдГУ. Историографические очерки. Ижевск, 2007. 257 с.

³ Историческая наука в УГПИ–УдГУ. Историографические очерки. Ижевск, 2007. С. 3.

циально-экономическом отделении, преобразованном приказом по институту от 03.07.1933 г. в историческое¹.

Несложно представить с какими трудностями столкнулся молодой республиканский пединститут в первые годы своего существования². Крайне остро стоял кадровый вопрос: своих специалистов было недостаточно, поэтому широкое распространение получила практика приглашения преподавателей из других городов (Москва, Ленинград, Горький, Казань, Вятка), а также командировок в УГПИ профессоров по линии Наркомпроса РСФСР³. Но зачастую приглашенные и командированные специалисты долго не задерживались в Ижевске, предпочитая более престижные учебные заведения. Так, до 1934 г. в институте вообще не было преподавателя по древней истории, поэтому в последующие несколько лет изучение этого предмета осуществлялось на 1, 2 и 3 курсах. Впрочем, даже несмотря на указанные трудности, всеобщей истории в этом плане «повезло» больше остальных дисциплин: древнюю и среднюю историю в середине 30-х годов преподавал профессор Семен Николаевич Чеботарев, самый квалифицированный на тот момент историк УГПИ⁴, а 31 сентября 1933 г. была принята на работу Любовь Николаевна Заболотская, выпускница Вятского (Кировского) пединститута (по общественно-экономическому отделению, с присвоением квалификации «педагог по обществоведению»), возглавившая спустя 19 лет кафедру всеобщей истории.

Л.Н. Заболотская родилась 13 июня (30 мая – по старому стилю) 1906 г. в селе Нылга-Жикья Сарапульского уезда Вятской губернии (сейчас – с. Нылга, Увинского района Удмуртской Республики). Отметим, что данные, касающиеся места рождения Л.Н. Заболотской, основанные на материалах, имеющихся в нашем распоряжении источников, содержат противоречивую информацию. Один из документов – это свидетельство об окончании Л.Н. Заболотской Вятского пе-

¹ Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931-2001. Ижевск, 2001. С. 17.

² В нашу задачу не входит подробный анализ истории первых лет функционирования УГПИ, тем более что эта сфера достаточно полно освещена в соответствующих работах. См.: Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 85-132.

³ Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931-2001. Ижевск, 2001. С. 18-19.

⁴ Там же. С. 41.

педагогического института им. В.И. Ленина, выданное в 1930 г.¹ Здесь в качестве места ее рождения указано «с. Муки-Какси, Малмыжского уезда» (сейчас – в Сюмсинском районе Удмуртии). В прочих материалах – автобиографии, написанной в 1958 г., личном листке по учету кадров², учетной карточке члена КПСС³ – указывается «с. Нылга, Нылгинского р-на, Вятской губернии» или «с. Нылга-Жикья Малмыжского уезда Вятской губернии». Для разрешения очевидного противоречия нам пришлось обратиться к материалам, содержащимся в метрических книгах соответствующих сел⁴, на основании которых и было установлено действительное место рождения Л.Н. Заболотской – с. Нылга-Жикья.

Причиной подобных расхождений могла быть или невнимательность канцелярии Вятского пединститута при оформлении Свидетельства, или намеренное искажение сведений самой Л.Н. Заболотской при подаче документов в институт. Как представляется, оба предположения имеют свое право на существование. С одной стороны, учитывая поправки и исправления, имеющиеся в Свидетельстве, есть основания предполагать техническую ошибку канцелярии. С другой стороны, если допустить возможность второго варианта, то причиной подобного могло быть желание скрыть свое социальное происхождение в связи со сложившейся в 1920–1930-е гг. атмосферой всеобщей подозрительности и соглядатайства: ее отец был откупщиком⁵, а в автобиографии Л.Н. Заболотская указывала, что родилась в семье волостного писаря⁶.

Школьное образование Л.Н. Заболотская получила в г. Уржум (начальная школа и I ступень) и в г. Малмыж (II ступень). После окончания школы в 1924 г. она была направлена в д. Маркелово Сюмсинского района в качестве учительницы и заведующей начальной школой. 18-летней Л.Н. Заболотской, не имевшей

¹ Свидетельство об окончании Л.Н. Заболотской Вятского педагогического института им. В.И. Ленина // Личный архив автора.

² Архив УдГУ. Оп. 2в. Дело Л.Н. Заболотской (без номера). Л. 1.

³ Учетная карточка члена КПСС Л.Н. Заболотской // Личный архив автора.

⁴ ЦГА УР. Ф. 400. Оп. 1. Д. 24 – метрическая книга с. Муки-Какси, в которой нет сведений о рождении Л.Н. Заболотской; ЦГА УР. Ф. 363. Оп. 1. Д. 28. ЛЛ. 630 (об.)–631 – метрическая книга с. Нылга-Жикья, содержащая запись о рождении в крестьянской семье Николая Максимовича и Павлы Иосифовны Заболотских дочери Любви.

⁵ Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931–2001. Ижевск, 2001. С. 39.

⁶ Архив УдГУ. Оп. 2в. Дело Л.Н. Заболотской (без номера). Л. 3.

достаточного педагогического и жизненного опыта, пришлось «с нуля» осваивать мастерство учителя и организовывать школьное образование в деревне¹. Через два года она была командирована Малмыжским отделом народного образования в Вятский педагогический институт для поступления на общественно-экономическое отделение. После его окончания в 1930 г. Л.Н. Заболотская оказалась в Ижевске, куда она была направлена в качестве учителя по обществоведению в школу ФЗУ при Заводе №10 – Ижевском оружейном заводе. Здесь Л.Н. Заболотская проработала до 1933 г., когда после реорганизации ФЗУ, она была переведена в Удмуртский пединститут и назначена, согласно приказу №69 по УГПИ, на должность преподавателя истории нового времени².

Гонения и политические репрессии, характерные для второй половины 1930-х гг., коснулись и профессорско-преподавательского состава Пединститута, в том числе и Л.Н. Заболотской. Вступив в 1924 г. в комсомол, она, будучи студенткой Вятского пединститута, дважды оттуда исключалась. В 1929 г. – за «сокрытие социального происхождения» (однако в том же году ее восстановили в ВЛКСМ), а в 1930 г. – за «притупление классовой бдительности», т.е. за рекомендации при вступлении в партию бывшим белогвардейцам и т.п.³. После вторичного исключения ее членство в комсомоле так и не было восстановлено, и, после переезда в Ижевск, Л.Н. Заболотской пришлось это скрыть. Лишь в ноябре 1938 г. ей удалось стать членом партии, пережив за эти годы, вероятно, немало неприятных ситуаций, объясняя на партсобраниях причины ее исключения из комсомола, свое непролетарское происхождение и прочее⁴.

Однако если в дальнейшем судьба Л.Н. Заболотской сложилась благополучно: в партию ее приняли и она продолжила работу на кафедре, то с профессором

¹ О годах, проведенных Л.Н. Заболотской в д. Маркелово см.: Костицына Т.П. Путевка в жизнь // Костицына Т.П. Я твой, Революция. Ижевск, 1991. С. 111-114.

² Архив УдГУ. Оп. 2в. Дело Л.Н. Заболотской (без номера). Л. 4.

³ Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931-2001. Ижевск, 2001. С. 39.

⁴ Особо сложным в жизни Л.Н. Заболотской стал 1934 г., когда за нее взялись на одной из «чисток». Главными обвинениями в ее адрес были факты сокрытия исключения из комсомола при вступлении в кандидаты, а так же «непролетарское» происхождение – отец-торговец. В конечном итоге, как кандидат в члены партии она была восстановлена. См. подробнее об этом: Повесть о себе (из дневника и писем гражданина с непролетарским происхождением) / Автор-составитель В.Н. Лихачев. Ижевск, 2004. С. 20-21.

С.Н. Чеботаревым ситуация обстояла иначе. Семен Николаевич Чеботарев родился в 1891 г., в 1923 г. окончил Ленинградскую педагогическую академию, после чего несколько лет работал в вузах Москвы и Ленинграда¹. По словам Л.Н. Заболотской, он не смог надолго задержаться в столичных университетах: в Ленинграде С.Н. Чеботарев перестал преподавать из-за конфликта с наркомом просвещения А.В. Луначарским, которого он подверг критике и за что поплатился снятием с работы². В 1934 г. по линии Наркомпроса С.Н. Чеботарев был приглашен в Удмуртский пединститут.

24 февраля 1935 г. на общем закрытом партсобрании Удмуртского пединститута поручалось «... партчасти дирекции и парткому проверить преподавание истории партии и новой истории <...> Конкретно проверить работу <...> профессора Чеботарева»³. После проведения проверки в характеристике его работы за 1935–1936 учебный год отмечалось, что, несмотря на изобилие фактов, красивое изложение и культуру речи, курс древней и средней истории читается с существенными недостатками: факты приводятся без детального анализа, делаются совершенно недостаточные «социалистические обобщения», мало внимания уделяется высказываниям К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина по древнему Востоку и античности⁴. Впрочем, тогда это еще не выглядело критично: ошибки имеются, но их возможно исправить. В этом ему должны были помочь А.Н. Вахрушев и Л.Н. Заболотская, коллеги по кафедре истории.

Но уже через год критика в адрес преподавателя усилилась, в том числе и со стороны коллег. «Профессор Чеботарев ни взглядов Маркса, ни взглядов Ленина на античное общество не знает», «дает большой фактический материал, но при недостаточной марксистско-ленинской аргументации» говорилось в очередной характеристике. На основании этих замечаний делался вывод: «Профессор Чебота-

¹ Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931–2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 127.

² ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

³ Там же. Л. 17 (об).

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 8. Л. 19, 19 (об.). Отметим, что подобная «методологическая» критика во второй половине 1930-х гг. была характерна для вузов страны. См., например, схожую критику в адрес С.В. Фрязинова: Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк и педагог Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 6. Серия: История. Вып. 1. С. 74–75; Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном вузе // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 390.

рев, прикрываясь научной работой, просто набивает себе цену и старается поднять свой авторитет перед студентами. В общем, он <...> случайно получил права преподавания истории древнего мира, поэтому нужно основательно проверить подготовку профессора Чеботарева для ведения данного курса»¹.

Зимой 1937 г. обстановка вокруг С.Н. Чеботарева накалилась до предела. Ему уже отказывали в самой возможности исправиться, а директор института Г.П. Макаров отмечал, что «как личность Чеботарев типичный буржуа», который так и «не перешел на нашу сторону»². Профессор был признан коллективом факультета «последовательным механистом», «троцкистом», «случайным человеком на историческом фронте», поэтому не допускался более к чтению курса древней и средней истории, поскольку «вредит своими установками». В итоговом постановлении предписывалось: «раскритиковать перед студентами более обстоятельно извращения, допущенные профессором Чеботаревым» и «разоблачить профессора Чеботарева в местной и центральной печати»³. Попытки ученого себя отчасти оправдать тем, что от ошибок не застрахован никто, в том числе и И.В. Сталин («Сталин тоже ошибался, – заявлял С.Н. Чеботарев. <...> Статьи, помещенные в 8 издании уже не вошли в 9, 10 издание "Вопросов Ленинизма"»⁴), лишь сильнее раздражали его противников и давали им почву для критики.

Столь неприязненное отношение к фигуре профессора Чеботарева в среде коллектива Пединститута может быть отчасти объяснено его привилегированным положением: УГПИ остро нуждался в квалифицированных специалистах, и С.Н. Чеботарев был в числе немногих, согласившихся приехать в Ижевск. Среди предъявляемых им условий работы на 1936–1937 учебный год, на которые руководство УГПИ было вынуждено согласиться, была персональная ставка в 1300 рублей⁵, недостижимая для многих сотрудников Пединститута. Для них это выглядело как стремление «нажиться за счет трудового коллектива»⁶.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 8. Л. 52.

² ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 7. ЛЛ. 35, 70.

³ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 8. ЛЛ. 89-92.

⁴ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

⁵ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5. Л. 135 (об).

⁶ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 7. Л. 67

Впрочем, мы должны понимать, что представление всех пострадавших в ходе чисток и репрессий как невинных жертв не всегда может быть объективно. Так, говоря о С.Н. Чеботареве, мы не можем игнорировать его оскорбительные заявления об удмуртском народе: «удмурты не далеко ушли от обезьян», «я разучился говорить среди вас»¹, которые настраивали против него коллег по Пединституту.

Стоит отметить, что печальная ситуация вокруг профессора Чеботарева, имевшего учебную нагрузку в 1600 (!) часов, разворачивалась в тот момент, когда на кафедре истории и социально-экономических дисциплин было всего три человека, отвечавших за преподавание истории, а специалиста по средней истории не было вовсе, вследствие чего этот курс не читался. Во втором семестре 1936–1937 учебного года из Москвы был приглашен работать на два месяца по договору профессор Н.А. Кожин. Он согласился читать курс истории средних веков, но лишь доведя его до XV в., в результате чего студенты IV курса были вынуждены изучать оставшийся материал самостоятельно².

Чистка рядов в УГПИ потребовала привлечения новых специалистов. В 1937 г. кафедра истории пополнилась целым рядом сотрудников, преподававших дисциплины всеобщей истории. В октябре были приняты на работу выпускники МИФЛИ (Московский институт философии, литературы, истории), супруги Маркины – Валентина Алексеевна и Василий Степанович, преподаватели, соответственно, средней и новой истории³. Зимой того же года в УГПИ по распределению была принята Елена Александровна Миллиор – историк, филолог-классик, ученица В.И. Иванова⁴.

Е.А. Миллиор родилась 9 октября 1900 г. в Екатеринодаре (Краснодар) в интеллигентной семье. Отец, Александр Антонович, – инженер, мать, Мария Борисовна, – преподаватель музыки. Девичья фамилия матери – Шварц, отсюда двою-

¹ Цит. по: Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 128.

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 17. Л. 5, 9.

³ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 66. Л. 48 (об.)

⁴ Подробнее о Е.А. Миллиор см.: Вестник Удмуртского университета. Спец. выпуск, посв. Е.А. Миллиор / сост. Д.И. Черашняя. Ижевск, 1995. 160 с.; Ермакова Л.Л. Елена Александровна Миллиор: штрихи к портрету // Историк и его дело. Вып. 8. Ижевск, 2010. С. 127-143.

родное родство самой Миллиор с драматургом Е. Шварцем. В 1903 г. семья Миллиор переехала в Баку, где в 1917 г. Елена Александровна с золотой медалью окончила семиклассную гимназию¹. Через год она сдала экзамен на аттестат зрелости и начала трудовую карьеру: стала давать частные уроки.

В 1919 г. в Баку открылся Азербайджанский (Бакинский) государственный университет, на историко-филологический факультет которого в тот же год поступила Е.А. Миллиор. Здесь состоялась ее встреча с В.И. Ивановым, состоявшим в те годы профессором Бакинского университета, оказавшим значительное влияние на юную Миллиор и ставшим ее духовным наставником². Под руководством В.И. Иванова она изучала историю и культуру древней Греции, читала античных авторов. На основании источников на древнегреческом языке Е.А. Миллиор подготовила и в 1926 г. защитила дипломную работу, посвященную культу Эриний.

В 1928 г. Е.А. Миллиор вместе с матерью (отец скончался в Баку в 1915 г.) переехала в Ленинград. Что стало причиной отъезда определенно сказать нельзя. Связывать это с эмиграцией в Европу В.И. Иванова, произошедшей еще в 1924 г.³, кажется не вполне правомерным. Возможно, что она стремилась быть ближе к традиционному интеллектуальному центру России.

В Ленинграде Е.А. Миллиор работала библиотекарем, однако увлечение античной историей и литературой со временем не прошло, и в 1934 г. Е.А. Миллиор поступила в аспирантуру ЛГУ при кафедре древней истории. Ее научными руководителями стали С.А. Жебелев и С.Я. Лурье⁴. С ноября 1935 г. Е.А. Миллиор работала внештатным преподавателем истории в пединституте им. А.И. Герцена (сейчас – РГПУ им. А.И. Герцена)⁵. Казалось, блестящее будущее молодой ученой было обеспечено. Однако в 1937 г., когда Е.А. Миллиор закончила аспирантуру, вопреки ее чаяниям остаться в качестве преподавателя в Ленинграде, Наркомпро-

¹ Биографические сведения о Е.А. Миллиор даются на основании автобиографии и информации, содержащейся в личном листке по учету кадров в ее личном деле архива УдГУ: Архив УдГУ. Оп. 2в. Дело 291. ЛЛ. 1-2, 11-12.

² Подробнее об этом см.: Ермакова Л.Л. Елена Александровна Миллиор: штрихи к портрету // Историк и его дело. Вып. 8. Ижевск, 2010. С. 128-130.

³ Дешарт О. и др. Памяти Е. Миллиор // Вестник Русского Христианского Движения. 1978. I. № 124. С. 251.

⁴ О них подробнее см.: Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб, 2006. С. 293-371, 491-516.

⁵ НМУР. Ф. Р-178, Оп. 1, Д. 1, 29852/2-УРМ, Л. 3.

сом она была направлена в Ижевск, в Удмуртский пединститут, на кафедру истории. Вероятно, одной из причин такого назначения послужили гонения на С.Я. Лурье, которые не могли не отразиться на судьбе его ученицы¹.

Тем не менее, в 1938 г. в ЛГУ Е.А. Миллиор успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Исократ и второй Афинский морской союз»². Ее научные успехи способствовали и успехам карьерным: приказом № 175 по УГПИ от 13 декабря 1937 г. она была назначена заведующей кафедрой истории³. Однако уже в 1939 г. Е.А. Миллиор вернулась в Ленинград по семейным обстоятельствам: здесь оставалась ее мать, которой требовался постоянный уход, а переезд в Ижевск ухудшил бы условия ее проживания⁴. Отъезд сопровождался некоторыми трудностями, поскольку дирекция Пединститута была не настроена отпускать остепененного и квалифицированного специалиста. В январе 1939 г. Е.А. Миллиор было отказано в соответствующей просьбе, а в мае того же года директор Института М.А. Родин писал: «Против освобождения от работы <...> Не возражаю при условии замены Наркомпросом соответствующей кандидатурой»⁵. Впрочем, замена нашлась и на должность преподавателя древней истории в УГПИ был принят Багаутдинов Абдулла Низамович, выпускник Казанского государственного университета.

А.Н. Багаутдинов родился в 1908 г., в 1928 г. — окончил Казанский государственный университет и в скором времени стал преподавать. К моменту принятия его в УГПИ в должности старшего преподавателя, отмечалось, что его стаж педагогической деятельности достиг 9 лет⁶.

Книга памяти республики Татарстан⁷, содержащая в себе сведения об арестованных жителях республики в период с 1917 по 1991 гг., упоминает, в том числе, и Багаутдинова Абдуллу Низамовича, 1908 года рождения, жителя Бугульмы,

¹ Дешарт О. и др. Памяти Е. Миллиор // Вестник Русского Христианского Движения. 1978. I. № 124. С. 252.

² В более сжатом и переработанном виде работа Е.А. Миллиор была опубликована в 1939 г.: Миллиор Е.А. Исократ и Второй Афинский морской союз // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 39. Вып. 4. С. 89-134.

³ НМУР. Ф. Р-178. Оп. 1, Д. 1, 29852/2-УРМ, Л. 4.

⁴ Архив УдГУ. Оп. 2в. Дело 291. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 66. Л. 48 (об.).

⁷ Книга памяти жертв политических репрессий. Республика Татарстан. Т. 2, "Б". Казань. 2001. 448 с.

преподавателя Крымского государственного педагогического института (сейчас – Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского), арестованного 16 июня 1935 г. как «скрытого троцкиста»¹. Логичным будет предположить, что Книга памяти упоминает именно того А.Н. Багаутдинова, который в 1939 г. был приглашен на работу в УГПИ, и, судя по всему, арест 1935 г. не поставил крест на его карьере.

Сведения о супругах Маркиных и их деятельности в УГПИ в довоенные годы также весьма скудны. В.С. Маркин довольно быстро стал продвигаться по карьерной лестнице: уже через год после приглашения в пединститут, осенью 1938 г., он был назначен на должность декана исторического факультета². Однако уже весной 1939 г. он был уволен из Института с формулировкой «за прогул»³. Причиной «прогула», по-видимому, стало пьянство В.С. Маркина. Еще в декабре 1938 г. по этой причине был сорван доклад по вопросам изучения «Краткого курса истории ВКП (б)», который он должен был прочитать на партсобрании. На последовавших затем разбирательствах и прениях преподаватель заявил, что причиной такого поступка стало известие об аресте отца его жены, В.А. Маркиной. Тем не менее, в дальнейшем было установлено, что В.С. Маркин «приходит пьяный на лекции, пьет систематически и обманывает коллег»⁴. Это послужило причиной исключения его из членов парткома и последующего увольнения из УГПИ. Но в дальнейшем, как преподаватель новой истории, В.С. Маркин был восстановлен в Пединституте. Связано это было, по-видимому, с кадровыми проблемами института.

Таким образом, в предвоенные годы преподаванием всеобщей истории в Удмуртском пединституте занимались: Багаутдинов А.Н. – древняя история и руко-

¹ Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memo.ru/memory/kazan/index.htm> [Дата обращения: 18.01.16].

² ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 154-155.

³ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 43. Л. 22.

⁴ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 155-156.

водство учебно-методическим кружком, Маркина В.А. – средняя история, Маркин В.С. и Заболотская Л.Н. – новая история¹.

Нормализовавшаяся деятельность кафедры истории (молодые преподаватели были заняты сдачей кандидатского минимума и разработкой тем диссертаций, Маркин В.С. и Маркина В.А. обучались в заочной аспирантуре МИФЛИ) была прервана событиями Великой Отечественной войны. Многие преподаватели и студенты были призваны или ушли добровольцами на фронт², здание УГПИ было отдано эвакуированному из Ленинграда артиллерийскому училищу, а сам Пединститут размещался то в здании средней школы с. Малая Пурга, то кочевал по малоприспособленным для учебы помещениям в Ижевске.

Однако стоит отметить и ряд позитивных моментов. Массовая эвакуация населения и предприятий с территории, оккупированной захватчиками, способствовала тому, что в 1941–1943 гг. кафедру истории УГПИ возглавлял антиковед и медиевист, академик АН Белорусской ССР Владимир Николаевич Перцев (1877–1960 гг.), выпускник МГУ, прошедший в годы обучения в Московском университете (1897–1903 гг.) школу семинаров П.Г. Виноградова и Р.Ю. Виппера. Еще до Октябрьской революции им был опубликован ряд учебников по истории античности³, а в 1917 г., ориентируясь на мировую политическую обстановку, В.Н. Перцев издал очерки по истории европейских стран XIX в.⁴. В последующие годы сферой интересов академика Перцева стала история Пруссии, зарубежная историография средневековья, а также история Белоруссии.

Работавшая с сентября 1939 г. ассистентом факультета истории ЛГУ Е.А. Миллиор, в 1941 г. была эвакуирована вместе с матерью из Ленинграда в Сарапул. Здесь она работала в Педтехникуме⁵, преподавала русский язык и литературу, а также была активным донором при эвакогоспитале⁶. С 1 сентября 1943 г.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 66. Л. 48 (об.); ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 53. Л. 33.

² Возможно, среди ушедших на фронт был и В.С. Маркин, и А.Н. Багаутдинов имя которых ни в военные, ни в послевоенные годы не упоминается в архивных документах УГПИ–УдГУ.

³ Перцев В.Н. Учебник древней истории. Ч. 1. Греция. М., 1912.

⁴ См., например, Перцев В.Н. Германия и Австрия в XIX в.: исторические очерки. М., 1917.

⁵ Сейчас – БПОУ УР «Сарапульский педагогический колледж».

⁶ НМУР. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 1, 29852/36-УРМ.

Е.А. Миллиор снова оказалась в УГПИ в качестве преподавателя древней истории.

Еще летом 1943 г. В.Н. Перцев писал Елене Александровне в Сарапул по поводу своего грядущего отъезда из Ижевска и, как следствие, о возможности занятия ею освобождающейся должности заведующего кафедрой¹. Понимая желание Е.А. Миллиор заниматься научной работой, он предупреждал, что Ижевск крайне беден книгами, и сам он выходил из положения, лично привозя литературу из Москвы или Казани. Однако занять вакантную должность Е.А. Миллиор не удалось. Дирекция пединститута, выбирая между двумя кандидатами на должность заведующего кафедрой, Г.Г. Черновой (специалистом по отечественной истории) и Е.А. Миллиор, остановила свой выбор на первой. Повлияло на это, по видимому, то, что Гнесия Григорьевна Чернова являлась членом ВКП (б) в отличие от беспартийной Е.А. Миллиор.

Курс новой истории в УГПИ читал А.Д. Скаба (1905–1986 гг.), впоследствии академик Украинской АН². В годы войны продолжали работать Л.Н. Заболотская и В.А. Маркина. Однако кафедра состояла не только из приглашенных или эвакуированных преподавателей. Пединститут, чтобы снизить зависимость от специалистов, направляемых Наркомпросом, стремился к возвращению собственных профессиональных кадров. Так, по окончании Института была приглашена на преподавательскую работу Оксана Петровна Кийко (Новикова) – сталинская стипендиатка и секретарь комитета ВЛКСМ³. Уроженка Житомира, в Удмуртии она оказалась в годы войны, когда Курский пединститут, где она училась, был эвакуирован в Сарапул. В 1943 г. она не вернулась вместе со своим институтом в Курск, предпочтя ему УГПИ. Став преподавателем, О.П. Кийко читала курс истории стран зарубежного Востока, Новой и Новейшей истории, а сферой ее научных интересов стали проблемы изучения всеобщей истории в школе. В 1969 г. она перешла на работу в школу № 30 г. Ижевска, однако ее связь с пединститутом не

¹ НМУР. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 28.

² Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931–2001. Ижевск, 2001. С. 46.

³ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 81. Л. 171.

прервалась: в течение нескольких последующих лет студенты-историки проходили педагогическую практику под ее руководством.

В годы войны сотрудники кафедры истории УГПИ вели не только преподавательскую деятельность, но и занимались научными изысканиями. В.А. Маркина под руководством академика В.Н. Перцева подготовила статью о положении французских крестьян в XVII–XVIII вв., а также работала над кандидатской диссертацией с черновым вариантом названия «Северное восстание камизаров», посвященной крупному восстанию крестьян и городских низов в Лангедоке начала XVIII в. В дальнейшем тема была скорректирована и в отчете о научно-исследовательской работе УГПИ за 1945 г. указывалось, что В.А. Маркина «в основном закончила» кандидатскую диссертацию на тему «Положение крестьянского хозяйства и крестьян накануне Французской революции 1789 г.»¹. Сам В.Н. Перцев в 1942 г. указывал, что при возможности командировки им будет разрабатываться тема «Колонизация владений Тевтонского ордена в XIII–XVII вв.», в ином случае – научная работа будет основываться на материалах местных архивов².

С окончанием Великой Отечественной войны в составе кафедры среди преподавателей всеобщей истории произошли очередные неизбежные изменения. Осенью 1943 г. была возобновлена работа Белорусского государственного университета, куда вернулся В.Н. Перцев, возглавив кафедру истории средних веков³. Покинула УГПИ и В.А. Маркина, переехавшая в 1945 г. в Киевский государственный университет⁴. Уже в 1947 г., продолжая разрабатывать темы, поднятые в годы работы в УГПИ, она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Фран-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 82. Л. 47-48.

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 71. Л. 2.

³ Евтухов И.О. Кафедра истории средних веков (По материалам архивов) // Праці гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2008. С. 194.

⁴ Подробнее о научных достижениях и педагогической деятельности В.А. Маркиной в Киевском университете см.: Пономаренко Л. Вчений і педагог – Валентина Олексіївна Маркіна // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Вып. 106. 2011. С. 46-47. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://papers.univ.kiev.ua/istorija/articles/The_scholar_and_the_teacher_V.O._Markina_15352.pdf [Дата обращения: 16.03.2016].

цузьке село Шампані за наказами у Генеральні штати 1789 р.»¹. В дальнейшем сферой научных интересов В.А. Маркиной стал комплекс малоизученных проблем аграрных отношений Правобережной Украины в XVII–XVIII вв., результатом работы над которыми стали две крупные монографии².

Отметим, что связь между В.А. Маркиной и Ижевском после ее отъезда в Киевский университет не прервалась окончательно. Осенью 1979 г. она приняла участие в работе III Всесоюзного симпозиума по проблемам аграрной истории развитого феодализма, проводившегося в Ижевске на базе исторического факультета УдГУ, а ее доклад был опубликован в сборнике статей по итогам конференции³.

Была близка к тому, чтобы покинуть УГПИ и Е.А. Миллиор. В 1944 г. она подала в Наркомпрос просьбу на перевод ее в Казанский университет, где, по словам И.И. Толстого, одного из ее наставников по ЛГУ, бывшего в те годы эвакуированным в Казань, имелось все необходимое для историка-антиковеда⁴. Однако в просьбе ей было отказано по причине отсутствия квалифицированной замены: «На Ваше заявление Отдел Кадров ВКВШ при СНК СССР сообщает, что в настоящее время удовлетворить Вашу просьбу не представляется возможным, ввиду отсутствия Вашей замены в Удмуртском педагогическом институте»⁵. В 1946 г. УГПИ был готов к тому, чтобы отпустить Е.А. Миллиор, но теперь уже Казанский университет ее не принимал, так как курсы античной истории были перераспределены между другими преподавателями. Для Елены Александровны это стало большим разочарованием.

Однако нельзя сказать, что первые послевоенные годы характеризуются только кадровыми потерями. 20 сентября 1945 г. начал свою работу на кафедре Василий (Вильгельм) Евгеньевич Майер, тогда – выпускник исторического фа-

¹ Пономаренко Л. Вчений і педагог – Валентина Олексіївна Маркіна // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Вып. 106. 2011.. С. 46.

² Маркина В.А. Магнатское поместье Правобережной Украины во второй половине XVIII в. (Социально-экономическое развитие). Киев, 1961. 232 с.; Она же. Крестьяне Правобережной Украины. Конец XVII – 60-е годы XVIII ст. Киев, 1971. 174 с.

³ Маркина В.А. Основные черты разложения феодализма Восточной Европы (на материалах Правобережной Украины второй половины XVIII вв.) // Аграрная история эпохи феодализма. Сборник научных трудов. Ижевск, 1983. С. 105-117.

⁴ Ермакова Л.Л. Елена Александровна Миллиор: штрихи к портрету // Историк и его дело (Серия памяти профессора В.Е. Майера): Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Ижевск, 2010. С. 132.

⁵ НМУР. Ф. Р-178, Оп. 1, Д. 6. 29852/30-УРМ.

культета МГУ и участник Великой Отечественной войны, позднее – крупнейший в СССР специалист по аграрной истории Германии развитого средневековья.

Итак, мы можем заключить, что состояние преподавания дисциплин всеобщей истории в Удмуртском пединституте в 1931–1945 гг. характеризовалось кадровой «текучкой», вызванной, с одной стороны, нежеланием преподавателей задерживаться в УГПИ из-за сложностей в организации научной работы, слабой инфраструктуры и общем низким уровнем развития молодого регионального вуза, а с другой, – репрессивными мерами, характерными для Советского Союза второй половины 1930-х гг., предпринятыми в отношении некоторых преподавателей. Кроме того, может быть отмечена и очевидная разнонаправленность исследований сотрудников кафедры, отсутствие общего вектора развития научной работы, а также педагогический уклон преподавания. Все это, в конечном итоге, приводило к тому, что в УГПИ к 1946 г. так и не сформировался коллектив единомышленников-всеобщников, занятия наукой проводились единолично, без подготовки учеников, готовых разделять убеждения учителя и продолжать его исследования.

2.2. Создание и первые годы работы кафедры всеобщей истории УГПИ

1946–1947 учебный год в истории УГПИ отметился рядом важных событий, особое место среди которых занимает учреждение кафедры всеобщей истории, которую возглавила Е.А. Миллиор. Точной даты этого события сейчас назвать не представляется возможным: приказа об учреждении кафедры в архивах обнаружить не удалось, поэтому датировка нами дается по косвенным документам. Первый из них – «Отчет о работе Удмуртского государственного пединститута за первое полугодие 1946/1947 учебного года», датированный 13 марта 1947 г. В нем, среди прочих, названа и кафедра всеобщей истории¹. В аналогичном отчете за 1945/1946 годы упоминания о такой кафедре еще нет². Второй документ – это трудовая книжка Е.А. Миллиор, с записью об утверждении ее на должности «и.о.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 81. ЛЛ. 109-110.

² Там же. ЛЛ. 115-116.

заведующей кафедрой всеобщей истории УГПИ» с 18 марта 1947 г. Впрочем, процесс организационного оформления мог начаться раньше марта 1947 г.

Для образования нового структурного подразделения в УГПИ имелись все основания: достаточное количество специалистов для ведения дисциплин всеобщей истории, стремление руководства Пединститута к его развитию и наличие острепененного специалиста, способного руководить кафедрой. Последний фактор играл немаловажную роль, поскольку многие кафедры в то время возглавлялись людьми, не только не имевшими ученой степени, но и даже без аспирантского образования.

Высокообразованный специалист, знаток древних языков, прекрасный лектор Е.А. Миллиор преподавала общие курсы по греческой и римской истории, латынь и специальный курс по истории искусства. В послевоенные годы она работала над докторской диссертацией, которая должны была быть посвящена «революционным движениям в греческом обществе IV в. до н.э.»¹. В 1950 г. на заседании кафедры истории Греции и Рима ЛГУ была одобрена тема будущей диссертации («Революционное движение в греческом обществе первой половины IV в. до н.э.») как «политически актуальная и имеющая большое научное значение»². Однако эта работа так и не была закончена. Виной тому, с одной стороны, служило постоянное ощущение творческого одиночества, которое не оставляло Е.А. Миллиор в ее «ижевский период»: выпускница ленинградской аспирантуры, состоявшая в переписке со многими интеллектуалами того времени, не могла свыкнуться с жизнью в провинциальном городе, где заниматься античностью было практически невозможно. Сомневалась она и в необходимости ее собственной педагогической деятельности, не будучи уверенной, что в Ижевске история античности вообще могла быть кому-то нужной³. Ее попытки переехать в Ленинград были безуспешны.

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 147. Л. 67.

² НМУР. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 3. 29852/21-УРМ.

³ Из писем А.И. Доватура к Е.А. Миллиор (1947-1956 гг.) // Вестник Удмуртского университета. Спец. выпуск. Ижевск, 1995. С. 57.

С другой стороны, мы должны иметь в виду, что помимо собственно преподавательской деятельности, Е.А. Миллиор выполняла существенную общественную нагрузку в УГПИ. Она не только являлась членом ученого совета пединститута, но и была вынуждена читать лекции и доклады, не связанные напрямую со сферой ее научных интересов. Так, в марте 1949 г. на конференции «Против буржуазной идеологии космополитизма в литературе, искусстве, науке» Е.А. Миллиор прочла доклад «О партийности в исторической науке» – на тему весьма далекую от ее научных изысканий.

Непросто складывались отношения Е.А. Миллиор с Педагогическим институтом в целом. В начале 1950-х она подверглась критике за пренебрежительное отношение к советской литературе, преподавание латинского языка «без должной подготовки», развращение студентов и политическую близорукость¹. В 1951 г. Е.А. Миллиор перестала заведовать кафедрой всеобщей истории, а ее учебная нагрузка перманентно сокращалась. В сентябре 1952 г. она перешла на кафедру немецкого языка, еще через четыре года – на кафедру литературы. Здесь Е.А. Миллиор проработала лишь один год и 6 августа 1957 г. вышла на пенсию.

В сентябре 1950 г. кафедра всеобщей истории пополнилась новым квалифицированным специалистом – Константином Афанасьевичем Каретниковым, выпускником факультета языка и литературы УГПИ², защитившим год спустя кандидатскую диссертацию на тему «Социальные реформы Агиса и Клеомена в древней Спарте». В исследовании доказывалось, что «социальные реформы в Спарте были наиболее ярким выражением острого кризиса рабовладельческого способа производства в древней Греции III в. до н.э.»³.

К.А. Каретников был назначен преподавателем истории древнего мира, а также – исполняющим обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории. Однако пребывание К.А. Каретникова в УГПИ было весьма скоротечным: нали-

¹ Ермакова Л.Л. Елена Александровна Миллиор: штрихи к портрету // Историк и его дело (Серия памяти профессора В.Е. Майера): Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Ижевск, 2010. С. 134.

² Сведение предположительно. Дается нами на основании упоминания студента Каретникова, обучающегося на «отлично» в 1936/1937 учебном году. ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 8. Л. 56.

³ П.С. В институте истории Академии Наук СССР // Вопросы истории. №8, 1951. С. 152.

чие «вредных привычек», которое отмечали и его коллеги по факультету¹, и студенты², вынудило дирекцию пединститута отказаться от его услуг в качестве преподавателя, несмотря на то, что долгое время на пороки заведующего кафедрой смотрели сквозь пальцы. По-видимому, свою роль здесь сыграла крайне низкая средняя остепененность работников УГПИ, и увольнение кандидата исторических наук далось администрации нелегко³.

После ухода Е.А. Миллиор с поста заведующей кафедрой всеобщей истории и непродолжительного пребывания в этой должности К.А. Каретникова, вакантное место в феврале 1952 г. заняла Л.Н. Заболотская, самый опытный на тот момент преподаватель на факультете. Она имела определенный опыт административной работы: в период с октября 1945 г. по октябрь 1948 г. Любовь Николаевна была исполняющим обязанности декана факультета истории. В 1953 г. Л.Н. Заболотская успешно защитила кандидатскую диссертацию по педагогике на тему «Методика преподавания в восьмом классе средней школы темы «К. Маркс и Ф. Энгельс – возникновение научного коммунизма»⁴, написанную под научным руководством члена-корреспондента АН СССР, профессора А.В. Ефимова. Вслед за этим Л.Н. Заболотская опубликовала ряд статей в «Ученых записках» УГПИ, основанных на диссертационном исследовании⁵.

В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию В.Е. Майер – «Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV

¹ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 58. Л.Н. Заболотская 30 октября 1951 г. на партсобрании отмечала сложившееся тяжелое положение на кафедре всеобщей истории, в частности срыв занятий по истории древнего мира и необходимость поиска замены К.А. Каретникову, возможно из числа бывших студентов.

² ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 76 (об). Например, К.А. Пономарев, студент исторического факультета, на партсобрании также поднимал вопрос о сложившейся ситуации и о бездействии дирекции УГПИ, заявляя, что если меры предприняты не будут, то студенты вынуждены будут обратиться в вышестоящие организации.

³ В 1952 г. К.А. Каретников приглашался только для работы с заочным отделением, и, по-видимому, в том же году был уволен.

⁴ Заболотская Л.Н. Методика преподавания в восьмом классе средней школы темы «К. Маркс и Ф. Энгельс – возникновение научного коммунизма»: автореф. дис ... канд. пед. наук по методике преподавания истории. Ижевск, 1953. 20 с.

⁵ Заболотская Л.Н. Изучение биографии К. Маркса и Ф. Энгельса в 8 классе средней школы // Ученые записки. Вып. 9. Ижевск, 1956. с. 47-56.; Она же. Подготовка учащихся 8 класса средней школы к изучению темы «Возникновение научного коммунизма. К. Маркс и Ф. Энгельс» // Ученые записки. Вып. 10. Ижевск, 1956. с. 37-50.

– начале XVI века»¹. Исследование было написано под научным руководством профессора МГУ М.М. Смирин.

Работа над кандидатской диссертацией проходила в непростой для В.Е. Майера жизненный период. На неизбежные бытовые трудности (молодая семья, стесненные жилищные условия и пр.) накладывались трудности иного рода. Статус В.Е. Майера как «спецпоселенца» приводил к существенным ограничениям на передвижения по стране, а шаткое положение в УГПИ – к «ссылке» на заочное отделение и отзыву прикомандирования к кафедре истории средних веков МГУ². На заседаниях партбюро В.Е. Майер «прорабатывался», в частности, за то, что «недостаточно овладел знаниями основ марксизма-ленинизма». В качестве примера приводились высказываемое им сомнение о реакционном характере режима Тито в Югославии, а также скептическое отношение к «учению товарища Сталина о базисе и надстройке» как не новому, а лишь повторяющему идеи К. Маркса³. Тем не менее, сложная работа по написанию и защите кандидатской диссертации была завершена, и уже в 1956 г., основываясь на материалах диссертации, В.Е. Майер опубликовал свою первую научную статью в ведущем академическом сборнике «Средние века»⁴.

В середине 1950-х гг. кафедра всеобщей истории, наряду с кафедрой удмуртского языка, была самой «малочисленной» в УГПИ: в ее состав входило четверо сотрудников⁵ (после ухода с исторического факультета Е.А. Миллиор в качестве ассистента была приглашена Антонина Петровна Кожура). Однако скромный численный состав кафедры не сказывался негативно на ее работе, несмотря на значительную загруженность преподавателей как учебной, так и внеучебной деятельностью. Помимо большого объема читаемых курсов (у В.Е. Майера и О.П. Новиковой он составлял 900 часов), сотрудники кафедры занимались вопросами

¹ Майер В.Е. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1955. 19 с.

² Подробнее о перипетиях жизненного пути В.Е. Майера в эти годы см.: Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 43-48.

³ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. Л. 88.

⁴ Майер В.Е. Уставы как источник по изучению положения крестьян в Германии в конце XV– начале XVI в. // Средние века. М., 1956. Вып. 8. С. 197-216.

⁵ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 227. Л. 27.

повышения качества образования. Большое внимание уделялось самостоятельной работе студентов как недостаточно поставленной, но крайне важной составляющей учебного процесса. Планировалось практические занятия организовывать более «вдумчиво и расчетливо», а студентам предлагать активнее работать с источниками, особенно если тема семинара не пересекается с темой лекционного занятия. Особое внимание преподаватели отводили технике составления конспектов. На заочном отделении под руководством преподавателей первокурсники конспектировали классические работы Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Реорганизация исторического факультета в историко-филологический, произошедшая в 1956 г., была негативно встречена сотрудниками кафедры всеобщей истории. Резко возросла нагрузка на студентов, вынужденных изучать полностью на первом курсе не только историю древнего мира и средних веков, но даже начинать изучение новой истории. Увеличение усваиваемого объема информации, да и просто банальная неподготовленность младшекурсников к сложным проблемам новой истории, приводила к снижению успеваемости, в том числе и у студентов-отличников.

Политическая конъюнктура и педагогическая специфика Института значительно влияли на характер деятельности кафедры. В начале 1960-х гг. на занятиях по истории древнего мира повышенное внимание уделялось Египту, Сирии, Палестине как странам, ведущим национально-освободительную борьбу. Учебный год для студентов всех курсов начинался с вводной лекции, посвященной задачам преподавания истории в школе, но при этом в 1960–1961 учебном году лекционная программа курса «История стран зарубежного Востока» была сокращена на 28 часов по причине того, что этот предмет в школе не изучался¹.

При кафедре функционировал кружок всеобщей истории, насчитывавший более двадцати участников, руководителем которого была О.П. Новикова. Ввиду

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 354. Л. 95.

отсутствия в библиотеках города необходимого количества научной литературы и источников, члены кафедры не считали возможным на занятиях кружка заниматься подлинно исследовательской работой со студентами и свою задачу видели в «углублении знаний по истории и привитии общего развития»¹. Тематика докладов, подготавливаемых студентами для выступлений в кружке, была обширна, но, в основном, касалась вопросов культуры античности и средневековья, а также проблем преподавания истории в школе.

Педагогическая ориентированность Института накладывала свой отпечаток не только на учебную, но и на общественную деятельность преподавателей кафедры всеобщей истории. В.Е. Майер и А.П. Кожура проверяли состояние преподавания истории в школах г. Ижевска и г. Воткинска, О.П. Новикова и Л.Н. Заболотская читали лекции на курсах по переподготовке учителей. В 1957 г. кафедра провела республиканский семинар по преподаванию курса новейшей истории: был разработан и подготовлен поурочный план со списком необходимой литературы и организована выставка наглядных пособий. При подготовке к научно-методической конференции учителей республики В.Е. Майер рецензировал доклады выступающих. Кафедра всеобщей истории имела свою подшефную школу (средняя школа с. Завьялово), куда преподаватели ездили для работы с учителями и анализа уроков².

Высокая степень загруженности преподавателей общественной работой несколько тормозила их научно-исследовательскую деятельность. Тем не менее, В.Е. Майер и О.П. Новикова занимались сбором материала для написания докторской и кандидатской диссертаций соответственно. Василий Евгеньевич продолжал разработку темы, поднятой в кандидатской диссертации, и кафедра поддерживала его в этом начинании, считая, что это должно быть приоритетным направлением деятельности. Предполагалось ходатайствовать перед дирекцией Пединститута о сокращении учебной нагрузки В.Е. Майера, чтобы тот мог большее

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 291. Л. 47 (об).

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 378. Л. 262.

внимание уделить научной работе¹. Темой кандидатской диссертации О.П. Новиковой была «Связь с современностью в преподавании II периода Новой истории в школе», но защищена эта работа так и не была. Одной из причин этого стала проведенная в СССР в 1958 г. реформа школьного образования² и, как следствие, отсутствие стабильных учебных программ, что делало невозможным внедрение новых экспериментальных систем.

При историческом факультете находился кабинет всеобщей истории, работа которого не всегда отвечала требованиям и запросам, как учащихся, так и преподавателей. Еще в 1953 г. студенты отмечали крайне неудобный график работы кабинета (с 8:00 до 16:00), в связи с чем обучающиеся в первую смену фактически были лишены возможности там заниматься. Проблема могла быть решена приглашением второго лаборанта, однако руководство Института отказывалось оплачивать дополнительную ставку. Студентами-историками даже поднимался вопрос, скорее риторический, о самостоятельном сборе денег, по поводу которого они иронизировали, что «так можно попасть в "Крокодил"»³. Не была эта проблема решена и в последующие несколько лет, когда лаборанту кабинета В.Д. Полищук в дни сессии приходилось работать по 12–14 часов в день. Совершенно недостаточной была и обеспеченность кабинета исторических дисциплин учебниками и сборниками документов. Из положительных моментов стоит отметить наличие эпидиаскопа и фильмоскопа, с которыми студенты работали под руководством В.Д. Полищука⁴, а также наличие необходимого количества исторических и политических карт и репродукций художников.

В начале 1960-х гг. в составе кафедры всеобщей истории произошли серьезные кадровые изменения. В 1959 г. в связи с сокращением была уволена А.П. Кожура, однако учебная нагрузка (кафедра отвечала за преподавание истории древ-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 354. Л. 124.

² Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР от 24 декабря 1958 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alppp.ru/law/obrazovanie--nauka--kultura/obrazovanie/42/zakon-sssr-ot-24-12-1958.pdf> [Дата обращения: 21.01.16]. Закон предусматривал новую систему трудового обучения, в которой центральное место занимал принцип соединения обучения с производственным трудом учащихся.

³ ЦДНИ УР. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. Л. 148.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 291. Л. 46 (об).

него мира, истории средних веков, новой и новейшей истории, истории колониальных стран на историческом факультете, а также ряда дисциплин для языковых факультетов) для трех преподавателей была непосильной. Ситуация осложнялась и грядущим отъездом в докторантуру В.Е. Майера, поэтому руководство факультета и кафедры было вынуждено пригласить новых сотрудников.

К тому времени исторический факультет имел за своими плечами уже почти тридцатилетний опыт работы и немалое число выпусков студентов. Поэтому вполне логичной была ставка на приглашение в качестве преподавателей бывших студентов УГПИ, «доморощенных» специалистов. Первой из них стала Галина Тимофеевна Кондратьева, начавшая свою работу в Пединституте в 1961 г., вначале как внештатный преподаватель, но в скором времени уже как ассистент¹.

Строго говоря, мы не можем назвать Г.Т. Кондратьеву историком-«всеобщником». Сферой ее научных интересов была археология, и, более того, археология Удмуртии. В 1959 г., еще будучи студенткой УГПИ, Г.Т. Кондратьева начала сотрудничество с известным археологом В.Ф. Генингом² в рамках работы УАЭ (Удмуртской археологической экспедиции). После окончания института она стала заведующей фондами Республиканского краеведческого музея, а также начала проводить самостоятельные раскопки на р. Чепце³.

Поскольку исторический факультет УГПИ не имел в то время специализированной кафедры археологии, свое «пристанище» Г.Т. Кондратьева нашла на кафедре всеобщей истории, где ей поручено было вести занятия по истории древнего мира, освобождая, тем самым, от части нагрузки В.Е. Майера. В своих лекциях Г.Т. Кондратьева первоочередное внимание уделяла «вопросам формирования марксистско-ленинского мировоззрения студентов на закономерности развития общества, выявление причинно-следственных связей в процессах истории, научному анализу исторических событий»⁴.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 354. Л. 140; ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 378. ЛЛ. 259, 265.

² Генинг В.Ф. (1924-1993) – археолог, основатель свердловской школы археологии, автор более 200 работ.

³ Мельникова О.М. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 51.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 405. Л. 191.

Г.Т. Кондратьева активно втянулась в научную жизнь. Она принимала участие в научно-практических конференциях, выступала с докладами, посвященными происхождению древнеудмуртских племен¹. Под ее руководством студенты-историки проводили археологические раскопки и выступали с докладами на конференциях как в Ижевске, так и в других городах. Кроме того, вокруг преподавателя сформировался археолого-краеведческий кружок, в котором студенты осваивали методику лабораторных исследований археолога и совершенствовали навыки проведения краеведческой работы в школе².

В августе 1962 г. начал свою работу на историческом факультете УГПИ Леонид Алексеевич Соковиков³, так же, как и Г.Т. Кондратьева, «свой» выпускник. Приглашение нового специалиста именно в это время было связано с отъездом в докторантуру в Москву В.Е. Майера (на факультете на время командировки он был переведен на должность старшего научного сотрудника).

Докторантура Василия Евгеньевича стала значимым событием и для кафедры всеобщей истории, и для исторического факультета, и для Пединститута в целом. Целеустремленность, научный и творческий потенциал, которыми обладал Василий Евгеньевич, позволял руководству УГПИ рассчитывать на то, что институт в скором времени обзаведется «собственным» доктором наук. Мы помним, что в разные годы в Удмуртском пединституте работали и профессора, и даже академики, но все они были прибывшими по распределению или эвакуированные.

Именно В.Е. Майера в качестве преподавателя истории средних веков был призван заменить Л.А. Соковиков. Эти курсы он читал в 1962–1963 и 1963–1964 учебных годах. В качестве темы будущей кандидатской работы Л.А. Соковиков выбрал «Положение крестьянства Мекленбурга перед и во время Тридцатилетней войны»; научным руководителем должен был выступать В.Е. Майер. Очевидно, что разработка такой специфической проблемы была невозможна без уверенного

¹ Первые научные статьи Г.Т. Кондратьевой: Кондратьева Г.Т., Стоянов В.Е. Археологические работы по р. Чепце // Вопросы археологии Урала. Вып. II. Свердловск, 1962. С. 100-106; Кондратьева Г.Т. Археологические и этнографические работы на р. Чепце // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа. 1962. С. 232-236.

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 429. Л. 230.

³ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 407а. Л. 26, 41.

знания немецкого языка, однако кандидатский экзамен, сданный на «удовлетворительно» и отказ от систематических занятий с В.Е. Майером по изучению языка, побудили Л.А. Соковикова изменить выбранную первоначально тему и заняться разработкой проблем, связанных с ролью Советов в социалистическом строительстве в Удмуртии в 1929–1937 гг.¹

Л.А. Соковиков активно включился в общественную жизнь факультета. Он стал заместителем председателя институтского бюро общества «Знания» и был «прикрепленным» преподавателем на историческом факультете². В силу занимаемых общественных должностей Л.А. Соковиков, с одной стороны, читал научно-популярные лекции, выступал на радио с сообщениями, с другой, – оказывал разного рода помощь студентам в их учебной и внеучебной деятельности, посещал общежития, был связующим звеном между студенчеством и факультетом.

В 1963 г. на кафедру всеобщей истории был приглашен еще один недавний выпускник – Николай Иванович Санников, в ведение которого был отдан курс «История колониальных стран». Необходимо отметить, что среди молодых специалистов, приглашенных на кафедру в первой половине 1960-х гг., именно Н.И. Санников оказался наиболее значимой для исторического факультета УГПИ–УдГУ фигурой. Пройдя путь он старшего преподавателя до профессора и декана исторического факультета, Николай Иванович до последних дней посвящал себя научной и педагогической деятельности, возглавлял кафедру новой и новейшей истории и международных отношений УдГУ³.

На новых специалистов с первых лет работы на историческом факультете ложилась высокая нагрузка. Л.Н. Заболотская писала: «Молодые работники находятся в очень трудных условиях, они разрабатывают курсы в ходе повседневной текущей работы, имея учебные поручения свыше 800 часов. <...> Особенно в сложных условиях находится Санников Н.И., который читает трудный и новый в

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 456н. Л. 19.

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 429. Л. 227; ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 455. Л. 69.

³ Среди последних научных работ Н.И. Санникова отметим изданные курсы лекций: Санников Н.И. Историография новой и новейшей истории ведущих стран Запада: курс лекций. Ижевск, 2009. 406 с. Он же. Новая история (I период): курс лекций. Ижевск, 2009. 624 с. Он же. Новая история (II период): курс лекций. Ижевск, 2008. 296 с.

нашей в науке курс Колониальных стран»¹. Помимо учебной деятельности Г.Т. Кондратьева, Л.А. Сокоиков и Н.И. Санников были заняты подготовкой и сдачей кандидатских экзаменов.

Помимо «своих» выпускников, приглашенных на преподавательскую деятельность, в начале 1960-х гг. кафедра всеобщей истории пополнилась еще одним специалистом, уже имеющим степень кандидата исторических наук, Юрием Николаевичем Осколковым.

Ю.Н. Осколков родился в Великом Устюге 26 декабря 1927 г., в 1944 г. он окончил среднюю школу и одновременно Центральные курсы заочного отделения обучения иностранным языкам «Ин-яз», после чего стал преподавать немецкий язык в речном училище Великого Устюга². Через год он поступил на историческое отделение Восточного факультета Ленинградского государственного университета, который окончил в 1950 г. За годы учебы в ЛГУ Ю.Н. Осколков в рамках прохождения переводческой практики работал в прокуратуре г. Долинска и в оперативном отделе лагеря для военнопленных г. Караганда. После окончания Восточного факультета ЛГУ Ю.Н. Осколков, был зачислен в аспирантуру, по окончании которой в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную японо-германскому блоку в годы Второй мировой войны. С сентября 1954 г. он преподавал новейшую историю и новую и новейшую историю стран Азии и Африки в Красноярском государственном педагогическом институте³, однако в 1961 г., в связи с «ухудшившимся бытовыми условиями» Ю.Н. Осколков обратился к ректору УГПИ М.П. Бабину с просьбой разрешить ему участвовать в конкурсе по замещению вакантной должности старшего преподавателя или доцента по кафедре всеобщей истории⁴. Для университета и кафедры это было, безусловно, находкой: квалифицированный специалист, владеющий тремя иностранными языками, имеющий профильное востоковедческое образование — все это обуславливало ценность для УГПИ Ю.Н. Осколкова как преподавателя.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 405. Л. 197.

² Архив УдГУ. Оп. 1. Д. 942. Л. 3.

³ Сейчас — Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.

⁴ Архив УдГУ. Оп. 1. Д. 942. Л. 9.

1 июля 1964 г. Любовь Николаевна Заболотская вышла на пенсию – новым главой кафедры стал Василий Евгеньевич Майер, единственный, кто на тот момент имел ученую степень. Л.Н. Заболотская возглавляла кафедру чуть более 12 лет и оставила глубокий след в ее истории. Как справедливо отмечает Н.Г. Шишкина, этапы развития кафедры связаны, в первую очередь, с именами ее заведующих¹. Верно это и для периода 1950-х–1960-х гг. Кандидат педагогических наук Л.Н. Заболотская, будучи руководителем кафедры, первоочередное внимание в своей деятельности уделяла именно педагогической составляющей. Этому было подчинена и учебная и внеучебная работа кафедры. Не без влияния заведующего кафедрой, О.П. Новикова выбрала сферой своих научных интересов проблемы преподавания новой и новейшей истории в школе.

На высоком уровне велась преподавательская деятельность, были подготовлены и защищены две кандидатские диссертации, налажена тесная связь со школами Ижевска и районов Удмуртии. Несмотря на «неприязненное» отношение некоторых преподавателей института и факультета к В.Е. Майеру, Л.Н. Заболотской удалось «сохранить» его в рядах кафедры². В начале 1960-х гг. именно поддержка заведующей во многом способствовала тому, что Василий Евгеньевич отправился в двухгодичную командировку в Москву для подготовки докторской диссертации. Л.Н. Заболотская прекрасно понимала, какие перспективы это может открыть перед кафедрой и факультетом. Оправдана была политика Л.Н. Заболотской по приглашению молодых специалистов на кафедру в начале 1960-х гг. С одной стороны, этого требовало увеличение учебной нагрузки из-за введения новых дисциплин, с другой стороны, эти преподаватели вносили свежую струю в научную деятельность, разрабатывали новые темы, не поднимавшиеся ранее в УГПИ.

¹ Шишкина Н.Г. Кафедра истории древнего мира и средних веков: из века минувшего в век нынешний // Историк и его дело: Сб. науч. статей, посв. 85-летию со дня рождения профессора В.Е. Майера. Ижевск, 2003. С. 3.

² Соблюдая исследовательскую объективность, мы не можем игнорировать факты того, что мнение Л.Н. Заболотской относительно В.Е. Майера изменялись с течением времени. Если начало 1960-х гг. – это пора, когда она поддерживала его в стремлении добиваться научных успехов и готова была сделать его своим преемником на посту заведующего кафедрой всеобщей истории, то относительно первой половины 1950-х гг. этого сказать нельзя. В марте 1953 г., после доклада «О политической бдительности» Н.С. Пономарева, заместителя секретаря партбюро, в котором в вину В.Е. Майера ставилось «недостаточное овладение знаниями основ марксизма-ленинизма», Л.Н. Заболотская раскритиковала его за лекции, которые студенты встречают аплодисментами, и заключала, что «такие преподаватели не могут читать лекции студентам». В целом, констатировалось, что «Майер – следствие запущенности идейно-политической работы». ЦДНИ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 30. ЛЛ. 88-91.

Что касается более ранних периодов истории кафедры, когда заведующими были Е.А. Миллиор и К.А. Каретников, то мы не можем делать выводы о какой-либо их четкой позиции как руководителей. Елена Александровна Миллиор внимание уделяла в большей степени собственной научной работе или работе с любимыми учениками, но не в целом развитию структурного подразделения. К.А. Каретников исполняющим обязанности заведующего кафедрой был крайне непродолжительное время, поэтому говорить о какой-то определенной линии руководства не представляется возможным.

Итак, первый период в истории кафедры всеобщей истории (до 1964 г.) выделяется своей педагогической ориентацией: сотрудники были больше сосредоточены на разработке проблем преподавания истории в школе и подготовке специалистов-учителей, чем исследователей. В этом же ключе, в основном, проводилась и научная деятельность. Складывание полноценных научных направлений и школ может быть отнесено уже к новому этапу в развитии кафедры, когда ее заведующим стал Василий Евгеньевич Майер.

2.3. В.Е. Майер – заведующий кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ: кадровая политика и принципы организации учебно-методической работы

Согласно приказу № 183 по Удмуртскому государственному педагогическому институту от 28 сентября 1964 г. Василий Евгеньевич Майер был назначен на должность заведующего кафедрой всеобщей истории¹, сменив на этом посту вышедшую на пенсию Л.Н. Заболотскую². В.Е. Майер принял кафедру уже сложившимся специалистом и возглавлял ее вплоть до своей смерти в 1985 г. Анализ его деятельности в этой должности представляется нам важнейшим с точки зрения понимания взглядов, принципов и подходов ученого к организации высшего образования. Каким образом должна осуществляться работа кафедры? Каковы требования, предъявляемые к ее сотрудникам? Как должны подбираться и формироваться специалисты по дисциплинам всеобщей истории? Как должен быть орга-

¹ Архив УдГУ. Оп. 2В. Д. 3677. Л. 1.

² Архив УдГУ. Оп. 2В. Дело Л.Н. Заболотской (без номера). ЛЛ. 2, 62.

низован учебный процесс и каким образом строить отношения со студентами? Вот основные вопросы, на которые мы должны получить ответы, чтобы понять специфику деятельности В.Е. Майера как заведующего кафедрой всеобщей истории.

К тому времени, когда В.Е. Майер возглавил кафедру, он уже имел опыт административной работы¹, собственные взгляды на ее развитие, принципы руководства и т.п., отличные от того, что проповедовали его предшественники (напомним, что за первые девятнадцать лет, проведенных в УГПИ, он успел поработать под руководством четырех заведующих кафедрами истории и всеобщей истории). Анализ этого направления деятельности В.Е. Майера будет логичным начать с его слов, отражающих видение и понимание места кафедры всеобщей истории в научном и педагогическом поле, представленных в отчете о работе Кафедры за 1965/1966 учебный год².

«Кафедра всеобщей истории занимает ведущее место в формировании научных знаний и мировоззрения студентов-историков, будущих педагогов. <...> Работники кафедры читают археологию и историю первобытного общества, давая, таким образом, наиболее обширные, по сравнению, с другими разделами истории представления о тех периодах истории, которым придавали особое значение классики марксизма-ленинизма. Историческая закономерность развития древнейшей истории человечества наиболее полно облекается в плоть именно на лекциях и практических занятиях по этим разделам исторической науки. Кафедра дает наиболее обширные знания по истории рабовладельческого общества, т.е. второй общественно-экономической формации. Ничего подобного не может быть сделано ни по философии, ни по политической экономии, занимающихся выяснением

¹ С 1 ноября 1958 г. по 1 апреля 1962 г. В.Е. Майер был помощником декана историко-филологического факультета УГПИ с исполнением обязанностей декана факультета иностранных языков. Функции, которые легли на плечи историка в этой должности, были сугубо административно-методические – организация учебной деятельности. Сам Василий Евгеньевич не придавал этому трудовому опыту в дальнейшем особого значения, воспринимая его как определенную обузу, тормозившую его научную работу.

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 479. ЛЛ. 17-34. Обязательные годовые отчеты о работе кафедры (да и вообще любого структурного подразделения института, как тогда, так и сейчас) специфические источники. По большей части это – сухие, официальные документы, выстроенные по строго определенному плану, не оставляющие для его составителя, «простор для творчества». Однако в упомянутом нами отчете, составленном по истечении второго года работы В.Е. Майера в новой должности, автор позволил себе гораздо более подробно и эмоционально осветить сферу своей деятельности, чем это было принято.

только общей закономерности, ни по истории СССР, не располагающей данными об этой формации, как истории Греции и Рима.

Общая закономерность развития и конкретного проявления третьей общественно-экономической формации – феодализма – раскрывается по всеобщей истории на значительно более обширном, красочном и разнообразном материале, чем по любому другому предмету. К. Маркс, изучая капиталистическую формацию, делал это на примерах всеобщей истории. Вряд ли где-нибудь может быть еще более широко раскрыто политико-экономические, философские и революционные взгляды классиков марксизма, чем на занятиях по всеобщей истории. А новейшее время? Достаточно напомнить о том обширном рабочем и коммунистическом движении, которое происходило во всем мире, национально-освободительной войне, чтобы понять, какое место занимает кафедра в формировании воззрения пролетарского интернационализма, чувств советской гордости, коммунистической убежденности, веры в правоту нашего общего дела.

Но не только в стенах института играет кафедра такую роль. Мы сейчас читаем лекции по антирелигиозным темам, международному рабочему и коммунистическому движению, национально-освободительной борьбе, международному положению, пишем на соответствующие темы лекции для общества «Знание», публикуем брошюры. А работа с преподавателями города и республики? Кафедра и здесь проводит весьма заметную работу»¹.

Эта обширная цитата особо выделяется в череде рассмотрения целого ряда довольно-таки близких документов по отчетности как Кафедры и Факультета, так и Института в целом. В этом контексте рассуждения Василий Евгеньевича о значимости структурного подразделения УГПИ, которое он возглавил, представляются громогласным выражением своего мнения, отражающим искренний патриотизм В.Е. Майера в отношении исторической науки в целом и всеобщей истории в частности. Его убежденность в исключительной значимости Кафедры в структуре Пединститута – это убежденность в значимости истории вообще.

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 479. Л. 17.

Василий Евгеньевич отметил тесную взаимосвязь изучаемых усилиями сотрудников кафедры событий с современной мировой обстановкой, понять которую нельзя, не поняв предшествующие эпохи. Как представляется, именно это положение, в конечном итоге, мы можем назвать определяющим для него. Историк по В.Е. Майеру – это всегда пропагандист и агитатор, человек, стоящий на идеологической передовой. И, собственно, это практическое отношение Василия Евгеньевича к задачам исторической науки определяет весомость и значимость конкретно всеобщей истории: именно те, кто занимаются изучением и преподаванием истории всех пяти формаций, те, кто делает это на материалах, использовавшихся классиками марксизма, смогут со всей определенностью понять подоплеку событий дней сегодняшних и донести это знание в массы, сформировать мировоззрение советского человека.

Появление развернутого рассуждения В.Е. Майера о роли кафедры всеобщей истории в отчете за 1965/1966 учебный год не случайно и связано со сложившейся еще в годы работы Л.Н. Заболотской сложной кадровой обстановкой: некоторые из сотрудников оказались под давлением, направленным на то, чтобы подтолкнуть их сменить «истфаковскую прописку», другие, в связи с состоянием здоровья, были близки к тому, чтобы закончить преподавательскую карьеру вообще.

В 1962 г. Л.Н. Заболотская писала В.Е. Майеру в Москву, где он находился в докторантуре¹:

«Добрый день Василий Евгеньевич! Была очень, очень рада получить от Вас добрые вести о том, что доклад Ваш будет. Я помню обсуждение Ваших работ по документам. И мне кажется, что основная идея диссертации найдет в них подтверждение. В дискуссии, если таковая возникнет, Вы справитесь, у Вас есть много данных из документов, да и гибкость мысли, «слава богу», уже достаточно отработана. Мы все уверены, что Вы будете со щитом. Если нужно будет послать отзыв на доклад, то мы соберем кафедру с представителями, занимающимися кре-

---

¹ Не позднее 24 ноября 1962 г., когда скончался Ю.Н. Осколков.

стьянскими делами и обсудим доклад, только присылайте поскорее. Мы будем с Вами и за Вас, все переживаем. Пишите тотчас же, как пройдет.

Кафедру немного лихорадит. Вдруг наша Галя [*Г.Т. Кондратьева – А.Т.*] решила остаться в музее и бросить работу в институте. Говорили с ней ласково и жестко, Вахрушев [*А.Н. Вахрушев, один из старейших преподавателей-историков УГПИ. Работал на факультете с 1933 г.; в 1961 г., после периода работы в партийных структурах, вернулся в УГПИ. Занимал должность заведующего кафедрой истории СССР, проректора по научной работе; муж Л.Н. Заболотской – А.Т.*] ходил в музей. Наконец уломали. Что-то ей крутит голову Генинг [*В.Ф. Генинг, археолог, основатель свердловской школы археологии – А.Т.*]. Но сейчас успокоилась. С лекциями справляется, только по ист.<ории> древнего мира иногда еще бывает неуверенность.

Юрий Николаевич [*Ю.Н. Осколков – А.Т.*] лежит в больнице. У него оказывается порок сердца типа Волошина (?). И был такой приступ, что его еле вернули к жизни. Мы не знали и гоняли его по районам, а оказывается с ним нужно быть очень осторожным. Кафедра все еще не утверждена и мы на птичьих правах.

Лёня [*Л.А. Соколов – А.Т.*] работает очень хорошо, много читает, готовится старательно и лекции зрелые. Он очень хорошо начитан и страшно увлекается своей работой.

Ездили с О.П. [*О.П. Новикова – А.Т.*] в Лыngu¹. Эту школу нам дало министерство для того, чтобы изучить состояние преподавания истории и обсудить на метод-совете при министерстве. Мы с радостью взяли за это и отказались от Завьялова. По крайней мере конкретная цель. В школе мы застали весьма отрадную картину. Это поселок и нельзя было ожидать, что там так хорошо работают. Все наши. Директор Федин (?), историки Вычужанин и Логинова. После их уроков (мы приехали неожиданно) завьяловских историков хочется повесить.

---

¹ Речь идет о селе Лынга Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики (тогда - УАССР), в которое были направлены сотрудники кафедры всеобщей истории УГПИ Л.Н. Заболотская и О.П. Новикова для оказания т.н. «шефской помощи» и проверки уровня подготовки ведения истории в местной школе.

Борислава Петровна сначала была немного подавлена и тоже неуверенна, теперь уже выглядит веселее, хлопотливо бегают. <...> Изменили режим занятий. Лекции – 90 минут без перерыва. Теперь заканчивать будем почти на час раньше. Студенты выдвигают главным аргументом – удобнее ходить на вечера. Теснота стала еще большей. <...> Вот все новости.

На кафедре постоянно о Вас вспоминаем. Все очень хотят Вас видеть. Шлют привет, искренние пожелания успеха вообще и на данном этапе с докладом. <...>.

Пишите же непременно и почаще.

С приветом Л. Заболотская»¹.

Тон письма (с одной стороны, – благожелательный по отношению к В.Е. Майеру, с другой, – деловой и конкретный), его содержание, касающееся, в основном, вопросов жизни Кафедры, акцентированное на острые углы и проблемы, позволяют нам с большой степенью уверенности предполагать, что между Л.Н. Заболотской и В.Е. Майером существовала устная или негласная договоренность о том, что по возвращении последнего из командировки Любовь Николаевна выйдет на пенсию, оставив кафедру на человека опытного и близкого к завершению докторской диссертации. Собственно, так ситуация и обстояла: 1 июля 1964 г. Л.Н. Заболотская вышла на пенсию², а уже 1 сентября, с началом нового учебного года, кафедру принял Василий Евгеньевич, возвратившийся в апреле из докторантуры³. Именно поэтому, на наш взгляд, Л.Н. Заболотская стремилась к тому, чтобы ее «сменщик» был в курсе всех происходящих на кафедре дел, в том числе и с негативным оттенком, поскольку решать старые и новые проблемы должен был уже В.Е. Майер.

Г.Т. Кондратьева, работавшая с начала 1960-х гг. на кафедре всеобщей истории в должности ассистента и параллельно – в Республиканском краеведческом музее⁴ в качестве заведующей фондами, также проводила самостоятельные археологические раскопки на р. Чепце, идейным вдохновителем которых был В.Ф. Ге-

¹ Письмо Л.Н. Заболотской В.Е. Майеру // Личный архив автора.

² Архив УдГУ. Оп. 2В. Дело Л.Н. Заболотской (без номера). Л. 62.

³ Архив УдГУ. Оп. 2В. Д. 3677. Л. 1.

⁴ Сейчас – Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда.

нинг¹. Речь в письме Л.Н. Заболотской идет, по-видимому, о том, что не без влияния последнего, Г.Т. Кондратьева решила отказаться от преподавания в Институте в пользу сугубо археологических исследований. Естественно, это не могло устроить ни Л.Н. Заболотскую, как заведующую кафедрой, которая была не заинтересована в том, чтобы ее ряды покидал молодой перспективный сотрудник, тем более в тот момент, когда единственный, кто мог бы заменить ее в качестве преподавателя истории древнего мира, т.е. В.Е. Майер (после ухода с кафедры Е.А. Миллиор преподавание этого курса легло на плечи Василия Евгеньевича), находился в двухгодичной командировке, ни руководство Факультета и Института в целом, политика которых была нацелена на воспитание собственных специалистов. Сохранение на кафедре Г.Т. Кондратьевой стало большим успехом для Л.Н. Заболотской.

Печальнее ситуация обстояла с Ю.Н. Осколковым, упоминавшаяся в письме болезнь которого, привела к скорой кончине. Несмотря на то, что проработал он в Институте недолгое время, с октября 1961 г. по ноябрь 1962 г.,² что неудивительно, учитывая хотя бы тот факт, что Юрий Николаевич свободно владел немецким, английским и японским языками³. Серьезность этой потери для Кафедры объясняется тем, что историки-востоковеды считались «штучными» специалистами, и найти замену в лице другого остепененного преподавателя такого же уровня для чтения курса истории стран Азии и Африки в региональном пединституте было делом практически невозможным. Не случайно, долгое время после смерти Ю.Н. Осколкова, эта дисциплина не могла обрести «своего» преподавателя.

Таким образом складывалась кадровая ситуация к моменту принятия В.Е. Майером кафедры всеобщей истории. Однако, несмотря на то, что вопрос с Г.Т. Кондратьевой был улажен, перед новым заведующим возникли очередные затруднения кадрового характера. В упоминавшемся уже кафедральном отчете за 1965/1966 учебный год, В.Е. Майер писал о непростой обстановке, которая сло-

¹ Мельникова О.М. Научная школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете. Ижевск, 2006. С. 51.

² Архив УдГУ. Оп. 1. Д. 942. Л. 1.

³ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 407а. Л. 39.

жилаась вокруг Н.И. Санникова. Последний, выбрав для себя тему будущей кандидатской диссертации по германской истории, должен был сдавать минимум по немецкому языку. Значительную помощь ему в этом оказал В.Е. Майер, и после нескольких месяцев подготовки экзамен был успешно выдержан. Сам Василий Евгеньевич был твердо убежден, что для молодого специалиста открыты все двери, чтобы сдать другие кандидатские испытания и приступить к подготовке диссертации по выбранной проблематике. Однако, по словам В.Е. Майера, Н.И. Санников подвергся уговорам со стороны руководства кафедрой политэкономии и дирекции Пединститута, призывавших его к тому, чтобы отказаться от идеи защиты работы по всеобщей истории (в связи с тем, что это сложно и времязатратно) в пользу написания диссертации по политэкономии или философии, для которых не требуется знания языков, работы в столичных архивах и тому подобных препятствий. В «сентябре 1965 г. Санников Николай Иванович, горячо любящий свой предмет, но доведенный до предела подобными рассуждениями, собрался уходить на другую работу, чтобы форсировать дело с диссертацией», – писал В.Е. Майер¹. Однако ему удалось «отстоять» перспективного специалиста: «Санников Николай Иванович – знаток по новейшей истории. Подготовить по этому разделу <...> специалиста нелегко. В Санникове Николае Ивановиче заложен десятилетний упорный труд работников нашего института. Он должен быть специалистом по новейшей истории. <...> Занятия языком помогли обрести Н.И. Санникову веру в себя»², – подытожил свои рассуждения В.Е. Майер. Для того, чтобы освободить от части нагрузки Николая Ивановича кафедра пригласила на условиях почасовой оплаты А.П. Кожуру, работавшую на кафедре в середине 1950-х гг.³

Решение проблем кадрового характера, с которыми вынужден был столкнуться В.Е. Майер в первые годы работы заведующим кафедрой, были вплотную связаны с одним из его основополагающих принципов руководства структурным подразделением: настоящий специалист в области всеобщей истории может быть

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 479. Л. 19.

² Там же.

³ Там же.

только в одном из ее разделов¹. Иными словами, Василий Евгеньевич как заведующий подчинял свою работу тому, чтобы обеспечить подведомственную ему структуру отдельным специалистом для каждой из дисциплин всеобщей истории. Несмотря на то, что сам В.Е. Майер прочитал за годы работы на историческом факультете УГПИ–УдГУ едва ли не все предусмотренные общие курсы, специалистом в строгом смысле этого слова он считал себя только в истории средних веков. Убежденность в том, что для каждой дисциплины должен быть один квалифицированный преподаватель выросла в нем, по-видимому, еще в годы обучения на историческом факультете МГУ. На протяжении всей жизни, высоко ценивший этот крупнейший вуз страны как «носителя высокой культуры»², Василий Евгеньевич стремился к тому, чтобы перенять, хотя бы частично, его опыт в своей деятельности. Студенчество исторического факультета МГУ для него всегда оставалось эталоном в области профессиональной и политической подготовки, к которому он стремился приблизить учащихся УГПИ–УдГУ. Свидетельством этому служит дневник В.Е. Майера, который он вел в первые послевоенные годы. Здесь он отмечал огромную разницу между студентами УГПИ и МГУ и, которую, как педагог, стремился нивелировать³.

Идеи, высказанные В.Е. Майером еще в 1965 г. о необходимости наличия узких специалистов внутри общего направления «всеобщая история», для УГПИ были новаторскими. Когда в 1971 г. вопрос о реорганизации Удмуртского пединститута в университет был решен и потребовался переход на «новые рельсы» как учебного, так и научного процесса, Василий Евгеньевич отмечал, что «перейдя в университет, каждый из нас должен отказаться от универсализма»⁴. «Университетские» по своей сути принципы организации учебного процесса стали внедряться в практику деятельности кафедры задолго до реорганизации Пединститута.

На очередном заседании кафедры В.Е. Майер заявил о том, что согласно новым (т.е. университетским) учебным планам кафедра должна была подготовить

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 479. Л. 22.

² Майер В.Е. Носитель высокой культуры // Удмуртский университет. 21 октября 1982.

³ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7. ЛЛ. 8-9.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 20.

актуальные программы специализации, для чего необходимо было, по его мысли, связаться с коллегами из других университетов, составить список литературы и самому специализироваться, причем на самом серьезном уровне: «узкая специализация <преподавателя> должна быть настолько глубокой, чтобы студент <под его руководством> мог самостоятельно вести научные исследования»¹. Таким образом В.Е. Майером закладывались принципы для возможностей формирования будущих научных лидерских коллективов в рамках кафедры всеобщей истории.

Достичь той цели, которую поставил перед собой В.Е. Майер, т.е. обеспечить кафедру специалистами «узкого профиля», можно было двумя путями. Первый – это подготовка специалистов из числа «своих» выпускников, т.е. тот путь, которым пошла в начале 1960-х гг. Л.Н. Заболотская, пригласив на работу Г.Т. Кондратьеву, Л.А. Соковикова и Н.И. Санникова. Второй – приглашение уже «готовых» ученых из других вузов страны, определившихся со сферой своих научных интересов, которые сразу были бы готовы читать конкретный курс.

В первые годы работы на новом поприще В.Е. Майер, в рамках решения проблемы кадровой обеспеченности Кафедры квалифицированными специалистами, решил идти путем, проложенным Л.Н. Заболотской. В 1964/1965 учебном году на кафедру в должности ассистента был приглашен Георгий Николаевич Прозоров², выпускник исторического факультета УГПИ 1964 г., сразу же «брошенный» на один из самых сложных участков в дисциплинарном поле всеобщей истории – историю стран Азии и Африки, оставшийся без преподавателя после безвременного ухода Ю.Н. Осколкова. Таким образом, уже в 1964/1965 учебном году на кафедре всеобщей истории стала складываться та система, к которой стремился В.Е. Майер: одна дисциплина – один преподаватель. За преподавание истории древнего мира отвечала Г.Т. Кондратьева, истории средних веков – В.Е. Майер, новой истории – О.П. Новикова, новейшей истории – Н.И. Санников, истории стран Азии

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 20.

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 455. Л. 57. Подробнее о карьерном пути Г.Н. Прозорова в УГПИ-УдГУ – в его личном деле: Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 2824. ЛЛ. 1-70.

и Африки – Г.Н. Прозоров. Л.А. Соковиков после возвращения В.Е. Майера стал преподавать на заочном отделении.

Несмотря на кажущуюся решенность кадрового вопроса, В.Е. Майер понимал, что принятых мер недостаточно. Недавний выпускник, назначенный на преподавание той или иной дисциплины, – это еще не специалист. Для того, чтобы он сформировался ему необходимо пройти обучение в аспирантуре, сдать необходимые экзамены, подготовить и защитить кандидатскую диссертацию. В идеале, все преподаватели кафедры всеобщей истории, по мысли В.Е. Майера, должны были быть остепененными специалистами. Требования, с позиции дня сегодняшнего выглядят обыденно, однако в то время, тем более для УГПИ, где некоторые из кафедр к началу 1970-х гг. возглавлялись преподавателями без ученой степени¹, они были весьма прогрессивными.

В связи с выполнением поставленных перед кафедрой всеобщей истории задач, в середине 1960-х гг. здесь начался этап «аспирантской чехарды»: молодые преподаватели стали направляться в ведущие вузы и научные центры страны для обучения в аспирантуре и подготовки кандидатских диссертаций (В.Е. Майер считал, что к этому готовы все неостепененные сотрудники), а на их место принимались другие. Такая замена была необходима, поскольку иначе на оставшихся преподавателей легла бы чрезмерная учебная нагрузка. Первой «ласточкой» стала Г.Т. Кондратьева, направленная в октябре 1965 г. в аспирантуру Московского областного педагогического института (МОПИ) им. Н.К. Крупской для подготовки диссертации по археологии². Для кафедры это был определенный риск: Г.Т. Кондратьева тяготилась преподавательской работой, тем более по дисциплине, не связанной напрямую с ее научными интересами. После обучения в аспирантуре, в рамках которого ею был подготовлен ряд научных статей³, в Ижевск, на кафедру

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Д. 5. Л. 108-115. В 1971 г. в УГПИ таких кафедр было четыре.

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 479. Л. 18.

³ Кондратьева Г.Т. Древнеудмуртский могильник у д. Чиргино // УЗ МОПИ. Т. 183, вып. 2. 1967. С. 103–117; Она же. Новые данные из истории древнеудмуртской одежды // УЗ МОПИ. Т. 183, вып. 2. 1967. С. 327–333; Она же. Некоторые древние городища северных районов Удмуртской АССР (к этногенезу северных удмуртов) // УЗ МОПИ. Т. 198, вып. 3. 1967. С. 147–162.

всеобщей истории она вернулась лишь на один учебный год и в 1971 г., после защиты кандидатской диссертации, перестала преподавать в УГПИ.

После отъезда в аспирантуру Г.Т. Кондратьевой кафедра нашла ей замену в лице Валерии Николаевны Лоншаковой, которую В.Е. Майер характеризовал как «эрудированного, грамотного, хорошо подготовленного работника» с «высокой культурой речи»¹. Историко-филологический факультет УГПИ В.Н. Лоншакова окончила еще в 1960 г., однако в связи с распределением мужа в Литву временно покинула Ижевск². Сам факт того, что она начала читать курс истории древнего мира уже с ноября 1965 г., свидетельствует о скоординированности действий руководства кафедры и института в рамках обеспечения дисциплин преподавателями. Повторения той ситуации, которая разворачивалась в УГПИ в 1930-е гг., когда в результате скоропалительных решений дирекции тот или иной курс вообще мог быть не прочитан студентам из-за увольнения преподавателя и не найденной своевременно заменой, быть не могло³.

Через два года после отъезда в аспирантуру Г.Т. Кондратьевой по ее стопам пошел Н.И. Санников, которого Кафедра направила для подготовки кандидатской диссертации в Московской государственный педагогический институт (МГПИ) им. В.И. Ленина под руководство А.Л. Нарочницкого, крупного специалиста по международным отношениям нового и новейшего времени. Выбранная еще в Ижевске «германская проблематика», а также основательная языковая подготовка, проведенная В.Е. Майером, позволили Н.И. Санникову в срок написать и защитить диссертацию, посвященную проблемам германского неонацизма в послевоенный период⁴.

В том же 1967 г. после двух лет работы покинула стены УГПИ В.Н. Лоншакова, о чем В.Е. Майер сожалел, отмечая, что кафедра с ее уходом лишается «ква-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 479. Л. 18-19.

² Архив УдГУ. Оп. 1. Д. 741. Л. 4.

³ Впрочем, нарушения учебного плана имели место быть и в рассматриваемое нами время. Так, весной 1967 г. первокурсникам не был до конца прочитан курс истории древнего мира, т.к. в связи с болезнью дочери В.Н. Лоншакова была вынуждена уйти в длительный отпуск. Руководством кафедры, в свою очередь, было принято решение о том, что курс будет дочитан в следующем учебном году. Схожим образом обстояла ситуация с преподаванием археологии: в том же 1967 г. этот курс из-за учебы Г.Т. Кондратьевой в аспирантуре с первого семестра был перенесен на второй.

⁴ Санников Н.И. НДП – новая нацистская партия Западной Германии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М, 1971.

лифицированного» специалиста¹. Заведующим было принято решение пригласить специалистов со стороны.

Первой стала Надежда Степановна Талашова, окончившая в 1967 г. Казанский государственный университет и в том же году, согласно приказу № 201 по Удмуртскому государственному педагогическому институту, принятая на работу². В Казанском университете она прошла великолепную школу антиковедения под руководством профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории КГУ Аркадия Семеновича Шофмана, была участником научного кружка «Античный понедельник», организованного ее учителем в 1966 г.³. В.Е. Майером она была приглашена для чтения курса истории древнего мира, и его, как заведующего кафедрой, удовлетворяло то, каким образом молодой специалист подходила к выполнению своих обязанностей. В преподавании своей дисциплины она основное внимание уделяла вопросам развития производительных сил в первобытном обществе, анализировала процессы генезиса рабовладения и его этапы, большое внимание обращала на вопросы источниковедения и историография древней истории. В целом, по итогам первого года работы В.Е. Майер характеризовал ее как хорошо подготовленного, трудолюбивого, любознательного работника, определенно обладающего педагогическим призванием⁴.

Н.С. Талашова была принята временным преподавателем, на период командировки в Москву Г.Т. Кондратьевой⁵, однако в связи с грядущим поступлением в аспирантуру Г.Н. Прозорова, В.Е. Майер отмечал, что Надежду Степановну необходимо оставить и при необходимости перевести на чтение курса «История стран Азии и Африки». Это было осуществлено в 1968/1969 учебном году, когда возвратившейся из аспирантуры Г.Т. Кондратьевой был отдан курс истории древнего мира. Естественно, такое положение вещей, когда специалисту-антиковеду при-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 510. Л. 117.

² Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 1964. Л. 6.

³ Подробнее о жизненном и творческом пути Н.С. Талашовой см.: Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Надежда Степановна Талашова: путь историка // Талашова Н.С. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Иваново, 2011. С. 5-12. О первых шагах Н.С. Талашовой в УдГУ см.: Шишкина Н.Г., Туркевич, А.Л. Начало творческого пути: Надежда Степановна Талашова в Ижевске (1967–1974) // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 55–58.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 538. Л. 24.

⁵ Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 1964. Л. 6.

ходилось читать курс по предмету, отдаленному от сферы его интересов, не могло удовлетворять В.Е. Майера, поскольку входило в прямое противоречие с его концепцией об узких специалистах внутри подразделения, однако на эти меры он был вынужден идти.

Для замены Н.И. Санникова в качестве преподавателя новейшей истории в сентябре 1967 г. на кафедру была приглашена Вера Петровна Коротова, выпускница Пермского государственного университета, ученица Л.Е. Кертмана, защитившая под его руководством кандидатскую диссертацию по теме: «Леволейбористское движение Англии и разрядка международной напряженности в 1953–1956 гг.»¹. Начав преподавательскую деятельность в Пермском университете, она вынуждена была его покинуть в связи с переездом в Ижевск мужа. В характеристике, выданной В.П. Коротовой для устройства на работу в УГПИ, отмечалось: «Как в студенческие годы, так и в период работы на кафедре и учебы в аспирантуре Лисина [*девичья фамилия В.П. Коротовой — А.Т.*] проявила себя как добросовестный работник, всегда ответственно относившийся к возложенным на него обязанностям. Уже в студенческие годы она проявила интерес к научной работе и обнаружила способности к историческому исследованию. <...> читала лекции и вела практические занятия по курсу новейшей истории. Читала спецкурс по истории английского рабочего движения <...> обращает внимание творческий характер лекций, сказывающийся, в частности, в характеристике историографии»². Помимо учебной нагрузки, в УдГУ на ее плечи легло руководство студенческим кружком по всеобщей истории.

Л.А. Сокоиков был назначен преподавателем введенного в учебные планы пединститутов курса «История южных и западных славян», ставшим для него основным предметом вплоть до окончания преподавательской карьеры в УдГУ.

После того, как в аспирантуру московских университетов были направлены Г.Т. Кондратьева и Н.И. Санников, настал черед прохождения этого этапа становления ученого и для Г.Н. Прозорова. Однако в отличие от своих коллег, он пошел

¹ Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 1999. Л. 5.

² Там же. ЛЛ. 8-9.

по пути, к которому в свое время склоняли Н.И. Санникова: подготовка и защита кандидатской диссертации не по проблемам всеобщей истории, а по философии. После поступления в аспирантуру в 1968 г. при кафедре философии УГПИ по специальности «диалектический и исторический материализм» Г.Н. Прозоров покинул кафедру всеобщей истории и к преподаванию на ней более не возвращался¹.

В 1969 г., после ухода Г.Н. Прозорова, руководство Кафедры пригласило для чтения курса истории стран Азии и Африки очередного недавнего выпускника УГПИ Геннадия Яковлевича Баженова². С одной стороны, подобное решение, когда на сложнейший во всех отношениях курс (широкий временной промежуток, охватываемый дисциплиной, многогранность и дифференцированность самого изучаемого региона, слабая, по сравнению с другими предметами всеобщей истории, историографическая изученность и пр.) назначается молодой преподаватель фактически без педагогического опыта, которому приходится «с нуля» приступать к его чтению, самостоятельно разрабатывать лекционный план и т.п., вызывает недоумение. С другой стороны, мы должны понимать логику заведующего при принятии такого решения: по остальным дисциплинам Кафедра фактически уже была обеспечена специалистами-профессионалами, которые зарекомендовали себя здесь с лучшей стороны. Естественным, если на чтение курса истории стран Азии и Африки был назначен кто-то из них, пусть даже и сам Василий Евгеньевич, наверняка, удалось бы разработать и подготовить его быстрее, может быть качественнее, чем сделал бы это молодой преподаватель. Но это не было бы решением проблемы. Во-первых, ухудшилось бы преподавание дисциплины, с которой был снят специалист; во-вторых, для В.Е. Майера как заведующего было важно найти того преподавателя, для которого история стран Азии и Африки стала бы основным курсом, пусть даже добиваться этого пришлось бы используя принцип «с корабля – на бал» и просеивая, как сквозь сито, возможных претендентов.

¹ Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 2824. Л. 1.

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 589. Л. 43.

В 1969 г., после 25 лет преподавания в институте, перешла на работу в школу О.П. Новикова. Несмотря на то, что она не смогла подготовить и защитить кандидатскую диссертацию по методике преподавания истории в школе (хотя все необходимые экзамены ею были сданы еще в первой половине 1950-х гг., и тогда же был начат сбор материала для будущей работы), она играла большую роль в жизни кафедры. О.П. Новикова не только отвечала за преподавание новой истории, но и была квалифицированным педагогом, востребованным специалистом по методике преподавания. Не случайно, когда студенты-историки проходили педпрактику в школах, именно она была ответственной за ее проведение, отвечала за методическую составляющую. Перу Оксаны Петровны не принадлежат скольконибудь значимые научные статьи, ей не довелось сделать вклад в собственно историческую науку, который был бы замечен и оценен по достоинству, однако ее деятельность была подчинена педагогической работе. О.П. Новикова учила студентов быть учителями, проводила работу со школьными преподавателями по вопросам методики преподавания, помогала им в составлении текстов лекций, поурочных планов, методических разработок и пр.¹ После ее ухода из пединститута связь с историческим факультетом не прервалась: при прохождении педагогической практики многие студенты направлялись для проведения уроков именно в классы О.П. Новиковой.

1970–1980-е годы для кафедры всеобщей истории УГПИ–УдГУ – это период, в котором продолжалась активная работа ее заведующего по решению вопроса кадрового наполнения подразделения. В это время на работу были приглашены те специалисты, которые долгое время определяли, а некоторые и по сей день определяют вектор развития изучения и преподавания всеобщей истории в Университете (Фото 7). Речь идет о таких преподавателях как В.А. Кананин, В.Е. Владыкин, Л.В. Котова, И.Ф. Сергеенкова, Н.Е. Цепулина, С.С. Дерендяев, В.В. Иванов и Н.Ю. Старкова².

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 249. Л. 10.

² См. о них и кафедре всеобщей истории подробнее: Историческая наука в УГПИ–УдГУ. Историографические очерки. 1931–2006. Ижевск, 2007. С. 62.

Показав на примере преподавателей, приглашенных для работы на кафедре всеобщей истории в 1960-е гг., каким образом осуществлялся подбор кадров В.Е. Майером, как нам представляется, нет нужды подробно освещать путь названных выше историков к тем должностям, которые они, в конечном итоге, заняли. В нашу исследовательскую задачу входит, прежде всего, анализ принципов и подходов В.Е. Майера к заведованию кафедрой, а не биографическое описание каждого из работавших здесь сотрудников, тем более что такая информация уже собрана и опубликована¹. Отметим лишь тот факт, что подбирая новых членов для своей команды, Василий Евгеньевич продолжал придерживаться принципа обеспечения кафедры узкими специалистами, провозглашенного им еще в 1960-е гг.

Тем не менее, говоря о кадровой политике В.Е. Майера в 1970-е гг., на фигуре В.Е. Владыкина следует остановиться подробнее. И речь здесь идет не столько о последовавших за его приглашением в 1972 г. на кафедру всеобщей истории блестящих научных и карьерных достижениях Владимира Емельяновича², сколько о специфике принятого В.Е. Майером решения.

Сотрудничество с Василием Евгеньевичем, как вспоминал В.Е. Владыкин³, началось еще в бытность работы последнего в УдНИИ (Удмуртском научно-исследовательском институте) в рамках создания первой хрестоматии по истории Удмуртии⁴. Произшедшая в 1972 г. реорганизация Удмуртского государственного пединститута в университет, означала, в том числе, введение в учебные планы новых дисциплин, в частности, «Этнография» для исторического факультета, оказавшаяся в ведении кафедры всеобщей истории. Для ее преподавания В.Е. Майером был приглашен именно В.Е. Владыкин, зарекомендовавший себя, по видимому, в ходе работы над хрестоматией с лучшей стороны.

¹ Историческая наука в УГПИ-УдГУ. Историографические очерки. 1931-2006. Ижевск, 2007. С. 57-82; 139-148; 184-256.

² Об этом см. подробнее: Владыкин Владимир Емельянович: к 60-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель. Ижевск, 2003. 64 с.

³ Владыкин В.Е. В Ижевск, к Майеру // Историк и его дело: Материалы научных чтений, посвященных памяти профессора В.Е. Майера. Ижевск, 2002. С. 3-4.

⁴ Хрестоматия по истории Удмуртии / под общ. ред. В.Е. Майера. Ижевск, 1973. 272 с.

Подобное решение заведующего нами вправе быть расценено как «грамотная селекционная политика». Целенаправленное приглашение уже сложившегося специалиста означало собой не только заботу В.Е. Майера о том, чтобы новый предмет получил квалифицированного преподавателя (исходя из предыдущего опыта заведования, вполне логичным выглядело бы «распределение» на этнографию кого-то из уже имеющих в штате преподавателей), но и радение о кафедре в целом. Представляя Владимира Емельяновича как своего заместителя¹, В.Е. Майер определенно делал это с прицелом на будущее, осознавая какие перспективы для кафедры это может принести: разработка совершенно новых тем, выход на новый уровень учебной и научной работы и, возможно, создание целых научных школ и направлений.

Наверное, будет неправомерным утверждать, что в 1972 г., приглашая на работу В.Е. Владыкина, В.Е. Майер предполагал, что в дальнейшем развитие этнографии как дисциплины позволит выделить из состава кафедры всеобщей истории отдельное структурное подразделение, однако, подводя в декабре 1984 г. итоги очередной пятилетки своего заведования, он отметил, что «его [В.Е. Владыкина – А.Т.] предстоящая защита докторской диссертации дает реальную возможность образования двух кафедр»². Тем не менее, прозорливость и дальновидность В.Е. Майера, с позиции дня сегодняшнего, не вызывает ни малейших сомнений, а его решение сыграло большую роль для кафедры всеобщей истории.

Кадровая политика Майера-заведующего подразумевала под собой не только точечный подбор специалистов и работу над совершенствованием их профессиональных навыков (о чем речь пойдет ниже), но и определенное подстраивание коллектива «под себя», под свою модель руководства. Если же член кафедры, по тем или иным причинам, не отвечал майеровским требованиям, не вписывался в его видение перспективного развития, то Василий Евгеньевич стремился с ним расстаться. Подобным образом ситуация обстояла, в частности, с Л.А. Соковико-

¹ Владыкин В.Е. В Ижевск, к Майеру // Историк и его дело: Материалы научных чтений, посвященных памяти профессора В.Е. Майера. Ижевск, 2002. С. 4.

² ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп.1. Д. 252. Л. 4.

вым. Принятый на работу в годы докторантуры В.Е. Майера, он, по мнению последнего, в состав кафедры не вписывался. С чем это было связано? Отказ от написания кандидатской диссертации по германской проблематике, как это задумывалось изначально, вследствие незнания языка, побудил Л.А. Соковикова разрабатывать тему «Роль советов в социалистическом строительстве 1929–1937 гг. (на материале УАССР)». Однако В.Е. Майер был убежден в том, что, несмотря на «безусловную важность и актуальность» названной темы, дальнейшее пребывание Л.А. Соковикова на кафедре всеобщей истории бессмысленно и логичным был бы его перевод на кафедру отечественной истории¹. Однако майеровские попытки добиться этого в первые годы заведования оказались безуспешны, и в дальнейшем к этому вопросу он не возвращался.

Иначе обстояла ситуация с Н.С. Талашовой. После ее возвращения из аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в 1972 г., ряд последовавших конфликтов с коллективом кафедры и университета в целом, привел к резкому обострению отношений между ней и В.Е. Майером. Апогеем сложившейся ситуации стало внеочередное заседание кафедры всеобщей истории, созванное 18 апреля 1974 г. по инициативе заведующего и призванное обсудить поведение Н.С. Талашовой². Главной претензией в ее адрес со стороны В.Е. Майера и коллег по кафедре стало именно поведение (хотя Василий Евгеньевич высказывал критику и в адрес ее диссертации, охарактеризовав ее как «не из блестящих»): неуважительное и, в определенной, мере безнравственное³. Тем не менее, когда речь зашла о принятии решения, все члены кафедры, за исключением В.Е. Майера, высказались в том ключе, что урок, полученный Н.С. Талашовой, пойдет ей на пользу. Однако сам Василий Евгеньевич принял единоличное решение, отказавшись «планировать» молодого кандидата наук на следующий учебный год⁴.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 456н. Л. 19.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 173. ЛЛ. 31–34.

³ Важно понимать, что оценка событий нами дается лишь с учетом мнения одной из сторон. Мнения Н.С. Талашовой о событиях тех лет, к сожалению, узнать уже не удастся.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 173. Л. 34.

Давая оценку подобного решения В.Е. Майера, акцент следует делать не на том, насколько оправданно или неоправданно, умеренно или жестко оно было, но на том, насколько оно вписывалось в проводимую им политику. И, как представляется, иного решения В.Е. Майер принять не мог. Создавая коллектив единомышленников, он был готов идти на жесткие меры, жертвуя одним из его членов в пользу остальных. Кроме того, следует учитывать тот факт, что сам В.Е. Майер, по-видимому, не хотел быть начальником над тем подчиненным, который скомпрометировал себя в лице своих коллег по университету и не был готов признать свою вину.

Коллеги и ученики В.Е. Майера неоднократно отмечали его удивительный педагогический талант, проявлявшийся как при проведении лекционных и практических занятий, так и при организации зачетов и экзаменов¹. Наиболее сильной чертой педагогического мастерства историка были лекционные занятия. Несмотря на отсутствие при их проведении каких-либо ярких внешних «эффектов», они поражали слушателей «глубиной, ясностью, безупречной мерой соединения академизма и популярности, страстностью, отточенностью речи»². Именно благодаря лекциям Василий Евгеньевич заслужил искреннюю любовь своих учеников.

Ответственно и скрупулезно профессор В.Е. Майер подходил к организации семинарских занятий. Их основной задачей он считал не углубление знаний, полученных в ходе лекционной работы, а обучение методам исторического анализа и навыкам работы с источниками. Исходя из этого, ученый стремился при форми-

¹ Владыкин В.Е., Шишкина Н.Г. Профессор В.Е. Майер – ученый и педагог // Проблемы германской истории (эпоха феодализма). Ижевск, 1989. С. 5–22; Шишкина Н.Г. Профессор В.Е. Майер. Опыт анализа педагогической концепции // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы. Ижевск, 1996. С. 52–54; Она же. Василий Евгеньевич Майер: педагогическое наследие // Инновационные процессы в сфере образования и проблемы повышения качества подготовки специалистов. Ижевск, 2005. Т. 2. С. 158–162. Она же. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 216–245; Она же. Методика проведения экзаменов и зачетов (из опыта профессора В.Е. Майера) // Проблема качества исторического образования в системе высшей школы. Казань, 2008. С. 201–207; Она же. Размышления В.Е. Майера о творческом характере подготовки к экзаменам и зачетам // Историк и его дело. Вып. 8. Ижевск, 2010. С. 144–149; Она же. Теоретические и практические принципы построения спецкурса «История западноевропейской культуры XIV–XVII вв.» // История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные научно-образовательные практики (Историк и его дело. Вып. 10). Ижевск, 2013. С. 10–13. Шишкина Н.Г., Владыкин В.Е. Научно-педагогическое наследие профессора В.Е. Майера // Вестник Удмуртского университета. 1998. Специальный выпуск: Всеобщая история: к 80-летию профессора В.Е. Майера. С. 3–18; Мерзлякова Л.В., Савельева М.Г. Профессиональная педагогическая этика и культура преподавателя вуза: взгляд современников на опыт В.Е. Майера // Историк и его дело. Вып. 9. Ижевск, 2011. С. 74–76.

² Шишкина Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 237.

ровании плана семинарских занятий наполнить их не сугубо фактографическими темами, а проблемами, которые имеют «теоретико-познавательное, методологическое и образовательно-воспитательное отношение»¹. Если же семинарское занятие предполагало большой объем фактических знаний, то оно в обязательном порядке предварялось соответствующей лекцией. Важным компонентом при организации семинаров В.Е. Майер считал их организационное разнообразие: насколько это было возможно, он стремился к тому, что занятия отличались друг от друга, постепенно усложняясь для студентов, вынуждая их с каждым разом все активнее обращаться к источникам, к литературе. В целом, В.Е. Майер считал, что в ходе семинаров педагог получает гораздо больше возможностей для обучения студентов, чем это возможно при чтении лекций. Кроме того, они позволяют оценивать текущую работу студентов, контролировать и направлять их деятельность в верное русло.

При проведении любого вида аудиторной работы В.Е. Майер огромное значение придавал наглядности: карты, атласы, «методички», иллюстрации были неотъемлемой частью любой лекции, любого экзамена (Фото 6). Благодаря этому ему удавалось полнее донести материал занятий до студентов и требовать от них соответствующей отдачи при самостоятельной работе.

Василию Евгеньевичу удавалось добиваться успехов при организации работы со студентами за счет невероятно тщательной и продуманной самостоятельной подготовки. Он прекрасно осознавал, что качественная лекция может быть прочитана только при условии заранее проведенной работы: изучения современной литературы, подготовки широкого конспекта. Последнему обстоятельству В.Е. Майер уделял большое значение. Конспекты для него были основным видом хранения материала, который предполагался к использованию в том или ином виде работе со студентами. Соответственным образом они и составлялись: подробно, обязательно с возможностью дополнения новыми данными при условии их появления. Конспекты для Василия Евгеньевича были его «сокровищницей», объекта-

---

¹ Шишкина Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 239.

ми «постоянного хранения», к которым он мог бы обратиться в случае необходимости, возникавшими регулярно, поскольку за годы работы на историческом факультете УГПИ–УдГУ он прочел едва ли не все общие курсы по всеобщей истории, а также различные специальные курсы, наиболее успешным среди которых стала «История западноевропейской культуры XIV–XVII вв.».

Н.Г. Шишкина, подготовившая анализ этого спецкурса¹, отмечала, что впервые он был разработан В.Е. Майером еще в середине 1960-х гг., однако вплоть до самой смерти историк его обновлял и совершенствовал в соответствии с получаемым педагогическим опытом и обогащением новыми знаниями². Ярким свидетельством того, насколько серьезно и ответственно Василий Евгеньевич относился к подготовке этого специального курса является тот факт, что по окончании семестра он ежегодно устанавливал «обратную связь» со студентами, собирая с них отзывы о том, какую роль и значение сыграли для них материалы занятий. Благодаря этому историку удавалось вносить в него возможные коррективы для будущих курсов с учетом пожеланий студентов.

Однако каков бы ни был педагогический талант самого В.Е. Майера, он осознавал, что руководство кафедрой всеобщей истории требует проявление этого таланта не только от него самого, но и от его коллег. И именно этому аспекту – повышению квалификации своих молодых коллег во многом была подчинена его деятельность как заведующего кафедрой.

Несмотря на сложную кадровую ситуацию, сложившуюся на кафедре всеобщей истории в середине 1960 – начале 1970-х гг., бесконечную ротацию преподавателей, связанную с обучением в аспирантуре и подготовкой кандидатских диссертаций, с первых лет работы на новом посту В.Е. Майер целенаправленно шел по пути внедрения разного рода новшеств в работу подвластного ему структурного подразделения, которые, по его мнению, должны были способствовать повы-

---

¹ Шишкина Н.Г. Теоретические и практические принципы построения спецкурса «История западноевропейской культуры XIV–XVII вв.» // История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные научно-образовательные практики (Историк и его дело. Вып. 10). Ижевск, 2013. С. 10–13.

² Там же. С. 10.

шению эффективности работы кафедры¹. Мы должны отметить тот факт, что меры, предпринятые заведующим, были необходимыми шагами, принимая во внимание тот факт, что кафедра объединяла в себе специалистов с разными уровнем подготовки, научными интересами и принципами работы. Поэтому для В.Е. Майера было жизненно важным «привести к общему знаменателю» свой «разношерстный» коллектив, привив каждому из его членов, те методы работы, которые он считал верными.

Одним из первых новаторских приемов В.Е. Майера стала «Тетрадь по взаимопосещению занятий», введенная в оборот деятельности кафедры в 1965 г.², и которая, по его мнению, должна была помогать преподавателям учиться друг у друга. До наших дней не сохранились первые тетради взаимопосещений занятий по кафедре всеобщей истории, однако даже те, что имеются в нашем распоряжении³, могут дать достаточно полное и отчетливое представление об этом виде кафедральной нагрузки, введенном В.Е. Майером, и о значении, которым он ему придавал.

В условиях, в которых оказалась кафедра всеобщей истории в середине 1960-х гг. (появление большого числа молодых сотрудников, не имевших еще достаточного преподавательского опыта), наличие такой Тетради было мерой первой необходимости. С одной стороны, посещая лекционные и практические занятия, зачеты и экзамены, проводимые старшими коллегами, молодые преподаватели⁴ усваивали методику чтения лекций, особенности и технику их ведения, принципы и характер проведения аттестаций уже не как студенты, но в новом качестве. Делая при этом соответствующие записи в журнал, они позволяли, таким образом,

¹ Туркевич А.Л. В.Е. Майер и методы руководства кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ (1964–1985) // История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики. Ижевск, 2013. (Историк и его дело. Вып. 10). С. 56–66

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 479. Л. 24.

³ «Тетрадь посещения занятий преподавателями кафедры. Всеобщая история» за 1976–1984 гг. // Личный архив автора. Судя по всему, после того, как она была заполнена полностью, Василий Евгеньевич сохранил ее, взяв в свой домашний архив, что может являться свидетельством значимости, которое он придавал этому документу.

⁴ Употребляя термин «молодые преподаватели» мы акцентируем внимание не на их возрасте. Для нас важно отметить сложившуюся на кафедре всеобщей истории дихотомию в отношении «более опытных» преподавателей, т.е. В.Е. Майера и О.П. Новиковой и «менее опытных», т.е. Г.Т. Кондратьевой, Н.И. Санникова, Л.А. Соковиной, затем – Г.Н. Прозорова, Г.Я. Баженова и пр. Соответственно, для нашего удобства мы должны были найти слово, которое позволяло бы объединить сотрудников из второй группы. Термин «молодые преподаватели» не совсем корректен, но при этом нагляден.

тем же самым опытным коллегам оценить действительно ли они поняли главную мысль лекции, уловили ли они ее особенности, методику проведения, скрытую от студентов работу преподавателя по подготовке занятия: проделанный обзор источников, новейшей литературы, конструирование и моделирование ее плана и т.п.

С другой стороны, В.Е. Майер и О.П. Новикова, посещая занятия молодых преподавателей, выделяли те недостатки и недочеты, без которых не могли обойтись их коллеги, еще не обладающие достаточным преподавательским опытом. Речь здесь идет не только о собственно внутреннем содержании той или иной лекции, но и о том, что обращалось внимание именно на ее внешнюю сторону: технику чтения, наличие наглядных материалов, установление контакта между лектором и аудиторией, т.е. именно на атрибуты грамотно построенной и спланированной лекции, цель которой – донести материал до слушателя, а не дать его формально.

Василий Евгеньевич при заполнении тетради строго придерживался плана, дисциплинируя себя и подавая пример своим коллегам. Обязательными атрибутами отчета были указания на имя лектора (или экзаменатора), предмет, подготовленность аудитории к занятию, характер работы преподавателя и недостатки, если они имелись. Так, 25 сентября 1976 г. В.Е. Майер писал:

«Посетил лекцию на I <курсе> з<очного> /о<тделения> по этнографии доцента Владыкина по теме: народы Америки.

Аудитория была оборудована соответственно требованиям, предъявляемым к занятиям по этнографии: окна затемнены, имелась доска, диапроектор, книги для показа, карта, указка, мел, тряпка. Студенты сидели компактно, заполняя всю аудиторию.

С первого момента установился здоровый контакт между лектором и аудиторией. В ходе лекции Владыкин апеллировал неоднократно к знаниям студентов, разговаривал с ними как с людьми знающими <...>

План лекции содержал 4 пункта: <...> Характерно, что Владыкин раскрывал последовательно каждый пункт, постоянно используя все средства наглядного изображения.

В целом лекция носила познавательный характер. В ней содержалась объемная информация, она была стройна и наглядна. Все было предельно продумано, систематизировано и доходчиво изложено. <...> Лекция поражала своим гуманизмом, научностью и принципиальностью»¹.

В практике взаимопосещений лекции и последующих отчетах принимали участие все преподаватели кафедры всеобщей истории; внимание уделялось фактически всем видам преподавательской деятельности: лекционным и практическим занятиям, консультациям, зачетам и экзаменам, предзащитам, защитам курсовых работ, педагогическим практикам студентов в школе, а также полевым занятиям по этнографии.

Для В.Е. Майера журнал взаимопосещения не был формальностью: он прорабатывал каждую запись, оставленную в журнале; примерно, на 90 процентах из них имеются сделанные им карандашные пометки на полях или внутри текста, отмечающие основные положения, и акцентирующие внимание на недостатках того или иного занятия, которые преподаватель должен был учесть в следующий раз. В.Е. Майер был требователен и к себе, и к своим коллегам относительно заполнения журнала, не принимая легкомысленного отношения к его ведению. «Почему-то Н.Г. [*Н.Г. Шишкина – А.Т.*] формально отчитывается о посещении занятий. Это не серьезно!», – записал он в тетради в июне 1978 г. после нескольких кратких и сжатых отзывов от своей ученицы².

Тетрадь взаимопосещений для В.Е. Майера была одним из тех средств, при помощи которого он контролировал работу своих подчиненных; контролировал не в отношении «следил», но – «руководил» и «направлял». Ему важно было понимать, как ведется преподавательская деятельность сотрудников, насколько от-

¹ «Тетрадь посещения занятий преподавателями кафедры. Всеобщая история» за 1976-1984 гг. // Личный архив автора.

² Там же.

ветственно они относятся к выполнению возложенных на них обязательств, каким образом организуют свои занятия, реагируют на критику и т.п. Через Тетрадь он влиял на своих коллег: выделяя недостатки, учитывая пожелания, высказываемые преподавателями друг другу, В.Е. Майер мог акцентировано указать, какие принципиальные положения следует учесть, обработать или исправить, чтобы повысить качество преподавания. Как заведующий кафедрой, через взаимопосещения он отслеживал работу студентов, специализирующихся по всеобщей истории, контролировал прохождение ими всех ступеней обучения: от работы на лекционных и семинарских занятиях до педагогических практик в школе и защите курсовых и дипломных работ. Кроме того, В.Е. Майер отдельно отмечал, что особо эффективным может быть практика не простого посещения занятия одного преподавателя другим, а проведение так называемых открытых лекций, на которых присутствовали несколько членов кафедры¹.

Говоря о той значимости, которую В.Е. Майер придавал тетради взаимопосещений занятий, отметим, что ее строгое ведение и заполнение держалось именно за счет фигуры заведующего. После его смерти практика ведения еще сохранялась, однако со временем сошла на нет. Тетрадь по взаимопосещению была авторской задумкой заведующего по регулированию работы кафедры и, соответственно, поддерживалась его волей в связи с действительной потребностью в ней.

Другим нововведением, привнесенным В.Е. Майером в работу своего подразделения, стало обязательное заслушивание и обсуждение лекций преподавателей на заседаниях кафедры². Фактически ни одно из заседаний, за исключением тех, что были посвященными началу очередного учебного года, не обходилось без таких заслушиваний. Обычно на одном заседании кафедры обсуждалась одна лекция одного преподавателя, и, таким образом, за учебный год заслушивались 9-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 1615. Л. 28. В этом, стоит отметить, проявляется одно из различий в подходах к руководству кафедрой между В.Е. Майером и Л.Н. Заболотской. Так, последняя писала по поводу открытых лекций: «Открытая лекция не является эффективной мерой повышения качества преподавания. Она нервозно действует как на лектора, так и на студентов» и, соответственно, не может являться показателем работы преподавателя. ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 336. ЛЛ. 184-185.

² Первое упоминание об обсуждениях текстов лекций преподавателей по кафедре всеобщей истории встречается в годовом отчете за 1966/1967 учебный год. ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 510. Л. 114.

10 лекций. Темы лекций, выносящиеся на обсуждение, выбирали преподаватели. В начале учебного года заведующим составлялся план работы кафедры, где указывалось, что тот или иной преподаватель будет заслушиваться на традиционном обсуждении лекции¹. Перед тем, как на кафедре устраивалась подобная своеобразная «защита», выбранный преподаватель раздавал своим коллегам текст лекции, с которым они должны были ознакомиться до заслушивания.

Чтобы понять, каким образом происходила эта процедура и какие задачи она должна была решать, обратимся к примерам – обсуждения текстов двух лекций: В.П. Коротовой – «Англия в период временной и частичной стабилизации. Всеобщая стачка 1926 г.», проведенного на заседании кафедры 29 сентября 1971 г.² и Н.Г. Васильевой (Шишкиной) – «Вводная лекция» по истории древнего мира, проведенной 27 октября 1971 г.³

29 сентября 1971 г. В.П. Коротова на первом этапе обсуждения обратила внимание на структуру и план занятия, выделив в нем три основных пункта (особенности временной и частичной стабилизации; первое лейбористское правительство и его классовая сущность; всеобщая стачка 1926 г. и ее значение). Затем шло изложение собственно фактического материала, но она уделила ему не столь большое значение, как это принято при изложении тем, носящих фактографический характер. При этом В.П. Коротова отдельно акцентировала внимание коллег по Кафедре (а затем и студентов) на цели лекции, ее методических основах, историографии вопроса, связи с современностью. В качестве вывода по теме лектор предложила обобщить значение рассмотренных в лекции событий.

В последующем обсуждении лекции коллегами по кафедре были высказаны слова поддержки и одобрения, отмечены положительные стороны (ясный план, строгие методические указания, ясные обобщения, анализ каждого пункта лекции) и ее недостатки (не даны причины ухода лейбористов)⁴. После прений слово,

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 257. ЛЛ. 4-5.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 5.

как заведующий Кафедрой, взял В.Е. Майер и подчеркнул положительные стороны, «которые имеют значение для всех членов кафедры»¹ [курсив наш – А.Т.]:

«1. Ясно и точно выделена методология, лежащая в основе данной темы. 2. Принципиально важно отметить точность определения цели лекции. Этому следует регулярно обучать студентов, чтобы они могли пользоваться этим в школе. 3. План четкий и отдельные пункты содержат идейную направленность. 4. Очень удачно раскрыты классовые позиции партий и профсоюзов. Это большая удача В.П. Коротовой, т.к. в других заслушанных нами <лекциях> такой четкости не было. 5. Даны четкие определения понятий. 6. Приводится документальная иллюстрация»². Вслед за выделением сильных сторон лекции, В.Е. Майер дал некоторые советы В.П. Коротовой, которые касались сугубо фактической стороны изложения материала («шире охватить материал в оценке политики лейбористов» и т.п.). В своем заключительном слове Вера Петровна поблагодарила коллег за критику, отметив ценность высказанных замечаний.

Для нас проанализированный эпизод из, в целом, рутинной работы Кафедры важен именно исходя из понимания того, какую роль придавал этому В.Е. Майер. Характеризуя лекцию В.П. Коротовой, он особенно подчеркнул те принципиально сильные стороны в ее построении и изложении, которые должны были быть взяты на вооружение остальными членами кафедры. Поэтому в данном случае заслушивание и обсуждение текста лекции стало своеобразным методом повышения квалификации всех преподавателей, находящихся в подчинении В.Е. Майера.

Обсуждение лекции Н.Г. Васильевой 27 октября 1971 г. проходило по схожему сценарию. Излагая суть занятия, она отметила, что первоочередное внимание следует уделить целям, задачам и методологии курса, вопросам периодизации и его роли и месте в структуре всеобщей истории, а кроме того отдельно остано-

¹ Несмотря на то, что эти слова были записаны В.Е. Майером не собственноручно, а лаборантом кафедры В.Д. Полищук, мы с полным правом можем считать, что именно в такой формулировке они и были произнесены. К делу ведения протоколов кафедральных заседаний заведующий относился со всей серьезностью и перечитывал их после составления, и в случаях, когда записи велись, например, Л.А. Соколовым Василий Евгеньевич не чурался отмечать, что не согласен с содержанием протокола, так как в нем отражено не все сказанное на заседании. См., например, ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 27.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. ЛЛ. 5-6.

виться на особенностях рабовладельческой формации и ее месте в «историческом потоке»¹. После выступления преподавателя слово взяли коллеги по кафедре, обратившие внимание Н.Г. Васильевой на положительные моменты в построении лекции («хорошо выделены особенности развития народов древнего Востока», «много внимания уделено терминологии») и ее недостатки («недостаточное внимание обращено на характеристику классов рабовладельческого общества», «обратить внимание студентов на дискуссию о проблемах развития государства Востока»). Правом заключительного слова воспользовался В.Е. Майер, однако в этот раз он акцентировал свое внимание уже не на том, что могут перенять из лекции Н.Г. Васильевой ее коллеги, а на практических рекомендациях для нее самой, которые должны поспособствовать улучшению качества занятия: «необходимо материалы дискуссии об “азиатском пути”, о формах собственности на Древнем Востоке хотя бы кратко включить. Отдельно рассказать о своеобразии источников по древней истории, <...> сильнее подчеркнуть особенности древневосточного типа по сравнению с античным»².

В конечном итоге, В.Е. Майером и кафедрой всеобщей истории были выработаны определенные требования к лекциям преподавателей:

1. Четкая формулировка методологических проблем.
2. Наличие плана и строгое его соблюдение.
3. Оформление переходов от одного пункта плана к другому.
4. Наличие в конце каждого пункта обобщения, а в конце текста лекции итогового заключения.
5. Указание важнейших проблем, рассматриваемых в лекции.
6. Обзор источников и литературы.
7. Включение примеров из источников и литературы.
8. Определение идейно-воспитательных моментов и научного содержания³.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 10.

² Там же. Л. 11.

³ Методические разработки по истории средних веков для студентов II курсов исторического факультета. Сост. В.Е. Майер. Ижевск, 1984. С. 26.

Таким образом, на основании проанализированных примеров, мы можем сделать вывод, что практика заслушивания и обсуждения лекций преподавателей по кафедре всеобщей истории носила, по замыслу заведующего, двоякую цель. Во-первых, прибегая к ней, В.Е. Майер мог акцентировано указать на положительные и отрицательные стороны конкретной лекции того или иного преподавателя, дать рекомендации по ее улучшению, которые в конечном итоге должны были распространиться и на все читаемые им курсы (поскольку рекомендации носили не только фактографический характер, но и методический). Во-вторых, через обсуждение лекций В.Е. Майер стремился научить коллег и учеников навыкам их построения, обратить внимание на те аспекты, которые они должны усвоить и перенять в собственной практике и преподавательской деятельности. В конечном итоге, подобные мероприятия вошли в обиход кафедры по инициативе В.Е. Майера в связи с прямой необходимостью: наличие большого числа сотрудников без опыта преподавательской деятельности, причем, не только в первые годы его работы в должности заведующего, активная ротация курсов среди преподавателей, возникавшая в результате многочисленных отъездов в аспирантуру и, в целом, довольно ощутимой текучести кадров, особенно в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Следующим новаторским приемом, внедренным В.Е. Майером в работу кафедры всеобщей истории УГПИ, следует назвать практику обсуждения или, как это называл сам Василий Евгеньевич, рецензирования новинок отечественной исторической науки. Впервые о подобной форме общекафедральной деятельности В.Е. Майер заявил в отчете за 1966–1967 учебный год, когда отметил, что за истекший период были прорецензированы «новые издания»¹: В.Н. Лоншаковой – «Введение в классическую филологию» С.И. Радцига² и В.Е. Майером – «От Христа к Константину» А.П. Каждана³.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 510. Л. 115.

² Радциг С.И. Введение в классическую филологию. М., 1965. 527 с.

³ Каждан А.П. От Христа к Константину. М., 1965. 303 с.

Такого рода рецензии носили реферативный характер: по согласованию с заведующим тот или иной преподаватель получал персональное задание, заключающееся в прочтении и подготовке краткого анализа содержания новейшей монографии или статьи для последующего заслушивания и обсуждения на заседании кафедры. Таким образом ситуация обстояла, например, восьмого сентября 1969 г., когда В.Е. Майер выступил с сообщением о книге О.Л. Вайнштейна «История советской медиевистики»¹, содержащим, в основном, краткое переложение материалов монографии².

Большое значение уделялось обзорам периодических изданий. Перед началом учебного года В.Е. Майер распределял между членами кафедры те исторические журналы, которые им предстояло рецензировать в текущем году и представлять к обсуждению на заседаниях важнейшие статьи, методические или идеологические тенденции и т.п. Так, 28 сентября 1974 г. В.Е. Майер предложил следующий план работы: Л.А. Соковикову предлагалось рецензировать журнал «Советское славяноведение», В.П. Коротовой – «Новая и новейшая история», самому Василию Евгеньевичу – «Средние века» и таким же образом для всех членов кафедры в соответствии с их научными и профессиональными интересами³.

При рецензировании периодики преподаватели не могли представить реферативный обзор всех содержащихся материалов, поэтому, как мы можем проследить на примере В.П. Коротовой, они стремились выявить некие общие тенденции издания: «Основное направление журнала не изменилось. Главное внимание уделяется трем проблемам – политической истории, историографии и проблемам политической борьбы. <...> Но в журнале мало дается материала по экономической истории»⁴. Раскрывая далее содержание трех основных для журнала направлений через представление статей, иллюстрирующих их, В.П. Коротова также заметила, что в нем отдельно сообщается обо всех более или менее важных отечественных и международных конгрессах, конференциях и т.п., что по ее мнению,

¹ Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. Л., 1968. 424 с.

² ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 705. Л. 10.

³ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 29.

следует занести в актив издания. В целом же, практика обсуждения журнальных статей ведущих исторических изданий Советского Союза была признана членами кафедры успешной и рекомендована как форма дополнительных занятий на кружке по всеобщей истории, функционировавшем на факультете¹.

Для В.Е. Майера обсуждение новинок исторической литературы на заседаниях Кафедры было одним из способов поделиться с коллегами впечатлениями о том или ином издании, которое он считал достойным этого. Представляя монографию Альберта Нордена «Властители без короны»², посвященной деятельности дома Фуггеров в Германии, он акцентировал внимание слушателей на сильных сторонах книги, а в возникшей затем дискуссии – защищал позиции, изложенные автором. Очевидно, что чтение этой книги доставило Василию Евгеньевичу определенное удовольствие, поделиться которым он решил на одном из заседаний кафедры³. Этот эпизод для нас важен и с той точки зрения, что В.Е. Майер работал с оригинальным текстом монографии на немецком языке, а не пользовался переводным изданием, вышедшем в Советском Союзе только в 1978 г.⁴ Для его коллег по кафедре чтение немецкого текста хоть и было возможно, но было бы гораздо более трудоемким занятием, чем для В.Е. Майера и тем большее значение для них приобретал проделанный им анализ книги.

Практика рецензирования исторических книг, журналов и отдельных статей, привнесенная в работу кафедры всеобщей истории УГПИ В.Е. Майером, предполагала двоякую цель. С одной стороны, по мысли заведующего, она координировала и направляла его сотрудников на знакомство с новинками исторической мысли в сфере их научных интересов, дисциплинировала, обязывая быть в курсе всех тенденций, происходящих, по меньшей мере, в Советском Союзе и странах социалистического лагеря. В.Е. Майер осознавал, что невозможно быть высококвалифицированным специалистом (а мы должны понимать, что именно таких

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 30.

² Norden A. Herrscher ohne Krone. Frankfurt/Main 1974.

³ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. ЛЛ. 9-10.

⁴ Напомним, что рассматриваемые нами события проходили на заседании кафедры всеобщей истории 5 октября 1974 г.

преподавателей он хотел видеть на своей Кафедре), не ориентируясь в новейших исследованиях и достижениях науки. С другой стороны, сам вид, который принимала практика рецензирования, т.е. заслушивания с последующей дискуссией в рамках заседания кафедры, а не, предположим, письменный отчет лично заведующему, демонстрирует, что для В.Е. Майера было важным, чтобы информация, усвоенная одним из его преподавателей, стала доступной и для остальных коллег. Через этот прием Василий Евгеньевич развивал в своих подчиненных широту знаний по сопредельным для них предметам, повышал базовую историческую эрудицию и готовил их, тем самым, к возможной ротации в рамках дисциплинарного поля всеобщей истории. Мы помним, что в 1968–1969 учебном году антиковеду Н.С. Талашовой пришлось читать курс истории стран Азии и Африки, и сейчас сложно сказать заслушивались ли в то время на кафедре обзоры журнала «Народы Азии и Африки», но будь это так – подобная практика стала бы большим подспорьем для нее.

Кроме того, рецензирование журналов и книг несло в себе и педагогическую функцию. После очередного доклада и дискуссии коллективом кафедры принималось решение о возможности рекомендации исторической новинки для использования студентами в подготовке к семинарским занятиям, курсовым и дипломным работам. Однако не всегда подобная практика играла положительную роль. При принятии решений по наиболее принципиальным вопросам в рамках кафедры всеобщей истории право решающего слова всегда оставалось за заведующим. Соответственно, когда речь заходила о рекомендации книги или статьи, решение зависело от его позиции, и в ряде случаев убежденность В.Е. Майера в правоте марксистского подхода и неприятие им отличных точек зрения играли против объективности при оценке исторических работ. Таким образом, например, обстояло дело при рецензировании Н.С. Талашовой статьи Е.М. Штаерман «О некоторых проблемах истории рабства в период поздней Римской республики»¹, когда В.Е. Майер отметил, что указанную статью критиковал профессор А.И. Данилов

---

¹ Штаерман Е.М. О некоторых проблемах истории рабства в период поздней Римской республики // Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сб. памяти акад. А.И. Тюменева. М.: Л., 1963. С. 339-354.

на страницах журнала «Коммунист», так как «...Штаерман недооценивает роль марксистско-ленинского учения о классовой борьбе». На основании этого положения кафедрой было принято решение, что студентам эту статью можно рекомендовать, однако при этом следует оговаривать, что ее содержание противоречит официальной линии, и как более верный и правильный вариант отметить статью А.И. Данилова¹.

Схожим образом развивалась ситуация после выхода монографии А.Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе»² в 1970 г. В отчете за 1969–1970 учебный год В.Е. Майер отмечал, что на занятиях по истории средних веков эта работа А.Я. Гуревича подверглась критике, т.к. она противоречит основным принципам марксистско-ленинского учения о движущих силах истории и классовой борьбе³. Очевидно, что подобная оценка этой монографии шла в русле официальной позиции исторической науки СССР того времени, однако неправомерно было бы предполагать, что упоминание об этом в годовом отчете было сделано В.Е. Майером лишь для того, чтобы отметить солидарность кафедры с «генеральной линией»: критика монографии А.Я. Гуревича могла быть вызвана действительным убеждением В.Е. Майера в ее ошибочности, а не идеологической конъюнктурой.

Говоря о принципиально новых для кафедры всеобщей истории УГПИ явлениях, появившихся в ее работе в связи с деятельностью В.Е. Майера, нельзя не упомянуть об изменениях, затронувших работу со студентами. В первую очередь, это касалось собственно учебной деятельности и изменений, связанных с переходом на университетские планы при реорганизации пединститута в 1972 г.

Для преподавателей кафедры всеобщей истории это означало, в первую очередь, изменение специфики чтения дисциплин: в гораздо большем объеме, чем это было прежде стали даваться разделы, посвященные источниковедению и историографии. Важным оказалось привить студентам навыки работы с проблемами

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282 Оп. 2. Д. 705. ЛЛ. 23-24.

² Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе: Уч. пособие. М., 1970. 224 с.

³ ЦГА УР. Ф. р-1282 Оп. 2. Д. 589. Л. 45.

этого поля науки, поэтому, как отмечал В.Е. Майер, преподавателями кафедры уделялось повышенное «внимание методике самостоятельной работы над ними <источниками> и давались советы как строить выступления на семинарских занятиях». В качестве итога этой деятельности заведующий отмечал, что постоянно расширялся круг студентов, вникающих в изучение источниковедческих и историографических проблем¹.

Однако изменение специфики работы со студентами затронуло не только учебный процесс. На заседании кафедры от 26 декабря 1974 г. В.Е. Майер поставил перед коллективом задачу выяснить, как растет интерес студентов к всеобщей истории². Решать ее было предложено через вовлечение студентов-первокурсников в научную работу, включающую в себя подготовку докладов по проблемам всеобщей истории. На этом же заседании с сообщениями выступили двое студентов по темам, связанным с историей первобытного общества: «Проблема рода в советской исторической науке» и «Проблема антропогенеза в свете новейших открытий палеоантропологии».

В.Е. Майер стремился к тому, чтобы студенческие выступления носили максимально научный характер: помимо докладчика на каждую из тем были выбраны и официальные оппоненты, в задачу которых входило рецензирование докладов своих сокурсников. После того, как сообщения были заслушаны, на кафедре развернулись прения, в которых участвовали и преподаватели, и рецензенты. Дискуссия, по мысли В.Е. Майера, должна была привести студентов к четкому пониманию ключевых вопросов, поднятых в теме.

Отдельного внимания заслуживают заключительные слова, В.Е. Майера, поскольку они могут рассматриваться как обращение ко всему студенчеству факультета в целом, как понимание того, какие качества хотел видеть ученый в своих учениках и будущих коллегах по ремеслу. Он призвал первокурсников к тому, чтобы они избегали закоснелости мысли в тех вопросах, которые касаются теории исторической науки: «Недавно еще казалось, что в нашей науке все неизменно.

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 20.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 17.

<...> Теория есть теория. На первых порах она может казаться неверной, но со временем она может подтвердиться»¹; он высказал пожелания прикладного характера, относящиеся к навыкам публичных выступлений и диспутов. «Необходимо определить свое лицо, не бояться спорить, доказывать. <...> Доклад должен доходить до аудитории. <...> Говорить нужно свободно». Наконец, В.Е. Майер подчеркнул необходимость знания языков для историка как фактор позволяющий обращаться и к источникам, и к зарубежной историографии. Это требование для студентов, специализировавшихся по всеобщей истории, Василий Евгеньевич высказывал регулярно. Можно сказать, что среди учеников В.Е. Майера царил истинный «культ языков», формировавшийся под влиянием и в связи с требованиями учителя.

Следующим шагом в работе В.Е. Майера со студентами стало введение практики публичной защиты курсовых работ на открытых заседаниях кафедры всеобщей истории. Впервые о том, что такие защиты состоялись, заведующий отметил в отчете за 1968–1969 учебный год, когда через эту процедуру прошли Н.Г. Васильева (Шишкина) с темой «Возникновение национально-освободительного движения в Германии в связи с Великой французской революцией» и Т.И. Останина – «Роль крестьянской борьбы во Французской буржуазной революции XVIII в.»². Важно понимать, что в эти годы в УГПИ не существовало практики обязательной публичной защиты курсовых работ, и во многом инициатива этого нововведения исходила именно от В.Е. Майера, целью которого было вовлечение студентов, заинтересованных всеобщей историей и способных к научной работе уже со студенческой скамьи к серьезным, насколько это возможно, исследованиям.

С 1971/1972 учебного года новые университетские планы требовали обязательного написания курсовых и дипломных работ хотя бы частью студенческого коллектива, что накладывало свой отпечаток на деятельность, в том числе, В.Е.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 20.

² ЦГА УР. Ф. р-1282 Оп. 2. Д. 564. Л. 86. Отметим, что первая из них сейчас кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии институт истории и социологии УдГУ, вторая – доктор исторических наук, старший научный сотрудник фондов Национального музея УР им. К. Герда, автор многочисленных научных работ по археологии Удмуртии.

Майера и его коллег по кафедре, поскольку для них это было новым явлением. В связи с этим, заведующий отмечал, что для написания дипломных работ готовиться нужно не только студентам, но и преподавателям: «следует уже сейчас выдвигать темы дипломных работ, чтобы осуществляя руководство <...> приобретать умения и знания, необходимые для этого. Наша цель: научиться руководству, поэтому целесообразнее делать это не на нынешнем V курсе, а на IV – III. Сейчас необходимо подыскать себе способных студентов на этих курсах и начать с ними работу над дипломными темами»¹.

Подробнее об индивидуальной работе В.Е. Майера с учениками мы будем говорить в параграфе, посвященном майеровской научной школе, сформировавшейся в Ижевске на базе исторического факультета УГПИ–УдГУ, однако некоторые эпизоды будет логично осветить сейчас.

Если в работе с младшекурсниками главной задачей было сформировать в них интерес к проблемам всеобщей истории, то со студентами старших курсов специфика взаимодействия была иной. Преобразование пединститута в университет повлекло за собой изменение специфики подготовки студентов: теперь упор делался не только на выпуск учителей самого разного профиля, но и на формирование ученых-исследователей. В.Е. Майер отмечал: «По всей стране идет движение вузов за всесторонний охват студентов научной работой <...> Вопрос стоит о том, чтобы соединить науку с производством, науку с практикой. Вопрос стоит о включении научной работы студентов в учебный процесс»². Для него подобная политика подходила, как представляется, идеальным образом. Заинтересованность В.Е. Майера в том, чтобы подготовить высококвалифицированного специалиста по всеобщей истории получала сейчас действительные основания и практические возможности к осуществлению этого.

В конце 1974 г. кафедрой было принято решение направить студента 5 курса В.А. Чиркина на V Межвузовскую научную студенческую конференцию по проблемам средних веков в Московский государственный университет, что было

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 20.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 39.

важным шагом не только для самого студента, но и для В.Е. Майера как научного руководителя и как заведующего – это был первый подобный опыт для его структурного подразделения. О важности для В.Е. Майера предстоящего направления В.А. Чиркина на студенческую конференцию в Москву говорит хотя бы тот факт, что обсуждение темы и тезисов доклада осуществлялось силами всей кафедры, и окончательный вариант принимался коллегиально.

Участие В.А. Чиркина в конференции на базе МГУ стало для кафедры всеобщей истории большим опытом. После заслушивания подробного итогового отчета были выдвинуты ряд принципиальных положений, исходивших как от В.Е. Майера, так и от его коллег. В частности, речь шла о необходимости вовлечения в такого рода мероприятия более широкого круга студентов, в том числе и с младших курсов, необходимости уделять большее внимание изучению специальной литературы, так как прошедшие конференции (одновременно проходила конференция в Уфе, где от УдГУ участвовал еще один ученик В.Е. Майера Виктор Любич) продемонстрировали пробел в этом аспекте подготовки, о важности изучения исторической литературы на иностранных языках¹.

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении источников свидетельствует, что как заведующий кафедрой всеобщей истории В.Е. Майер был сторонником политики самого раннего вовлечения студенчества в научную деятельность. Через систему докладов на открытых заседаниях кафедры он готовил первокурсников к практике публичных защит курсовых и дипломных работ, а также к будущим возможным выступлениям на разного уровня научно-практических конференциях. Неправомерно было бы говорить, что целью этой деятельности В.Е. Майера было единственное желание подготовить и воспитать учеников в узком смысле этого слова как продолжателей разработки тех тем, что были подняты им самим. Среди тех, кто прошел эти ступени профессионального роста под руководством Майера были Н.Г. Шишкина, В.А. Чиркин, Л.В. Котова, В.В. Иванов, т.е. его прямые ученики. В целом, круг студентов-историков, вовле-

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. ЛЛ. 43-44.

ченных в майеровскую систему подготовки, был гораздо шире. У нас нет никаких оснований считать, что и для тех, кто напрямую не был связан с научно-исследовательской деятельностью профессора, практика подготовки предложенная им прошла напрасно. Напротив, мы должны понимать, что все то, чему учил своих студентов Василий Евгеньевич, находило отражение в их будущей профессии¹.

Подводя итог деятельности В.Е. Майера как заведующего кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ, будет уместным привести обширную выдержку из отчета о работе кафедры за 1979–1984 гг.², составленного ученым 1 декабря 1984 г., за два месяца до смерти. Этот документ можно рассматривать как «лебединую песню» историка, в которой, по факту, он не столько отчитывался за последние 5 лет работы, сколько давал общую оценку своей деятельности в должности заведующего.

«Учебная работа. Главную задачу я видел в работе над совершенствованием учебно-воспитательного процесса по дисциплинам, читаемым членами кафедры, и всем видам учебной работы <...>. Выполняя эту задачу, я сам посетил у членов кафедры 246 часов занятий. Если в первые годы я посещал только лекции и семинарские занятия, то за последние два года бывал и на педпрактике, консультациях, экзаменах, зачетах, при подведении итогов по разным видам занятий, на защитах курсовых работ.

Все виды посещенных мною занятий анализировались, результаты анализа <...> обсуждались на заседаниях кафедры. Одновременно планировались и проводились взаимопосещения всех видов занятий с последующим анализом. Кафедра добилась, что анализы проводились не формально, а на все более высоком научном, методическом и психолого-педагогическом уровне.

---

¹ См., например, воспоминания заслуженного учителя РФ Е.М. Гуши: Гуца Е.М. Вспоминая Учителя. Слово о В.Е. Майере // Историк и его дело (Серия памяти профессора В.Е. Майера). Вып. 8. Ижевск, 2010. С. 149-153.

² ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 252. ЛЛ. 1-4.

Вся кафедра включилась в чтение лекций и проведение семинаров по методике проблемного обучения. Этот метод стал предметом докладов, сообщений и обсуждений на кафедре. <...>

С целью улучшения учебного процесса и усиления связи вузовской учебной <...> со школой проводились консультации перед педпрактикой, посещались уроки и воспитательные часы студентов в школе. <...>

На кафедре систематически обсуждались статьи журналов «Коммунист», «Азия и Африка», «Вестник древней истории», «Новая и новейшая история», «Советская этнография» и периодического издания «Средние века» с целью ознакомления и более глубокого изучения марксистско-ленинской методологии исторического исследования и ознакомления с новейшими достижениями исторической науки.

Научная работа. Основную задачу я видел в поднятии научного уровня знаний и умений членов кафедры, в организации научно-исследовательской работы, подготовке новых квалифицированных научных кадров.

Мне лично стоило большого труда установление прочных связей с крупными центрами науки страны МГУ, Институтом истории АН СССР, ЛГУ, МГПИ, Сар.<атовским> ГУ, Уральским ГУ, Горьковским ГУ и рядом других. В известной мере можно сказать я лично завоевал кое-какой вес в ученом мире. Главное, однако, состояло в том, чтобы членов кафедры втянуть в русло большой научной работы, вовлечь их в подготовку и проведение научных конференций, к выступлению с докладами и сообщениями, к участию в научных дискуссиях. <...>»¹.

Итак, в повседневной деятельности кафедры главное место, как отмечал В.Е. Майер, занимала работа над усовершенствованием учебного процесса: взаимопосещение занятий с целью их методического разбора, открытые лекции и семинарские занятия с последующим обсуждением, разбор и утверждение текстов лекций и развернутых планов практических и семинарских занятий и другое². С одной

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 252. ЛЛ. 1-4.

² Методические разработки по истории средних веков для студентов II курсов исторического факультета. Сост. В.Е. Майер. Ижевск, 1984. С. 26.

стороны, это наглядно показывает какие качества были необходимы для того, чтобы стать преподавателем в советской высшей школе. С другой, отметим, что во многом приемы организации кадровой и учебно-методической деятельности В.Е. Майера можно считать новационными для УГПИ–УдГУ. Повышение научного потенциала членов кафедры также имело большое значение для В.Е. Майера, однако этот аспект будет освещен в следующей главе.

Возглавив в 1964 г. кафедру всеобщей истории, он уже имел четкое представление о том, как будет организована работа этого подразделения. Исходящий из того, что каждая дисциплина должна быть обеспечена «своим» преподавателем, В.Е. Майер соответствующим образом проводил и кадровую политику, подбирая специалистов, и методическую, обеспечивая постоянное повышение их квалификации. За счет грамотно выстроенной работы со студентами, начинавшейся уже на первом курсе, ему удалось подготовить и вовлечь в научную работу наиболее достойных и подготовленных, которые составили костяк преподавательского состава исторического факультета УдГУ уже после смерти ученого. Вся работа Василия Евгеньевича в этом направлении – это определенный срез эпохи, через который просматриваются более широкие вопросы кадровой и научной политики в советское время. В 1980-е – 1990-е гг. коллегами В.Е. Майера по кафедре всеобщей истории – Н.И. Санниковым, Н.Г. Шишкиной, В.Е. Владыкиным были продолжены, заложенные им традиции развития: сформированы самостоятельные структурные подразделения (кафедра новой и новейшей истории и международных отношений, кафедра истории древнего мира и средних веков, кафедра этнологии и регионоведения), расширился кадровый потенциал, в том числе за счет грамотной работы со студентами.

ГЛАВА 3. НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Е. МАЙЕРА

3.1. Основные направления научной работы

Научная работа Василия Евгеньевича Майера была тем видом деятельности, который он считал для себя основным. Ни педагогическая, ни общественная работа не вызывали в нем такого упорства и целеустремленности, как занятие наукой. Поэтому логично, что именно достижения В.Е. Майера в этой сфере могут считаться наиболее значительными. В настоящем параграфе мы обобщим и расширим имеющийся историографический опыт, осветив основные научные разработки В.Е. Майера в области германистики и удмуртоведения.

Сегодня невозможно сказать определенно, когда именно в Василии Евгеньевиче проявились стремление и интерес к научной работе. По-видимому, это произошло в годы учебы на историческом факультете Московского государственного университета под позитивным влиянием педагогического коллектива: его учителями были М.В. Нечкина, Н.М. Дружинин, А.В. Арциховский, Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин и др.¹. Первым исследовательским опытом В.Е. Майера мы можем назвать его переводческую деятельность в качестве вспомогательного научного сотрудника Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ), к которой он был привлечен весной 1941 г. Из-за начавшейся Великой Отечественной войны работа в ИМЭЛ была для будущего ученого весьма скоротечной, однако продемонстрировала его готовность и способность исследовать материалы на немецком языке.

Годы Великой Отечественной войны, в том числе первый педагогический опыт, полученный В.Е. Майером в Увинском педучилище, по-видимому, лишь укрепили в нем желание заниматься наукой. Об этом свидетельствует и сам факт его возвращения в МГУ для окончания обучения и защиты диплома, и характеристика, полученная им после окончания учебы: «Тов. Майер показывает определенные способности к исследовательской работе, и было бы желательно принять

---

¹ Майер В.Е. Носитель высокой культуры // Удмуртский университет. 1982. 21 октября.

его в аспирантуру, хотя бы заочную»¹. Очевидно, что рекомендация к зачислению В.Е. Майера в аспирантуру не могла быть предложена без его желания.

В первые послевоенные годы у В.Е. Майера, по-видимому, не было возможности активно заниматься наукой, однако уже период 1949–1951 гг. ознаменовался для него сдачей кандидатских минимумов, выбором темы будущей диссертации и изучением специальной литературы. Научным руководителем Василия Евгеньевича стал М.М. Смирин – крупнейший в Советском Союзе специалист по средневековой Германии². Сохранившаяся переписка между двумя учеными³ позволяет нам, хотя бы отчасти, оценить то, каким образом происходил процесс работы над кандидатской диссертацией: сбор материала, корректировка темы, определение задач исследования и т.п.

Сейчас, к сожалению, не представляется возможным однозначно сказать, почему в область профессионального научного интереса Василия Евгеньевича попали именно вейстюмы («уставы»)⁴ как источники по изучению экономической и социальной сфер жизни средневековой Германии. Наиболее вероятно, что тема была рекомендована ему М.М. Смириним⁵. Отчетливый интерес В.Е. Майера к аграрной тематике, произраставший из его крестьянского происхождения, и понимание им ее основ и особенностей, а также уверенное знание немецкого языка, в том числе средневекового, удачно сочетались с потребностью анализа вейстюмов, малоизученного советскими историками источника правового характера.

Вейстюмы – юридические документы, неоднородные с точки зрения структуры и содержания, представляют собой записи обычного права общин-марок

¹ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 145.

² Подробнее о нем см.: Володарский В.М. Научно-педагогическая деятельность М.М. Смиринина // Средние века. Вып. 28. М., 1965. С. 3-11.

³ Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1-2). С. 316-355.

⁴ Перевод термина «Weistümer» как «устав» достаточно условен, однако именно такой вариант использовался В.Е. Майером. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона предлагается перевод «правда» или «суд»: См.: Энциклопедический словарь /Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. Т. 5а: Вальтер - Венути. 1892. С. 728. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003924250#?page=276> [Дата обращения]: 19.05.2016). «Прочтение» термина как «вейстюмер» было предложено В.Е. Майером при написании кандидатской диссертации, однако в дальнейшем он пришел к варианту «вейстюм».

⁵ Об этом косвенно свидетельствует просьба В.Е. Майера к М.М. Смирину «не давать аналогичной темы кому-либо»: Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1-2). С. 318.

средневековой Германии, Швейцарии, Австрии, а также отчасти прилегающих к ним районов Чехии и Франции. Составлявшие в период XIII–XVIII вв., вейстюмы стали ценным источником, отражающий хозяйственную жизнь, социальную борьбу, правовые отношения и быт деревни этого периода¹. Официально целью каждого подобного документа было регулирование взаимоотношений между крестьянами общины и феодалом. Ученым-историкам вейстюмы во многом стали доступны благодаря деятельности Якоба Гримма, известного немецкого просветителя, знатока германского фольклора и народной культуры. Интересующийся историей права, он стал первым собирателем и издателем уставов. В.Е. Майер при работе над кандидатской диссертацией опирался именно на гриммовское издание вейстюмов².

Выбор темы будущей кандидатской диссертации (рабочим вариантом названия было определено «*“Weistümer”* как источник положения крестьянства Германии в конце XV – начале XVI в.») произошел в конце 1940-х гг. В апреле 1951 г., когда значительная часть вейстюмов им была прочитана и проанализирована, Василий Евгеньевич, чувствуя необходимость в квалифицированной консультации, писал М.М. Смирину: «не посоветуете ли Вы, в каком направлении мне работать, какие вопросы исследовать»³. В ответном письме Моисей Менделевич сообщал: «Основные вопросы – каким образом в *“Weistümer”* отражаются процессы аграрного развития Германии в XV–XVI вв.? Можно ли нащупать здесь моменты сеньориальной реакции? Достаточны ли данные этого источника? Какими источниками нужно еще пользоваться? Как пользовались этими источниками буржуазные ученые? И т.п.»⁴.

К весне 1952 г., с опорой на рекомендации М.М. Смирин, В.Е. Майером был закончен анализ вейстюмов и сформировано общее представление о том, как должно выглядеть исследование в окончательном виде. Целью работы стало вы-

¹ Майер В.Е. Вейстюмер // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. Стб. 30.

² Grimm J. *Weistümer*, Bd. I u. II. Gottingen, 1840; Bd. III. Gottingen, 1842; Bd. IV. Gottingen, 1863; Bd. V. Gottingen, 1866; Bd. VI. Gottingen, 1869.

³ Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1-2). С. 318.

⁴ Там же. С. 319.

яснение, «насколько полно отражена в уставах жизнь немецких крестьян и в какой мере могут и должны быть использованы уставы в борьбе против реакционных взглядов буржуазных немецких историков»¹.

Василий Евгеньевич предложил выделение 10 типов вейстюмов уже не по территориальному принципу, как он видел это изначально, а с опорой на то, кем и в каких конкретно-исторических условиях они были созданы. Классификация уставов была ранжирована им по степени «закрепощения» крестьян: если к первой группе историком были отнесены документы, составленные свободными крестьянами на сельском сходе, то к десятой уже относились документы, оформившиеся в периоды крестьянских волнений².

Одновременно с этим В.Е. Майер поднял и тему ценности вейстюма как исторического источника. В письме М.М. Смирину от 31 марта 1952 г. он писал: «[я]...много раз восхищался <...>замечательным источником. Если бы даже не было ни одного источника, кроме “Weistümer”, и то можно было бы опровергнуть всю буржуазную чепуху по этому вопросу и дать богатейший материал, подтверждающий феодальную реакцию, ухудшение материального положения крестьян, борьбу за землю и т.д. и т.п.»³. Отметим, что майеровская позиция относительно ценности вейстюмов не претерпела серьезных изменений в дальнейшем: он регулярно подчеркивал богатство их содержания, определяя уставы как «энциклопедию крестьянской жизни в средние века»⁴.

Кандидатская диссертация «Уставы (“Weistümer”) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века»⁵ была защищена В.Е. Майером в Московском государственном университете в 1955 г. В окончательном виде она представила собой 385-страничное исследование, в котором ав-

¹ Майер В.Е. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 2.

² Майер В.Е. Уставы (“Weistümer”) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века: дис. ... канд. ист. наук. 1955. С. 320-321.

³ Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1-2). С. 320.

⁴ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 5.

⁵ Майер В.Е. Уставы (“Weistümer”) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века: дис. ... канд. ист. наук. 1955. 385 с.; Он же. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 19 с.

тор выделил 6 глав. 1 и 2 главы традиционно были посвящены источниковедческому и историографическому обзору темы. В частности, им была скорректирована классификация вейстюмов: 9 типов вместо 10, однако логика их выделения осталось неизменной. В.Е. Майер подчеркивал, что даже самые «демократичные» из уставов отражают процесс «наступления феодалов» на общину и ее права, поскольку они стали записываться именно в тот период, когда старое, неписанное обычное право становилось спорным¹. В документах 3–8 групп историк отмечал господство феодала в общине и общую тенденцию развития немецкой деревни XIV–XVI вв.: усилившееся наступление феодалов на «жизненные условия» крестьян и сопротивление крестьян внутри общины². В целом, подытоживал В.Е. Майер выводы ко второй главе, «внимательный анализ всех документов с целью выяснения развития немецкой деревни в направлении от свободы и относительного равенства к частичной зависимости, от нее к полной зависимости и крепостному состоянию крестьян и, следовательно, к полному неравенству, покажет нам как <...> в XIV–XVI вв. ухудшалось положение крестьян. Резкое ухудшение в материальной и правовой жизни крестьян особенно заметно при сопоставлении документов конца XV и начала XVI в. с документами конца XIII и начала XIV в.»³.

3–6 главы диссертации были посвящены анализу вейстюма как источника по изучению различных аспектов истории немецкой деревни указанного периода: как источник «наступления феодалов» на общую землю марки, как источник характеристики условий земельных держаний крестьян, как источник по изучению взимания барщины и оброка и как источник изучения социально-экономического строя и классовой борьбы в немецкой деревне⁴.

Всего В.Е. Майером было представлено 18 выводов по теме работы, в том числе источниковедческого и историографического плана. Тезисно выделим основные из них.

¹ Майер В.Е. Уставы (“Weistümer”) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века: дис. ... канд. ист. наук. 1955. С. 110.

² Там же. С. 110–111.

³ Там же. С. 111.

⁴ Майер В.Е. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 7–19.

1. Содержание уставов зависело, прежде всего, от того, кем (свободными общинниками или зависимыми крестьянами) и в какой период (например, после волнений) они составлялись. Большинство же документов возникло «благодаря прямому диктату феодалов или их чиновников».

2. Анализ вейстумов демонстрирует начало «феодальной реакции» еще в XV в., т.е. задолго до Крестьянской войны.

3. Экономической формой, в которой реализовывалась земельная собственность в XV–XVI вв., являлось получение собственником ренты, прибавочного продукта.

4. «Классовая борьба» между крестьянами и феодалами составляла основное содержание жизни немецкой деревни XV–XVI вв.¹.

Как мы видим, несмотря на то, что тема диссертации подразумевала анализ вейстумов в целом как источника положения крестьян в Германии, основное внимание В.Е. Майером было уделено сугубо экономической стороне содержания уставов, что, впрочем, было традиционно для советской историографии. Главным достижением Василия Евгеньевича стало раскрытие на примере ценнейшего материала, ранее фактически не привлекавшегося советскими историками, многоплановых социальных и экономических аспектов жизни немецкой деревни перед Крестьянской войной 1524–1525 гг., демонстрирующих, что это событие стало логичным этапом предшествующего развития.

Материалы кандидатской диссертации В.Е. Майера легли в основу трех статей, опубликованных в 1956 г.², в которых отражены, по сути, основные положения его работы. Наиболее удачной, с точки зрения полноты освещения темы, следует считать статью в академическом сборнике «Средние века», где в общем виде изложено содержание диссертации.

¹ Майер В.Е. Уставы (“Weistümer”) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века: дис. ... канд. ист. наук. 1955. С. 367-371

² Майер В.Е. Уставы как источник изучения классовой борьбы в немецкой деревне XV – начала XVI в. // Ученые записки УГПИ. Ижевск, 1956. Вып. 9. С. 125-143; Он же. Уставы как источник по изучению положения крестьян в Германии в конце XV – начала XVI в. // Средние века. М., 1956. Вып. 8. С. 197-216; Он же. Характер и ценность уставов (“Weistümer”) конца XV – начала XVI в. // Ученые записки УГПИ. Ижевск, 1956. Вып. 10. С. 83-98.

Интерес В.Е. Майера к источниковедческой работе по германистике после защиты кандидатской диссертации только возрос. Продолжая работу над вейстюмами, он перевел на русский язык устав общины Пфлаунлох, включенный в «Хрестоматию по истории средних веков»¹, использовавшуюся в вузовской практике. Кроме того, Василий Евгеньевич стал активно обращаться не только к гриммовскому собранию вейстюмер, переизданному в 1957 г.², но и к другим изданиям³, поскольку каждое из них отличалось и в содержательном, и в справочном отношении, справедливо полагая, что только такой подход способствует максимально полному использованию богатого наследия уставов.

Завершением работы В.Е. Майера над проблемами содержания и классификации вейстюмов стала его докторская диссертация. «Значение вейстюмов как источников, — писал Василий Евгеньевич, — заключается не столько в том, что они являются оригинальными творениями феодальной Германии, но прежде всего именно в их массовости и в том, что в их составлении участвовали представители самых различных категорий феодально-зависимых крестьян и самого класса феодалов»⁴. Вновь обращаясь к вопросу классификации вейстюмов, В.Е. Майер, полемизируя с немецкими и венгерскими историками, отмечал, что все предлагаемые ими варианты группировок источников страдают общим недостатком: игнорирование особенностей эпохи, а именно — обострения социально-экономических противоречий. Анализ содержания вейстюмов, по мнению советского историка, приводит к пониманию наличия связи между затрагиваемыми в источнике вопросами и социальной категорий авторов и обстоятельствами, в которых документ был создан. Опираясь на этот тезис, В.Е. Майер скорректировал предыдущую классификацию вейстюмов, оставляя восемь групп документов. Критерии выде-

¹ Германия в XII-XV вв. Аграрные отношения в XII-XV вв. // Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. М., 1963. Т. 2. X-XV века. С. 440-459. Кроме того, им была подготовлена статья о новых изданиях вейстюмер: Майер В.Е. Новые издания вейстюмер // Ученые записки Перм. гос. ун-та. Пермь, 1964. Вып. 117. С. 107-112.

² Grimm J. Weistümer. Bd. I-VII. Berlin, 1957.

³ Loersch H. Die Weistümer der Rheinprovinz. Bd. 1. Bonn, 1900; Dinklage K. Fränkische Bauernweistümer. Würzburg, 1954; Weizsäcker W. Pfälzische Weistümer. Speyer, 1957.

⁴ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV-XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 139.

ления этих групп принципиально не изменились¹. Новые наработки над уставами позволили В.Е. Майеру сделать вывод: «Вейстюмы содержат огромное количество сведений о развитии производительных сил, состоянии полеводства, скотоводства, луговодства, зернового хозяйства, овцеводства, виноградарства, льноводства <...> в комплексе с другими источниками они составляют исключительно ценный материал для всестороннего изучения немецкой деревни»².

В.Е. Майер, как отмечает Н.Г. Шишкина, признавая особую роль уставов как исторических источников, не был склонен к их абсолютизации, отмечая, что наиболее полную картину положения немецкой деревни можно составить только используя весь спектр имеющихся источников³. Специальных статей, посвященных прочим видам письменных источников по истории немецкой деревни в развитое средневековье, у В.Е. Майера нет, тем не менее, он активно к ним обращался при подготовке научных работ. Достаточно подробное изложение специфики источниковой базы по аграрной проблематике было предложено им в докторской диссертации⁴ и монографии «Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил)»⁵, ставших своеобразным итогом его источниковедческих штудий. В частности, В.Е. Майер выделил шесть групп источников, к которым он обращался и которые давали максимально подробные сведения по аграрной истории средневековой Германии⁶.

1. Вейстюмер (уставы);

2. Крестьянские жалобы («акты»), составлявшиеся в основном в годы Крестьянской войны 1524–1525 гг. Соответственно, они привлекались при изучении «классовой» борьбы в деревни и экономических основ этой борьбы;

¹ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 144–156

² Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 6.

³ Шишкина Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 220.

⁴ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. 873 с. // Личный архив автора; Он же. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. 33 с.

⁵ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. 168 с.

⁶ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 134–208; Он же. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 5–13.

3. Уркунден (удостоверения, грамоты) – массовые источники, в которых закреплялись определенные права или привилегии отдельных лиц. В силу развития товарно-денежных отношений уркунден превратились в свидетельства о различных сделках. К этой же группе примыкают регесты – краткие описи и пересказы уркунден, используемые для выявления наиболее содержательных грамот, и городские хроники

4. Счетные книги (урбании) и земельные описи – разнородные документы, дающие целостное представление о социально-экономическом развитии конкретного региона;

5. Агрономические произведения, в которых может быть прослежено состояние сельского хозяйства;

6. Законодательство территориальных князей.

Давая общую оценку источниковой базы, В.Е. Майер отмечал ряд принципиальных моментов, присущих документам изучаемой эпохи. Во-первых, если для периода XI–XIII вв. были характерны документы хозяйственного содержания, написанные на латинском языке, то уже к середине XIV в. они полностью исчезают, уступая место немецкоязычным уставам, жалобам и законам. Объяснялось это, прежде всего, активным «втягиванием в общественную жизнь широких слоев крестьян». Более того, как отмечал Василий Евгеньевич, смена языков в источниках совпадает с началом массового возникновения письменных текстов: несмотря на то, что первые уставы были записаны еще в XI в., период XIV – начала XVI вв., особенно на стыке веков, – это «золотая эпоха» вейстюмов, в которую были оформлены подавляющее большинство всех документов. Причину этого явления историк видел в нарастании социального напряжения: необходимость записи норм обычного права потребовалась при угрозе нарушений устных традиций. Этим же объясняется и практическое полное прекращение составления подобных

документов к середине XVI в., когда после завершения Крестьянской войны социально-экономическая ситуация в деревне коренным образом поменялась¹.

Во-вторых, отличительной чертой документов XIV–XVI вв. В.Е. Майер считал то, что в них «почти не содержится сведений о зерновом хозяйстве». При этом в источниках прослеживаются изменения, которые претерпевали скотоводство, огородничество, виноградарство². Эта особенность источниковой базы сыграла свою роль в выборе логики изложения материалов в докторской диссертации, когда основное внимание им было уделено незерновым видам сельского хозяйства, о чем мы скажем ниже.

Обработка и анализ обширного массива источникового материала по аграрной истории позволили В.Е. Майеру перейти от исследования источниковедческого характера (которым была его кандидатская диссертация) к общим проблемам истории немецкой деревни. О своем желании продолжать научную работу под руководством М.М. Смирин Василий Евгеньевич заявил, по-видимому, сразу после защиты кандидатской диссертации. «Что касается дальнейших исследований, – писал в 1956 г. профессор Смирин, – то мне кажется, что Вам стоит подумать над вопросом о сравнительном значении “Weistümer” и аналогичных источников по обычному праву других стран (например, Франции). Было бы также интересно заняться поиском других источников по аграрной истории Германии (того или иного периода)»³. Зная французский и голландский языки, В.Е. Майер, тем не менее, не чувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы обратиться к изучению источников не немецкоязычных стран. Логичным продолжением его научной деятельности стала работа по более глубокому изучению аграрной истории Германии в средние века.

¹ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 138–142; Он же. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 12–13.

² Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 13.

³ Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1–2). С. 328.

Наиболее плодотворным для В.Е. Майера в научном плане стал период 1962–1964 гг., когда он прошел двухгодичную докторантуру в МГУ¹. Именно в это время им был собран обширнейший материал, легший в основу его докторской диссертации, и сложилось общее представление о ее структуре и содержании. Рабочими названиями будущей работы стали «Судьбы крестьян Германии XIV–XVI вв.» или «Прогрессивные тенденции в развитии аграрных отношений Германии XIV–XVI вв.»².

Поставивший целью своих новых исследований проблемы развития производительных сил и генезиса капитализма в Германии XIV–XVI вв., Василий Евгеньевич в 1964–1967 гг. опубликовал ряд крупных статей³, посвященных этой тематике и составивших в дальнейшем значительную часть его диссертации. Для каждой из статей характерны обработка большого объема фактического материала, в первую очередь, количественного (данные о распределении земельного фонда, доходы и расходы хозяйств, данные о количестве рабочих дней и т.п.), на основании которой В.Е. Майер делал выводы о характере, динамике развития той или иной отрасли сельского хозяйства Германии в рассматриваемый период.

Так, в статье, посвященной издольной аренде в XIV–XVI вв., В.Е. Майер обратился к проблеме определения исторического места и значений издольных хозяйств. Рассматривая изменения в аграрных отношениях, которые были характер-

¹ О периоде пребывания В.Е. Майера в докторантуре и последующей работе над докторской диссертацией см.: Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 104–112.

² Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 105.

³ Майер В.Е. Крупная издольная аренда на бывших доменальных землях в Германии в XIV–XVI вв. (преимущественно по материалам Вюртемберга) // Ученые записки Перм. гос. ун-та. Пермь, 1964. Вып. 117. С. 3–47; Он же. Виноградарство и его место в аграрной истории Германии в XIV–XVI вв. // Средние века. М., 1965. Вып. 27. С. 114–138; Он же. Имущественное положение крестьянства в Юго-Западной Германии на рубеже XIV–XV вв. (по стат. данным графства Гогенберг, 1392–1408 гг.) // Средние века. М., 1965. Вып. 28. С. 95–118; Он же. Крупное овцеводческое хозяйство в Германии в XIV–XVI вв. и появление в нем элементов капиталистического предпринимательства // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М., 1965. С. 85–123; Он же. Феодальное законодательство Германии XIV–XVI вв. об отчуждении крестьянских держаний // Ученые записки Перм. гос. ун-та. Пермь, 1966. Вып. 143. С. 103–111; Он же. Специализация мелких хозяйств города и деревни Германии XIV–XVI вв. на выращивании огородных, садовых и некоторых технических культур (к вопросу о развитии производительных сил) // Ученые записки Удмурт. гос. пед. ин-т им. 10 УАО. Ижевск, 1967. Вып. 15. С. 112–141.

Кроме того, ряд статей, включавших в себя материалы, собранные в годы прохождения докторантуры, были опубликованы Василием Евгеньевичем после защиты диссертации: Майер В.Е. Проблемы генезиса капитализма в Германии // Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969. С. 143–148; Он же. Роль ростовщического капитала в немецкой деревне XVI–XVII вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 57–82; Он же. Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XVI–XVII вв. // Средние века. М., 1971. Вып. 34. С. 145–162.

ны для германских территорий к западу от Эльбы с XIV в. как результат развития производительных сил, ученый пришел к выводу, что издольные хозяйства стали выражением «прогрессивного этапа развития феодального общества», возникновения которых привело к резкому сокращению барщинного труда и постепенному освобождению самих арендаторов от «крепостной неволи». Издольные хозяйства более рационально использовали трехполье, соблюдали агрономические правила при обработке почвы и т.п. Наиболее крупные из них широко использовали наемный труд, что, в конечном итоге, было направлено на повышение товарности при производстве хлеба. Кроме того, появление большого числа таких хозяйств существенным образом влияло на социальный облик деревни: увеличивалось число наемных людей и свободных арендаторов¹.

Главной новой чертой в развитии сельского хозяйства Германии XIV–XVI вв. В.Е. Майер считал рост его товарности, что, в свою очередь, находилось в прямой зависимости от специализации сельского хозяйства – выделения отдельных хозяйств или целых регионов, производивших преимущественно один или несколько товаров на рынок. Однако в рассматриваемый историком период это явление охватило только районы, приближенные к городам или торговым путям. Одной из отраслей сельского хозяйства Германии, активно вовлеченной в процессы специализации, стало виноградарство, развитию которого была посвящена одна из статей В.Е. Майера, подготовленных в годы его докторантуры.

Развитие виноградарства интересовало Василия Евгеньевича, в первую очередь, с точки зрения его экономических и социальных последствий: появление или расширение смежных отраслей хозяйства, новых форм землепользования, имущественного и социального расслоения крестьянства и т.п.² Анализируя конкретно-исторические данные, В.Е. Майер пришел к следующим выводам: развитие виноградарства в XIV–XVI вв. приобрело широкий размах и в него были втянуты практически все районы Германии, где имелась возможность им заниматься;

¹ Майер В.Е. Крупная издольная аренда на бывших доменальных землях в Германии в XIV–XVI вв. (преимущественно по материалам Вюртемберга) // Ученые записки Перм. гос. ун-та. Пермь, 1964. Вып. 117. С. 17, 43.

² Майер В.Е. Виноградарство и его место в аграрной истории Германии в XIV–XVI вв. // Средние века. М., 1965. Вып. 27. С. 114–115.

виноградарские хозяйства чаще всего носили товарный характер; развитие виноградарства и виноделия благоприятно влияло на рост ремесла и торговли¹.

Кроме того, существенные успехи в развитии этой отрасли привели к серьезным социальным сдвигам в немецкой деревне. Появление большого числа мелких виноградарских хозяйств предполагало свободное передвижение крестьян, а отсутствие достаточно развитого мануфактурного производства подразумевало, в свою очередь, необходимость их массового привлечения. Более того, в виноградарство оказались втянуты и городские жители, а наличие виноградников вблизи городов привело к усилению процессов перехода сельских жителей в городские².

Таким образом, товарное виноградарство, активно развивавшееся в Германии в XIV–XVI вв., существенно влияло на процессы специализации в сельском хозяйстве, приводило к массовой социальной мобильности и, в конечном итоге, способствовало становлению капиталистических отношений. Однако, как отмечал В.Е. Майер, сохранение феодальной собственности на землю, и, соответственно, прав феодалов на строительство винодавилен, торговлю вином, взимание акцизов и т.п. серьезно тормозило развитие «прогрессивных форм ведения хозяйства и проникновение капиталистических отношений в деревню»³.

В 1968 г. в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ) В.Е. Майер защитил докторскую диссертацию «Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.»⁴, ставшую итогом исследований, начатых еще при написании кандидатской диссертации, а затем продолженных в годы прохождения докторантуры. Организационные сложности, с которыми В.Е. Майер столкнулся при предзащитной подготовке, отчасти отражены в его переписке с М.М. Смирным. Мы, в свою очередь, отметим то, что изначальное намерение Василия Евгеньевича защищать диссертацию в

¹ Майер В.Е. Виноградарство и его место в аграрной истории Германии в XIV–XVI вв. // Средние века. М., 1965. Вып. 27. С. 125.

² Там же. С. 137.

³ Там же.

⁴ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. 853 с.; Он же. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. 33 с.

Институте всеобщей истории (ИВИ) АН СССР, было изменено в пользу МГПИ в апреле 1967 г. из-за большой «очереди» на защиты в ИВИ¹.

Целью докторской диссертации В.Е. Майер поставил изучение и анализ развития производительных сил в сельском хозяйстве и взаимосвязи между ними и аграрными отношениями западной части Германии (относительно Эльбы) в XIV–XVI вв. Необходимость обращения к этой теме была продиктована, прежде всего, особенностями развития этого региона. Если в Заэльбье, по словам В.Е. Майера, в рассматриваемый период обнаруживался застой в экономическом развитии, то в «изучаемой части Германии происходили самые бурные изменения в сельском хозяйстве и аграрных отношениях» позитивного характера². Исследование этого подъема, выяснение хронологической границы и причин его приостановления были определены историком как задачи диссертационной работы. Таким образом, в диссертации должны были получить освещение проблемы выявления элементов капитализма в сельском хозяйстве, анализ отдельных форм капиталистических и полукапиталистических хозяйств, выяснение их судьбы в период рефеодализации и установление причин своеобразия развития сельского хозяйства западно-эльбской части Германии³.

Отдельного внимания заслуживает логика построения и внутренней структуризации докторской диссертации, выбранная В.Е. Майером, поскольку она во многом отражает его видение разрабатываемой темы. «Развитие производительных сил в сельском хозяйстве, – писал Василий Евгеньевич, – мы рассматриваем в плане *специализации* [курсив наш – А.Т.] его»⁴. Поэтому в первую очередь автор подверг анализу не “хлебопашество”, а те виды сельскохозяйственного производства, которые развивались за счет сокращения посевных площадей под зерновые культуры: виноградарство, садоводство, огородничество, выращивание техниче-

¹ Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1-2). С. 343-344.

² Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV-XVI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. С. 5.

³ Там же.

⁴ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV-XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 129.

ских культур. Эти отрасли в период интенсификации товарности сельскохозяйственного производства оказались наиболее подвижными в своем развитии.

Второе место в специализации сельского хозяйства, по мысли В.Е. Майера, занимало скотоводство, прежде всего – овцеводство, которое в XIV–XVI вв. уже могло считаться отдельной самостоятельной отраслью. Овцеводческая деятельность не только поставляла продукты на рынок, но и сама активным образом их потребляла: продукты питания, фураж, лес, рабочую силу и т.д.

Развитие «производительных сил в зерновом хозяйстве» рассматривалось В.Е. Майером в последнюю очередь. Он мотивировал это тем, что процесс специализации в сельском хозяйстве происходит таким образом, что от зернового хозяйства, занимающего главенствующее положение, отделяются другие виды сельскохозяйственной отрасли – скотоводство, виноградарство, огородничество и т.д. «Зерновое хозяйство остается на месте. <...> вначале исследуются самые подвижные виды сельскохозяйственного производства, а потом его наиболее неподвижная часть, хотя и наиболее значительная по объему и роли»¹.

Анализируя особенности развития скотоводства и его влияния на социально-экономические отношения в немецкой деревне XIV–XVI вв., Василий Евгеньевич отмечал, прежде всего, изменения в условиях этого развития, имевшие многогранную структуру. С одной стороны, рост городского населения приводил к увеличению спроса на продукты животноводства. С другой, – ликвидация барской запашки и появление значительного числа «мелких держателей и арендаторов» стали толчком для углубления специализации. Наконец, «наступление феодалов» на общинные леса и уголья серьезным образом вносило изменения и определяло структуру скотоводства².

Рассмотрев конкретно-исторические особенности этой отрасли сельского хозяйства, в частности, изменения в кормовой базе и сокращение пастбищ, появление новых пород свиней и причины этого, успехи в овцеводстве, а также в луго-

¹ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 130–131

² Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 32.

водстве и травосеянии как сопутствующих явлениях, преобразования в правовой сфере В.Е. Майер пришел к следующим выводам.

Период XIV–XVI вв. характеризуется процессами «захвата феодалами общинных угодий» в процессе поиска новых источников дохода, прежде всего – торговли строительными материалами и лесом. Вследствие этого происходила вырубка лиственных лесов и уничтожение таких пород деревьев как бук, дуб, орешник, что в свою очередь привело к постепенному исчезновению наиболее распространенной формы скотоводства – пастбищного свиноводства. В свою очередь, эти процессы вызвали переход к стойловому скотоводству и более активному развитию овцеводства, которое к концу рассматриваемого периода, стало ведущей отраслью скотоводства. Переход к стойловому овцеводству поставил перед крестьянами задачу поиска новых кормов и именно с этим связан прогресс луговодства и травосеяния. Необходимость в новом эффективном корме также способствовала быстрому распространению в Германии картофеля и кукурузы. Изменение форм и условий скотоводства привело к возрастанию трудовых затрат, необходимых для выращивания скота, что привело к росту цен на мясо при сохранении прежних цен на хлеб. Наконец, описанные выше перемены в сельском хозяйстве серьезным образом изменили и социальное лицо деревни: усилились процессы имущественной дифференциации и вытеснения крестьян в город, где «условия для изменения профессии были лучше, чем в деревне». Кроме того, и в самой деревне все большее значение приобретал наемный труд¹.

Как мы уже отмечали выше, наиболее характерными новыми явлениями в сельском хозяйстве Германии XIV–XVI вв. В.Е. Майер считал процессы специализации и рост товарного производства. Этой теме он посвятил в докторской диссертации отдельную главу². Отчасти эти явления были проанализированы Василием Евгеньевичем еще в статье «Виноградарство и его место в аграрной истории

¹ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 330–337; Он же. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 59–62.

² Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 338–502.

Германии в XIV–XVI вв.», уже рассмотренной нами, однако в диссертационной работе этот вопрос раскрыт гораздо шире. Так, помимо виноградарства, в сферу его внимания попали огородничество, садоводство, льноводство и выращивание хмеля. Однако особенно ярким, демонстрирующим исследовательские методы В.Е. Майера может считаться сюжет, посвященный производству вайды – синего красителя, изготавливаемого из одноименного растения¹.

Характеризуя вайду как торгово-техническую культуру, Василий Евгеньевич отмечал трудоемкость в ее выращивании и обработке. Основным центром вайдового производства с XIV в. стала Тюрингия. В.Е. Майеру удалось выявить 4 производственных цикла вайды, начиная от подготовки почвы и сева и заканчивая изготовлением красящего порошка из полученного в результате предыдущих этапов полуфабриката. Важнейшими чертами вайдового производства стали, во-первых, вовлечение огромного числа людей, между которыми сложилось разделение труда. Во-вторых, указанное разделение труда имело ярко выраженный дихотомичный характер: деревня–город. Если первые три этапа производства вайды осуществлялись в деревне, то четвертый, заключительный, связанный с непосредственным получением порошка, осуществлялся в городе на основе передававшегося крестьянами полуфабриката – т.н. «вайдового мячика». В.Е. Майер отдельно подчеркивал, что технология четвертого этапа держалась горожанами в секрете, что позволяло им заставлять крестьян выполнять всю предшествующую работу². Кроме того, даже в рамках «деревенских» этапов производства вайды складывалось свое разделение труда – разные виды работ выполнялись разными категориями наемных рабочих. Наконец, в-третьих, рыночное производство вайды было настолько трудозатратным и специфическим, что не могло осуществляться не специализированными хозяйствами.

¹ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 449–488. Материалы, изложенные в докторской диссертации, затем были оформлены В.Е. Майером в виде отдельной статьи: Майер В.Е. Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XIV–XVII вв. // Средние века. 1971. Вып. 34. С. 145–162.

² Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 94–95.

Таким образом, подытоживал В.Е. Майер, специализация крестьянских хозяйств на производстве вайды осуществлялась вблизи городов и в интересах городов. Эта культура содействовала дифференциации крестьян и их тесной связи с горожанами. Кроме того, это приводило к активному развитию наемной рабочей силы¹. В целом, вайдовое производство с его специализацией, отчетливым рыночным уклоном и разделением труда с полным основанием могло считаться характерным явлением для Германии XIV–XVI вв. с точки зрения развития здесь предкапиталистических элементов.

Проведенный В.Е. Майером анализ зерновой отрасли сельского хозяйства Германии не только продемонстрировал изменения, которые произошли в отборе злаковых культур и распределения посевных площадей, но и позволил оценить причины этих изменений: рыночный характер производства хлеба вынудил крестьян обращать внимание на такие факторы как соответствие той или иной культуры спросу и оценка уровня трудозатрат, прилагаемых при выращивании определенных злаков. Так, к концу рассматриваемого периода, наблюдается сокращение площадей, выделявшихся под выращивание полбы (поскольку она требовала более сложной, «двойной» обработки) в пользу пшеницы, а затем гречихи и кукурузы, крайне востребованных рынком².

Кроме того, развитие этой сферы привело к появлению новых типов хозяйств – арендаторских, что было связано с отказом вотчинников от полевой барщины и ее коммутации. При этом с точки зрения организации производства, хозяйства были неоднородны, и Василий Евгеньевич выделял среди них три подтипа³. По мнению ученого, историческое значение арендаторских хозяйств заключалось в том, что они способствовали накоплению средств и опыта, необходимых при организации хозяйств нового, «капиталистического» типа⁴.

¹ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 105–106.

² Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. 1968. С. 661

³ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. С. 18–19.

⁴ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. С. 664.

Отдельной темой исследования в рамках диссертации В.Е. Майер определил влияние городского ростовщического капитала на сельское хозяйство и аграрные отношения. Внимание историка к этой проблеме объяснялось значительным воздействием города на экономическое развитие деревни, а проникновение и последствия проникновения городского ростовщического капитала в аграрный сектор – одна из наиболее существенных сторон этого влияния¹. Анализ материалов урkundен – наиболее массового и богатого источника по этой проблеме, позволил В.Е. Майеру сделать вывод о крайне широком проникновении ростовщического капитала в немецкую деревню уже со второй половины XIV в. Значение этого явления было двояким. С одной стороны, «проникновение ростовщического капитала в феодальную деревню имело своим последствием разорение двух основных классов феодальной эпохи: крестьянства и феодалов»². С другой стороны, установившаяся в XVI в. твердая 5% ссуда и, в целом, кредитная система способствовали развитию крупных и зажиточных хозяйств и расширенному воспроизводству с применением наемного труда. Использование этой ссуды беднейшей части крестьянства приводило к их окончательному разорению. Однако с точки зрения формирования условий для капиталистического производства оба эти явления имели позитивный характер, укрепляя сильные хозяйства и высвобождая необходимое количество новых, наемных рабочих рук из числа разорившегося крестьянства³.

Докторская диссертация В.Е. Майера стала для советской исторической науки значительным событием. Фактически ему впервые удалось на основании широчайшего круга источников создать целостную картину экономического и социального развития германской деревни в XIV–XVI вв., т.е. в период, предшествовавший Крестьянской войне 1524–1525 гг., наиболее значимого события немецкой истории позднего средневековья. В.Е. Майер убедительно показал, что

¹ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. С. 668.

² Там же. С. 712.

³ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. С. 23.

главной новой чертой в развитии сельского хозяйства с XIV в. являлся заметный рост его товарности, а главным потребителем производимых на рынок товаров стал немецкий город. При этом сами горожане стали массовыми производителями многих технических и огороднических культур¹.

Другой характерной чертой рассматриваемой эпохи В.Е. Майер определил специализацию отдельных районов на производстве определенных зерновых продуктов на рынок, что было связано с развитием производительных сил и товарно-денежных отношений. Начавшаяся специализация привела к появлению на землях к западу от Эльбы принципиально новых типов хозяйств арендаторского типа, сформировавшихся на бывших домениальных землях². Изменения экономического плана, которые претерпевала немецкая деревня в XIV–XVI вв., не могли не привести к изменениям в социальной сфере. «Специализация сельского хозяйства, – подчеркивал историк, – втягивание его в товарно-денежные отношения, ростовщические операции – являлись важнейшими причинами социальных сдвигов»³.

Вместе с тем, работа В.Е. Майера была типичная для своего времени. Он намеренно поместил в область своего исследовательского интереса явления социально-экономического плана, не уделяя внимания «духовной сфере». В целом, оценивая развитие сельского хозяйства в рассматриваемое время как торжество «прогрессивных тенденций», главным двигателем которых было немецкое крестьянство, Василий Евгеньевич делал вывод о том, что «элементы капитализма, появлявшиеся с конца XV в., встречали сильнейшее сопротивление со стороны класса феодалов <...> Поражение Крестьянской войны и наличие у реакции резерва в Заэльбской Германии – были главными причинами, почему в XVI в. не победил прогрессивный путь развития»⁴.

¹ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. С. 498–499.

² Там же. С. 662.

³ Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. С. 23.

⁴ Там же. С. 32.

Материалы докторской работы В.Е. Майера нашли свое отражение в монографии 1979 г.¹, которая представляла собой ее несколько сокращенное переложение (в частности, из нее «выпал» сюжет, посвященный проникновению и роли ростовщического капитала в деревне), позволившее обратиться к исследованиям и выводам историка не только специалистов, ознакомившихся с диссертацией, но и широкий круг историков, педагогов, студентов.

С рецензиями на монографию в отечественной науке выступили В.М. Володарский и М.А. Барг². В частности, В.М. Володарский, подчеркивая значение книги В.Е. Майера именно как «первой монографии в советской медиевистике, посвященной аграрной истории XIV–XVI вв.», в которой используется широчайший материал, отмечал следующие недостатки. 1. Не всегда четкое понимание того, в какой мере, описываемые автором явления и процессы в сельском хозяйстве актуальные для всех или лишь некоторых регионов Германии. 2. Отсутствие связи между описываемыми процессами аграрного развития страны с общими особенностями развития германской экономики. 3. Анализ широкого временного промежутка без внутренней дифференциации на более узкие периоды. На наш взгляд, с замечаниями В.М. Володарского можно согласиться, равно как и с его выводом о том, что «книга В.Е. Майера <...> дает возможность глубже выяснить предпосылки» Крестьянской войны в Германии.

Глубокий анализ аграрной истории Германии, предпринимавшийся В.Е. Майером, не мог быть осуществлен без обращения к историографии проблемы. Поскольку для отечественной науки поднимавшиеся сюжеты были во многом новы, большое значение Василий Евгеньевич придавал изучению трудов западноевропейских авторов. Среди его историографических штудий в первую очередь на себя обращают внимание полемические рассуждения по проблемам изучения «аграрного кризиса XIV–XVI вв.» и «обезлюдения сельских мест» в Германии. Ос-

¹ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. 168 с.

² Володарский В.М. Рецензия на книгу: Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. 168 с. // Средние века. М., 1981. Вып. 44. С. 294–297; Барг М.А. Рецензия на книгу: Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. 168 с. // Вопросы истории. 1981. № 5. С. 139–141.

новные идеи В.Е. Майера отражены в статье «Вопросы аграрной истории Германии XIV–XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ»¹ и монографии «Деревня и город Германии»².

Для процесса сельскохозяйственного развития Германии в XV–XVI вв. характерно исчезновение значительного числа населенных пунктов и забрасывание пахотных земель. Это явление было отмечено еще в XIX в. немецкими историками и не оспаривалось ни советской, ни зарубежной наукой³. Однако оценки причин возникновения «обезлюдивших сельских мест» (“Wüstungen”), появившиеся в 1930-е гг. в германской историографии, вошли в категорическое противоречие с оценками этого явления В.Е. Майером. По словам последнего, основную причину «обезлюдения» некоторые немецкие историки (Ф. Лютге, В. Абель, Э. Кельтер и др.) видели в аграрном кризисе, который поразил Германию в XIV в.: падение цен на сельскохозяйственную продукцию, вызванное Великими географическими открытиями, привело к массовому оттоку крестьянства в города, причем, для их переселения ситуация была благоприятна в том отношении, что в результате эпидемий чумы население деревень и городов сократилось, а переселенцы могли воспользоваться богатствами и накоплениями, оставшимися нетронутыми⁴.

С подобными оценками Василий Евгеньевич не мог согласиться. Комментируя одну из работ Ф. Лютге, советский историк писал: «[Лютге] отрицает объективную закономерность развития производительных сил и производственных отношений и полностью игнорирует классовую борьбу как движущую силу общественного развития»⁵. Для В.Е. Майера было очевидно, что причины появления «обезлюдивших сельских мест» следует искать в социально-экономических особенностях развития немецкой деревни: изменение характера сельскохозяйственного производства – сокращение пастбищ и лесов, активное распространение тех-

¹ Майер В.Е. Вопросы аграрной истории Германии XIV–XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ // Средние века. Вып. 26. М., 1964. С. 117–131

² Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 13–25.

³ Майер В.Е. Вопросы аграрной истории Германии XIV–XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ // Средние века. Вып. 26. М., 1964. С. 121.

⁴ Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979. С. 15–18.

⁵ Там же. С. 16.

нических и огороднических культур и т.п., вынуждало крестьянское население переселяться в город. Свою роль играло и общее тяжелое экономическое положение немецких крестьян, для которых город был средством обретения «лучшей жизни». «Проблема так называемых “Wüstungen”, над которой трудятся десятки западногерманских исследователей, – подытоживал В.Е. Майер, – не является главной в изучении аграрных отношений Германии XIV–XVI вв. “Обезлюдившие места” <...> являются только следствием определенных изменений в социально-экономической жизни страны. Поэтому основное внимание необходимо уделять не описанию и методике обнаружения “Wüstungen”, а исследованию социально-экономических причин, породивших это явление»¹.

Отметим, что критика В.Е. Майера западногерманских историков, по существу, обусловлена принципиально разными методологическими парадигмами. Василий Евгеньевич, рассматривавший эти явления с точки зрения марксистского подхода, не мог принять их анализ без главенства социально-экономического фактора. Трактую позиции историков ФРГ как «мальтузианские» и «неомальтузианские», В.Е. Майер подчеркивал: «Цель <немецких историков> одна: выработать такие теоретические установки по изучению истории XIV–XV вв., которые давали бы буржуазным ученым возможность противостоять растущему в Западной Европе влиянию марксистско-ленинского учения о закономерностях исторического развития человеческого общества»².

К историографической тематике работ В.Е. Майера мы также можем отнести его рецензии на труды советских и германских ученых, достаточно регулярно публиковавшиеся на страницах сборников «Средние века», «Вопросы истории» и других изданий³. К самой практике рецензирования Василий Евгеньевич относил-

¹ Майер В.Е. Вопросы аграрной истории Германии XIV–XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ // Средние века. Вып. 26. М., 1964. С. 131.

² Там же. С. 118.

³ Майер В.Е. [Рец. на книгу]: Heinz Pannach. Das Amt Meisen vom Anfang des 14. bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1960 (Гейнц Паннах. Мейссенский округ с начала XIV до середины XVI века. Берлин, 1960) // Средние века. Вып. 27. С. 225–229; Он же. [Рец. на книгу]: История средних веков. М., 1968. 388 с. // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 171–174; Он же. Рецензия на книгу: Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.). М., 1969. 408 с. // Средние века. М., 1973. Вып. 36. С. 195–201; Он же. [Реф. на книгу]: Sabeau, D.W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkriegs. Stuttgart, 1972. 175 S. (Землевладение и общество накануне Крестьянской войны) // РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер. 5. История. 1974. № 4. С. 193–195. Он же. [Реф.

ся принципиально, справедливо полагая, что и историк-педагог, и историк-ученый не может совершенствоваться, не разбираясь в современном состоянии той или иной проблемы¹.

Рецензии ижевского историка на труды советских и восточногерманских коллег, в целом, благожелательны. В них он не только освещал конкретное содержание работ, акцентируя внимание на недостаточно проработанных моментах, но и подчеркивал их методологическую «верность»: «Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, автор направляет острие своей работы против буржуазно-идеалистических воззрений на государство и формально-юридического метода его изучения»² или «М.М. Смирин не только поднял большой пласт новых данных и проанализировал его с марксистско-ленинских позиций, но и подверг все-сторонней критике воззрения авторов, которые до него занимались исследованиями <...>»³ и др. Стоит отметить, что подобные ремарки В.Е. Майера это не столько дань советской историографической «традиции», сколько его искренняя убежденность в верности марксистского подхода к оценке исторических явлений.

Достаточно долгое время (и это нашло свое отражение в выборе объектов исследования, например, при написании докторской диссертации), В.Е. Майер сознательно помещал в фокус своего исследовательского внимания только территорию Юго-Западной, так называемой «старой» Германии, избегая анализа сельского хозяйства на землях, расположенных к востоку от Эльбы. Объяснялось это, в

на статью]: Fogler, G. Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft. Betrachtungen über die Entwicklung des Bürgertums in Mittel- und Westeuropa vom 11. bis zum 18. Jahrhundert / G. Fogler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1973. №10 (Фоглер Г. Проблемы развития классов в феодальном обществе. Взгляды на развитие бюргерства в Центральной и Западной Европе в XI-XVIII вв. // РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер. 5, История. 1974. № 2. С. 193–195; Он же. [Рец. на книгу]: Norden A. Herrscher ohne Krone. Berlin, 1974. 250 S. (А. Норден. Некоронованные властители. Берлин, 1974. 250 с.) // Средние века. М., 1975. Вып. 39. С. 244–249; Володарский В.М., Майер В.Е., Ястребицкая А.Л. [Рец. на книгу]: Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution / Autorenkollektiv: A. Laube, M. Steinmetz, G. Fogler (Leiter); Bildredaktion in Zusammenarbeit mit den Autoren: R. Weber. Berlin: Dietz, 1974. 416 S. // Средние века. М., 1976. Вып. 40. С. 294–300; Майер В.Е. [Рец. на книгу]: Mägdefrau, W. Der Thüringer Städtebund im Mittelalter. Weimar, 1976 (Магдебфрау В. Тюрингский союз городов в средние века) // Историографический сборник. Саратов, 1981. Вып. 6(9) Методологические проблемы исторической науки. С. 140–157; Он же. [Рец. на книгу]: История средних веков. М., 1977 // Вопросы истории. 1981. № 1. С. 136–140.

¹ Об этом см. специальный раздел настоящей работе, посвященный методам организации работы кафедры всеобщей истории под руководством В.Е. Майера.

² Майер В.Е. [Рец. на книгу]: Heinz Pannach. Das Amt Meisen vom Anfang des 14. bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1960 (Гейнц Паннах. Мейссенский округ с начала XIV до середины XVI века. Берлин, 1960) // Средние века. Вып. 27. С. 229.

³ Майер В.Е. [Рец. на книгу]: Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.). М., 1969. 408 с. // Средние века. М., 1973. Вып. 36. С. 201.

первую очередь, ярко выраженными отличиями в развитии этих территорий, что усложняло саму возможность проведения каких-либо обобщений. Однако после завершения основных исследований по теме докторской диссертации, В.Е. Майер обратился к проблемам «прусского пути» развития капитализма в Заэльбской Германии. Итоги разработок ижевского историка в этой области нашли свое отражение в двух статьях¹, историографического и проблемного плана, а также в книге «Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма»².

Территория Восточной Германии стала, как известно, ареалом «второго издания крепостничества» – формирования фольварков, еще более тяжелого, относительно развитого средневековья, закрепощения крестьян и т.п. Для В.Е. Майера этот регион представлял научный интерес, прежде всего, с точки зрения появления тех прогрессивных черт в организации сельского хозяйства, которые были им проанализированы в Юго-Западной Германии. Проведя большую историографическую работу и опираясь на результаты исследований историков ГДР, Василий Евгеньевич пришел к выводу, что «с середине XVIII в. сельское хозяйство Остэльбии обнаруживало все новые успехи, которые свидетельствовали о проникновении капитализма в деревню». Это выражалось в применении новых агрономических технологий, освоении земель, втягивании крестьянских хозяйств в рыночное производство и т.п. «Развитие земледелия Остэльбии в конце XVIII – начале XIX в., – подчеркивал В.Е. Майер, – свидетельствует о возможности развития капитализма по “американскому пути”»³.

Несмотря на то, что, как мы уже выше отмечали, в диссертационных исследованиях В.Е. Майер не обращался к проблемам «духовной» сферы жизни германской деревни, вопросы идеологии, тем не менее, его интересовали, особенно идеологии революционной, связанной с событиями Крестьянской войны 1524–1525 гг. Объясняя интерес ученого к этой теме, В.В. Иванов справедливо отмечал,

¹ Майер В.Е. «Прусский путь развития капитализма в Заэльбской Германии»: историография проблемы (ГДР, 50–60-е гг.) // Проблемы генезиса капитализма. М., 1979. С. 3–33; Он же. Крестьяне Германии к востоку от Эльбы в XII–XV вв. // Античная древность и средние века. Свердловск, 1983. С. 105–120.

² Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. 190 с.

³ Там же. С. 171.

что Василий Евгеньевич, разрабатывая вопросы социально-экономического развития Германии, пришел к осознанию того, что эта тема не может быть адекватно понята «без изучения менталитета крестьян, их чаяний, надежд и тех целей, которых они добивались, особенно в переломную эпоху Реформации и Великой Крестьянской войны»¹.

Еще в 1961 г. В.Е. Майером была опубликована статья, посвященная неизученному отечественной наукой памфлету Иоганна (Ганса) Герготта² «О новом преобразовании христианской жизни», изданном в 1526 г. в Нюрнберге³. Видевший задачу своей статьи в анализе содержания памфлета (а не установлении личности автора и обстоятельств его возникновения, что было присуще немецким исследователям), В.Е. Майер пришел к выводу о том, что главное в «утопии» Герготта – это идея социально-экономического переустройства общества. Памфлет, по мнению ижевского историка, пронизан духом мюнцеровских идей и свидетельствует о близости автора к «плебейскому революционеру» Т. Мюнцеру⁴.

В.Е. Майер выделил следующие основные идеи в «утопии» Ганса Герготта, позволившее ему говорить о его радикальности.

1. Преобразование существующего миропорядка на принципах «общей пользы», т.е. социального равенства и общности имущества и, соответственно,
2. Уничтожение частной собственности и уравнительное пользование.
3. Идеи обязательного совместного труда как земледельческого, так и ремесленного характера.
4. Радикализм памфлета: Герготт не только не осуждал крестьян, поднявшихся на восстание, но, напротив, считал, что они действовали недостаточно жестко.

¹ Иванов В.В. В.Е. Майер о проблемах идеологии и культуры // Из истории Германии в эпоху средневековья и раннего нового времени: Сборник документов. Ижевск, 2008. С. 65.

² Майер В.Е. Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии // Средние века. М., 1961. Вып. 20. С. 151-165.

³ В.Е. Майером был подготовлен не только анализ произведения Герготта, но и его перевод, однако он увидел свет уже после смерти историка в 1992 г.: Герготт Иоганн. О новом преобразовании христианской жизни. Перевод и комментарии В.Е. Майера // Майер В.Е., Иванов В.В. Памфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992. С. 15-34.

⁴ Майер В.Е. Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии // Средние века. М., 1961. Вып. 20. С. 164.

При этом автор полагал, что изменение существующего порядка в любом случае неизбежно будет осуществлено.

5. В основе политического устройства будущего общества будут стоять принципы демократии, выборности властей, а также выборность священников при единстве властей светских и духовных.

6. Значительное внимание Герготтом уделено проблем образования и организации сельского хозяйства на принципах научной агрономии.

7. Несмотря на религиозную «оболочку» памфлета, В.Е. Майер отмечал, что это не более чем особенность эпохи, и отрицал «глубокую религиозность» его автора, подчеркивая, что церковь в утопии подчинена общественным интересам.

Таким образом, В.Е. Майер увидел в памфлете Ганса Герготта, в первую очередь, идею переустройства общества, основанную на коммунистических принципах обобществления собственности и уравнительности, которые были почерпнуты автором из учения Т. Мюнцера.

История, как известно, наука субъективная: оценка тех или иных явлений во многом зависит от их трактовки конкретным историком. Это отчетливо прослеживается именно на примере «утопии» Ганса Герготта. В 1980-е гг. ее анализ был предпринят уже другим учеником М.М. Смирин В.М. Володарским¹, который в памфлете увидел несколько иное идейное содержание, нежели профессор Майер².

В.М. Володарский соглашался с тем, что идеальный мир Ганса Герготта будет основан на принципах уравнительности, коллективизма и «общинного» начала, но при этом он отмечал, что вопросы религиозного переустройства играют в памфлете гораздо большую роль, чем это видел В.Е. Майер. По мысли Всеволода Матвеевича, вся «утопия» пронизана религиозностью и мистицизмом, начиная с божественного откровения, открывшегося Гансу Герготту и заканчивая тем, что

¹ В 1986 г. В.М. Володарским был опубликован перевод «утопии», а через год – ее критическое осмысление: Володарский В.М. Утопия Ганса Гергота // История социалистических учений. 1986. М., 1986. С. 134-153; Он же. Ганс Гергот и его утопия «О новом преобразовании христианской жизни» // История социалистических учений. 1987. М., 1987. С. 252-273.

² См. об этом нашу статью: Туркевич А.Л. «Утопия» Ганса Герготта в интерпретации отечественных историков // Мир истории: новые горизонты. Екатеринбург, 2013. С. 67-68.

фактически все грядущие преобразования будут основаны на религиозной почве. В.М. Володарский солидарен с В.Е. Майером относительно основных черт будущего утопического строя, но категорически отрицает призыв Герготта к его революционному установлению: поскольку в проекте предполагается всемирное, а не локальное преобразование, то и совершено оно может быть только при помощи божественного чуда. Наконец, более осторожно В.М. Володарский говорит о строго коммунистическом характере будущего общества, усматривая у Герготта лишь некоторые его черты.

Таким образом, разные трактовки советских историков одного произведения утопического социализма средневековой Германии достаточно отчетливо демонстрируют особенности взглядов и личных убеждений В.Е. Майера, анализировавшего памфлет Ганса Герготта, прежде всего, с точки зрения его революционного и коммунистическо-утопического содержания.

К вопросам революционной идеологии средневековой Германии В.Е. Майер вернулся только в 1980-е гг., когда он уже завершил диссертационные исследования по проблемам аграрной истории, а также освободился от административных обязанностей, которые он исполнял как проректор по науке Удмуртского госуниверситета. В этот период в сферу научного интереса ижевского историка попала деятельность «отца» германской Реформации Мартина Лютера, а также, тесно связанная с ней идеологическая борьба, развернувшаяся в немецких землях в начале 1520-х гг. В статье, опубликованной в 1981 г. в сборнике «Культура эпохи Возрождения и Реформация»¹, В.Е. Майер обратился к анализу вопроса «о власти и роли народных масс в общественном перевороте». По мнению Василия Евгеньевича, первичным импульсом, давшим толчок к постановке и обсуждения этого вопроса, стала ранняя деятельность Мартина Лютера, ряд диалогов которого в период 1520–1525-х гг. воспитывали в «народных массах чувство собственного достоинства, самоутверждения и самосознания, <...> готовили низы к активным

---

¹ Майер В.Е. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 123-130.

действиям в поддержку общественного переворота»¹. Именно диалоги как «литературная форма решения полемических споров», получившие особую популярность в Германии в 1520–1521 гг., стали тем средством, с помощью которого сторонники Лютера распространяли и развивали его идеи. Апеллируя к этим произведениям, В.Е. Майер пришел к выводу, что в течение ряда лет до Крестьянской войны в диалогах дебатировался вопрос о власти и роли народных масс в общественном перевороте; в них регулярно подчеркивалось, что преобразована должна была быть не только церковь, но и вся общественная жизнь, и даже государство².

Следующим витком развития вопроса о «роли народных масс в общественном перевороте» В.Е. Майер рассматривал анонимный памфлет «К собранию рядового крестьянства». Близкий к диалогам, памфлет, тем не менее, более радикален – его автор объявляет церковные власти не нужными и призывает к свержению монархической власти и установлению светского республиканского режима³.

Таким образом, эволюция взглядов по вопросам власти и роли народных масс в общественном перевороте, по мысли профессора Майера, может быть представлена в виде следующей цепи: от Мартина Лютера, призывавшего народные массы к решению вопросов церкви и религии, но не планировавшем их участие в решении политических проблем, к авторам диалогов – сторонников Лютера, «конкретизировавшим» борьбу народных масс с католической церковью с помощью физической силы и, наконец, к автору анонимного памфлета «К собранию рядового крестьянства», призывавшего к свержению монархии и установлению республики⁴. Дальнейшая эволюция этого вопроса связана уже с именем Томаса Мюнцера.

Развитие идей В.Е. Майера о влиянии Мартина Лютера на народное самосознание в период, предшествовавший Крестьянской войне, нашло отражение в статье «Мартин Лютер и рост социально-политического самосознания народных

¹ Майер В.Е. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 124.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же.

масс в Германии в 1517–1521 гг.», которая, по словам В.В. Иванова, должна была быть опубликована в 1983 г. – в год 500-летия со дня рождения великого реформатора. Однако по конъюнктурным причинам, связанными с расхождением мнения В.Е. Майера о деятельности Лютера от «официальных» оценок, публикация не состоялась¹. Статья вышла в печать только в 2007 г., благодаря редакторской работе, проведенной В.В. Ивановым².

Продолжая, начатую в статье 1981 г., мысль о значительном влиянии идей Мартина Лютера на рост национального самосознания в Германии, в своей новой работе В.Е. Майер расширил ее, придя к следующим выводам. Реформационные идеи Лютера содержали демократический «заряд» – сама Реформация мыслилась как демократический акт, который должен был привести организации Церкви на принципиально новых условиях. В проведении Реформации Мартин Лютер значительную роль отводил «простому народу», понимая под ним крестьян и ремесленников. Кроме того, тот факт, что идеи Лютера и его сторонников получили признание широких слоев германского общества, продемонстрировало, что они отражали, во многом, именно их интересы. К 1521 г. «народные массы» уже не делали различий между реформацией религиозной и реформацией социально-политической – «сорвав покровы святости с церкви, Лютер вдохнул в народные массы уверенность в справедливости их антифеодальной борьбы»³.

В.Е. Майер подчеркивал, что революционно-демократическое содержание Реформации впервые наиболее определенно проявилось в сочинениях Лютера и росте самосознания народных масс в 1520–1521 гг. И тот факт, что в дальнейшем Лютер отошел от наиболее радикального понимания реформационных идей, не может затмить того, что именно благодаря влиянию его учения в Германии развернулось широчайшее общественное движение.

¹ Иванов В.В. Памяти Вильгельма (Василия) Евгеньевича Майера (6.12.1918 – 10.02.1985) // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 7. С. 169.

² Майер В.Е. Мартин Лютер и рост социально-политического самосознания народных масс в Германии в 1517–1521 гг. // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 7. С. 171–186.

³ Там же. С. 183.

Интерес В.Е. Майера к вопросам идеологии революционной борьбы в Германии в первой половине XVI в. выразился и в переводческой деятельности, не массовой, но, тем не менее, яркой. Однако все майеровские переводы, связанные с этой тематикой, были опубликованы только после его смерти¹. В частности, в 1992 г. был издан перевод памфлета Ганса Герготта², подготовленный Василием Евгеньевичем еще в 1960-е гг. при написании статьи, посвященной «утопии». В 2007 и 2008 гг. увидели свет еще два перевода В.Е. Майера³, оба из которых тесным образом связаны и, соответственно, отражают тот интерес к вопросам революционной идеологии Германии, вновь пробудившийся в ижевском историке в 1980-е гг.

Первый из них – это перевод памфлета Мартина Лютера «Против разбойных и кровожадных шаек крестьян», написанного в мае 1525 г., в разгар событий Крестьянской войны. Содержание этого сочинения Лютера весьма примечательно, поскольку ярко отражает неприятие того поворота, к которому пришло широкое общественное движение, вызванное, в том числе, и его реформаторской деятельностью. В.В. Иванов охарактеризовал этот перевод как «образец блестящего переводческого мастерства В.Е. Майера», поскольку он демонстрирует не только особый стиль и эмоциональность, но и «глубокое, внутреннее понимание немецкого языка»⁴.

Второй из переводов – памфлета Иоганна Бренца «О смягчении князей по отношению к мятежным крестьянам», написанного летом 1525 г., после поражения основных революционных сил в Крестьянской войне, являющегося ярким свидетельством того, что даже среди сторонников Мартина Лютера, к которым принадлежал и Бренц, не было единого понимания того, как следует поступать с восставшими крестьянами. «В отличие от Лютера, призывавшего “душить и ко-

¹ Огромная заслуга в подготовке к печати и изданию этих переводов принадлежит В.В. Иванову.

² Герготт Иоганн. О новом преобразовании христианской жизни. Перевод и комментарии В.Е. Майера // Майер В.Е., Иванов В.В. Памфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992. С. 15-34

³ Лютер Мартин. Против разбойных и кровожадных шаек крестьян. 1525 г. // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 7. С. 187-190. (Пер. с нем. В.Е. Майер); Бренц Иоганн. О смягчении князей по отношению к мятежным крестьянам // Вестник Удмуртского университета. 2008. № 2. С. 166-170. (Пер. с нем. В.Е. Майер).

⁴ Иванов В.В. Памяти Вильгельма (Василия) Евгеньевича Майера (6.12.1918 – 10.02.1985) // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 7. С. 169-170.

лоть крестьян” как “бешеных собак”, Бренц <...> взывал к милосердию победивших князей, указывая на слабость человеческой природы»¹.

Таким образом, на наш взгляд, и статьи В.Е. Майера, опубликованные в 1980–1990-е гг., и переводы, подготовленные им, отчетливо демонстрируют, что в этот период тема реформационной и революционной идеологии для историка стала одной из важнейших в научной работе. А интерес к этим сюжетам, возможно, проистекал из его происхождения: как потомок переселенцев-меннонитов он был знаком с протестантской идеологией.

Своеобразным итогом, подведшим черту под почти 40-летней научной и педагогической работой В.Е. Майера в области средневековой германистики, стала книга, учебное пособие «Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма»², вышедшая в свет в 1985 г., уже после смерти историка. В ней на основании личных разработок, а также богатейшего историографического опыта, Василий Евгеньевич осветил историю крестьянства Германии в период начала XVI – конца XVIII вв.

Некоторые из материалов, изложенных в монографии, базировались на основе диссертационных исследований В.Е. Майера (источниковедческие и историографические обзоры, состоянии сельского хозяйства Германии в конце XV – начале XVIII в.), другие – на основе его статей, не связанных с темой кандидатской или докторской диссертации (например, о влиянии Реформации Мартина Лютера на крестьянское движение в Германии). При этом ряд значительных сюжетов, в первую очередь, события Крестьянской войны 1524–1525 гг., были отражены в работе ижевского историка впервые. Как отмечает В.В. Иванов³, над этой проблемой Василий Евгеньевич активно работал в 1980-е гг. и подготовленные им материалы были изданы только посмертно⁴. В «Крестьянстве Германии» В.Е.

¹ Иванов В.В. Из научного наследия В.Е. Майера (6.12.1918 – 10.02.1985) // Вестник Удмуртского университета. 2008. № 2. С. 164.

² Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. 190 с.

³ Иванов В.В. В.Е. Майер о проблемах идеологии и культуры // Из истории Германии в эпоху средневековья и раннего нового времени: Сборник документов. Ижевск, 2008. С. 66.

⁴ Майер В.Е. Формы и характер крестьянских движений в Германии XIV-XV вв. // Феодалная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII-XV вв. М., 1985. С. 194-221; Он же. Вопрос о власти в программных доку-

Майер впервые в отечественной науке изложил основные тенденции развития, а также события в истории сельского хозяйства Германии, как Юго-Западной, так и Восточной частей в период начала XVI – конца XVIII вв., включая годы Реформации и Крестьянской войны.

Ученый столь высокого уровня, каким был Василий Евгеньевич Майер, живущий и работающий в национальной республике, не мог быть не привлечен к исследованию тех или иных проблем, связанных с ее историей, несмотря на то, что они не были напрямую связаны с темой его научных интересов. Безусловно, объемом удмуртоведческих исследования в «послужном списке» историка уступает его работам по германистике, однако они все же занимают в нем отдельное место. Поэтому, говоря о научной деятельности профессора Майера, мы не можем игнорировать его работы, посвященные удмуртской тематике.

С одной стороны, Василий Евгеньевич с его мастерством и богатым исследовательским опытом достаточно регулярно привлекался в качестве научного редактора или соредактора при подготовке изданий, посвященных «удмуртской» проблематике¹. Более того, во второй половине 1960-х гг. он выступил в качестве научного руководителя Г.Д. Фроловой при написании ей кандидатской диссертации на тему «История школы в Удмуртской АССР», защищенной в 1968 г.²

С другой стороны, профессор Майер и сам был автором статей, связанных с историей его второй родины. Первым опытом обращения к удмуртской истории для него стало написание одной из глав в методическом пособии для учителей «Использование краеведческого материала в курсе истории СССР», изданном в 1961 г. В этом сборнике перу Василия Евгеньевича принадлежит раздел, посвященный древнейшему периоду в истории Удмуртии³. Материал, предложенный ученым, по существу является реферативным, основанным на монографии В.Ф.

ментах Крестьянской войны в Германии // Классы и сословия средневекового общества: сб. статей. М., 1988. С. 203-208.

¹ В качестве примера работ, где В.Е. Майер выступал в качестве редактора, отметим: Хрестоматия по истории Удмуртии. Ижевск, 1973. 272 с.; Кузнецов П.К. Культурная революция в Удмуртской АССР (1917-1958 гг.). Ижевск, 1975. 548 с.; Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. 168 с. и др.

² Фролова Г.Д. История школы в Удмуртской АССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1968. 20 с.

³ Майер В.Е. Древний период в истории Удмуртии (до III-IV вв. н.э.) // Использование краеведческого материала в курсе истории СССР. Ижевск, 1961. С. 5-18.

Генинга «Археологические памятники Удмуртии»¹, а также на коллективном труде «Очерки истории Удмуртской АССР»². Эта небольшая работа В.Е. Майера носит не столько научный, сколько просветительский характер, главным достоинством которой стало доступное и краткое изложение достаточно сложных явлений ранней истории удмуртов и праудмуртов.

К проблемам удмуртской истории В.Е. Майер вернулся в 1975 г., когда в сборнике «Вопросы удмуртского языкознания»³, объединенном общей тематикой – 200-летию первой печатной грамматики удмуртского языка, вышла его статья «Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка»⁴. Здесь, как и в своей первой «удмуртской» работе Василий Евгеньевич обратился к проблеме, не связанной с основной сферой научных интересов.

В 1775 г., по-видимому, благодаря деятельности казанского архиепископа В.Г. Пуцек-Григоровича была составлена первая грамматика удмуртского языка, и В.Е. Майер в своей статье поставил задачу оценить «социально-экономическую, политическую и культурную обстановку, в которой появилась первая удмуртская грамматика», а также понять «насколько хорошо мог быть подготовлен в научном и гражданском плане ее автор»⁵.

Проведенный Василием Евгеньевичем анализ, позволил ему сделать вывод о том, что «XVIII в. всем своим социально-экономическим и культурным развитием подготовил необходимую почву для завершения первого необходимого шага в развитии научных воззрений на удмуртский язык. Первая удмуртская грамматика – первая попытка научного подхода к удмуртскому языку, над созданием которой сотни лет трудились народные массы»⁶. Эта статья продемонстрировала эрудицию, широкий научный кругозор, а также определенное научное мастерство В.Е.

¹ Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. 192 с.

² Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. Ижевск, 1958. 290 с.

³ Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Сб. статей. Ижевск, 1975. 242 с.

⁴ Майер В.Е. Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Ижевск, 1975. С. 24-34.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Там же. С. 34.

Майера, позволявшие ему обращаться к исследованию новых для него проблем, погружаться в них и выдавать при этом достойный с научной точки зрения результат.

Однако наиболее удачной, на наш взгляд, работой профессора Майера в области удмуртоведения стала статья «Важный источник по истории соседской общины Удмуртии»¹, опубликованная в сборнике «Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв.»², вышедшем в 1981 г. Здесь в сферу внимания исследователя попала деятельность Г.Е. Верещагина (1851–1930), этнографа, видного исследователя удмуртов³. Одна из его статей – «Общинное земледелие у вотяков Сарапульского уезда»⁴, основанная на материалах, собранных автором, стала краеугольной в изучении удмуртской общины. Рассмотрение этой работы было предпринято В.Е. Майером.

Василий Евгеньевич, поставившей целью своей статьи анализ «конкретной истории общины с точки зрения марксистской теории»⁵, условно выделил в ней три раздела. Первый – определение достоверности фактов, излагаемых Г.Е. Верещагиным; в результате ижевский историк дал высокую оценку проведенной автором работе по сбору сведений. Второй и третий раздел – основные для В.Е. Майера, в которых решаются задачи, поставленные им: «оценка тех материалов в исследовании Г.Е. Верещагина, которые позволяют лучше показать состав и характер удмуртской общины, ее функции и господствовавшие в ней поземельные отношения»⁶.

Важнейший вопрос, который В.Е. Майер ставит в своей статье – это характер удмуртской общины-бускель и ее отношение к земле. «В том, что удмуртская об-

¹ Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. Ижевск, 1981. С. 36-60.

² Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. Сб. статей. Ижевск, 1981. 156 с.

³ См. о деятельности Г.Е. Верещагина: Лигенко Н.П. Научное наследие Г.Е. Верещагина и пути развития предпринимательской деятельности удмуртской деревни. Конец XIX – начало XX века // Экономическая история. № 1(16). Саранск, 2012. С. 71-78.

⁴ Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Этнографические очерки, кн. 1. Ижевск, 1997. С. 63–122.

⁵ Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. Ижевск, 1981. С. 38.

⁶ Там же. С. 41.

щина <...>, – писал В.Е. Майер, – охарактеризованная Г.Е. Верещагиным, еще в конце XIX в., рассматривала землю не в качестве частной собственности, заключается ее самая существенная черта»¹. Убедительно доказывая этот тезис на конкретном материале работы Г.Е. Верещагина, Василий Евгеньевич опроверг при этом мнение этнографа, считавшего причиной своеобразия удмуртской общины пережитки язычества.

В целом характеризуя статью Г.Е. Верещагина, профессор Майер отмечал, что по своему значению она выходит за рамки краеведения, поскольку ее содержание позволяет «шире и конкретнее общинные порядки и, существовавшие в общинах типа "земледельческой" и общине-марки». «Статья Г.Е. Верещагина, – писал В.Е. Майер, – является вкладом в выяснение процессов возникновения частной собственности на землю. <...> она наглядно демонстрирует, как рост производительных сил влияет на превращение земли в частную собственность. <...> статья говорит о влиянии на этот процесс укрепления рыночных связей и государственной власти»².

Давая оценку этой работе В.Е. Майера, согласимся с мнением В.Е. Владыкина, который совершенно справедливо писал, что ее главное достоинство – это рассмотрение феномена удмуртской общины-бускель с позиций современной исторической науки и анализ удмуртских общинных институтов в едином контексте истории европейской социальной системы³. Сама успешность этой статьи В.Е. Майера (не потерявшей научной актуальности и сегодня), на наш взгляд, напрямую связана с ее тематикой – близкой к основному объекту научного внимания исследователя, т.е. к аграрной истории, что позволило ему действительно глубоко погрузиться в специфику изучаемого вопроса.

Научное наследие, оставленное профессором Майером, многообразно. Оно охватывает различные проблемы социально-экономического развития позднего

¹ Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. Ижевск, 1981. С. 54.

² Там же. С. 59-60.

³ Владыкин В.Е. Профессор В.Е. Майер и его исследования по проблемам аграрной истории // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 12

немецкого средневековья, культуры и идеологии европейского гуманизма, истории Удмуртии. Вторая половина 1940-х гг. – середина 1970-х гг. прошли для ученого, главным образом, в занятии аграрной историей позднесредневековой Германии. Основным достижением в этой сфере стало создание целостной картины социально-экономического развития деревни в Германии в XIV–XVI вв. Введение в научный оборот и анализ широкого круга массовых источников (вайстюмы, уркунден и т.п.), обращение к современной западноевропейской литературе, а также незаурядное исследовательское мастерство вкупе с глубоким «внутренним» пониманием изучаемых явлений позволило Василию Евгеньевичу раскрыть специфику социально-экономического развития в сельском хозяйстве Германии, выражавшейся, по мнению ученого, в торжестве предкапиталистических тенденций (товарность хозяйств, их специализация, социальная дифференциация в деревне), наступление которых было остановлено Крестьянской войной 1524–1525 гг. С конца 1970-х гг. проблематика исследований В.Е. Майера расширилась. На первое место вышли проблемы идеологии немецкого крестьянства XV–XVI вв. и социальной борьбы. Многие его работы в этой области, в том числе и переводы, были опубликованы посмертно, что лишь подтверждает их научную ценность.

Исследования профессора В.Е. Майера были высоко оценены научным сообществом¹, продолжают занимать достойное место в отечественной медиевистике и не потеряли своей актуальности сегодня².

¹ Свое внимание на ряд статей Василия Евгеньевича, предварявших докторскую диссертацию, обратил еще О.Л. Вайнштейн в монографии «История советской медиевистики», отметивший, что эти «работы дают ценный материал для освещения социально-экономического развития Германии перед Реформацией» (см.: Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. Л., 1968. С. 326–327). Исследования по «удмуртской» тематике В.Е. Майера также были признаны научным сообществом – его работа по общине-бускель была оценена Г.А. Никитиной, крупнейшим специалистом по этой проблематике: Никитина Г.А. Землепользование в соседской общине удмуртов в пореформенный период (1861–1900 гг.) // Семейный и общественный быт удмуртов в VIII – XX вв. Устинов, 1985. С. 36. Приглашение В.Е. Майера в качестве рецензента на статьи и монографии, оппонента при защите кандидатских и докторских диссертаций, соавтора монографий – все это рассматривается нами как объективное признание его научных достижений.

² Работы В.Е. Майера продолжают рекомендоваться в вузовских учебниках: История Средних веков: в 2 т. Т. 2. Раннее новое время / под ред. С. П. Карпова. М., 2008. 429 с.; Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время. М., 2013. 889 с.

3.2. Школа В.Е. Майера: характер и основные черты

Осмысление научной, педагогической и организаторской деятельности Василия Евгеньевича Майера в должности заведующего кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ, процессов формирования здесь квалифицированного педагогического коллектива, вкупе с политикой Университета и самого Василия Евгеньевича как проректора по науке, направленной, помимо прочего, на создание научных школ в УдГУ, побуждает нас обратиться к анализу феномена «школы» профессора В.Е. Майера¹. Нельзя сказать, что эта тема является целиной в историографическом поле, однако предыдущий исследовательский опыт тему полностью не раскрывает².

Применение термина «школа» относительно научной деятельности В.Е. Майера и его учеников дискуссионно. Одной из первых, употребивших это понятие применительно к Василию Евгеньевичу и его последователям, стала А.А. Сванидзе, которая предваряя публикацию переписки между ижевским историком и его научным консультантом М.М. Смириным³, характеризовала профессора Майера как «историка-медиевиста, основателя школы средневековой германистики в Ижевске, ученого-энтузиаста, организатора науки»⁴.

Схоларная проблематика занимает особое место в историографии. Сложность ее заключается в том, что четких и однозначных дефиниций самого термина «научная школа» не существует⁵. Связано это, во многом, с тем, что «представления о научных школах формировались стихийно под воздействием традиции без какого-либо обоснования их конкретно-исторической и теоретической характеристики»⁶. Подходы к понятию «научная школа» изменялись со временем, так же

¹ См. об этом статью автора: Туркевич А.Л., Шишкина Н.Г. Школа профессора В.Е. Майера в УГПИ–УдГУ: характер и основные черты // Классический университет: история и современность. Ижевск, 2016. С. 270–277

² Зорина А.А., Шишкина Н.Г. Научная школа В.Е. Майера в контексте подготовки профессиональных историков-медиевистов // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. М., 2007. С. 137–140.

³ Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1–2). С. 316–355

⁴ Там же. С. 316.

⁵ См., например: Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. М., 1977. 526 с. В этом фундаментальном отечественном сборнике научная школа рассматривалась и как феномен и исследовательская программа науковедения, и как форма познавательной деятельности, и как форма кооперации ученых.

⁶ Мельникова О.М. Научные школы в археологии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2004. С. 3.

как и понимание его места и роли в научном сообществе. В нашу исследовательскую задачу не входит анализ этих метаморфоз, тем более, что есть соответствующие квалифицированные обзоры¹.

Традиционно понимание научной школы как объединение исследователей, выполняющее функции продуцирования и распространения новых знаний и обладающее способностью к самовоспроизводству² предполагает, что она должна обладать следующими существенными признаками:

- общность объекта исследования, единую парадигму научной деятельности;
- способность к продуцированию знания, выделяющего данную школу среди других сообществ;
- собственные технологии создания, передачи и применения знания;
- проявление эффекта саморазвития, базирующегося на обмене результатами и идеями как внутри одного поколения, так и между учителями и учениками;
- признание со стороны других научных направлений³.

Однако на сегодняшний день в отечественной исторической науке наблюдается тенденция к гибкому пониманию и определению характерных черт понятия «научная школа», и отказ от жестких формальных рамок⁴. Безусловно, следует ориентироваться на некоторые общие признаки, присущие «школе», как то близость идеологическая и методологическая, особые, неформальные отношения между учителем и учениками и др., но неправомерно говорить о том, что их наличие обязательно в строго определенных «пропорциях».

Понимая «школу» как неформальное объединение ученых, оформившееся вокруг фигуры руководителя и лидера, ведущее научную и педагогическую деятельность в рамках общей тематики и методологии, признаваемое научным сооб-

¹ Например, Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической науки». Казань, 2000. С. 7-108.

² Научная школа как структурная единица научной деятельности / Е.В. Устюжанина, С.Г. Евсюков, А.Г. Петров [и др.] / Препринт #WP/2011/288 – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С. 3.

³ Там же. С. 3.

⁴ См., например, позицию по определению научной школы В.И. Герье Т.Н. Ивановой. Отмечая, что, исходя из сугубо формальных признаков (единство теоретико-методологических взглядов, общая научная проблематика и методика исследования), школу В.И. Герье выделить невозможно, автор, подходя более гибко, тем не менее, приходит к выводу о ее существовании и выделяет ряд ее особенностей и признаков. Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. С. 232-241.

ществом и стремящееся при этом воспитать новое поколение участников или же как неформальное объединение, генетически связывающее научное познание и образование¹, мы вправе полагать, что деятельность В.Е. Майера и его учеников, по крайней мере в первом и втором поколении², может быть охарактеризована как «школа». При этом, трактовать это объединение как классическую научную школу, на наш взгляд, неправомерно. Проанализировав особенности майеровской школы, мы сможем дать ей верное определение.

Школа профессора В.Е. Майера, оформившаяся в стенах УГПИ–УдГУ, может быть отнесена к т.н. типу «лидерских» (выделяемых на фоне «безлидерных» или «незримых колледжей») школ. Такой подход к рассматриваемому феномену соотносится с интерпретацией научной школы как «неформального научного коллектива, формирующегося вокруг видного ученого на базе высшего учебного заведения с целью обучения методам научного творчества»³. Василий Евгеньевич был той фигурой, вокруг которой образовался коллектив, группа учеников, вдохновлявшихся, с одной стороны, его личностными и педагогическими талантами, а с другой, – стремившихся разделить с ним, развить в новых направлениях тематику его широких научных интересов.

Формирования школы может быть отнесено ко второй половине 1960-х гг. – началу 1970-х гг., когда для этого сложились определенные организационные предпосылки. В это период В.Е. Майер возглавил в УГПИ кафедру всеобщей истории (1964 г.), успешно защитил докторскую диссертацию (1968 г.) и, наконец, добился открытия аспирантуры по всеобщей истории (1973 г.). Несмотря на то, что часто подчеркивается, что школа – это, прежде всего, неформальное объединение, указанные события имели решающее значение в ее оформлении в стенах Удмуртского пединститута. Возглавив кафедру, Василий Евгеньевич несколько изменил вектор ее работы. Если его предшественница, Л.Н. Заболотская, кандидат

¹ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической науки». Казань, 2000. С. 114.

² К ученикам первого поколения мы относим Н.Г. Шишкину, В.А. Чиркина, В.В. Иванова, Л.В. Котову, к ученикам второго поколения – И.Б. Черниенко, научным руководителем которой стал В.А. Чиркин.

³ Попова Т.Н. П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2009. Вып. 5. С. 67.

педагогических наук, основное внимание своей деятельности фокусировала на подготовке историков-педагогов, то В.Е. Майер, не порывая с педагогической ориентацией, значительно скорректировал курс на углубление профессионального исторического знания.

Реорганизация Удмуртского государственного педагогического института в университет, осуществленная в 1972 г., сыграла значительную роль в организационном формировании школы профессора В.Е. Майера в Ижевске. Переход на университетские рельсы предполагал кардинальные изменения в самих принципах организации как учебной, так и научной деятельности. Это, в свою очередь, означало, что новому учебному заведению требовались по-новому организованные коллективы ученых. В 1971 г. А.Н. Вахрушев, проректор по науке УГПИ, подверг критике кафедру философии и научного коммунизма за то, что тринадцать преподавателей подразделения разрабатывают тринадцать не связанных между собой тем. «На кафедре нет главы, нет школ, нет основного направления», – подчеркивал А.Н. Вахрушев. Схожим образом обстояла ситуация и на других кафедрах Института, в связи с чем проректор призывал «сплачивать коллективы, создавать свои школы»¹. Эти меры предлагались с прицелом уже на университетские принципы построения научной деятельности.

Реализация новых подходов в научной работе УдГУ была бы невозможна без открытия аспирантур. Это справедливо и для школы профессора Майера. Большое значение для ее формирования имело открытие аспирантуры по всеобщей истории в Удмуртском государственном университете в 1973 г. В этом же году в аспирантуру была зачислена ученица Василия Евгеньевича Н.Г. Шишкина. Таким образом, занятие поста заведующего кафедрой всеобщей истории, защита докторской диссертации и открытие аспирантуры стали теми необходимыми организационными этапами, которые предварили оформление школы профессора Майера.

Кроме того, как замечает О.М. Мельникова относительно формирования школ в отечественной археологии, именно университетская система образования

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 5. Л. 118.

с ее широкими возможностями познавательной, образовательной и педагогической деятельности во многом стимулировала возникновение отношений «учитель–ученик» и становилась важнейшим фактором, способствующим превращению обычного педагогического и исследовательского коллектива в научную школу¹. На наш взгляд, этот тезис абсолютно соотносим и с развитием школы германистики в региональном пединституте.

Таким образом, стремление В.Е. Майера к организации собственной школы в рамках кафедры всеобщей истории УГПИ–УдГУ находилось в полном соответствии с требованиями Университета по этому вопросу. Важно отметить тот момент, что майеровское понимание необходимости организации научной школы и первые шаги по ее созданию были предприняты им еще до того, как подобная политика стала проводиться в общеуниверситетском масштабе. В определенной мере, В.Е. Майер предвосхитил идеи руководства вуза.

Пройдя в свое время великолепную школу исторического факультета МГУ, В.Е. Майер стремился к тому, чтобы применить полученный им опыт на «удмуртской почве». Свою задачу он видел в том, чтобы обеспечить каждую дисциплину направления всеобщая история своим «узким специалистом»². Еще в начале 1960-х гг. при кафедре были оставлены для подготовки к написанию диссертации Г.Т. Кондратьева (Живаева), Л.А. Соковиков и Н.И. Санников, каждый – со своим полем деятельности. Мы не можем сказать, что они стали учениками В.Е. Майера, однако становление, например, Н.И. Санникова как ученого формировалось во многом под его влиянием. Василий Евгеньевич занимался с аспирантом немецким языком, готовя его к сдаче кандидатского экзамена, открывая при этом для него

¹ Мельникова О.М. Университетские научные школы в археологии как фактор формирования квалифицированных кадров // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы. Чебоксары, 2008. С. 327-328. Об этом же пишет, например, и Г.П. Мягков: «“Университетская” прописка – весьма важное обстоятельство: формирование любого научного сообщества зависит от качества “почвы”, на котором оно призвано произрастать» (Мягков Г.П. Школа профессора И.Я. Фроянова в Удмуртии: диалектика формирования регионального научного общества // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск, 2008. С. 373.)

² В конечном итоге В.Е. Майеру практически все удалось. Был подготовлен целый ряд специалистов по античности, средневековой и новейшей истории, а также этнологии.

возможность обращения к темам германской истории¹. Подобная языковая подготовка использовалась затем В.Е. Майером регулярно и в работе со студентами, и с аспирантами.

Расширяя «научный кругозор» кафедры всеобщей истории, В.Е. Майер обратился к практике приглашения молодых специалистов, подготовленных ведущими вузами страны. Таким образом на факультете оказались Н.С. Талашова (Казанский госуниверситет) и В.П. Коротова (Пермский госуниверситет), специалисты по античности и истории Англии новейшего времени соответственно. Чуть позднее, на кафедру всеобщей истории был приглашен молодой, но уже сложившийся ученый В.Е. Владыкин, защитивший в 1969 г. кандидатскую диссертацию в МГУ², с именем которого связано блестящее развитие нового тогда для вуза направления – этнографии³. В это же время некоторые студенты-историки были искренне увлечены и заворожены проблемами германской истории и личностью самого Василия Евгеньевича. Их желание продолжать занятия по выбранной теме и после окончания вуза совпало со стремлением самого В.Е. Майера к тому, чтобы некоторые из учеников развили тематику его исследований.

Ученым была выработана методика по отбору и подготовке учеников. Представление о ней мы можем составить на примере Н.Г. Шишкиной, первой аспирантки В.Е. Майера. На I курсе Василий Евгеньевич «присматривался» к студентам, некоторым из которых поручалось прочесть доклад на традиционном расширенном заседании кафедры всеобщей истории, на которое приглашались учащиеся младших курсов. В случае с Н.Г. Шишкиной, доклад был посвящен недавно вышедшей из печати монографии В.Л. Янина «Я послал тебе бересту...»⁴, освещающей открытия археологов в Новгороде Великом. Сам факт выбора именно этой книги кажется примечательным. Историк-германист предложил для рецен-

¹ Успешность такого подхода продемонстрировала кандидатская диссертация Н.И. Санникова, посвященная проблемам германского неонацизма: Санников Н.И. НДП – новая нацистская партия Западной Германии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971. 20 с.

² Владыкин В.Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969. 20 с.

³ Подробнее о нем см.: Владыкин Владимир Емельянович: к 60-летию со дня рождения: биобиблиогр. указ. Ижевск, 2003. 62 с.

⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1965. 192 с.

зирования и последующего выступления не книгу по истории Германии (или в целом по всеобщей истории), а по истории Древней Руси. Определяющим фактором такого выбора, по-видимому, стала новизна монографии: опереться на какие-либо отзывы, критику рассматриваемого вопроса было невозможно, что побуждало студентку-первокурсницу к самостоятельному историографическому анализу и выработке навыков работы с исторической литературой.

Следующим этапом отбора студентов были специально организованные заседания кафедры всеобщей истории (обычно они проходили в конце третьего семестра) с второкурсниками, которые себя хорошо зарекомендовали в учебном процессе. Здесь В.Е. Майер предлагал заниматься более активно уже темами, входящими в круг его научных интересов. Обязательным условием были дополнительные занятия по немецкому языку, которые проводил сам Василий Евгеньевич. Ученикам он предлагал переводить книги германских авторов по истории с прицелом на то, что обработанный материал составит в дальнейшем основу для дипломной работы. Н.Г. Шишкиной «досталась» часть многотомника *Deutsche Geschichte*, посвященная событиям XVIII–XIX вв.¹ Прделанная работа была полезной: в 1970 г. она защитила дипломную работу, раскрывающую проблемы влияния Великой Французской революции на развитие Германии.

Отметим, что это была первая публичная защита дипломных работ на историческом факультете в УГПИ. В то время студенты-выпускники должны были сдавать несколько государственных экзаменов, но В.Е. Майер со своей ученицей предпочли вместо одного из них – защиту диплома. Этот факт, помимо прочего, демонстрирует и то, сколь серьезно Василий Евгеньевич относился к публичным выступлениям и стремился, как можно раньше приучать своих учеников к работе с аудиторией.

Схема работы с учениками, показанная на примере Н.Г. Шишкиной, успешно применялась В.Е. Майером и в дальнейшем. Такую школу прошли В.А. Чиркин (сейчас – доктор исторических наук), В.В. Иванов (сейчас – кандидат историче-

---

¹ *Deutsche Geschichte. Band 2. Von 1789 bis 1917. Berlin, 1965.*

ских наук), Л.В. Котова и другие ученики. Например, с Л.В. Котовой Василий Евгеньевич занимался не только современным немецким языком, но и более архаичным, поскольку сферой ее интересов стали вейстумы.

Методику занятий по языковой подготовке учеников и работе с источниками можно проследить по воспоминаниям В.В. Иванова¹. Сначала ему был дан для перевода текст «Утопии» Ганса Герготта, переведенной В.Е. Майером, но к тому времени еще не опубликованной на русском языке. Затем оба перевода сличались, и учителем делались необходимые замечания и правки. В дальнейшем В.В. Иванову было предложено изучение памфлета «К собранию простого крестьянства», ранее не переводившегося, поэтому сверка Василием Евгеньевичем велась на основе текста оригинала². Подобная работа была непроста и требовала значительных временных затрат как от ученика, так и от учителя. Впоследствии, итог этой работы лег в основу одной из глав кандидатской диссертации В.В. Иванова³.

Еще одним компонентом работы с учениками было определение поля их специализации с учетом личных интересов и пожеланий, а иногда и предпочтений В.Е. Майера. «На откуп» Н.Г. Шишкиной были отданы проблемы историографии германской истории эпохи феодализма (преимущественно изучение работ историков ГДР). В рамках этой темы ею была защищена кандидатская диссертация⁴. Сферой деятельности другого ученика Василия Евгеньевича В.А. Чиркина стала аграрная и крестьянская история Германии XV–XVI вв. По его словам занятия этой темой были «навязаны» ему В.Е. Майером едва ли не силой, поскольку в годы студенчества В.А. Чиркин не планировал связывать себя тесно с наукой и с аграрной историей. Однако, В.Е. Майер разглядел в молодом историке потенциал и, подтолкнув его к названной теме, оказался прав. Аграрная история помогла В.А.

¹ Иванов В.В. Слово об учителе // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения: библиогр. указатель. С. 60-62.

² Впервые перевод памфлета был опубликован уже после смерти В.Е. Майера: К собранию простого крестьянства // Памфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992. С. 61-92.

³ Иванов В.В. Памфлеты и программы Юго-Западной Германии в 1523-1526 гг. и реформация Ульриха Цвингли: автореф. дис. .... канд. ист. наук. Л., 1986. 24 с. После смерти В.Е. Майера В.В. Иванов продолжил работу над кандидатской диссертацией под руководством А.Н. Немилова.

⁴ Шишкина Н.Г. Проблемы классовой борьбы в позднесредневековой Германии в историографии ГДР: автореф. дис. .... канд. ист. наук. М., 1984. 20 с.

Чиркину выйти на более широкие просторы исследования и защитить не только кандидатскую¹, но и докторскую диссертацию².

Большое значение для понимания методики работы с учениками, использовавшейся В.Е. Майером, для нас имеют мероприятия, предпринятые им в годы работы проректором по науке Удмуртского государственного университета (1972–1976 гг.) в сфере научно-исследовательской работы студентов. Подробно этот аспект освещен нами в соответствующем параграфе, поэтому сейчас отразим лишь общие принципы, выдвинутые В.Е. Майером. «Положение о научно-исследовательской работе студентов»³, принятое УдГУ в 1975 г. и разработанное непосредственно под руководством проректора по науке, разумеется, несло в себе отпечаток того опыта, который он приобрел будучи заведующим кафедрой всеобщей истории.

По мнению В.Е. Майера, наиболее эффективным способом построения отношений внутри коллектива «учитель – ученики» была своеобразная пирамида, на вершине которой находился лидер школы (в нашем случае – Василий Евгеньевич). Следующим звеном становились несколько наиболее одаренных старшекурсников, работавших непосредственно с научным руководителем, а уже к ним прикреплялись студенты младших курсов. Все объединялись вокруг общей проблемы, разрабатываемой руководителем, а привлечение к ее разработке студентов первого курса обеспечивало, по мысли В.Е. Майера, необходимую преемственность идей, без которой невозможно было обойтись, если одно из старших звеньев пирамиды, по окончании университета, не продолжало научную работу. Деятельность пирамиды не ограничивалась работой только в рамках установленной рабочей программы – большое значение здесь приобретал кружок по всеобщей истории, функционировавший при кафедре. Именно руководитель кружка являлся вторым, после руководителя, звеном выстроенной схемы.

¹ Чиркин В.А. Социально-экономическое положение немецкого крестьянства в I четверти XVI века (по материалам тюринго-саксонского района): автореф. дис. .... канд. ист. наук. Москва, 1986. 21 с.

² Чиркин В.А. Аграрные отношения Средней Германии середины XV – середины XVI веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 1996. 55 с.

³ Положение о научно-исследовательской работе студентов / сост. В.Е. Майер. Ижевск, 1975. 56 с.

Не будем подробно останавливаться на перечислении всех научных работ и достижений учеников В.Е. Майера, тем более, что об этом в специальных изданиях уже говорилось¹, а обратим свое внимание на следующее. Говоря прямо, его учеников, занимавшихся средневековой историей Германии профессионально, немного. Фактически, это упоминавшиеся уже Н.Г. Шишкина, В.А. Чиркин, В.В. Иванов и Л.В. Котова. Чем может быть объяснен этот факт и не может ли это считаться причиной, не позволяющей выделять школу профессора В.Е. Майера?

Отвечая на первый вопрос, мы должны учитывать ряд факторов. Во-первых, сам Василий Евгеньевич, по современным меркам, пришел в науку довольно поздно: в 36 лет им была защищена кандидатская диссертация, а первая научная статья вышла еще через год. Таким образом, затягивался и процесс утверждения ижевского ученого на научном олимпе. Во-вторых, мы не должны сбрасывать со счетов значительную учебную и внеучебную нагрузку В.Е. Майера, вынуждавшую его работать урывками над собственными научными проблемами. Наконец, в-третьих, следует сказать, что занятия с учениками Василий Евгеньевич проводил скрупулезно, не допуская поверхностности и, по-видимому, не имея возможности работать с действительно большим количеством аспирантов. Тем более что, по словам В.В. Иванова, к ученикам В.Е. Майер относился «патриархально-отечески»², отчасти опекая их, отчасти оказывая не только научную, но и моральную поддержку.

Кроме того, нельзя забывать, что подготовкой учеников к написанию и защите диссертационных исследований В.Е. Майер мог заниматься в полной мере только после открытия аспирантуры, т.е. неполные 12 лет. При этом работа В.Е. Майера с учениками не исчерпывалась собственно научным руководством. Для некоторых из них он смог открыть «путь в науку»: видя потенциал и используя личные связи, Василий Евгеньевич добивался того, чтобы они поступали в аспи-

¹ См., например: Зорина А.А., Старкова Н.Ю., Шишкина Н.Г. Содержание и формы организации научно-педагогической деятельности на кафедре истории древнего мира и средних веков // Наука Удмуртии. № 6 (33), июнь 2009. С. 112-116.

² Иванов В.В. Профессор В.Е. Майер – учитель, российский интеллигент, харизматичный лидер // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения: биобиблиогр. указатель. С. 49.

рантуру и работали над диссертациями, но уже не в Ижевске. Совместная работа с учеными Москвы, Ленинграда, Свердловска, Казани, Перми, Томска, Саратова, поддержание с ними научных связей и личных контактов способствовали появлению новых тем исследований среди учеников В.Е. Майера. Именно так начали путь в науку выпускники исторического факультета УГПИ–УдГУ: М.Г. Иванова (сейчас – доктор исторических наук), Т.П. Евсеенко (сейчас – доктор юридических наук), И.Ф. Сергеенкова (сейчас – кандидат исторических наук), Н.Ю. Старкова (сейчас – кандидат исторических наук) и др.¹

Отвечая на второй вопрос, следует понимать, что главенствующий фактор – это не количество учеников, а эффективность и результативность их работы. В качестве критерия оценки нужно учитывать подготовленные и защищенные диссертации (докторская – В.А. Чиркин, кандидатские – Н.Г. Шишкина, В.В. Иванов), а также научную и педагогическую деятельность, которую до сих пор эффективно ведут все из упомянутых выше учеников, за исключением, вышедшей на пенсию Л.В. Котовой. Несмотря на то, что она не защитила кандидатскую диссертацию, сфера ее научных интересов была наиболее близка к исследованиям В.Е. Майера. Она переводила и комментировала вайстюмы, занималась их изучением в рамках курса «Источниковедение средневековой истории» со студентами, которые уже не застали самого профессора В.Е. Майера, но таким образом могли понять, чему он посвящал свою научную деятельность².

Еще один немаловажный момент. В историографии подчеркиваются заслуги В.Е. Майера, прежде всего, как специалиста-аграрника и тот факт, что из его учеников только двое занимались этой темой, противоречит такому формальному признаку единства школы как общая научная проблематика. Однако научное наследие В.Е. Майера чрезвычайно разнопланово. Помимо аграрной истории, в

¹ В частности, используя личные связи, В.Е. Майер добился того, чтобы в аспирантуру поступили, например, И.Ф. Сергеенкова (в Горьковский педагогический институт, где под руководством А.Н. Мерцалова она подготовила кандидатскую диссертацию – Сергеенкова И.Ф. Фашизм и антифашистское сопротивление в освещении американской буржуазной историографии: автореф. дис. .... канд. ист. наук Томск, 1978. 25 с.), Н.Е. Цепулина (в Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета под руководством В.И. Павлова), С.С. Дерендяев (в Пермский государственный университет под руководством Л.Е. Кертмана).

² Из истории Германии в эпоху средневековья и раннего нового времени: Сборник документов. Ижевск, 2008. 88 с.

сферу его интересов входили проблемы развития города и деревни средневековой Германии, идеологическая борьба, проблемы источниковедения и историографии и история удмуртской общины. Поэтому, определенно, историографические штудии Н.Г. Шишкиной, исследования по средневековой идеологии и культуре В.В. Иванова и И.Б. Черниенко¹ лежат в русле интересов и самого В.Е. Майера.

Глубоко методическое влияние профессора Майера на своих учеников, которое распространялось не только на тех, кто защищал диссертации под его руководством, но и тех, кто проходил его школу в качестве студента. Одним из таких методических признаков может считаться чрезвычайно внимательное отношение к историческому источнику. Напомним, для В.Е. Майера источник всегда был основой его изысканий, о чем может свидетельствовать хотя бы тот факт, что его кандидатская диссертация была посвящена анализу вейстюмов. Это и было усвоено его учениками, причем не только германистами, но, например, антиковедом Н.Ю. Старковой, которая занимаясь изучением древней Спарты, особое внимание уделяла глубокому анализу исторических источников².

Еще один фактор, объединяющий представителей рассматриваемого сообщества, – это восприятие педагогических методов, которыми руководствовался В.Е. Майер. Так, по воспоминаниям Е.М. Гущи, определяющее воздействие на нее как на педагога В.Е. Майер оказал собственным примером: высокий уровень подготовки к лекционным и практическим занятиям, искренняя увлеченность своим предметом, стремление передать свои знания³.

Как педагог В.Е. Майер передавал своим ученикам и некоторые практические навыки, в частности методику составления конспектов, которую те, в свою очередь, используют и предлагают в качестве образца и сейчас⁴. Сохраняется преемственность идей В.Е. Майера и в вузовской педагогике. Майеровские методики

¹ Черниенко И.Б. Германия на рубеже XV-XVI веков: эпоха и ее видение в творчестве Альбрехта Дюрера: автореф. дис. .... канд. ист. наук. Пермь, 2004. 26 с.

² Именно источниковедческий и историографический характер носят учебные пособия, вышедшие из-под ее пера: Старкова Н.Ю. Притяжение древней Спарты. Учебное пособие в 2-х частях. Ижевск, 2002. Она же. Пелопоннесский союз в источниках и историографии: курс лекций. Ижевск, 2010. 334 с.

³ Гуща Е.М. Вспоминая Учителя. Слово о В.Е. Майере // Историк и его дело (Серия памяти профессора В.Е. Майера). Вып. 8. Ижевск, 2010. С. 149-153.

⁴ История средних веков: учебное пособие для студентов исторических факультетов. Часть 1. Ижевск, 2011. С. 26-33.

проведения семинарских занятий, зачетов и экзаменов – все это транслируется с учетом вызовов времени и сегодня¹.

Наконец, еще черта, характеризующая школу В.Е. Майера, – это самоопределение его учеников, признание за ним неформального статуса учителя. Иначе говоря, для осознания феномена школы В.Е. Майера, важно понимать, что число его учеников не исчерпывается числом специалистов, защитивших диссертации под его руководством. Это и сотни студентов, перенявших от В.Е. Майера навыки научной работы, методику исторических исследований и педагогического мастерства, которые впоследствии применялись ими в профессиональной деятельности. Для многих будущих преподавателей истории и школьных учителей Василий Евгеньевич стал примером, интеллектуальным лидером, вдохновителем, образцом ученого и педагога. Это позволило говорить им о В.Е. Майере как об учителе, а себя причислить к его ученикам.

Существенным признаком, позволяющем говорить о складывании школы, является ее признание как таковой научным сообществом. В нашем конкретном случае такое признание, очевидно, произошло, свидетельством чему может служить проведение в Ижевске в 1979 г. III Всесоюзного научного симпозиума по проблемам аграрной истории развитого феодализма.

Первый опыт проведения подобных симпозиумов был предпринят в 1974 г., когда 17–19 декабря в Ленинграде состоялась межвузовская конференция «Гражданская община в социально-политической жизни античности и раннего средневековья», организованная историческим факультетом Ленинградского государственного университета и Головным Советом по истории Минвуза РСФСР и посвященная, соответственно, истории античного и средневекового города². Непосредственным центром притяжения и вдохновителем симпозиума стал заведующий кафедрой истории средних веков ЛГУ, известный советский византист

¹ Примером и образцом для нынешних «методичек» по дисциплинам всеобщей истории стали майеровские разработки: Майер В.Е. Методические разработки по истории средних веков для студентов II курса исторического факультета. Ижевск, 1984. 46 с.

² Курбатов Г.Л. Межвузовская конференция по проблемам античного и раннесредневекового города // Средневековый город. Вып. 5. Саратов, 1978. С. 181-188.

Г.Л. Курбатов. Как он сам позднее отмечал, проделанная на конференции работа, убедительно показала необходимость и важность проведения подобного рода межвузовских проблемно-тематических конференций и симпозиумов с широким участием представителей академических учреждений. Особую важность это имело в связи с ростом и становлением новых университетов, где медиевистика еще только разворачивалась и не имела сложившихся научных и учебно-методических традиций. Поэтому на Конференции было принято решение обязать Секцию истории средних веков Головного совета по истории Минвуза РСФСР провести следующее научное совещание по проблемам истории средневекового города¹.

Выбор Саратовского государственного университета в качестве площадки для проведения II Всесоюзного симпозиума по проблемам истории и историографии средневекового города следует воспринимать не только как факт признания заведующего кафедрой истории средних веков СГУ С.М. Стама одним из лидеров советской средневековой урбанистики, но и как признание самой кафедры и ее сотрудников центром, школой историков-урбанистов. Ведь если, по словам Г.Л. Курбатова, во многих новых университетах медиевистика еще только формировалась как направление, логичным было провести столь масштабное мероприятие там, где этот процесс уже максимально развит: в 1970 г. Минвуз СССР С.М. Стаму и кафедре официально поручил подготовку межвузовского научного сборника «Средневековый город». Сборник быстро стал одной из важных точек научного притяжения урбанистов и специалистов по истории культуры, как городской, так и ренессансной.

Таким образом, уже к середине 1970-х гг. кафедра истории средних веков Саратовского госуниверситета воспринималась научным сообществом как центр исследования средневековой урбанистики, а сам С.М. Стам как лидер школы, готовящий новое поколение специалистов. Таким образом, по словам Н.И. Девятай-

---

¹ Курбатов Г.Л. Межвузовская конференция по проблемам античного и раннесредневекового города // Средневековый город. Вып. 5. Саратов, 1978. С. 188.

киной, кафедра истории средних веков СГУ стала третьей после столичных в России отдельной медиевистической «единицей»¹.

По итогам прошедшего в Саратове 11–14 сентября 1977 г. симпозиума Г.Л. Курбатов отмечал, что подобные мероприятия содействуют повышению квалификации молодых научных кадров, в том числе и из новых научных центров², к которым может быть причислена и кафедра всеобщей истории Удмуртского государственного университета, представленная на конференции В.Е. Майером и Н.Г. Шишкиной. Очевидно, что удачный опыт проведения двух предыдущих симпозиумов продемонстрировал необходимость продолжения и практики их организации в «новых научных центрах», которым в 1979 г. стал Удмуртский госуниверситет и кафедра всеобщей истории. Здесь же, в Саратове была определена и тема следующей конференции – «Проблемы аграрной истории развитого феодализма», выбранная, по видимому, уже с прицелом на ее возможное проведение в УдГУ.

Следует понимать, что проведение конференций подобного уровня в Советском Союзе (тем более на региональной площадке) не могло быть осуществлено без принятия соответствующего решения на уровне Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР. Согласно «Инструкции о порядке планирования, организации и проведении всесоюзных, республиканских, межвузовских и вузовских научных и научно-технических совещаний, конференций, семинаров и симпозиумов», утвержденной приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР № 1117 от 5 декабря 1977 г.³ детально и даже мелочно⁴ регламентировалось каким образом заинтересованные стороны (вузы, кафедры и т.п.) должны были подавать заявки, а в дальнейшем, при их успешном одобрении, организовывать и проводить указанные мероприятия.

¹ Девятайкина Н.И. Профессор С.М. Стам как культурная и ученая личность: роль для университета и Саратова // Средневековый город. Вып. 20. Саратов, 2009. С. 58.

² Варьяш О.И. Симпозиум по проблемам истории и историографии средневекового города // Средние века. Вып. 42. 1978. С. 363.

³ Приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР № 1117 от 5 декабря 1977 г. «Об организации и проведении всесоюзных, межвузовских и вузовских научных и научно-технических конференций, совещаний, семинаров и симпозиумов».

⁴ Вплоть до рекомендации проводить конференции «в период спада массового туризма»

Впрочем, Г.Л. Курбатов, организатор первого симпозиума в Ленинграде, издание этого приказа воспринял как безусловное благо. В письме В.Е. Майеру он писал: «Я страшно рад за <...> письмо Елютина¹, внесшее ясность в ситуацию. Последние годы все было страшно трудно организовывать <...> из-за неясностей в толковании министерских чиновников, как нашу первую конференцию в Л<енингра>де, так и вторую в Саратове. Я вас просто поздравляю с тем, что Вы теперь можете опереться на “документ”»².

Сам В.Е. Майер небезосновательно считал, что даже несмотря на конкретность и полноту министерской инструкции, заявка на проведение симпозиума может остаться неудовлетворенной без соответствующей поддержки. Поэтому в марте 1978 г. он писал В.В. Мавродину, председателю Головного Совета по истории Минвуза РСФСР: «Глубокоуважаемый Владимир Васильевич! Сообщаю Вам, что Удмуртский университет направил 21-го марта с.<его> г.<ода> письмо и план-заявку в МВССО РСФСР с просьбой включить в план на 2-ю половину сентября 1979 г. проведение в Удмуртском университете 3-го симпозиума по проблемам аграрной истории развитого феодализма. <...> наше письмо и заявка должны в апреле рассматриваться в соответствующих министерствах РСФСР и СССР. Поэтому мы особенно просим, чтобы Вы как председатель Головного Совета поддержали нас в соответствующих инстанциях. Опыт показывает, что без такой поддержки нашим бумагам могут вообще не давать хода»³.

Отметим, что к этому моменту тема и сроки проведения симпозиума уже были согласованы В.Е. Майером с В.В. Мавродиным, писавшему в феврале 1978 г. ректору УдГУ Б.Н. Шульге: «Головной Совет по истории Минвуза РСФСР своим решением от 21 февраля с.<его> г.<ода> поддержал предложение Вашего университета о проведении на его базе 3-го симпозиума университетов РСФСР по про-

¹ Т.е. за Приказ № 1117 от 5 декабря 1977 г., вышедший за подписью Министра высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютина

² Письмо Г.Л. Курбатова В.Е. Майеру от 2 февраля 1978 г. // Личный архив автора

³ Письмо В.Е. Майера В.В. Мавродину от 25 марта 1978 г. [черновик] // Личный архив автора

блемам медиевистики в сентябрь-октябре 1979 г., одобрил и признал актуальной <...> проблематику проблемы аграрной истории развитого феодализма»¹.

Таким образом, то, что проведение III Всесоюзного научного симпозиума по проблемам аграрной истории развитого феодализма было доверено Удмуртскому госуниверситету (по факту – В.Е. Майеру и кафедре всеобщей истории), найдя при этом поддержку и среди коллег-ученых, и среди министерских чиновников, может, на наш взгляд, свидетельствовать о том, что уже во второй половине 1970-х гг. кафедра всеобщей истории во главе с профессором Майером воспринималась историками СССР как самостоятельный региональный центр по изучению аграрной истории средневековой Германии.

Организация всесоюзного симпозиума стала абсолютно новым вызовом для В.Е. Майера. Прекрасно осознавая с какими возможными трудностями он рискует столкнуться, Василий Евгеньевич обращался за советами к своим «предшественникам» – организаторам первых двух симпозиумов Г.Л. Курбатову и С.М. Стам. Оба историка не оставляли без внимания просьбы ижевского коллеги, делаясь с ним довольно подробными инструкциями. Так, в апреле 1978 г. С.М. Стам писал: «Что касается “организационных мук”, то мне очень много хлопот доставила переписка (личная) с предполагаемыми докладчиками, сверстывание программы симпозиума, а затем – ее печатание. При этом ни о какой инструкции Елютина я не имел и понятия. Да, признаться, я не уверен, что живое научное дело можно втиснуть в строгий распорядок инструкции. “Наугад” мы никаких тем не включали. Правда, мы составляли программу только в мае-июне. Но мы учитывали, что кто-то не сможет приехать, а кто-то видоизменит название своей темы, а кроме того явятся сверхплановые темы. Так оно и получилось. Это естественно, и мы не чинили препятствий докладчикам, если они несколько меняли свои темы или – если предлагались новые темы, не входившие в первоначальную программу. Никто тут над нами никакого надзора не устраивал. Отвечал за все оргкомитет, и мы заботились лишь о том, чтобы тематика соответствовала профилю симпозиума и

---

¹ Письма Исх. № 120/78 от 28 февраля 1978 г. председателя Головного Совета по истории Минвуза РСФСР [копия]
// Личный архив автора

чтобы сами доклады были на должном научном уровне. Чрезмерная регламентация может только затруднить Вашу работу и обеднить содержание симпозиума»¹.

Если рекомендации саратовского историка касались, в основном, собственно проведения симпозиума, то Г.Л. Курбатов акцентировал внимание на «тонких» бюрократических нюансах. В письме от 2 февраля 1978 г. он писал: «Мне кажется, что нужно очень четко продумать разбивку по проблемам. <...> Я советовался в М.<оскве> с некоторыми тов.<арищами>. Дело в том, что, как Вы знаете, на посл.<еднем> симп. <озиуме> по пр.<облемам> агр.<арной> ист.<ории> юго-вост.<очной> (?) Европы было принято решение максимально участвовать совместно, компаративно с медиев.<истами> З.<ападной> Е.<вропы>. Как мне сообщила Гутнова², они ждут приглашения к участию. Учтите! Напишите Гутновой и поинтересуйтесь, кто у них главный "организаторщик". <...> Ваша задача, на мой взгляд, закл.<ючается> в том, чтобы максимально полезно для дела продумать планировку всего этого, чтобы смогли принять участие и все желающие – Ваши [т.е. сотрудники кафедры всеобщей истории УдГУ, ученики В.Е. Майера – А.Т.]. Для них это существенно. Для успеха конфер.<енции> – тоже, как и перспектив Ваших штудий»³.

Успешно преодолев всевозможные административно-бюрократические препятствия, III симпозиум по проблемам аграрной истории состоялся в Удмуртском госуниверситете 23–26 сентября 1979 г. Серьезная заинтересованность в участии в конференции со стороны ученых-историков, по словам В.Е. Майера, была продемонстрирована еще на подготовительном этапе, когда площадка для ее проведения не была окончательно определена. В письме В.В. Мавродину он писал: «Предварительная переписка с вузами страны свидетельствует о заинтересованности и широкой поддержке этого мероприятия. Получены письма не только из

¹ Письмо С.М. Стама В.Е. Майеру. 29 апреля 1978 г. // Личный архив автора

² Евгения Владимировна Гутнова – известный советский историк-медиевист. В рассматриваемое время была научным сотрудником ИВИ АН СССР. Отметим, что рекомендации Г.Л. Курбатова не прошли даром: заявка на участие в симпозиуме от сектора истории средних веков ИВИ АН СССР включала в себя шесть человек (самая массовая среди всех заявок), включая и саму Е.В. Гутнову, и А.Н. Чистозвонова, заведующего соответствующим сектором.

³ Письмо Г.Л. Курбатова В.Е. Майеру от 2 февраля 1978 г. // Личный архив автора

вузов РСФСР, но и других республик»¹. Последующая подготовительная работа при организации симпозиума включала в себя не только хлопоты административного плана, но и непростой процесс приглашения коллег–историков, согласования тем докладов, сроков их предоставления и т.п.²

В.Е. Майер и участники симпозиума отмечали, в целом, его успешное проведение. По его итогам ижевский историк писал: «В работе симпозиума приняли участие около пятидесяти ученых и аспирантов Москвы, Ленинграда, Томска, Киева, Калинин, Свердловска, Алма-Аты, Караганды, Фрунзе, Одессы, Горького, Донецка, Ярославля, Львова, Ивано-Франковска, Сыктывкара, Челябинска и других городов. Особо важное значение имело активное участие в симпозиуме группы ученых Института всеобщей истории АН СССР во главе с заведующим сектора истории средних веков А.Н. Чистозвоновым. <...> Всего было заслушано 12 докладов и 21 сообщение. <Они> группировались вокруг тем по аграрной истории отдельных стран <...>. Однако проблемы, поднятые в них, имеют, прежде всего, значение для решения аналогичных задач по <...> всей средневековой истории Европы. К таким проблемам относятся вопросы о феодальной земельной собственности и земельных держаниях крестьян, об эволюции вотчины и изменениях в общине, о генезисе капитализма и кризисе феодального способа производства, об имущественной и социальной дифференциации крестьянства, формах классовой борьбы и социально-экономическом положении крестьянства, методике использования аграрных документов и историографии по аграрной проблематике. <...> Все заседания проходили на высоком научно-теоретическом уровне, и на симпозиуме не наблюдались обычные для подобных форумов подъемы и спады. Вместе с западноевропейской и византийской медиевистикой было широко представлено славяноведение»³.

¹ Письмо В.Е. Майера В.В. Мавродину от 25 марта 1978 г. [черновик] // Личный архив автора

² Подробнее об этом см.: Туркевич А.Л. Научные связи профессора В.Е. Майера (по переписке и автографам) // Историк и его дело. Серия памяти профессора В.Е. Майера. Вып. 9. Ижевск, 2011. С. 81-88.

³ Майер В.Е. Межвузовский симпозиум по аграрной истории развитого феодализма (черновик доклада) // Архив автора

В качестве критерия, опосредованно подтверждающего успешность проведения симпозиума, следует отметить, что по его итогам было принято решение о продолжении практик проведения мероприятий такого рода и организации следующей конференции в 1981 г. в Киеве¹.

В целом, проведение симпозиума по проблемам аграрной истории развитого феодализма, включающее в себя определение и согласование проблематики, подготовку письменной заявки в Минвуз РСФСР и ее последующее одобрение и утверждение, информирование потенциальных участников при помощи переписки (официальной и частной), согласование тем докладов, определение программы симпозиума, включавшую в себя не только собственно секционную работу, но и обязательную «культурно-массовую» составляющую, наконец, собственно этап проведения конференции и последующие заботы, связанные с изданием ее материалов, растянулось для В.Е. Майера и его коллег по кафедре всеобщей истории на период с 1977 по 1983 гг.

Неверным было бы предполагать, что Василий Евгеньевич не представлял изначально, борясь за право проведения симпозиума, с какого рода трудностями, в том числе, организационно-бюрократического толка ему придется столкнуться. Тем не менее, он пошел на это вполне осознанно. С чем было связано столь сильное стремление ученого в проведении такого хлопотного мероприятия? На наш взгляд, следует говорить о двух основных причинах. Во-первых, как и большинству ученых, Василию Евгеньевичу было важно получить признание среди своих коллег: уже защитивший докторскую диссертацию, автор многих научных статей, он стремился продемонстрировать научному сообществу историков-медиевистов, что изучение действительно непростых проблем средневековой западноевропейской истории может быть осуществлено в молодом региональном вузе, причем не только специалистом-одиночкой, но и целым коллективом единомышленников. Как представляется, упорно добиваясь права провести столь представительной

---

¹ Воробьева И.Г. Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого феодализма в Ижевске // Советское славяноведение. М., 1980. Вып. 3. С. 125.

симпозиум в Ижевске, В.Е. Майер надеялся показать себя не только как ученого, но и талантливую организатора науки, способного вести за собой учеников.

Кроме того, проведение столь представительного мероприятия должно было повысить и престиж Удмуртского госуниверситета в целом. Недавний проректор по науке, В.Е. Майер не мог не понимать, что симпозиумы такого рода нужны вузу в период становления как никогда. Эту мысль высказывал и Г.Л. Курбатов, апеллируя к тому, что добившись поддержки руководства Университета, Василий Евгеньевич сможет рассчитывать на существенную помощь при проведении конференции: «Я думаю, что нужно всячески подд.<ержать> идею о том, что для ун<иверсите>та эта конфер.<еренция> – включение в научную жизнь страны, “на большом счету” “и на высшем уровне”. Это справедливо, несмотря на “неактуальность” тематики. Я думаю, что конфер.<еренция> может стать известным “рычагом” для подъема соответствующих штудий в Вашем ун<иверсите>те. <...> Добиться публикации материалов конфер.<еренции> в виде сборника с включением максимального числа Ваших и прилежащих к Вашему ун<иверсите>ту – это важно и для них»¹.

Во-вторых, конференция подобного уровня должна была стать важнейшим этапом в плане приобщения к миру науки коллег по кафедре и учеников Василия Евгеньевича². Он прекрасно понимал, что для них встреча и совместная работа с такими видными советскими историками как Е.В. Гутнова, А.Д. Люблинская, А.Н. Чистозвонов, М.М. Фрейденберг и многими другими станет неоценимым опытом как в педагогическом, так и научном плане, окажет серьезное мотивационное воздействие с точки зрения важности и необходимости продолжения занятий научной работой.

Итак, проведение в Ижевске в 1979 г. III Всесоюзного научного симпозиума по проблемам аграрной истории развитого феодализма стало важным этапом в формировании школы В.Е. Майера в УдГУ. С одной стороны, само получение

¹ Письмо Г.Л. Курбатова В.Е. Майеру от 2 февраля 1978 г. // Личный архив автора

² Речь идет, в первую очередь, об Н.Г. Шишкиной и В.А. Чиркине, участвовавших в работе симпозиума и представивших тексты докладов для публикации в итоговом сборнике.

права организации столь представительной конференции и широкая вовлеченность в нее специалистов со всего Советского Союза, продемонстрировало признание научной общественностью того факта, что профессор В.Е. Майер и кафедра всеобщей истории Удмуртского госуниверситета воспринимались ими как региональный научный центр по изучению проблем аграрной истории классического средневековья и подготовки соответствующих специалистов. С другой стороны, симпозиум имел важнейшее значение с точки зрения приобщения учеников Василия Евгеньевича к миру «большой» науки. Вовлеченность Н.Г. Шишкиной и В.А. Чиркина в проведении конференции сыграла значительную роль в их профессиональном становлении.

Мы не можем не сказать о проблемах, с которыми сталкивается школа сегодня. Трансляция традиций майеровской школы не всегда находит свое отражение в тематике курсовых и выпускных квалификационных работ, а затем и будущих диссертаций. С одной стороны, следует говорить о веяниях времени, заключающихся в том, что после схода со сцены марксистского подхода, резко снизился интерес к вопросам социально-экономического характера в целом и к аграрной истории в частности. С другой стороны, после ухода В.Е. Майера молодым ученым стало сложнее обращаться к источникам на немецком языке и, соответственно, развивать германскую проблематику на должном уровне.

Кроме того, нельзя не отметить того, что в целом высшее образование в «провинциальной» России в плане развития научной работы переживает сегодня определенный спад. Как отмечает А.Н. Галямичев «в современных условиях оптимизации штатного расписания и структуры высших учебных заведений будущее научных школ в провинциальных университетах видится проблематичным само по себе. Даже сложившиеся школы должны изыскивать возможности и условия для дальнейшего развития в новых условиях»¹.

Означает ли это, что на сегодняшний день школа исчерпала свой потенциал? Как представляется, нет. На наш взгляд, имеются все предпосылки для того, что-

---

¹ Галямичев А.Н. Саратовская школа историков-славистов: быть или не быть // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России. Казань, 2015. С. 231.

бы современное поколение историков-всеобщников УдГУ трудились в русле, проложенном В.Е. Майером. Отход от аграрной тематики отнюдь не означает тех же действий в отношении других тем: источниковедческих, историографических или культурно-идеологических, которые сейчас популярны все более и более, и майеровский опыт здесь будет весьма актуальным.

Вслед за А.Н. Галямичевым, мы можем подчеркнуть, что перспективы развития научных школ гуманитарного плана в региональных вузах России лежат в тесном взаимодействии вузовского (в первую очередь, магистерского) и послевузовского образования¹. Открытие и реализация магистерской программы, которая сочетала бы в себе классические традиции проблем всеобщей истории и изучение современной политики и международных отношений, позволит, на наш взгляд, обеспечить приток новых потенциальных аспирантов и молодых ученых, готовых к изучению германистики.

Подведем итоги. Каковы характерные черты школы В.Е. Майера?

1. Школа носит ярко выраженный лидерский характер. Ее ядро – сам ученый, «адепты» школы – его непосредственные ученики.
2. Общая проблематика исследования (история средневековой Германии в разных сферах), объединяющая лидера и его ближайших последователей.
3. Институциональная организация школы на базе кафедры всеобщей истории УдГУ.
4. Общие методические принципы: повышенное внимание к историческому источнику как к основе научных разработок.
5. Значительное внимание к педагогической составляющей, позволяющее включать в орбиту школы не только историков-ученых, но и историков-педагогов.
6. Особые отношения между учителем и учениками, включающие в себя не только обязательное «неформальное» общение, но и такой аспект как определе-

---

¹ Галямичев А.Н. Саратовская школа историков-славистов: быть или не быть // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России. Казань, 2015. С. 232.

ние учениками В.Е. Майера в качестве учителя и, соответственно, самопричисление себя к его школе.

7. Преемственность традиций изучения и преподавания средневековой истории учениками В.Е. Майера; развитие и углубление его научных и педагогических наработок.

Каким образом мы можем характеризовать школу В.Е. Майера? Не совсем уместным будет определять ее как сугубо научную школу германистов, поскольку этот аспект функционирования школы, хотя и может считаться основополагающим, не является при этом доминирующим. Правильнее было бы говорить о школе В.Е. Майера как о научно-педагогической, поскольку это понятие полнее отражает степень влияния самого профессора Майера на целый ряд поколений его учеников в плане их личностного, профессионального и духовного становления.

3.3. В.Е. Майер как проректор по научной работе УдГУ

Начало 1970-х гг. – важнейшая веха в истории высшего образования в Удмуртии. В 1972 г. Удмуртский государственный педагогический институт был преобразован в Удмуртский государственный университет. Университетизация в РСФСР проходила в несколько волн. Первая из них прошла в 1956 г., когда своими вузами «обзавелись» Якутск, Саранск, Махачкала и Нальчик. Удмуртский пединститут оказался во второй волне, пришедшейся на начало 1970-х гг. Нормативная база, обеспечивающая организацию нового университета в Удмуртии, стала формироваться в 1971 г., когда вслед за Постановлением Совета Министров СССР № 150 от 5 марта 1971 г. «Об организации Удмуртского государственного университета» 26 марта того же года вышло уже Постановление Совета Министров РСФСР № 181, обязывавшее Министерство высшего и среднего образования РСФСР «организовать в 1972 г. в г. Ижевске Удмуртский государственный университет на базе Удмуртского государственного педагогического института»¹.

---

¹ Цит. по: Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931-2001 гг. Ижевск, 2001. С. 88.

Следует понимать, что реорганизация пединститута в университет означала не просто смену вывески – требовалось перевести обучение, принципы комплектования кадров, учебную и научную деятельность на новые рельсы и подобного опыта в Республике еще не было. Изменению должен был подвергнуться и сам «внешний» облик университета, менталитет его преподавателей и сотрудников. Это означало, что преобразования в институте начнутся «с самого верха». Вместо вышедшего на пенсию М.П. Бабина, занимавшего должность ректора 23 года, новым главой Университета стал кандидат технических наук Б.Н. Шульга, приглашенный на эту должность из Ижевского механического института¹, где он в течение семи лет проработал в качестве проректора по учебной работе.

Важным организационным этапом деятельности нового ректора стало формирование команды, с которой ему предстояло ставить на ноги новое для Республики образовательное учреждение. Ключевые посты в новом ректорате заняли Е.А. Ирисов, продолживший свою работу, начатую еще при прежнем руководстве, в качестве проректора по учебной работе, и В.Е. Майер, назначенный проректором по науке вместо А.Н. Вахрушева.

С чем было связано принятие решения Б.Н. Шульгой относительно назначения на пост проректора по науке В.Е. Майера? Какими профессиональными и личными качествами он привлек к себе внимание нового ректора УдГУ? В первую очередь, следует говорить о личных научных достижениях Василия Евгеньевича, которых ему удалось добиться за годы работы в УГПИ. Несмотря на объективные сложности, он смог последовательно подготовить и защитить кандидатскую и докторскую диссертации. Число преподавателей пединститута, работавших здесь и здесь же подготовивших докторские диссертации, было откровенно мизерным: помимо В.Е. Майера подобных успехов добился лишь М.П. Прокопьев, защитивший в 1966 г. докторскую диссертацию на тему «Зерновые культуры Удмуртской АССР (яровые пшеница, овес, полба)»². Разумеется, в свое время в УГПИ работало большее число докторов наук, профессоров и даже академиков,

---

¹ Сейчас – Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова.

² Призвание / под. ред. Н.П. Крапиной. Ижевск, 2001. С. 129-130.

однако никто из них не может считаться «своим», поскольку они прибывали по распределению уже остепененными или работали здесь в эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Более того, к моменту реорганизации пединститута В.Е. Майер был единственным (!) доктором наук, профессором, преподававшим в его стенах¹.

Фактор научных достижений В.Е. Майера может считаться основной причиной, повлиявшей на решение, сделанной Б.Н. Шульгой. Об их знакомстве до реорганизации УГПИ говорить, по-видимому, нельзя. Следовательно, нельзя говорить и о том, что новый ректор был осведомлен о каких-либо личных качествах историка (единственно, со слов прежнего руководства), которые способствовали его приглашению. Тем не менее, это не означает, что такими качествами В.Е. Майер не обладал.

Прежде всего, следует иметь в виду колоссальный опыт, которым В.Е. Майер обладал в плане подготовки научных исследований. Пройдя почти все доступные ему ступени научного роста в УГПИ, он мог на основании личного опыта оказать значительное содействие будущим кандидатам и докторам наук². В.Е. Майер понимал, какие критерии должны предъявляться к научным работникам и их работам. Кроме того, мы не можем не отметить его личную ответственность и трудоспособность как факторы, позволившие занять этот ключевой пост. Для него проректорство стало очередной новой высотой, которая не просто демонстрировала его статусность, но была возможностью оказать помощь и содействие Институту, ставшего для него родным.

Ответственность, с которой В.Е. Майер подходил к выполнению многочисленных общественных заданий и поручений, оказала и здесь свое влияние. Можно предположить, что он не мог отказаться от предложенного ему поста: институт

¹ Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 172. М.П. Прокопьев скончался в 1969 г.

² Этот фактор мы не должны недооценивать. Уже заняв кресло проректора по науке УдГУ, В.Е. Майер не единожды отмечал, что защита уже фактически готовых диссертаций откладывается по причинам, не зависящим от преподавателя. Например, в связи с отсутствием диссертационных советов в самом УдГУ, диссертанты вынуждены были обращаться в вузы РСФСР, которые в свою очередь были ориентированы, прежде всего, на защиты «своих» преподавателей. И подобных тонкостей, связанных с «предзащитной» подготовкой было множество, решались которые, в том числе, и за счет личного опыта в этой сфере проректора по науке.

переживал крайне непростой этап своего существования и игнорировать обязательства, которые были на него возложены, было не в правилах В.Е. Майера. Обязательность принятия и выполнения разного рода поручений и заданий, вплоть до занятия проректорского кресла, во многом определяла характер его деятельности как в рамках вуза, так и вне его.

Анализ деятельности В.Е. Майера в должности проректора по науке Удмуртского государственного университета не может быть осуществлен без понимания специфики тех задач, с которыми он столкнулся. В качестве ориентира, позволяющего нам представить их характер, следует опереться на отчет о выполнении научно-исследовательской работы и повышении квалификации преподавателей, подготовленный А.Н. Вахрушевым осенью 1971 г. В нем он указал на основные, приоритетные направления деятельности, которые необходимо было решать в 1971–1972 учебном году. Таким образом можно выделить группу задач, которые встали перед В.Е. Майером.

Важнейшей из них для нового руководства вуза стала проблема кадрового обеспечения: необходимо было существенно увеличивать число преподавателей вообще, а также заботиться о повышении среднего уровня их остепененности. Фактически перед ректоратом встала задача формирования нового коллектива университетского типа¹.

А.Н. Вахрушев отмечал, что институт активно борется за увеличение числа остепененных специалистов, так как 4 кафедры до сих пор (т.е. к 1971 г.) возглавляются даже не кандидатами наук. Поэтому за очередную пятилетку (1972–1977 гг.) планировалось подготовить в самом университете 72 кандидата наук². Подготовка аспирантов как в УдГУ, так и направленных в целевую аспирантуру в вузы страны должна была лечь на плечи нового проректора по науке.

Важной задачей для В.Е. Майера стала борьба за повышение качества научно-исследовательской работы, проводимой в УдГУ, которая должна была вестись

¹ Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931–2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 235.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 5. Л. 114.

по двум основным направлениям: сокращения так называемого «мелкотемья» в пользу создания конкурентоспособных научных коллективов, разрабатывающих одну общую проблему¹, и роста качества работы над исследованиями внутри факультетов и кафедр за счет самопроверок, обсуждений и т.п.² Напрямую связанной с задачами этого блока, встала проблема повышения уровня хоздоговорных работ, проводимых вузом. Как в дальнейшем неоднократно замечали и Б.Н. Шульга, и В.Е. Майер, заключение хоздоговоров – эта мера, необходимая для нормального функционирования университета, без которой его существование немыслимо в условиях современных для них вызовов.

Кроме того, в сферу деятельности нового проректора должна была попасть и студенческая научно-исследовательская работа, которой в предыдущие годы не уделялось должного внимания. Объяснялось это, во многом, педагогической ориентацией Института, однако в условиях реорганизации, учебно-исследовательскую и научно-исследовательскую работу студентов необходимо было вывести на принципиально новый уровень, ориентированный на подготовку ими разного рода разработок и инноваций, которые могли быть применены на практике, вплоть до включения их в производство предприятий города и Республики.

Таким представляется круг проблем, которые В.Е. Майеру необходимо было решать в качестве проректора по науке Удмуртского государственного университета. В нашу исследовательскую задачу, в свою очередь, входит анализ деятельности В.Е. Майера в этой должности, анализ выполненной им работы, в том числе, направленной на решение поставленных перед ним задач, оценка степени их выполнения, а также оценка общего вклада, внесенного им в развитие научного

¹ См. по этому поводу критику А.Н. Вахрушевым принципов организации научной работы в рамках кафедры философии и научного коммунизма УГПИ. ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 5. Л. 118. «На кафедре нет главы, нет школ, нет основного направления». Здесь тринадцать сотрудников кафедры разрабатывали тринадцать не связанных между собой тем. Таким же образом обстоит ситуация и на многих других кафедрах пединститута. В связи с этим А.Н. Вахрушев призывал «сплачивать коллективы, создавать свои школы».

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 5. Л. 120. Из доклада А.Н. Вахрушева: для повышения качества научно-исследовательской работы «необходима высокая организация и постоянный контроль исполнения намеченных планов. Коллективные обсуждения на заседаниях кафедр, на конференциях и симпозиумах результатов исследования являются важным моментом повышения эффективности научно-исследовательской работы». В связи с этим, он предлагал ввести в обязательном порядке для каждой кафедры Института практику заслушивания готовящихся статей, глав диссертаций и т.п.

потенциала университета. Отдельно мы должны отметить тот факт, что ни исследователи истории УГПИ–УдГУ, ни авторы воспоминаний и работ, посвященных В.Е. Майеру, не уделяли должного внимания этому аспекту деятельности историка. Если первые, говоря о развитии научных исследований в реорганизованном университете, основное внимание обращали к обзору конкретных авторских исследований, но меньшее – общим принципам организации научной работы, а стало быть, и деятельности проректора¹, то вторые – сделали акцент на причинах преждевременного ухода В.Е. Майера с занимаемого поста².

Согласно приказам Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР № 576/к от 20 ноября 1972 г.³ и Удмуртского государственного университета № 311 от 6 декабря 1972 г.⁴ Василий Евгеньевич Майер был назначен на должность проректора по науке УдГУ. Однако фактически к исполнению новых обязанностей он приступил годом ранее, в сентябре 1971 г., когда этот пост еще занимал А.Н. Вахрушев. В частности, 15 сентября 1971 г. В.Е. Майер был утвержден в качестве председателя в составе комиссии по замещению должностей в профессорско-преподавательском составе института, и таким образом он приобрел первые обязанности, традиционно входившие в прерогативу проректора по науке⁵.

Важнейшим направлением деятельности В.Е. Майера в должности проректора по науке стали меры по повышению качества научно-исследовательской работы преподавателей УдГУ. Рассмотрим подробнее эту сферу приложения его усилий. В первом итоговом докладе в качестве проректора по науке, посвященном этому вопросу (доклад «О научной работе в университете за 1972 год и перспективах на 1973 год», был прочитан 29 января 1973 г. на заседании Ученого Совета УдГУ) В.Е. Майер следующим образом определил его цели: вскрыть основные

¹ Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 267-355.

² Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 178-179; Васильев А., Любич В. Состоявшаяся жизнь. Инфо-Панорама. № 48. 04. 12. 2003. С. 9.

³ Архив УдГУ. Оп. 2В. Д. 3677. Л. 71.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ И в дальнейшем, на протяжении всего времени работы в этой должности, В.Е. Майер был ответственным за проведение так называемых «конкурсных дел», т.е. отвечал за представление кандидатур на замещение той или иной вакантной должности в структуре университета и организацию голосования на Ученом Совете УдГУ.

недостатки научно-исследовательской работы; наметить пути улучшения ее организации¹. В качестве главного, если не недостатка, то фактора, тормозящего развитие научной работы в университете, проректор определил низкий процент остепененности преподавателей, как кандидатов, так и докторов наук. Решить эту проблему В.Е. Майер предлагал путем максимально возможного числа защит диссертации сотрудниками УдГУ в ближайшую пятилетку (т.е. 1973–1977 гг.), поскольку необходимый резерв для этого имелся (речь шла о значительном числе преподавателей университета, которые уже долгое время находились в статусе «готовых к защите», т.е. прошедших аспирантскую подготовку, сдавших необходимые экзамены, но, по разного рода причинам, не завершивших диссертационных исследований).

Примечательно, что В.Е. Майер апеллировал к задействованию внутренних резервов вуза для решения проблемы низкой остепененности, а не призывал идти по пути приглашения уже сложившихся специалистов, хотя дальнейшая практика развития УдГУ показала, что именно через приглашения университет добился большего прироста остепененных кадров, чем через защиты диссертаций «резервистами».

4 февраля 1974 г. в отчете о научной работе УдГУ за 1973 г. В.Е. Майер отметил, что в университете наблюдался и общий прирост числа преподавателей (с 291 до 325), и прирост кандидатов наук (с 95 до 114). Таким образом, УдГУ приблизился к средним показателям Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР (т.е. к ориентиру, к которому после реорганизации стремился региональный вуз): 37,5 % остепененных преподавателей в УдГУ, 40,4 % – по стране. Однако В.Е. Майер отмечал, что число кандидатов наук в подавляющем большинстве выросло за счет приглашенных специалистов, а отнюдь не за счет раскрытия внутреннего резерва². Так, в 1973 г. сотрудниками УдГУ было защищено только 6 кандидатских диссертаций и подготовлены к защите 2 докторских³.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 154. ЛЛ. 6-7.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 155. ЛЛ. 114-122.

³ Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 268.

Логика В.Е. Майера как проректора по науке, стремящегося «воспитать» собственных кандидатов наук, очевидна. Во-первых, высокий показатель защищаемости диссертаций аспирантами и преподавателями УдГУ – это признак эффективно ведущейся научной и исследовательской работы, организованного коллектива и наличия научных школ. Во-вторых, почти тридцатилетний опыт работы в УГПИ подсказывал ему, что преподаватели «со стороны» часто не были настроены на то, чтобы сотрудничать с приглашающим образовательным учреждением сколько-нибудь длительный срок, оседать в Ижевске и реализовывать именно здесь свои научные замыслы и амбиции. Тем не менее, кардинально изменившиеся в связи с реорганизацией института подходы к организации учебного процесса и научной работы – нацеленность руководства вуза на создание научных школ позволила создать условия, которые благоприятствовали тому, чтобы приглашенные специалисты надолго оставались в УдГУ. В эти годы здесь начали формироваться новые для университета направления научной деятельности, например, археология и этнология в сфере исторических наук, математическая логика и топология – в математических¹.

Решение проблемы кадровой обеспеченности позволило бы, по мысли В.Е. Майера, приступить к осуществлению задач практической направленности. На пленарном заседании научной конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1973 г. он определил их следующим образом. «В научном плане перед нашим коллективом стоят задачи огромных размеров и содержания, решить которые возможно лишь постепенно, разумно планируя и своевременно выполняя научную работу во всех звеньях, прежде всего на кафедрах и в лабораториях. Наши задачи <...> сводятся к следующим основным пунктам: во-первых, необходимо поднять всю научно-исследовательскую работу до уровня, свойственного передовым университетам страны. Это значит основать лаборатории, создавать работоспособные коллективы, соединить научную работу с учебным процессом и т.д.; во-вторых, включиться в общегосударственный процесс сращивания науки с

---

¹ Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 321.

производством, т.е. нам необходимо шире и смелее ставить вопросы о хозяйственных темах и госбюджетных заказах, об изобретениях и их патентованиях; в-третьих, нашей внутриреспубликанской задачей является занять ведущее место среди вузов Удмуртии»¹.

Уже в январе 1973 г. руководство университета приступило к реализации программ, направленных на решение сформулированных В.Е. Майером задач. В частности, под руководством С.М. Решетникова² был создан научно-исследовательский сектор, целью которого стала организация и направление хозяйственных научно-исследовательских работ посредством тесного контакта с производственными коллективами республики при решении проблем дальнейшего усовершенствовании технологии и организации производства³.

В постановлении Ученого Совета УдГУ от 29 января 1973 г. отмечалось, что: планирование научно-исследовательской работы отстает от современных требований; мало ведется работы над комплексными проблемами; тематика научно-исследовательских работ на кафедрах не координирована с научными организациями и ведущими вузами страны; отсутствует научно-теоретическая и методологическая значимость исследований. В связи с этим предписывалось создать при ректорате Научно-методический совет в составе 11 человек под руководством проректора по науке. В задачи совета вменялось пересмотреть научно-исследовательские планы кафедр, а также разработать и представить на утверждение проект плана госбюджетных научно-исследовательских работ на 1973–1975 гг.⁴ Функции и задачи научно-методического совета УдГУ были сформулированы следующим образом: «планирование комплексных научно-исследовательских тем; определение наиболее актуальных из них, подлежащих первоочередному включению в планы научно-исследовательской работы вуза; определение патентоспособности проводимых разработок по естественным и тех-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 225. Л. 39.

² Сейчас С.М. Решетников – доктор химических наук, профессор УдГУ, автор более 360 научных работ. См. о нем: Решетников Сергей Максимович: к 65-летию со дня рожд.: биобиблиографический указатель / сост. Л.М. Васильева. Ижевск, 2006. 102 с.

³ Майер В.Е. Университет и его перспективы // Буммашевец. 20 ноября 1975 г.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 154. Л. 10.

ническим наукам». Кроме того, на совет возлагалась обязанность методологического руководства развития научно-исследовательской работой¹.

Подводя итоги первого года работы научно-методического совета, В.Е. Майер подчеркивал регулярность его собраний – примерно раз в квартал, что, по его мнению, свидетельствовало о систематичности работы этого подразделения. В отчетный период советом были проведены работы по шести основным направлениям:

- заслушивание и обсуждение отчетов факультетов и кафедр о научно-исследовательской работе, проводимой ими, в том числе по научной работе студентов и повышению квалификации преподавателей;
- обсуждение отчетов по хоздоговорным научно-исследовательским работам, проводимых подразделениями университета;
- обсуждение отчетов старших научных сотрудников кафедр (т.е. тех преподавателей, кто был переведен на эту должность, согласно имевшей в то время место быть практике, для подготовки и написания докторской диссертации);
- обсуждение текстов докторских и кандидатских диссертаций;
- заслушивание и обсуждение отчетов, отражающих работу СНО (Студенческого научного общества) УдГУ;
- разное, включающее в себя работу с отчетами об организации работы патентной службы в университете, редакционно-издательского совета, а также работу с аспирантами².

Как мы видим, в своей деятельности научно-методический совет стремился охватить фактически все виды научной работы, проводимой УдГУ. От, собственно, исследовательской деятельности преподавателей, в том числе носящей хоздоговорной характер, до подготовки профессиональных кадров через работу с аспирантами и студентами. Таким образом, совет брал на себя часть функций проректора по науке. Принимая во внимание тот факт, что возглавлял НМС В.Е. Майер,

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 198. Л. 17; Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 268.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 227. ЛЛ. 162-163;

можно заключить, что он стремился к тому, чтобы сделать совет своим рабочим органом, разрешая с его помощью возложенные на него задачи. Преимуществом научно-методического совета, по мысли проректора, было то, что коллегиальность мнения (не случайно, членство в совете было представлено специалистами в самых разных областях знаний) обеспечивала принятие максимально объективного и взвешенного решения. Сам факт того, что наука в Университете после его реорганизации стала складываться фактически «с нуля», подразумевал необходимость коллективных усилий для достижения поставленных задач. Кроме того, мы должны понимать, что разделяя часть своих обязанностей проректора с научно-методическим советом, В.Е. Майер отнюдь не сбрасывал их со своих плеч: как его руководитель он нес полную ответственность за принимаемые здесь решения и сам отчитывался о них перед ректором и Ученым Советом УдГУ.

В.Е. Майер особо подчеркивал, что работа научно-методического совета носила не односторонний характер: специфика деятельности предусматривала не только «прием» разного рода отчетов и докладов со стороны преподавателей или структур университета, но и «отдачу», заключающуюся в принятии тех или иных решений и рекомендаций, призванных скоординировать, направить в нужное русло их работу.

Осенью 1974 г. в УдГУ был создан Совет молодых ученых (СМУ), в который вошли 15 ассистентов и старших преподавателей, наиболее перспективных сотрудников вуза¹. Однако, в отличие от НМС и НИС, оформление которых было инициировано изнутри, исходя из потребностей Университета, СМУ был создан по инициативе Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и сам В.Е. Майер на очередном заседании Совета молодых ученых прямо отмечал, что УдГУ еще не имеет инструкции, разъяснявшей для чего эта организация вообще создается². Подобная искусственность СМУ привела к тому, что в отличие от НМС и НИС, он не сыграл значительной роли в организации научной работы университета.

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 226. Л. 38.

² Там же. Л. 34.

Важнейшей стороной деятельности УдГУ, курируемой проректором по науке, стала работа коллектива преподавателей Университета по хоздоговорным темам. В годы функционирования Пединститута хоздоговорные работы здесь не велись вообще, так же, как не были сформированы и научные лаборатории, где они могли бы проводиться. Тем не менее, уже в 1972 г. в университете открылись электронно-вычислительный центр, лаборатории по программированному опросу, электрометрии, ультразвуку и психолого-физиологическому анализу, что позволило сотрудниками УдГУ проводить первые работы на хоздоговорной основе. И если в 1972 г. этих работ было выполнено на сумму 6,7 тыс. рублей, то уже в 1973 г. – на 135 687 рублей, превысив при этом ожидаемый план более чем на 15 тыс. рублей¹. Руководство университета, в том числе и В.Е. Майер, постоянно подчеркивали перед коллективом преподавателей и сотрудников необходимость проведения хоздоговорных работ, отмечая, что для УдГУ – это не самоцель, но, фактически, жизненная потребность. «Мы сейчас достигли того уровня, когда университет без хоздоговоров уже немислим», – заявил В.Е. Майер в докладе, посвященном итогам научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского коллектива университета в 1973 г.² Прибыли, получаемые университетом за счет выполнения хоздоговоров, планировалась расходовать, в том числе, на развитие его инфраструктуры, строительство новых корпусов и общежитий. Принимая во внимание традиционно острую для УГПИ–УдГУ проблему обеспеченности жильем преподавателей и студентов, а также необходимость расширения учебных площадей в связи с реорганизацией, нельзя не согласиться с мнением В.Е. Майера, что хоздоговора были жизненно необходимы университету³.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 225. Л. 50; Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 269

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 225. Л. 51.

³ Об успехах в развитии материально-технической базы университета в первые годы его функционирования см.: Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 230, 232-233.

Помимо очевидных успехов работы УдГУ по хоздоговорам – неуклонного роста прибылей, получаемых за счет этой деятельности¹, внедрения научных достижений в производство (в 1973 г. было передано на предприятия республики 16 полноценных, законченных исследований, в 1974 г. – уже 30) ее сопровождали и разного рода трудности и недостатки, о необходимости преодоления которых заявлял В.Е. Майер. В первую очередь, это касалось личной ответственности преподавателей, включенных в хоздоговорную работу. Халатность и неаккуратность в оформлении документов приводила к плачевным последствиям вплоть до полного срыва намеченного плана. В отношении «провинившихся» сотрудников принимались соответствующие оргвыводы: от выговоров до увольнения с работы².

В.Е. Майер подчеркивал, что в хоздоговорное производство должно быть вовлечено максимальное число преподавателей и студентов университета. И если в 1973 г. таких преподавателей было 27, то уже в 1974 г. их число должно было увеличиться минимум вдвое, что было связано, прежде всего, с повышением ожидаемого плана хоздоговоров. Схожим образом обстояла ситуация с привлечением студентов к этой работе. Так, В.Е. Майер отмечал, что 54 студента, вовлеченных в хоздоговорную деятельность в 1973 г. – «это много по сравнению с тем, что было, но это мало по сравнению с тем, что должно быть»³.

Наконец, отдельной строкой В.Е. Майер выделял проблемы финансового характера, имевшие место быть при проведении хоздоговорных работ. В связи с тем, что хоздоговора стали для Университета новым видом деятельности, достаточного опыта в ведении бухгалтерского учета здесь не имелось. Отсюда – многие недоразумения, не всегда эффективный расход средств, некоторое не выполнение планов и обязательств. С другой стороны, и В.Е. Майер делал на этом акцент, «ворочание большими суммами» могло вызвать определенный соблазн среди преподавателей вуза, в связи с чем, он предлагал усилить народный контроль для

---

¹ О темпах роста хоздоговорных работ см.: Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 269

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 225. Л. 51.

³ Там же. Л. 52.

соблюдения «всех законов и правил по финансовой дисциплине»¹. Разумеется, он не стремился к тому, чтобы обвинить или уличить коллег в финансовой нечистоплотности, однако присущие ему гражданская ответственность и бдительность не позволяли «пустить на самотек» финансовые дела серьезнейших масштабов.

Кроме проведения хоздоговорных работ, можно выделить и ряд других направлений, по которым проректором по науке проводились меры по повышению качества научно-исследовательской деятельности преподавателей. В первую очередь, это касалось вовлечения профессорско-преподавательского состава УдГУ в участие в разного рода конференциях как внутриуниверситетского, так и всесоюзного характера. Подводя итоги их деятельности в работе научно-практических конференций в 1973 г., В.Е. Майер составил сводную таблицу, в которой были отражены 4 конференции для преподавателей и 3 – для студентов. Таблица включала в себя численные показатели вовлеченности сотрудников всех структурных подразделений УдГУ². В нашу исследовательскую задачу не входит подробный анализ всех статистических выкладок и цифровых показателей, приведенных В.Е. Майером, поэтому сосредоточимся на тех выводах, к которым он пришел. Прежде всего он обратил внимание на неравномерность участия кафедр в принятых к рассмотрению конференциях, заключающуюся в том, что и на преподавательском, и на студенческом уровнях преобладали участники кафедр гуманитарной направленности, а не естественнонаучной. Это, по мнению В.Е. Майера, вызывало определенную тревогу, поскольку «именно на этих кафедрах [*т.е. естественнонаучных – А.Т.*)] ведутся экспериментальные исследования и имеются необходимые приспособления для научной работы» и, стало быть, именно они должны были главенствовать в работе научных конференций. Тем не менее, этого не происходило, и причиной была названа недостаточно поставленная работа кафедр и лично их заведующих, не уделяющих должного внимания научно-исследовательской работе своих подчиненных³.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 225. Л. 51.

² Там же. ЛЛ. 40-49.

³ Там же. Л. 47.

Пристальное внимание В.Е. Майера к участию преподавателей УдГУ в научных конференциях может быть объяснено тем, что они носили, в том числе, и прикладной характер, т.е. отражали достижения сотрудников Университета, которые могли быть применены на производстве. Следовательно, они, по мнению В.Е. Майера, тесным образом связывались с практикой хозяйственной деятельности и, в целом, с практической ориентацией деятельности вуза, к которой призывало его руководство.

Анализируя студенческую активность в работе соответствующих конференций, В.Е. Майер обратился к такому показателю как среднее количество докладов, выполненных под руководством преподавателя¹. Внимание руководства Университета к вовлеченности профессорско-преподавательского состава УдГУ в руководство студенческими работами отражало стремление к созданию лидерских коллективов и научных школ, озвученное еще в 1971 г. А.Н. Вахрушевым.

В целом, основной лейтмотив майеровских высказываний относительно участия преподавателей в работе конференций сводился к тому, что он призывал их быть максимально вовлеченными в этот процесс, пусть даже только на базе конференций, проводимых УдГУ. Во многом, это было связано с тем, что работа на конференциях в начале 1970-х гг. являлась самым доступным способом для преподавателей Университета заявить о своих научных достижениях, поскольку еще до реорганизации УГПИ в связи с запретом на издание собственных «Ученых записок», было утрачено право самостоятельной печати². Для университета это было тяжелым ударом. Подобная мера чрезвычайно тормозила работу аспирантов и старших научных сотрудников, готовившихся к защите диссертаций, так как лишала их одной из возможностей для публикации своих статей, необходимого этапа «предзащитной» подготовки. В связи с этим, первые годы работы в должности проректора по науке для В.Е. Майера были, в том числе, ознаменованы борьбой за восстановление в университете «печатного права». Однако на сложности административного характера накладывались и кадровые проблемы: «... мы располагаем

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 225. ЛЛ. 47-48.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 5. Л. 123.

неплохим оборудованием. Можно было бы уже многое печатать. Однако персонал технического обслуживания у нас недостаточно подготовлен», – отмечал В.Е. Майер в 1974 г.¹ Для разрешения этой проблемы руководством вуза было принято решение целенаправленно подготовить начальника типографии, направленного для получения квалификации в Таллин.

Тем не менее, уже в январе 1975 г. в отчете по итогам прошедшего года В.Е. Майер заявил, что университет «получил право печати, минуя издательство»², выполнив таким образом важнейшую задачу, обеспечивавшую благоприятные условия для проведения научных исследований преподавателями УдГУ. Благодаря этому в 1974 г. ими было опубликовано 137 тысяч листов, хотя, как отмечал В.Е. Майер, это цифра ниже ожидаемого плана. Однако решение вопроса о собственной печатной базе было осуществлено уже после ухода В.Е. Майера с поста проректора по науке, когда в 1977 г. и в 1981 г. были последовательно созданы печатная лаборатория и типография, получившая межвузовский статус³.

Среди методов, способствовавших повышению качества научно-исследовательской работы преподавателей УдГУ, В.Е. Майер отдельно отмечал Институты повышения квалификации (ИПК) и Факультеты повышения квалификации (ФПК). Как проректор по науке он был заинтересован в том, чтобы практики повышения квалификации стали для университета массовым и регулярным явлением. Однако сложности в этом направлении возникали не столько из-за отсутствия инициативы среди сотрудников УдГУ, сколько в связи с позицией Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, которое предписывало проходить курсы ИПК и ФПК в ближайших к Удмуртской АССР регионах⁴. У преподавателей университета эту меру, безусловно, не вызвала энтузиазма, поскольку они традиционно стремились повышать квалификацию в Москве и

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 225. Л. 50.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 302. Л. 22.

³ Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 231.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 302. Л. 11.

Ленинграде. Тем не менее, в течение 1974 г. сотрудники университета прошли курсы на 6 ИПК и 47 ФПК, и эти показатели В.Е. Майер отмечал как успешные.

Активной формой деятельности, поддерживаемой проектором по науке, стали заграничные стажировки. В 1974 г. стажировку прошли 18 преподавателей УдГУ, в том числе коллега В.Е. Майера по кафедре всеобщей истории В.Е. Владыкин, направленный в ГДР. Позднее он вспоминал огромную организационную поддержку, оказанную ему проректором по науке¹.

Важнейшей мерой, предпринятой для повышения качества научно-исследовательской работы в УдГУ, стали мероприятия по обеспечению вуза современной техникой, в том числе вычислительной. В 1972-1973 гг. здесь был создан вычислительный центр, а в 1974 г. университетом были приобретены современные по тем временам машины: ПРОМИНЬ-2М, НАИРИ-К и некоторые другие. Однако, несмотря на наличие ЭВМ, работа вычислительного центра, по мнению В.Е. Майера, не могла считаться эффективной. Это было связано, прежде всего, с отсутствием четкого, продуманного плана руководства по эксплуатации вычислительными машинами. Для выправления этой ситуации В.Е. Майер предложил создать специальную группу программистов из двенадцати человек, преподавателей математического факультета УдГУ².

Среди положительных итогов создания вычислительного центра, помимо возрастающей обеспеченности машинами, В.Е. Майер отмечал, что к работе с имеющейся техникой прибегали не только математики и физики, но и представители других кафедр: истории СССР, географии, правоведения. Также современным оборудованием были обеспечены лаборатория электронной микроскопии и рентгеноструктурного анализа, лаборатория психологии и лаборатория криминалистики³.

Говоря о политике обеспечения университета новейшим оборудованием важно понимать, что требования, предъявляемые к вузу, находились в соответствии с

¹ Владыкин В.Е. В Ижевск, к Майеру // Историк и его дело: Материалы научных чтений, посв. памяти проф. В.Е. Майера (Ижевск, 6 декабря 2001 г.). Ижевск, 2002. С. 6.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 154. ЛЛ. 6-7.

³ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 302. Л. 13.

позицией по этому вопросу и проректора по науке, а потому пользовались его поддержкой. Преподавая исторические дисциплины, В.Е. Майер понимал, что даже здесь невозможно дать исчерпывающе материал, не прибегая к современным технологиям и средствам наглядности. Как заведующий кафедрой В.Е. Майер заботился о том, чтобы его подразделение было обеспечено необходимым оборудованием: кинопроектор, диапроектор, фото и кинокамеры и т.п.¹ И в рамках Кафедры, и в рамках Университета в целом В.Е. Майер осознавал, что современные технические средства – это необходимые меры для обеспечения качественной учебной и научной работы, меры, поддерживающие конкурентоспособность вуза, в том числе и при работе на хоздоговорных началах.

Анализируя меры, предпринятые В.Е. Майером-проректором по науке, направленных на повышения качества научно-исследовательской деятельности Университета, нельзя не отметить удивительную прозорливость и дальновидность, проявившуюся в некоторых его решениях. В первую очередь, следует сказать о шагах, предпринятых им в связи с работой научной библиотеки университета.

26 ноября 1974 г. В.Е. Майером был сделан доклад на заседании Ученого Совета УдГУ «О работе библиотеки и усилении ее роли в учебно-воспитательном процессе и научно-исследовательской работе УдГУ»². В подготовке, выполненного в рамках постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» от 8 мая 1974 г. доклада, приняли участие проректор по науке и комиссия, возглавленная профессором В.М. Марковым. Участники комиссии в ходе проверки составляли справки и отчеты, переданные затем В.Е. Майеру, на основании которых и был подготовлен указанный доклад.

Задачей доклада В.Е. Майера являлся анализ деятельности библиотеки за годы, прошедшие с учреждения Университета, выявление положительных и отрицательных моментов в ее развитии и представление конкретных мер, направленных

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 227. Л. 92.

ных на повышение эффективности ее работы¹. Принципиально важным будет отметить не столько достижения научной библиотеки УдГУ (сделаем это тезисно), отмеченные В.Е. Майером в период с 1972 по 1974 гг., сколько акцентировать внимания на недостатках ее работы и, следовательно, на тех мерах, которые он предлагал для их устранения. Поскольку мероприятия, предлагаемые проректором по науке, – это разработанный план по созданию в УдГУ современной, отвечающей университетским требованиям, библиотеки.

Итак, согласно докладу В.Е. Майера, за 1972–1974 гг. библиотеке университета удалось добиться прогресса в следующих областях деятельности:

- пропаганда произведений классиков марксизма-ленинизма, партийных документов и т.п.;
- пропаганда новых поступлений общественно-политической литературы;
- оформление стендов по общественно-политической тематике;
- расширение площадей библиотеки, создание отделов обработки и библиографии, учреждение архива библиотеки;
- увеличение штатов библиотеки до 30 сотрудников, в том числе за счет специалистов с профильным образованием;
- учреждение справочно-библиографического отдела, сосредоточившего в себе энциклопедии, справочники, библиографические указатели, каталоги и картотеки;
- усиление связи между сотрудниками библиотеки и кафедрами университета.

Тем не менее, несмотря на очевидные достижения, В.Е. Майер подчеркнул, что преждевременно утверждать, что библиотека соответствует современным требованиям. «Библиотека, – отмечал проректор по науке, – почти не связана с органами научно-технической информации, а при растущем объеме госбюджетной и хоздоговорной научно-исследовательской работы, это приобретает особое значение. Очень узок круг научных исследований библиотечных работников.

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 227. ЛЛ. 92-107.

<...> В библиотеке нет современных средств механизации и автоматизации. Библиотека не оснащена копировально-множительной механикой»¹.

Основываясь на изложенных выводах о недостатках работы библиотеки УдГУ, В.Е. Майер предложил ряд мер, направленных на их устранение и, в целом, на улучшение ее деятельности. Остановимся на тех предложениях, которые кажутся нам наиболее важными и актуальными.

1. Разработать план идейно-воспитательной работы библиотеки со студентами.
2. Кафедрам в сотрудничестве с библиотеками проверить содержание книжных фондов с целью улучшения их качества и содержания.
3. Обеспечить возможность максимального использования межбиблиотечного абонеента (МБА) студентами.
4. Организовать в структуре библиотеки читальные залы с открытым доступом к книжным фондам.
5. Разработать и внедрить автоматику в библиотечное дело при помощи специально созданной группы из числа преподавателей и студентов.
6. Снабдить библиотеку пишущими машинками с русским и латинским шрифтами.
7. Организовать обслуживание студентов в воскресные дни в период экзаменационной сессии.
8. Поставить вопрос о строительстве нового отдельного здания для библиотеки².

Таким образом, меры, предложенные В.Е. Майером, предполагали изменения в деятельности библиотеки по нескольким направлениям: от улучшения комплектования фондов и работы со студентами до обеспечения залов библиотеками современными техническими средствами и строительства нового здания, полностью отданного в ее ведение.

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 227. Л. 105.

² Там же. ЛЛ. 106-107.

Решение Совета УдГУ, принятое на основании доклада проректора по науке 26 ноября 1974 г., содержало в себе ряд требований, высказанных В.Е. Майером. В частности, предписывалось создать в структуре библиотеки службу научно-технической информации (к 1 марта 1975 г.), разработать схему автоматизации библиотечных процессов с внедрением в практику работы средства вычислительной техники (к марту 1975 г.) и запланировать строительство новой библиотеки (1976–1978 гг.)¹.

Однако масштабные планы по реорганизации библиотеки УдГУ руководству вуза не удалось осуществить в установленные сроки. Камнем преткновения, как это часто бывает, стал финансовый вопрос. Формирование, в самом широком смысле, нового учебного заведения требовало колоссальных затрат, и в том, что далеко не на все заложенные мероприятия их было достаточно, нет ничего удивительного. Однако показательно следующее: планы по модернизации библиотеки не были свернуты окончательно. Так, в 1993 г. университет приступил к автоматизации библиотечно-информационных процессов², была создана медиатека – специальный читальный зал, в котором студенты стали иметь возможность работать на персональных компьютерах, а в 2014 г. (спустя почти 40 (!) лет после предложения В.Е. Майера) было сдано в эксплуатацию отдельное, специализированное здание библиотеки. Л.П. Бесклинская, директор Научной библиотеки УдГУ в то время, подчеркивала, что новый корпус не только придаст ускорение текущей деятельности, но и обеспечит возможность стать библиотеке центром делового общения и досуга студентов и профессорско-преподавательского состава. Для этого научная библиотека обладает всеми техническими, информационными, программными и кадровыми ресурсами³.

Таким образом, мероприятия по реорганизации деятельности библиотеки, проводимые ранее и осуществляемые до сих пор, идут, во многом, в том направлении, которое было заложено еще в середине 1970-х гг. руководством универси-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 227. ЛЛ. 76-78.

² Очерки истории Удмуртского государственного университета 1931-2005 / под. ред. В.В. Пузанова. Ижевск, 2006. С. 255.

³ Храм книги. Интервью с Л.П. Бесклинской // Удмуртский университет. № 18 (171). 02. 04. 2013. С. 7.

тета и В.Е. Майером. Прогрессивность и дальновидность последнего нельзя не отметить особо. Несмотря на то, что сейчас некоторые из его предложений выглядят архаично (например, о пишущих машинках), для нас важны сами принципы, которые были заложены проектором по науке. Пишущие машинки с русским и латинскими шрифтами и МБА трансформировались в современные компьютеры и электронно-библиотечные системы, но задачи, которые они призваны решать, фактически идентичны: ускорение работы и доступ к документам, материалам и книгам, находящимся не в стенах УдГУ. В широком смысле, преобразования, предложенные В.Е. Майером, подразумевали максимальную автоматизацию библиотеки, обеспечения ее современным оборудованием и отдельным специализированным зданием, обеспечивающим ее качественную работу, т.е. то, к чему Научная библиотека УдГУ пришла сегодня.

Одной из функций, которую выполнял В.Е. Майер, будучи проректором по науке УдГУ, была деятельность по поддержке и развитию научно-исследовательской работы студентов (НИРС)¹. Студенческой науке уделялось самое пристальное внимание как со стороны проектора по науке, так и ректората в целом. Как представляется, следует говорить о двух тесно взаимосвязанных причинах такого внимания к НИРС. Первая из них, как отмечал В.Е. Майер, заключалась в тех требованиях, которые «предъявлялись к вузу со стороны социально-экономического развития страны». Задачу соединения науки с производством возможно было решить только при наличии всесторонне подготовленных научных кадров². Из этой причины логично вытекает следующая: стремление Университета создать стройную и непрерывную систему подготовки научных кадров, охватывающую все ступени роста – от студенческой научной работы до защиты докторских диссертаций. Будущие доктора наук УдГУ должны были формироваться именно здесь, начиная со студенческой скамьи.

¹ См. об этом: Туркевич А.Л. Вовлечение студентов вуза в научно-исследовательскую работу (опыт профессора В.Е. Майера) // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 113–117.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 303. Л. 83.

В.Е. Майером отмечалось, что развитие студенческой науки в УдГУ движется по нескольким основным направлениям. Первое – это участие студентов в работе научных кружков, функционирующих при кафедрах университета. Подводя итоги научной работы УдГУ за 1974 г., Василий Евгеньевич с удовлетворением отмечал, что кружки имеются при всех его кафедрах, а в ряде случаев их было несколько (например, при кафедрах педагогики, истории СССР и всеобщей истории)¹.

Следующим направлением, согласно которому студенты УдГУ вовлекались в научную деятельность, было участие в студенческих конференциях. Важнейшей из них была итоговая конференция, охватывавшая все структурные подразделения университета. Для ее проведения выделялся отдельный день, в который все занятия отменялись, хотя это, по словам организаторов, не было достаточной мерой, и представители факультетов выступали за дробление итоговой конференции на несколько дней. Это позволило бы осуществлять практику «обмена» студентами, при которой представители разных кафедр и факультетов смогли бы не только заслушивать доклады на той секции, где выступали сами, но и на других.

Одной из главных задач для проректора по науке и кафедр при организации конференции было привлечение максимального числа студентов (в идеале – в работе секций должны были участвовать все учащиеся университета). Однако на практике этого не удавалось добиться. Так, В.Е. Майер отмечал, что в работе студенческой конференции, посвященной XVII съезду ВЛКСМ, приняло участие порядка 70 % студентов, однако реально это число было несколько меньше, поскольку при подсчетах не учитывалось, что один и тот же студент мог присутствовать и на пленарном, и на секционном заседании. Эта цифра, как заявлял В.Е. Майер, не могла не удручать².

Еще одним вектором, по которому шло развитие студенческой научной работы в УдГУ, стала хоздоговорная деятельность, в которую они включались как члены коллектива, образованного вокруг преподавателя – руководителя работ.

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 302. Л. 18.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 225. Л. 35.

Зачастую студенты могли выступать в качестве соавторов изобретений и тем. В.Е. Майер особо выделял успешную работу студентов, ведущуюся в этом направлении под руководством Р.Д. Голдиной (по археологии), В.А. Бароненко (по физиологии) и др. В 1974 г. в хоздоговорную работу было вовлечено около 60 студентов, существенно превысив, таким образом, аналогичные показатели по прошлым годам. Однако В.Е. Майера эта цифра не удовлетворяла, поскольку в сравнении с другими вузами, она была мала¹.

Несмотря на очевидные успехи, достигнутые студенческой наукой в УдГУ в первые годы после реорганизации университета (активная деятельность кружков, вовлеченность студентов в конференции и в работу по хоздоговорам), сохранялись некоторые явные проблемы в ее развитии. В первую очередь, это было связано с отсутствием четкого, продуманного плана по ее руководству. Сложность заключалась в том, что до сих пор научно-исследовательская работа студентов была рассчитана на участие в ней отдельных, наиболее одаренных учащихся, увлеченных тем или иным предметом, и кружки охватывали сравнительно небольшую часть студентов². Новая политика университета предполагала участие в НИРС всех студентов вуза. В связи с этим В.Е. Майером было разработано «Положение о научно-исследовательской работе студентов», принятое университетом в 1975 г.³. В некотором роде оно обобщало уже имеющийся эмпирический опыт работы в этой сфере и стало систематизированным изложением его идей.

Непосредственным толчком, послужившим тому, чтобы в УдГУ под патронажем проректора по научной работе было подготовлено соответствующее положение, стало Решение Республиканского Совета по научной работе студентов вузов РСФСР от 27 февраля 1975 года⁴. В документе подчеркивалось, что «в современном обществе, характеризующимся бурным социальным и техническим прогрессом, резко возрастают требования к специалисту, ... <который> должен не только

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 302. Л. 154.

² Майер В.Е. Новый этап научно-исследовательской работы студентов // Удмуртский университет. 26 июня 1975 г.

³ Положение о научно-исследовательской работе студентов / сост. В.Е. Майер. Ижевск, 1975. 56 с.; ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 303. ЛЛ. 87-105.

⁴ Решение Республиканского Совета по научной работе студентов вузов РСФСР от 27 февраля 1975 года. М., 1975. 14 с.

иметь подготовку, отвечающую требованиям современного производства, науки, техники и культуры, но и уметь предвидеть перспективы их развития. ... Эти качества молодой специалист может приобрести в вузе лишь при органичном соединении обучения с непосредственной научно-исследовательской деятельностью, методически направляемой преподавателем-ученым»¹. Однако в Решении отмечалось, что процент участия студенчества в научно-исследовательской работе недостаточен, соответственно вузам РСФСР, в том числе и УдГУ, предлагалось активно переработать существующие подходы к организации НИРС в сторону увеличения вовлеченности в нее большего числа студентов.

Согласно «Положению», с 1975–1976 учебного года в УдГУ осуществлялась политика перестройки студенческой научно-исследовательской работы, целью которой было вовлечение в нее всей массы студентов университета. Раскрывая причины, побудившие руководство вуза пойти на шаги по реорганизации НИРС, «Положение» декларировало, прежде всего, ее уникальность как «важнейшего средства повышения качества подготовки и воспитания специалистов с высшим образованием, способных творчески применять в практической деятельности последние достижения научно-технического и культурного прогресса»². Соответственным образом определялись и задачи НИРС: овладение студентами марксистско-ленинской методологией познания; обучение их методике и приемам самостоятельного решения научных и технических задач, а также навыкам работы в научных коллективах; ознакомление с методами оформления, защиты и внедрения выполненных работ; содействие успешному решению актуальных научных и технических задач народного хозяйства, школы и культуры страны.

По мысли В.Е. Майера, важнейшим залогом успешной научной работы студентов было ее четкое разделение на определенные этапы, с полным осознанием того, чем именно и каким образом студент должен заниматься на каждом из этих этапов. На первом из них, осуществляемом на 1 и 2 курсах обучения, студенты

---

¹ Решение Республиканского Совета по научной работе студентов вузов РСФСР от 27 февраля 1975 года. М., 1975. С. 2.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 303. Л. 88.

вовлекались в научно-исследовательскую работу через знакомство с основными научными проблемами по выбранной специальности и научными заданиями, выполняемыми кафедрами факультета. Итогами этого этапа должно было стать овладение студентом первичных основ научной работы по избранной специальности, овладение навыками реферирования научной литературы, составление специальных литературных обзоров и выполнение простейших заданий по научной проблематике кафедры (или иного структурного подразделения).

Второй этап НИРС (3–4 курсы) предполагал привлечение студентов к проведению более сложных исследований, осуществляемых на конкретной кафедре университета. Овладевая навыками самостоятельной исследовательской работы, студенты, вместе с тем, должны были выдвигать собственные инициативы для решения поставленных задач. Предполагаемым итогом работы на этом этапе являлась курсовая работа – самостоятельное научное исследование, выполненное в рамках научных интересов коллектива кафедры. В конце этого этапа учащиеся распределялись по специализациям и, таким образом, подчеркивается в «Положении», становились членами научных коллективов кафедры с обязательным участием во всех научных мероприятиях, проводимых с ее участием. Результатом второго этапа НИРС являлось овладение студентом методики научных исследований по избранной специальности и выполнение первых заданий по научной работе.

Третий, завершающий этап научно-исследовательской работы студентов, приходившийся на 5 курс обучения, предусматривал полное раскрытие творческих способностей студента посредством выполнения научных заданий в ходе практик и исследований в рамках кафедральной проблематики. Итогом третьего этапа НИРС становилась дипломная работа, которая должна была быть «исключительно научно-исследовательской», при выполнении которой учащийся применял знания и навыки, полученные в ходе первых двух этапов¹.

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 303. ЛЛ. 91-94.

Обращает на себя внимание тот факт, что НИРС, согласно «Положению», тесным образом вплеталась в учебную деятельность: все достижения студентов должны были находить свое отражение в курсовых и дипломных работах, выполнение которых с переходом к университетскому образованию, стало обязательной частью учебного плана. Этот тезис делает, в некотором роде, идею В.Е. Майера уязвимой, поскольку попытка «втиснуть» живую научную струю студенческой мысли в жесткие рамки учебной дисциплины представляется нам неосуществимой на практике и не учитывающей объективную дифференциацию в возможностях студентов к действительно научной работе.

Тем не менее, следует отметить и очевидные преимущества такого подхода к организации НИРС, заключающиеся, прежде всего, в четкой регламентации действий конкретной кафедры, направленных на развитие студенческой науки. Призыв В.Е. Майера к тому, чтобы работы учащихся выполнялись в рамках интересов структурного подразделения, должен был способствовать оформлению новых и укреплению уже существующих научных коллективов и школ. В идеале, при каждой кафедре предусматривалось формирование стройной и логичной схемы научной работы. Вокруг одного или нескольких преподавателей, чьи научные интересы были связаны общей тематикой, формировался круг студентов-старшекурсников, разрабатывавших отдельные ветви проблемы. В свою очередь, к каждому студенту, выполняющему дипломную работу, должны прикрепляться 1–2 студента, работающих над курсовой (т.е. 3 и 4 курса), а к ним – студенты младших курсов (2–3 человека). Таким образом, образованная «пирамида» обеспечивала преемственность в разработке научных проблем, включала в деятельность кафедры значительное число студентов, получавших не только исследовательские навыки, но и навыки работы в коллективе, в том числе и как микроруководители.

Достоинство такой схемы организации научной работы студентов при кафедре – в привлечении к ней студентов уже с первого курса, причем с ориентацией на тему, над которой работает глава школы. Это позволяло поступательно развивать

на протяжении всех лет обучения одну тему и представить к защите дипломную работу – результат пятилетнего труда, настоящее авторское мини-исследование. Недостаток «пирамиды», прежде всего, в сложности осуществления на практике предложенной модели, так как для этого требовалось сложение целого ряда факторов: наличие достаточного количества «качественных» студентов, способных к действительно научной работе, постоянное внимание к студенческой науке со стороны руководителя, поскольку привлечение большого числа адептов к общей теме могло привести к пересечению границ их собственных исследований. Наконец, как уже выше отмечалось, жесткая организационная регламентация и живая научная мысль далеко не всегда могут быть совместимы на практике.

Весной 1976 г. у В.Е. Майера случился инфаркт. Вдова ученого Б.П. Сысоева связывала это напрямую с административной деятельностью: «нагрузка его как проректора возросла во много раз, ни одна прежняя не была снята: он оставался заведующим кафедрой, выполнял в городе большую общественную работу, урывками занимался наукой»¹. Не всегда В.Е. Майеру удавалось находить общий язык с ректором университета. Инфаркт и последовавшее за ним длительное лечение привели к тому, что В.Е. Майер написал осенью 1976 г. заявление об увольнении с поста проректора по науке по собственному желанию. 3 ноября 1976 г. был издан соответствующий приказ по университету № 537 об освобождении его «от обязанностей проректора по научной работе»².

Как представляется, решение оставить пост проректора по науке, было принято В.Е. Майером без сожаления. Занять эту должность в 1972 г. для него было и почетно, и ответственно. В.Е. Майер понимал насколько сложные и масштабные задачи стояли перед ним. Однако проработав здесь почти четыре года, он понял, что эта должность практически не оставляет ему времени на то, чтобы заниматься собственно наукой, историей средневековой Германии. Не случайно, в одном из писем к В.Е. Майеру Л.Т. Мильская сетовала на то, что ее административные обязанности делают собственно научно работу практически невозможной, при этом

¹ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 178.

² Архив УдГУ. Оп. 2В. Д. 3677. Л. 84.

она отмечала, что они не идут ни в какое сравнение с майеровскими как проректора по науке¹. Сам В.Е. Майер осознал в полной мере, насколько тормозящим фактором для развития его научной деятельности было проректорство, в 1977 г. на ФПК в Москве, где он работал над будущей монографией «Деревня и город в Германии в XIV–XVI вв.». Отсюда он писал своей жене: «Теперь я особо чувствую, насколько мне мешало проректорство. У меня масса заделов, но мало что доведено до завершения. Главное – это книга. Ее надо закончить, иначе не будет никакого толка»².

Как отмечают А. Васильев и В. Любич, тяготившая В.Е. Майера бюрократическая составляющая работы проректора приводила к тому, что эта часть его деятельности зачастую оставалась не выполненной, что не могло не вызывать недовольства со стороны ректора и соответствующего министерства, что, в конечном итоге, также повлияло на его решение оставить этот пост³. Впрочем, В.Е. Майер и не скрывал того, что, по его мнению, бесконечные отчеты и бумаги – это явно лишнее, тормозящее работу. Так, 21 января 1975 г. в традиционном годовом отчете профессор Майер писал: «... в 1974 г. на заседаниях Совета вопросы науки ставились 8 раз, ими занимался СКОН [*Совет кафедр общественных наук – А.Т.*], специально был создан научно-методический совет, который на каждом своем заседании рассматривал научные вопросы, с сентября работает совет молодых ученых. Отдельные вопросы развития науки рассматривались на заседаниях партбюро и месткома. Все это, бесспорно, давало немало положительных результатов. Однако в дальнейшем целесообразно немного сократить подобные заседания, особенно те, где слушается научная часть. По существу один итоговый доклад проректора по научной работе в году достаточен, чтобы выяснить положительные и отрицательные стороны научной работы в вузе, все текущие же вопросы можно и следует решать в рабочем порядке»⁴.

¹ Черниенко Д.А. Историк и время (из научной переписки профессора В.Е. Майера) // Диалог со временем. Вып. 28., 2009. С. 171–172.

² Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 224.

³ Васильев А., Любич В. Состоявшаяся жизнь. Инфо-Панорама. № 48. 04. 12. 2003. С. 9.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 302. Л. 21.

Подводя итог деятельности В.Е. Майера в должности проректора по научной работе УдГУ, необходимо учитывать следующее обстоятельство: невозможно говорить о том, что изменения в научной сфере университета, будь то положительные или отрицательные, связаны сугубо с его именем. Так или иначе, он был членом одной команды, решения, принимаемые им, шли в фарватере общей линии руководства и т.п. Но важно помнить о том, что В.Е. Майер в 1972–1976 гг. курировал важнейшее направление в деятельности университета в первые годы его существования. Вся его работа здесь была новаторской, подобным опытом не обладал никто в Республике, многое приходилось начинать с нуля. От нового проректора требовалось понимание того, как должна быть организована наука в университете, и этим пониманием В.Е. Майер обладал. Он осознавал то, сколь важно современному университету иметь высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, сколь важно обеспечить преподавателей и сотрудников оборудованием, лабораториями надлежащего качества и т.д.

Оценивая работу В.Е. Майера с точки зрения поставленных перед ним задач, мы должны отметить следующее:

- за период 1972–1976 гг. в УдГУ изменилась и усложнилась организация научной деятельности: были сформированы научно-методический совет, научно-исследовательский сектор, совет молодых ученых, призванные решать актуальные вопросы этой сферы;

- значительно увеличилась численность профессорско-преподавательского состава университета, а также число остепененных преподавателей как кандидатов, так и докторов наук (однако темпы прироста за счет защит среди «внутренних резервов» существенно отставали от прироста за счет приглашенных специалистов);

- вошли в практику университетской деятельности и существенно увеличили свои объемы работы на хоздоговорной основе;

- серьезным образом укрепились материально-техническая база университета за счет ввод в эксплуатацию новых лабораторий и ЭВМ;

- организация научно-исследовательской работы студентов стала полноценным элементом НИР университета вообще;
- были предприняты шаги по формированию в УдГУ лидерских научных коллективов и школ за счет сокращения т.н. «мелкотемья» и активного вовлечения в научную работу студенческих коллективов;
- университетом восстановлено право «самостоятельной печати», минуя издательства.

Таким образом, непродолжительный период проректорства В.Е. Майера отмечается динамичным ростом курируемых им направлений деятельности. А дальнейшее успешное развитие университета в области науки в последующее десятилетие, может быть связан, в том числе, и с базой, заложенной профессором Майером.

Подводя общий итог анализа научной деятельности В.Е. Майера, отметим ее многогранность. Прежде всего, он проявил себя как великолепный ученый, которому удалось создать оригинальные труды по истории средневековой Германии, признанные научным сообществом. Много сил он отдал на то, чтобы на базе Удмуртского государственного университета создать коллектив единомышленников, готовых разделить и продолжить его научные и педагогические разработки. Наконец, Василий Евгеньевич проявил себя и как организатор науки. Глубокое понимание того, каким образом должна выстраиваться научная работа в высшем учебном заведении, позволило ему как члену управленческой команды реорганизованного УдГУ заложить фундамент для дальнейшего успешного развития Университета.

Успешность научной деятельности В.Е. Майера была связана не только с очевидным талантом ученого, но и с общей ситуацией в сфере образования в Советском Союзе в конце 1950 – начале 1970-х гг., когда был взят курс на «университетизацию» страны, выразившийся в создании новых классических университетов и общем повышении уровня высшего образования, в первую очередь, в реги-

онах¹. Тенденция к созданию региональных вузов, в которых бы велась не только педагогическая, но и исследовательская работа, привела к формированию сети научных центров (как во вновь созданных университетах, реорганизованных из педвузов, так и в «старых», дореволюционных учебных заведениях) по различным областям знаний, в том числе и истории. Если говорить о всеобщей истории², в частности античной и средневековой, то не случайно именно в это время, например, в Свердловске, Саратове, Казани складываются научные коллективы, объединенные общей тематикой вокруг яркой фигуры главы сообщества³. Таким образом, исследовательский талант В.Е. Майера и его стремление к созданию школы органично вплелись в полотно эпохи с ее требованиями к формированию региональных научных центров.

¹ Пузанов В.В., Верижникова И.В. История Удмуртского государственного университета. Краткие очерки. 1931-2001 гг. Ижевск, 2001. С. 86-87.

² Не случайно Г.П. Мягков именно этот период (середина 1950-х – середина 1980-х) называет третьим этапом развития всеобщей истории в России. См. Мягков Г.П. Развитие традиций науки всеобщей истории в Казанском университете (научоведческий аспект) // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 28-33.

³ Применительно к Свердловску речь идет о научной работе М.Я. Сюзюмова и его деятельности по созданию на базе Уральского государственного университета «уральского центра византиноведения». Подробнее об этом см.: Поляковская М.А. Ученый и время: к 100-летию со дня рождения М.Я. Сюзюмова // Византийский временник. Т. 54 (79). М., 1993. С. 170-182.

В Саратове подобное явление связано с именем С.М. Стама и созданием здесь центра средневековой урбанистики под его руководством. О научной деятельности С.М. Стама и его последователей см.: Девятайкина Н.И., Негуляева Т.М. Видный советский историк (к 70-летию С.М. Стама) // Средневековый город. 1987. Вып. 8. С. 5-18; Девятайкина Н.И. Новое десятилетие в научном творчестве профессора С.М. Стама // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 13. С. 5-19; Она же. Соломон Моисеевич Стам и его кафедра истории средних веков. К 90-летию со дня рождения // Известия Саратовского университета, 2003. Т. 3. Вып. 2. С. 42-45; Она же. Заслуженный профессор СГУ С.М. Стам и его кафедра (к 90-летию со дня рождения // Средние века. М., 2004. Вып. 65. С. 166-173; Она же. Профессор С.М. Стам как культурная и ученая личность: роль для университета и Саратова // Средневековый город. Вып. 20. Саратов, 2009. С. 47-64.

В Казани такой фигурой стал А.С. Шофман, вокруг которого сформировался круг учеников, продолживших его антиковедческие штудии. Об А.С. Шофмане и его легендарном «Античном понедельнике» см.: Мягков Г.П. «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: историк А.С. Шофман в череде поколений // Мир историка. Вып. 5. Омск, 2009. С. 72-98. Там же представлена историография основных трудов, посвященных профессору Шофману.

ГЛАВА 4. ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Е. МАЙЕРА

4.1. В.Е. Майер как представитель общественных организаций

Несмотря на то, что имя профессора В.Е. Майера в исторических кругах всегда прочно ассоциировалось с разработкой им проблем аграрной истории Германии позднего средневековья, сугубо научной работой грани таланта ученого не исчерпываются. Прожив в Ижевске почти 40 лет, он все эти годы активно занимался общественной работой. В научных и публицистических статьях, посвященных В.Е. Майеру, зачастую отмечалась его участие в работе Общества «Знание» и Советского общества дружбы с ГДР, но, по существу, это было лишь констатацией фактов. Планомерной, систематической разработкой вопросов его общественной деятельности в Удмуртии исследователи до сих пор не занимались. Анализ просветительской деятельности В.Е. Майера, его работы в общественных организациях необходим. Это позволит проследить взгляды ученого, его интересы, шире взглянуть на его жизненную позицию, в целом сложить еще один кусочек мозаики в интеллектуальную биографию В.Е. Майера.

Цель настоящего параграфа – анализ деятельности профессора В.Е. Майера как члена Обществ «Знание» и Советского общества дружбы с ГДР. Для ее достижения нам необходимо решить ряд исследовательских задач. Во-первых, определить роль и значение, которые играли названные Общества в жизни Советского Союза, в целом, и Удмуртской АССР, в частности. Во-вторых, рассмотреть характер деятельности самого Василия Евгеньевича с точки зрения организаторской и административной составляющей (работа в Президиумах, Секциях, научно-методических советах, направленная на развитие Общества и его отдельных отраслей и т.п.).

К.А. Пономарев справедливо отмечал, что Россия всегда славилась системностью и фундаментальностью своего образования, а главным помощником в этом являлась широкая просветительская деятельность. Она помогала придать об-

разованию эмоциональность, образность, давала возможность получать более широкие знания, чем академические программы¹. В Советском Союзе крупнейшей организацией, занимавшейся просветительской деятельностью, было Общество «Знание».

История Общества «Знание» начинается в 1947 г., когда в СССР было основано «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний». Эта организация была не первой в Советском Союзе, которая ставила своей задачей распространение и пропаганду разного рода знаний среди населения², но именно «Знанию» удалось стать по-настоящему массовой, действенной, игравшую значительную роль в жизни общества структурой. Говоря о причинах возникновения Общества, отметим следующие. Во-первых, действительную и имевшую место тягу советского народа к просвещению и самообразованию³. В Российской империи для подавляющего большинства жителей страны путь к какому-либо «приличному» образованию по известным причинам был заказан. В первые десятилетия советской власти ситуация изменилась, но события Великой Отечественной войны вновь сделали «неактуальными» вопросы самообразования и просвещения. И лишь после ее окончания для советских граждан наступает время, когда их желание «просвещаться» совпадает с возможностями и позицией государства, которое было заинтересованно в их образовании.

Таким образом, мы подходим к еще одной причине возникновения Общества «Знание» – модернизация страны по всем направлениям и, как следствие, необходимость реформ образования и просвещения. «России, встающей во второй половине XX в. на путь модернизации <...> потребовалась специализированная просветительская организация, способная участвовать в подготовке и осуществлении глубокой образовательной реформы по всему спектру знаний – гуманитарных,

¹ Пономарёв К.А. Непричёсанные размышления. Ижевск, 2011. С. 29-30.

² Подробнее о просветительских организациях в СССР в «дознаниевый» период см., например: Случевский В.В. Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области: история, формы и методы просветительской деятельности 1947-2002 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2003. С. 40-51.

³ Не случайно, председатель Правления Общества академик А.И. Опарин на III пленуме Правления отмечал, что главный недостаток работы «Знания» - это «отставание лекционной пропаганды от растущих политических и культурных запросов населения». Отметим, что проходил этот пленум в 1955 г., т.е. через 8 лет после организации «Общества». Можно предположить, что «растущие запросы населения» и до того, и в дальнейшем играли решающую роль в деятельности «Знания».

естественнонаучных, технических»¹. Первый руководитель Общества, академик С.И. Вавилов, выступая в 1947 г. на учредительном съезде, представлял цель Общества следующим образом: оно «...должно быть проводником и посредником настоящих, высоких, передовых научных знаний от специалистов к народу»².

Наконец, третьей причиной возникновения Общества можно назвать стремление государства к контролю над своими гражданами, в том числе и через сферу просвещения. В послевоенный период «власть, опасаясь разрастания позитивных прозападнических настроений среди советских граждан, была озабочена укреплением и ужесточением пропагандистской сети»³. Деятельность Общества «Знание» позволяла проводить «в массы» позицию государства по важнейшим вопросам внутренней политики и международных отношений. Нет нужды пояснять, что лекции, читаемые по линии Общества, были выверены не только в научном, но и в идеологическом отношении. Не случайно, Постановление Президиума Общества от 18 февраля 1950 г. особо акцентировало внимание на необходимости регулярного обсуждения на заседаниях Президиума текстов лекций, а также на том, что заведующие тематическими отделами должны рецензировать все лекции, издаваемые республиканским и областными отделениями⁴.

Устав «Общества» определял его как добровольную общественную научно-просветительскую организацию, цель которой – «содействие дальнейшему укреплению советского социалистического государства путем широкого распространения среди населения Советского Союза политических и научных знаний на основе марксизма-ленинизма». Задачи, которые ставило перед собой «Знание», касались, прежде всего, лекционной деятельности: чтение и издание текстов лекций,

¹ Случевский В.В. Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области: история, формы и методы просветительской деятельности 1947-2002 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2003. С. 39.

² Общество «Знание» России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.znanie.org/OZR/history.htm> [Дата обращения: 04.06.2012].

³ Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011. С. 189.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 26. Л. 193. Впрочем, излишнее рвение в стремлении донести до граждан официальную позицию по некоторым вопросам приводило иногда к абсурдным ситуациям, когда во второй половине 1950-х гг. на одном из заседаний Удмуртского отделения Общества кукуруза превозносилась не только как «дешевый хлеб» и «дешевый корм», но и как «молоко, масло и мясо» (см. ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 25. Л. 114.)

распространение их через средства массовой информации, проведение научных докладов и конференций.

М.А. Мамонтова, определяя специфику сибирских (Новосибирского и Омского) отделений Общества «Знание», обусловила ее «отсутствием крупных научных центров и малочисленностью высших учебных заведений, способных активно включиться в процесс формирования исторического сознания. Эту функцию во многом на себя взяли общественные организации, деятельность которых распространялась на неохваченную высшим образованием часть общества»¹. Как представляется, подобная оценка может быть применима и ко многим другим региональным отделениям Общества, в том числе и Удмуртскому.

Удмуртское отделение «Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», как и центральное, было сформировано в 1947 г.² В Удмуртии оргкомитет был утвержден решением бюро обкома КПСС с 19 мая 1947 г. под руководством доктора медицинских наук И.И. Косицына. 26 мая 1947 г. в помещении Ижевского медицинского института состоялось организационное собрание, на котором было создано Удмуртское республиканское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний³.

Первым председателем правления Удмуртского отделения стал Семен Иванович Ворончихин, доктор медицинских наук, директор Медицинского института г. Ижевска (1948–1952 гг.)⁴. В целом, деятельность Удмуртского отделения шла в фарватере общей линии Общества. Одной из основных задач первых лет деятельности было придание «Знанию» статуса действительно массовой организации, то есть привлечение в его ряды новых членов. В общесоюзном масштабе эта работа велась весьма успешно: если на 1 июля 1949 г. Общество насчитывало 59 тысяч членов, то к 1 апреля 1950 г. – уже 165 тысяч⁵. В Удмуртии прогресс также был

¹ Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011. С. 195.

² Подробнее об истории Удмуртского отделения общества «Знание» см., например: Пономарёв К.А. Личность в истории. Ижевск, 2009. С. 308-317.

³ Пономарёв К.А. Личность в истории. Ижевск, 2009. С. 309.

⁴ О нем подробнее: Врачи Удмуртии // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alibudm.ru/pis/pisdoc2.html> [Дата обращения: 26.11.2016].

⁵ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

налицо, хотя в процентном отношении доля «удмуртских» членов «Знания» среди общего числа была довольно низкой: на 1 августа 1949 г. в республике насчитывалось 7 членов-коллективов, 249 индивидуальных членов и 75 членов-соревнователей (т.е. соискателей)¹; к началу 1952 г. число действительных членов возросло до 909, а членов-соревнователей до 565². Отметим, что работа удмуртского отделения не замыкалась только на Ижевске. Уже в отчете за 1948 г. отмечалось, что оно имеет своих представителей в 21 районном центре, а также 11 городских и 2 групповых уполномоченных³. На начало 1952 г. лишь немногим более трети действительных членов относилось к Ижевску, зато более половины находились в районных отделениях республики.

Безусловно, деятельность удмуртского отделения имела свою специфику, связанную, прежде всего, с национальным характером республики. Еще в 1950 г. в Постановлении Президиума общества «О состоянии и задачах работы Общества в области распространения исторических знаний» подчеркивалось крайне низкое число лекций по истории «краев, республик, городов» и, как следствие, делался акцент на том, что необходимо уделять большее внимание «истории СССР и народов СССР»⁴. Удмуртская специфика, помимо историко-краеведческих сюжетов, определялась чтением лекций на национальном языке. Однако, несмотря на то, что этому вопросу уделялось пристальное внимание, и в 1950-х годах наблюдался рост числа лекций на удмуртском языке, их процентное соотношение относительно лекций на русском языке было незначительным, приблизительно 5,5 %⁵. Объяснялось это, с одной стороны, организационными недоработками, а с другой, — пассивностью удмуртских лекторов.

Удмуртское отделение «Знания» в первые годы своего существования столкнулось с рядом неизбежных проблем, как объективного характера, так и субъективного. Под «объективными» проблемами мы имеем в виду, в первую очередь,

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 2. Л. 294.

² ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.

³ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 5. Л. 401.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 2. Л. 15-16.

⁵ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 20. Л. 34.

трудности организационно-хозяйственного характера. В декабре 1952 г. (т.е. удмуртское отделение, как и Общество в целом, существовало уже пять лет) С.И. Ворончихин писал О.А. Хвалебновой, заместителю председателя правления «Знания», что до сих пор удмуртское отделение ютится в двух комнатах одной из школ г. Ижевска и находится под угрозой выселения. Проблема могла быть решена предоставлением в ведение местного отделения типового 8-квартирного дома, но все упиралось в финансовый вопрос¹. Так или иначе, в недостаточном финансировании коренились и многие другие проблемы удмуртского отделения. В Ижевске, по словам С.И. Ворончихина, отсутствовал завхоз и, чтобы решить эту проблему, необходимо было либо ввести новую ставку, либо осуществлять работу по совместительству, что также требовало денежных вливаний. В таком же состоянии находился вопрос с референтом для ижевского отделения: имевшийся здесь человек не справлялся со своими обязанностями – нужен был, как минимум, еще один помощник. Запрос на ремонт автомашины, подведомственной удмуртскому отделению, был фактически отклонен: предписывалось все необходимые для этого детали закупать на месте без выделения дополнительных средств.

Непросто обстояло дело с переводом актуальных статей, брошюр и книг Общества на удмуртский язык, хотя работе с коренным населением республик на национальных языках уделялось повышенное внимание. Объясняется это и как недостаточным числом квалифицированных удмуртских специалистов, так и пресловутым финансовым вопросом – подобного рода переводы в любом случае должны были оплачиваться.

Что касается «субъективных» проблем, то под ними мы подразумеваем недостатки в работе отделения, связанные с «человеческим» фактором. Прежде всего, это касается качества лекций, читаемых представителями Общества. В Удмуртии, как и в Советском Союзе в целом, довольно часто отмечался низкий уровень лекций. В них могли содержаться прямые фактические ошибки, неверные идеологические установки, а сами лекторы порой так слабо владели материалом, который

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 13. Л. 158.

излагали, что не могли ответить на вопросы слушателей, задаваемые после лекций. С другой стороны, был отмечен и обратный недостаток: лекторы, выступая перед широкой публикой, не всегда свой материал преподносили таким образом, чтобы он был понятен аудитории.

Сложности возникали и в работе секций удмуртского отделения Общества «Знание». Так, в секции истории, по словам его руководителя Г.Г. Черновой, заведующей кафедрой истории СССР Удмуртского государственного педагогического института, наблюдались следующие недостатки. Примерно половина из членов секции вообще не работали, не составляли текстов и не посещали ее заседания¹. Одна из ярких представительниц исторической науки Ижевска того времени, антиковед Е.А. Миллиор, возглавлявшая тогда кафедру всеобщей истории УГПИ, вовсе не посещала заседания исторической секции, мотивируя это тем, что лекции по древней Греции на ней не обсуждается и готовить их поэтому нет никакого смысла². В связи с этим Елена Александровна просила даже перевести ее в секцию литературы (это просьба, заметим, была удовлетворена и в 1955 г. Е.А. Миллиор читала лекции по линии Общества о творчестве Бернарда Шоу)³.

Несмотря на указанные трудности и проблемы в деятельности Общества «Знания» в Удмуртии, организация определенно приобретала вес и значимость. В ее ряды вливались лучшие кадры местной интеллигенции: преподаватели вузов (в том числе, кандидаты и доктора наук), научные сотрудники исследовательских институтов, работники партийных органов и другие категории граждан. Что привлекало людей в Общество, почему год от года число его членов увеличивалось как в Советском Союзе, так и в Удмуртии? Как представляется, в первую очередь следует говорить о гражданской позиции и гражданской сознательности интеллигенции того времени. Общественная работа просветительского характера, направленная на укрепление Советского государства за счет повышения уровня образо-

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 5. Л. 284.

² Там же. Л. 294.

³ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 30. Л. 115.

ванности широких слоев населения, представляла собой весьма серьезный стимул.

Немаловажным фактором, влиявшим на вступление новых членов в Общество, было материальное поощрение лекторов. Несмотря на то, что значительное число лекций читалось безвозмездно, ряд из них, особенно из числа заказываемых предприятиями, оплачивался членам Общества. Денежное поощрение лекторов, между тем, было одной из частых причин конфликтов, возникавших в «Знании». В 1950–1960-е гг. на имя ответственного секретаря Удмуртского отделения Я.А. Кривицкого время от времени поступали жалобы лекторов, о том, что оплата за чтение лекций или не проведена или проведена в неполном объеме. Случались и факты того, что некоторые члены Общества, приезжая читать лекции, самовольно «перевыполняли план» – сначала лекции читались по программе, а затем, без согласования с Отделением, проводили платные занятия, оплата за которые шла исключительно в карман лектора.

Нельзя не сказать об элементе принуждения, который мог присутствовать в вопросах вступления в Общество, несмотря на то, что «Знание» позиционировалась как добровольная организация. Не случайно, что среди проблем Удмуртского отделения, часто отмечалась слабая работа членов секций, незаинтересованность их в общем деле, что логично, если участие в общественной деятельности было навязано. Указанный комплекс факторов, разумеется, в разных пропорциях, определял причины вхождения в Общество его членов: кто-то мог руководствоваться сугубо материальным стимулом, а для кого-то важнее было передать свой опыт и знание желающим.

26 февраля 1954 г. в члены «Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний» был принят В.Е. Майер, как указывалось в соответствующей справке, – «преподаватель института», «читает лекции по истории СССР»¹. Глядя на эту дату, можно сказать, что Василий Евгеньевич «припозднился» со вступлением в «Знание». Еще 12 марта 1949 г. в действительные члены

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 27. Л. 354.

Общества была принята жена В.Е. Майера Б.П. Сысоева¹. В том же году Удмуртское отделение приняло в свои ряды коллег Василия Евгеньевича по пединституту Л.Н. Заболотскую и Б.Г. Плющевского, а через год – непосредственного начальника, заведующую кафедрой всеобщей истории УГПИ Е.А. Миллиор².

Трудно предположить, что В.Е. Майер не горел желанием заниматься просветительской работой по линии Общества, особенно, учитывая его активность и работоспособность в последующие годы, а также убеждения, сформированные в годы учебы на историческом факультете МГУ и в годы Великой Отечественной войны, поэтому подобная задержка может быть объяснена рядом причин. Во-первых, чрезвычайной загруженностью в связи с подготовкой кандидатской диссертации и сдачей «минимумов» в Москве. Во-вторых, играли свою роль и высокая педагогическая нагрузка, и молодая семья, требовавшая повышенного внимания. Наконец, не стоит забывать и о том, что нестабильным было положение Василия Евгеньевича на кафедре в пединституте, объяснявшееся его статусом «спецпоселенца». Трудно сказать наверняка, но нельзя исключить возможность того, что В.Е. Майером предпринимались попытки и раньше вступить в Общество, которые могли быть отвергнуты³. Как отмечал К.А. Пономарев, создание и становление Общества происходило в условиях, когда в стране осуществлялась «реакционная» политика в области идеологии. В этой связи, в члены Общества принимались только проверенные на благонадежность люди⁴.

Вступив в Общество «Знание» в 1954 г., В.Е. Майер довольно быстро добился там признания. В 1956 г. он наряду с Г.Г. Черновой и М.А. Садаковым (научным сотрудником Удмуртского научно-исследовательского института) был избран в бюро секции истории Удмуртского отделения⁵. Здесь Василий Евгеньевич выполнял обязанности секретаря секции: вел протоколы собраний, записывал ос-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 5. Л. 408.

² ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 4. Л. 313 (об); ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 5. Л. 323, Л. 447.

³ Не стоит думать, что «Знание», стремившееся вовлечь в свои ряды как можно больше новых членов, принимало их совершенно без разбора. Так, летом 1953 г. Президиум Удмуртского отделения воздержался от приема в члены Общества К.А. Каретникова, кандидата исторических наук, коллеги Василия Евгеньевича по кафедре всеобщей истории, в связи с тем, что тот допускает «компрометирующие поступки».

⁴ Пономарёв К.А. Личность в истории. Ижевск, 2009. С. 310.

⁵ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 38. Л. 13.

новные обсуждаемые вопросы и всех, кто принимал участие в прениях. В случае отсутствия председателя и его заместителя (т.е. Г.Г. Черновой и М.А. Садакова, соответственно), В.Е. Майер брал на себя функции председателя секции, как происходило, например, на заседании 31 марта 1958 г¹.

Работа В.Е. Майера в рамках секции истории не замыкалась лишь на функциях секретаря. На всех заседаниях секции он являлся полноправным участником дискуссий и прений. Так, в ходе обсуждения лекции Б.Г. Плющевского «Торжество ленинской национальной политики» Василий Евгеньевич отозвался о ней положительно, отметив, однако, и ряд недостатков: недостаточное обращение к местному материалу, который очень удачно бы вписался в концепцию вступления, а также некоторую «сухость», преодолеть которую можно было бы через цитирование «иностранных деятелей о наших успехах». В целом, В.Е. Майер отмечал, что лекция должна быть одобрена и допущена к чтению для широкой публики².

В начале 1960-х гг. активная деятельность В.Е. Майера по линии Общества «Знание» прервалась в связи с его двухгодичной докторантурой в Москве, за время которой он лишь изредка бывал в Ижевске. Очевидно, что заниматься общественной работой у него не было возможности. Однако, уже 24 декабря 1964 г., по возвращении из Москвы, В.Е. Майер принял участие в очередном заседании президиума правления Удмуртского отделения Общества, но уже не как член секции истории, а в качестве председателя Научно-методического совета по атеизму. Таким образом, началась новая веха в деятельности В.Е. Майера в рамках сотрудничества со «Знанием».

Сейчас сложно сказать, с чем именно связан факт того, что В.Е. Майер после возвращения из Москвы сменил «фронт работ» в рамках Общества. Мы можем

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 38. Л. 23 (об).

² Там же. Л. 4. В ходе работы секций В.Е. Майер зачастую сам выступал в качестве обучающегося. Обсуждая план мероприятий, приуроченных к 400-летию присоединения Удмуртии к России, он интересовался у своих коллег историей этого события, его подоплекой и особенностями. Вполне логично, что человек, получивший школьное образование в Украине, а высшее – в Москве, мог не знать тонкостей региональной истории, но примечателен сам факт того, что Василий Евгеньевич не стеснялся своего «невежества» и стремился к получению нового знания. Именно это качество В.Е. Майера – самосовершенствование, стремление учиться способствовало его развитию и как ученого-историка, и как лектора Общества «Знание».

лишь предполагать о причинах, которые могли повлиять на подобное развитие событий. Во-первых, в начале 1960-х гг., еще до отъезда В.Е. Майера в докторантуру, претерпела некоторые структурные изменения историческая секция удмуртского отделения Общества «Знание». В единую секцию были слиты секция истории КПСС и истории, а ее председателем стала А.А. Бабинцева – известный в республике историк партии¹. Соответственным образом изменился и характер лекционной деятельности. Как отмечалось в соответствующей справке о работе исторической секции, в рамках ее деятельности большее внимание стало уделяться разъяснению программы партии, материалов и документов съездов, освещению партийных и правительственных решений². Можно предположить, что В.Е. Майера не удовлетворял курс, взятый новым руководителем секции, что повлияло на его решение ее покинуть.

Во-вторых, следует говорить и о том, что свою роль здесь могли сыграть личные предпочтения В.Е. Майера: убежденный атеист и сторонник активной агитационной работы с населением, он мог с полным правом рассчитывать на то, что его опыт и заинтересованность в пропаганде атеистических знаний могут быть полезны удмуртскому отделению Общества.

Наконец, в-третьих, нельзя игнорировать фактор «административного влияния». Еще в конце 1950-х гг. П.Д. Бумин, руководитель атеистической секции удмуртского отделения Общества, отмечал, что лекторы секции не знают «религиозной мифологии» и лишаются таким образом главного оружия против своего «врага», а в целом же антирелигиозная пропаганда не осуществляется на должном уровне³. Решение этого вопроса требовало от Общества конкретных мер, например, вливания «свежей крови» через назначения на пост руководителя научно-методического совета по атеизму квалифицированного и инициативного В.Е. Майера.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 74. Л. 12, 24.

² ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 83. Л. 10.

³ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 56. Л. 73.

Отдельно следует сказать несколько слов о той структуре в рамках удмуртского отделения «Знания», которую в 1960–1970х гг. возглавлял В.Е. Майер, т.е. о научно-методическом совете по пропаганде научно-атеистических знаний. Реорганизация «Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», произошедшая в 1963 г. и приведшая к смене его названия на более краткое и звучное – Общество «Знание», означала не просто «смену вывески», но и подразумевала под собой некоторые изменения в его структуре. В частности, на смену секциям по разным областям знаний пришли научно-методические советы. Цель их оставалась прежней, однако ожидалось, что свою работу они будут проводить на более высоком качественном уровне. Каковы были функции вновь организованных научно-методических советов в рамках Общества? Прежде всего, важно отметить тот факт, что НМС в своей деятельности ориентировались не столько на работу с широкой аудиторией, сколько на работу по совершенствованию качества лекционной пропаганды среди лекторов подведомственной им территории, в нашем случае – республики. Таким образом Совет координировал и определял характер и методику лекционной деятельности лекторов. Происходило это за счет подбора и подготовки кадров лекторов, помощи районным и городским организациям в налаживании лекционной пропаганды по конкретной области знаний, издании методических пособий, планов, рекомендаций¹. Научно-методический совет мог организовывать специальные школы или семинары, в рамках которых осуществлялась подготовка и повышение квалификации лекторского состава республики или области. Фактически Совет осуществлял идеологическое руководство над лекционной пропагандой во вверенной ему области знаний: именно от его позиции и качества его работы зависело то, каким образом будет проводиться агитдеятельность. В удмуртском отделении Общества в 1960-е гг. был сформирован ряд научно-методических советов по наиболее актуальным в рамках страны областям деятельности: по пропаганде сельскохозяйственных, естественнонаучных, исторических знаний, а также ряда других, в том числе –

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 223. Л. 17.

научно-атеистических, который возглавил В.Е. Майер. Кроме того, особой структурой в «Знании» стали научно-методические секции, формировавшиеся по территориальному принципу – в городах и районных центрах республики, курируя, таким образом, работу членов Общества в конкретных городах и районах соответственно.

Несмотря на то, что НМС играли особую роль в структуре «Знания», еще в начале 1970-х гг. на заседаниях Президиума Правления удмуртской организации Общества отмечалось, что «уровень работы большинства научно-методических советов не соответствует требованиям времени ... <и> непосредственное влияние на состояние пропаганды во многих случаях крайне слабо»¹. Выражалось это, в частности, в том, что ряд советов в своей деятельности ограничивались сугубо лекторской практикой, не издавая, при этом, методических материалов и не подготавливая рецензий на читаемые лекции. Серьезнейшим недостатком признавалось и то, что ряд Советов и Секций не имели четко подуманного плана своей работы, а также что не в полной мере осознавали функции и задачи своей деятельности. Все это подстегивало Правление удмуртского отделения к тому, чтобы уделять повышенное внимание к работе советов и секций и требовать от них соответствующей отдачи².

Говоря о деятельности В.Е. Майера на посту председателя научно-методического совета по атеизму в Удмуртском отделении общества «Знание», следует выделить два уровня. Первый – это текущая, плановая работа, игнорировать выполнение которой он не мог и которую, так или иначе, выполняет любой руководитель структурного подразделения вне зависимости от уровня организации. К такому виду деятельности следует отнести проведение и председательствование на заседаниях НМС, выступление в рамках этих заседаний с отчетными докладами, утверждение планов работы Совета на определенный срок, в целом – текущая и рутинная работа непосредственно с членами Совета.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 338. ЛЛ. 2-3.

² Там же. ЛЛ. 3-4.

Второй уровень деятельности – это мероприятия и нововведения, проведенные В.Е. Майером во главе НМС по атеизму по собственной инициативе, характеризующие его понимание роли руководителя и задач просветительской работы. Одним из первых начинаний, предложенных В.Е. Майером, стала организация «Двухгодичной республиканской школы лекторов-атеистов», работавшей в УАССР в 1965–1966 гг.¹ Цель, которую преследовал Василий Евгеньевич, организуя подобную школу, очевидна: повышение научной квалификации лекторов-пропагандистов Удмуртии, специализировавшихся по вопросам атеизма. Решать эту задачу были призваны разного рода мероприятия, предложенные научно-методическим советом: от «мастер-классов» опытных лекторов Совета и приглашенных специалистов из соседних с Удмуртией регионов до обзора современной литературы и публицистики по атеистической тематике. В качестве примера лекций, предлагаемых участникам в рамках школы, можно упомянуть те, которые читал сам В.Е. Майер, в частности: «О происхождении религий», «Наука и религия о происхождении человека» и т.п. В целом, занятия в рамках школы носили практико-ориентированный характер, призванный, в первую очередь, способствовать повышению качества работы лекторов на местах.

Всего в 1965–1966 гг. в ходе работы школы было проведено три расширенных занятия-семинара (вместо запланированных шести, сорвавшихся, по словам В.Е. Майера, не по вине Совета), охватывавших срок от двух до трех дней, на которых присутствовало более восьмидесяти участников². После ее окончания руководством научно-методического совета было принято решение о ее продлении на период следующих двух лет. Однако, несмотря на довольно широкий охват участников Школы и заинтересованность самого Совета в ее проведении, 27 июня 1969 г. на очередном заседании НМС по пропаганде научно-атеистических знаний В.Е. Майер высказался в пользу ее перестройки в двухгодичную заочную школу. Он признал, что «существующая республиканская школа атеистов не достигает

¹ Впервые вопрос о ее создании был поднят на очередном заседании НМС по атеизму в октябре 1965 г. См.: ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 138. Л. 69.

² ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 138. ЛЛ. 88-90.

своей цели по подготовке квалифицированных лекторов, т.к. на семинар обычно приезжают разные люди», таким образом, число лекторов, принявших участие в работе каждого занятия и усвоившего, соответственно, программу полностью, было минимально¹. Разумеется, это существенным образом снижало эффективность школы в целом. В связи с этим, В.Е. Майер предложил создать двухгодичную заочную республиканскую школу атеистов, главное отличие в работе которой, по сравнению с предыдущей, было в постоянном составе участников. В качестве ориентира была взята форма организации, принятая на вооружении в Свердловске. Предполагалось организовать работу новой школы по сессионному принципу: дважды в год ее участники приезжали на 5–6 дневные занятия, в ходе которых они заслушивали лекции членов НМС и приглашенных специалистов, готовили рефераты и выступали с ними перед аудиторией. Работа новой школы должна была начаться уже в октябре 1969 г.²

Однако, несмотря на все приложенные Советом усилия по созданию постоянного коллектива участников заочной школы атеистов, ситуация, в целом, не изменилась. Подводя итоги работы школы за период 1970–1971 гг., руководство Совета отмечало, что за указанное время на занятиях присутствовало 349 человек, но при этом число постоянных участников (т.е. тех, кто посетил 2 или более занятия) согласно проведенному анкетированию было мизерным – всего 12 человек из 78 опрошенных. Таким образом, фактически было провалено решение самой насущной из проблем деятельности школы. Причины подобного развития ситуации Совет возлагал, в первую очередь, на районные организации Общества, посылавших из раза в раз новых слушателей.

Кроме того, говоря об итогах работы заочной школы атеистов, В.Е. Майер отмечал низкую отдачу от ее членов в плане самостоятельного чтения лекций на местах – то есть именно в том отношении, на которое была ориентирована деятельность школы. Согласно статистике, за отчетный период на каждого участника школы приходилось менее одной прочитанной за месяц лекции, что, по мнению

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.

² Там же.

руководства Совета, было чрезвычайно низким показателем. Многие из слушателей не имели разработанных текстов лекций для проведения самостоятельных занятий, в остальных случаях – тематика лекций была весьма скудной. Однако, в конечном итоге, принимая во внимание изначально низкий уровень подготовки и квалификации участников заочной атеистической школы, В.Е. Майер констатировал, что ее проведение, безусловно, имело положительный эффект: ежегодно отмечалось увеличение числа и качества лекций, а также введение новых форм пропаганды¹.

Несмотря на то, что введение специальных лекторских школ по атеистической работе в рамках деятельности научно-методического совета по атеизму удмуртского отделения Общества не сыграло значительной роли в повышении качества лекционной пропаганды и не привело к серьезным изменениям в этом направлении, говорить о каких-либо еще мероприятиях, предпринятых В.Е. Майером в качестве главы НМС, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении материалы, не представляется возможным. Фактически, создание школ стало его первым и единственным шагом по пути повышения качества атеистической пропаганды в республике.

Впрочем, вышесказанное не означает того, что деятельность В.Е. Майера в рамках атеистической пропаганды на этом исчерпывается. Будучи главой научно-методического совета по атеизму, а также – членом Президиума удмуртского отделения Общества, он выполнял время от времени «инспекционные» проверки деятельности республиканских организаций. Так, осенью 1973 г. В.Е. Майеру было поручено провести проверку работы организации ижевского медицинского института. Подготовленный по итогам инспекции доклад, был зачитан на заседании Правления удмуртской организации Общества в декабре 1973 г.

Стремясь к объективности, В.Е. Майер отразил в нем и положительные, и отрицательные стороны работы ячейки мединститута². К первым из них он отнес, прежде всего, хорошо поставленную лекционную работу, в которую были вовле-

---

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 377. Л. 3.

² ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 386. ЛЛ. 37-39.

чены многие преподаватели и сотрудники института, в том числе доценты и профессора. Несмотря на то, что в качественном плане эти лекции между собой не были равнозначно ценны, В.Е. Майера удовлетворял тот факт, что многие из них были посвящены проблемам современного состояния внутри-и внешнеполитического положения в СССР и мире. Отдельных похвальных слов удостоилась система подготовка молодых лекторов, осуществляемая в мединституте и включавшая в себя не только «мастер-классы» опытных лекторов, но и обязательные зачетные задания, проводившиеся в виде практических занятий: лекций на заводах и предприятиях. Наконец, третьей положительно стороной в работе организации мединститута, по мнению В.Е. Майера, стала школа атеистов, работавшая там к моменту подготовки доклада уже не один год. В ее работу были включены, в основном, студенты-старшекурсники, которые совместно с преподавателями проводили социологические исследования по религиозной проблематике и занимались лекционно-пропагандистской деятельностью.

В то же время, работа ячейки мединститута, по мнению В.Е. Майера, не была свободна и от некоторых недостатков. В первую очередь, это касалось все той же лекционной деятельности. Обсуждение лекций, практиковавшееся в мединституте, безусловно, относилось к сильной стороне их работы, однако тот факт, что происходило оно уже после ее прочтения, снижало их значимость. «Лекции, – замечал В.Е. Майер, – надо обсуждать предварительно». Именно эта мера позволила бы повысить их качество. Кроме того, отдельных критических замечаний заслужила тематика лекций, читавшихся в институте. Было бы логичным, считал Майер, чтобы студенты-медики выступали с материалами, прямо касавшимися их профессиональной деятельности, однако на практике оказывалось, что подавляющее большинство лекций оказывались посвященными общественно-политической тематике. К существенным минусам лекторской работы в мединституте по линии Общества, В.Е. Майер отнес и их слабую методическую составляющую: часто беседы лекторов получались оторванными от практики, не «дохо-

дили» до аудитории, а использование современных технических средств при их проведении практически сводилось к нулю¹.

Анализ деятельности организации работы медицинского института в рамках «Знания», проведенный В.Е. Майером, ценен для нас не только в плане понимания тех задач, которые на него возлагались, но и в том отношении, что позволяет выявить «требования» историка к лекционной работе по общественной линии: методологическая выверенность, внимание к деталям, в том числе и к наглядности, тесная связь с современностью, но в рамках специфики конкретного учреждения или лектора. Фактически, эти требования предъявлялись В.Е. Майером не только относительно общественно-просветительских лекций, но и тех, что должен читать преподаватель высшей школы, в том числе и он сам.

20 марта 1973 года на очередном заседании научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при Удмуртском отделении Общества «Знание» В.Е. Майер поднял вопрос «об освобождении его от должности председателя НМС <...> в связи с переходом на другую работу и большую занятость»². Ходатайство профессора было удовлетворено. Подобное решение В.Е. Майера, по видимому, не было неожиданным для его коллег по НМС, а для самого историка оно не было скоропалительным и необдуманным.

Анализ протоколов заседаний научно-методического совета по атеизму 1960–1970-х гг. буквально подталкивает нас к мысли о том, что внимание его главы к насущным проблемам совета и курируемым им вопросам постоянно уменьшалось на протяжении, как минимум, последних пяти лет нахождения в должности. Взявшись активно за работу по повышению качества пропаганды научно-атеистических знаний сразу же после возглавления Совета, В.Е. Майер в дальнейшем, как кажется, несколько «ослабил хватку». Энтузиазм, проявленный им на первых порах, натолкнулся на сложности объективного характера, под которыми мы подразумеваем, с одной стороны, неэффективность работы районных отделений Общества, сводившая на нет инициативы В.Е. Майера, а с другой, – полную

¹ ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 386. ЛЛ. 38-39.

² ЦГА УР. Ф. р-1152. Оп. 1. Д. 381. ЛЛ. 9-10.

бесперспективность самой идеи того, что за счет агитации и пропаганды возможно заставить человека отказаться от его религиозных убеждений, вложенных в его гены предками за столетия безоговорочной веры.

Кроме того, при принятии подобного решения свою роль сыграл и названный В.Е. Майером фактор «большой занятости»: в конце 1972 г. он был назначен на должность проректора по научной работе реорганизованного Удмуртского государственного университета. Таким образом, колоссальная нагрузка, которая легла на плечи В.Е. Майера, потребовала от него хотя бы частичного отказа от возложенных на него обязанностей.

Несмотря на уход с поста председателя научно-методического совета по атеизму Удмуртского отделения Общества «Знание», сотрудничество В.Е. Майера с этой организацией не прекратилось. Он по-прежнему входил в состав Президиума, а также продолжал активную лекционную работу.

«Знание» было не единственной крупной общественной организацией в Советском Союзе, в которой состоял и активно работал профессор В.Е. Майер. Помимо него, мы можем вести речь о Советском обществе дружбы с ГДР (СОДГ), членом которого ижевский историк был не одно десятилетие.

Что представляло собой Советское общество дружбы с ГДР? Согласно Уставу Общество позиционировалось «добровольной, массовой, самостоятельной организацией, входящей на добровольных началах в Союз советских общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами и осуществляющей свою деятельность под его общим руководством»¹. Организационно СОДГ было оформлено в 1958 г., когда существовавшее в Советском Союзе еще с 1925 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было реорганизовано в Союз советских обществ дружбы (ССОД), которое включило в себя многочисленные общества дружбы, в том числе и с ГДР². Возникновение СОДГ было продиктовано, прежде всего, политическими соображениями: необходимостью укрепления

---

¹ Проект Устава Советского общества дружбы с ГДР // Личный архив автора.

² Медведева Н.М. Советско-восточногерманские общественные связи во второй половине 1960-х гг. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rams.org.ru/istoriya> [Дата обращения: 17.03.2016].

статуса «старшего брата» Советского Союза по отношению к Германской Демократической Республике. Подобная позиция советского руководства распространялась на все страны социалистического блока, однако ГДР, как самый западный оплот социализма в Европе, находилась на особом положении.

Целью Общества было объявлено активное содействие укреплению и развитию «нерушимой, вечной дружбы и братского сотрудничества между трудящимися Советского Союза и Германской Демократической Республики, всестороннему сближению во всех областях общественного развития»¹. Соответственно определялись и задачи СОДГ: 1. Популяризация исторических традиций совместной революционной борьбы рабочего класса и народных масс обеих стран; 2. Ознакомление советской общественности с достижениями ГДР в строительстве развитого социалистического общества и ознакомление с историей, экономикой, культурой и жизнью трудящихся ГДР; 3. Содействие ознакомлению общественности ГДР с коммунистическим строительством в СССР, с историей, экономикой, культурой народов Советского Союза; 4. Содействие установлению и дальнейшему развитию контактов между научными, культурными, молодежными и другими массовыми общественными и производственными организациями и учреждениями обеих стран, между деятелями науки и культуры СССР и ГДР; 5. Содействие популяризации в СССР изделий ГДР, перевод на языки народов СССР произведений немецких авторов, а также содействие популяризации в ГДР произведений советских авторов и советской периодической печати; 6. Наконец, поддержание и всемерного развития тесных, дружественных связей с Обществом германо-советской дружбы² в целях взаимного обмена опытом и проведения совместных мероприятий, способствующих решению задач, стоящих перед обеими организациями³.

¹ Устав Советского общества дружбы с ГДР [проект] // Личный архив автора

² Общество германо-советской дружбы – «зеркальная» для СОДГ организация, его аналог, но на территории ГДР. Образованное 30 июня 1947 г. как «Общество по изучению культуры Советского Союза», в июле 1949 г. на II конгрессе оно было переименовано в Общество германо-советской дружбы. Общество определялось как «боевая организация, выступающая против антисоветской клеветы, за утверждение дружбы с советским народом». См.: Общество германо-советской дружбы: факты и цифры // Личный архив автора

³ Устав Советского общества дружбы с ГДР [проект] // Личный архив автора

Реализация поставленных перед Обществом задач должна была осуществляться в рамках следующих основных мероприятий: 1. Организация торжественных собраний, вечеров дружбы, докладов, лекций и бесед о ГДР, выставок, просмотр кинофильмов, обсуждений произведений немецких авторов и т.п.; 2. Приглашение в СССР и направление в ГДР делегаций представителей общественности; 3. Обмен с Обществом советско-германской дружбы книгами, брошюрами, периодическими изданиями; 4. Содействие культурному сотрудничеству между Советским Союзом и ГДР, а также переводу и изданию на немецком языке произведений советских авторов; 5. Содействие изучению гражданами СССР немецкого языка и оказание необходимой помощи в изучении русского языка и языков народов СССР в Германской Демократической Республике¹.

Организационно высшим руководящим органом СОДГ выступала Всесоюзная конференция, созываемая не реже одного раза в пять лет. К ее функциям относились заслушивание и утверждение отчетов Центрального Правления Общества, пересмотр, изменение и утверждение Устава Общества, определение основных направлений деятельности СОДГ и избрание Центрального Правления Общества. В период между конференциями руководство всей работой Общества и представлением его во взаимоотношениях с другими организациями и учреждениями осуществлялось Центральным Правлением². Подобная схема управления копировалась на низовых уровнях, т.е. высшими руководящими органами местных отделений Общества выступали Конференции, избираемые раз в пять лет, а избираемое ими Правление руководило работой отделения в период между конференциями.

В рамках сотрудничества с Советским обществом дружбы с ГДР на В.Е. Майера возлагались, прежде всего, серьезные административные обязанности: с 1969 г., когда было основано Ижевское отделение Общества, он являлся его бессменным председателем Правления, а кроме того, во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. Василий Евгеньевич входил в состав Центрального Правления

¹ Устав Советского общества дружбы с ГДР [проект] // Личный архив автора

² Там же

СОДГ. И если характер обязанностей, выполнявшихся ученым в рамках Центрального Правления, может быть понят исходя из Устава Общества (т.е. участие в рассмотрении и утверждении плана работы Общества, контроль их выполнения, участие, по мере необходимости, в работе постоянных и временных комиссий и т.п.), то для оценки его деятельности как председателя Правления Ижевского отделения, нам необходимо обратиться к отчетной документации: годовые планы Отделения, отчеты по их выполнению и т.д.

Имеющийся в нашем распоряжении План Правления Ижевского отделения СОДГ на 1977 г.¹ предполагал два уровня мероприятий: «организационные», т.е. в рамках заседания Правления (отчет об участии в IV Всесоюзной конференции СОДГ в 1976 г., отчет членов Правления, прием новых коллективных членов и т.п.) и «общие» – конкретные действия по выполнению задач, ложившихся на Общество. Ответственным за выполнение организационных вопросов всегда выступал сам В.Е. Майер, а также секретарь Ижевского отделения, доцент Факультета романо-германской филологии УдГУ А.И. Орлова. При этом, Василий Евгеньевич не выступал организатором при проведении конкретных мероприятий в 1977 г., делегируя эти полномочия другим членам Правления. Тем не менее, невозможно представить, что он, как Председатель, не участвовал в координации их проведения и не оказывал конкретную поддержку, однако серьезная занятость, а также перенесенный в 1976 г. инфаркт требовали активного привлечения сил коллег по Ижевскому отделению.

«Общие» мероприятия, запланированные на 1977 г., могут быть расценены как типичные для Общества в целом. Так, в план были включены семинары руководителей и ответственных Клубов интернациональной дружбы (КИД) – добровольных обществ, объединявших школьников и студентов, поддерживавших внутрисоюзные и международные контакты со сверстниками, встречи с немецкими специалистами, прибывавшими в Ижевск, а также с туристами из Удмуртской АССР, посетившими ГДР, наконец, разного рода мероприятия, прирученные к

---

¹ План правления Ижевского отделения СОДГ на 1977 г. // Личный архив автора

значимым для Советского Союза и ГДР датам – Собрание, посвященное 32-й годовщине разгрома фашистской Германии, проведение Недели немецкого кино, приуроченной к 28-й годовщине образования Германской Демократической Республики и т.п.

Однако подобного рода планы не отражают в полной мере всех тех мероприятий, организатором которых выступало Ижевское отделение СОДГ во главе с профессором Майером. Прежде всего, речь идет о постоянной практике чтения лекций и проведения бесед по «международным» вопросам – истории и современному положению ГДР, а также других стран-членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), проводимых членами правления и лекторами общества «Знание». Так, только в 1979 г., по словам В.Е. Майера, было проведено не менее 150 подобных встреч¹. Лекции читались как в коллективах, оформивших коллективное членство в Ижевском отделении, так и в прочих организациях и предприятиях.

Помимо этого, ижевский историк выступал с информационными передачами по радио. В частности, в 1984 г. им было подготовлено соответствующее выступление, посвященное 35-летию образования Германской Демократической Республики. В нем он раскрыл, каким образом в Ижевске освещается эта дата («устраиваются выставки, выпускаются стенгазеты, проводятся вечера дружбы и олимпиады по теме “Знаешь ли ты ГДР?”»), обратился к истории возникновения восточногерманского государства, а также осветил достижения ГДР в области экономического и социального строительства². Регулярно члены Правления, в том числе и В.Е. Майер, готовили материалы для газет разного уровня: от республиканских до стенгазет в школах. Кроме того, организовывались показы фильмов ГДР в городских кинотеатрах, студенческих и ученических аудиториях.

Самым активным образом Ижевское отделение сотрудничало с КИДами. Так, когда 6 января 1979 г. в Ижевске состоялся Всесоюзный слет Клубов интернациональной дружбы, носящих имя Р. Зорге, члены Правления, в том числе В.Е. Май-

---

¹ Отчет правления Ижевского отделения СОДГ за 1979 г. (черновик) // Личный архив автора

² Текст выступления В.Е. Майера в радиопередаче «К 35-летию образования ГДР» // Личный архив автора

ер и его коллега по кафедре всеобщей истории УдГУ В.Е. Владыкин оказали значительное содействие в его организации и проведении, а также выступили с рассказами о ГДР и работе СОДГ. Как отмечал В.Е. Майер, Слет прошел успешно. Участие в нем приняло около 40 делегаций, были проведены пленарные и секционные заседания, концерты, конкурсы девизов и приветствий.

Помимо этого, сам Василий Евгеньевич был участником переписки с членами удмуртских КИДов: он помогал им в подборе информации и ее переводе при написании писем немецким сверстникам. Показательной в этом отношении является переписка В.Е. Майера с членами КИДа Сигаевской средней школы (Сарапульского района Удмуртской АССР), которая велась в конце 1970-х гг.¹ и может служить прекрасной демонстрацией не формального подхода историка к выполнению обязанностей связанных с руководством СОДГ.

18 ноября 1978 г., в ответ на письмо участников Сигаевского КИДа с просьбой выслать адрес немецкой писательницы Анны Зегерс для последующей переписки, он писал: «Вы правильно поступили, что с такой просьбой обратились ко мне. Разумеется, я могу вам достать адрес замечательной писательницы Анны Зегерс. Но можно поступить и значительно проще: письмо для А. Зегерс можно направить генеральному секретарю Общества дружбы ГДР–СССР Альбрехту Тиме с просьбой передать его <...> тогда оно дойдет в течение 6-7 дней. <...> Итак, посылайте письмо А. Зегерс по адресу <...>»².

К завязавшейся переписке со школьниками Сарапульского района В.Е. Майер отнесся серьезно. В письмах руководителю Клуба он предлагал помощь в переводе на немецкий язык («Если у Вас будут затруднения при переводе вашего письма, пришлите русский и немецкий текст, мы Вам сделаем перевод»), сообщал о возможностях предоставления наглядных материалов, фильмов, аудиозаписей («Если Вам нужны плакаты и вообще выставочные материалы, мы Вам можем послать. Есть ли у Вас кинопроектор, чтобы демонстрировать узкоплёночные

¹ Переписка была собрана и передана вдове В.Е. Майера руководителем клуба Т.И. Осиповой. Сейчас переписка хранится в архиве автора.

² Письмо В.Е. Майера членам КИДа Сигаевской средней школы. 18 ноября 1978 // Личный архив автора

немецкие фильмы?»), регулярно интересовался успехами Клуба («Буду Вам благодарен и за дальнейшую информацию о ваших делах», «Надеемся, что Вы создадите хорошую экспозицию в новой школе. Будем Вам очень благодарны, если Вы пришлете нам фотографии выставки», «Установили ли Вы связь с Анной Зегерс?») и искренне переживал за судьбу КИДа («Ваши ребята так активно начали нам писать. Жаль, если все так быстро у них остыло»).

Обращает на себя внимание и очевидная заинтересованность В.Е. Майера в переписке и возможности оказания посильной помощи. Помимо конкретных советов, он рекомендовал отправлять письма на его домашний адрес («тогда письма дойдут быстрее»), а также связываться с ним по телефону, специально указывая его в одном из писем.

Сотрудничество Василия Евгеньевича Майера с Советским обществом дружбы с ГДР во многом определялось политической конъюнктурой. Само существование организации подобного рода в Советском Союзе было продиктовано идеологическими соображениями. Отсюда вытекали и формат организации, и методы ее работы, и тематика проводимых мероприятий. Однако для В.Е. Майера членство в ней (более того – руководство Ижевским отделением) было определенным вызовом и достижением одновременно. Как этнический немец, он был ущемлен в правовом отношении в военные и первые послевоенные годы, но, несмотря на это, ученый продолжал заниматься германской историей, преподавать немецкий язык, индивидуально заниматься с учениками. Возможность участия в СОГД, членство в Центральном Правлении, руководство Ижевским отделением стало для него подтверждением «права на национальность», подтверждением того, что, будучи немцем, можно не только подвергаться притеснениям, но и быть полезным своей стране, чего он искренне добивался. Сотрудничество с СОГД должно было принести ему осуществление мечты, к которой он стремился все послевоенные годы – возможности посетить этническую родину, работы с архивными материалами и обмен мнения с коллегами в ГДР, однако осуществить В.Е. Майеру ее так и не удалось.

4.2. Лекционная общественно-просветительская работа

Лекторско-пропагандистская работа в Удмуртской АССР началась для В.Е. Майера еще в годы Великой Отечественной войны, когда он, будучи сотрудником НКВД, выступал в Увинском районе перед немецкими военнопленными. Тогда тематика его выступлений была, очевидно, продиктована конъюнктурой: идеалистическое изображение советской действительности, которая должна была привить пленным идею о том, что по возвращению на родину им следует задуматься об установлении советской власти в Германии¹. Однако неверно было бы думать, что работа политинструктором была навязана В.Е. Майеру исключительно силой – он вполне разделял те идеи, о которых рассказывал. В дальнейшем, на протяжении всей жизни, просветительско-пропагандистская составляющая играла значительную роль для историка, но при этом тематика лекций всегда отвечала его собственным убеждениям.

Выделяя особенности лекционной работе В.Е. Майера на ниве просветительства, в первую очередь, мы должны отметить, что тематически она практически никогда не пересекалась с его основной деятельностью, т.е. историей. Можно предположить, что ученый, искренне убежденный в необходимости пропаганды и агитации, считал более необходимой для широких масс, например, антирелигиозную лекционную деятельность, нежели историческое просвещение, которое он, тем более, осуществлял в стенах Университета.

В рамках Общества «Знание» именно религиозная тема была одной из основных для В.Е. Майера. Причинами такого внимания к этой проблеме со стороны историка можно назвать две. Во-первых, четкая антирелигиозная государственная политика в этой области. Взятый еще основателями Советского Союза курс на «критическое» отношение к церкви и воспитание атеистически настроенной молодежи – «воинствующих атеистов», был продолжен и в послевоенное время. Во-вторых, эта тематика полностью отвечала убеждениям и самого ученого. В первой главе мы уже отмечали, что зерна антирелигиозного воспитания в семье вкупе с

---

¹ Ренев Е. Немецкие армии Сталина // «МК в Ижевске». Ижевск, 2005. 13-20 апреля. С. 11.

государственной политикой упали на удивительно восприимчивую почву в лице юного Вилли Майера. Со школьных лет будущий историк ощущал себя убежденным атеистом, и ни дальнейшее обучение в школе и Московском госуниверситете, ни события Великой Отечественной войны не поколебали в нем этой убежденности, скорее напротив, только укрепили ее.

Особенности атеистической лекционной работы В.Е. Майера, можно оценить на основании изданных брошюр и газетных статей¹. Первым опытом такого рода стала тридцатидвухстраничная брошюра «Что такое христианство?»². Ее анализ уже предпринимался исследователями³, поэтому мы остановимся на нем тезисно. Структурно в работе выделяются пять основных сюжетов. 1. Анализ проблемы возникновения христианства: причины, особенности, источниковая база, фигура Христа, соотношение с другими религиями, «классовая сущность». 2. Изложение истории христианства в эпоху средневековья, в том числе и на территории Руси. В этом разделе В.Е. Майер подчеркивает, что Церковь сама была крупнейшим эксплуататором и душителем народных масс⁴. 3. Характеристика христианства в эпоху капитализма. Анализ причин возникновения протестантизма и особенностей его основных течений. Также рассматривается деятельность Русской православной церкви и ее «реакционная» политика. 4. Анализ современного В.Е. Майеру состояния православия и протестантских течений в Советском Союзе, выражавшемся, прежде всего, в «обновленчестве» и «приспособленчестве» к советской власти с ее враждебным отношением к церкви и религии. 5. Рассмотрение

¹ Некоторые публикации В.Е. Майера на эту тему переводились на удмуртский язык: Майер В.Е. Что такое христианство? Ижевск, 1960. 32 с.; Он же. Атеистическая пропаганда // Удмуртская правда. 1972. 12 мая. (25); Он же. Философия но атеизм // Советской Удмуртия. 1972. 12 марта; Он же. Школа, религия, но нылпиос // Советской Удмуртия. 1972. 10 сентября; Он же. Модернистские тенденции религий на современном этапе (методический материал в помощь лектору). Ижевск, 1979. 16 с.; Он же. О чем говорят факты // Удмуртская правда. 1980. 9 февраля; Он же. Кызы кылдиз религия // Советской Удмуртия. 1981. 22 декабря; Он же. Атеизм и задачи атеистического воспитания // Удмуртская правда. 1981. 23 декабря. (81); Он же. Кризис религии и задачи антирелигиозного воспитания // Путь Октября (Ува). 1982. 12 января; Он же. Сущность и происхождение религии // Путь Октября (Ува). 1982. 23 января; Он же. Ленинское учение о религии и путях ее преодоления // Буммашевец. 1982. 28 января (84); Он же. Атеистическое воспитание молодежи // Удмуртская правда. 1985. 23 января. (97). В содержательном отношении эти публикации принципиальных различий не несут, поэтому анализ этой темы будет на основании двух наиболее крупных работ.

² Майер В.Е. Что такое христианство? Ижевск, 1960. 32 с.

³ Макаров Л.Д. В.Е. Майер о вопросах религии и атеизма (предварительные наблюдения) // Историк и его дело. Вып. 9. Ижевск, 2011. С. 94-100.

⁴ Майер В.Е. Что такое христианство? Ижевск, 1960. С. 11.

положения христианства на территории Удмуртии начиная со времени крещения коренного населения. В.Е. Майер приходит к выводу о том, что и на территории Удмуртской АССР, и в целом в Советском Союзе христианство является «пережитком прошлого»¹.

Эта работа В.Е. Майера, как отметил Л.Д. Макаров, «является ярким слепком отношения государства и его идеологии к религии в целом, и к христианству в частности»². К ее особенностям следует отнести, что брошюра построена по проблемно-хронологическому принципу (учитывая, что автор – историк, это более чем логично). Подобное структурирование материала позволило В.Е. Майеру выгодно преподнести основную мысль работы: что с момента зарождения христианство было реакционным, выступало против крестьян и трудящихся, эксплуатируя их и вступая в союз с сильными мира сего; теперь же, когда в Советском Союзе установлена власть рабочих и крестьян, христианство можно считать атавизмом.

Особенностью брошюры следует назвать корректность майеровской пропаганды. Он далек от огульной критики и оскорблений церкви, его формулировки точны и уважительны. Заметим, что подобный подход к проблеме атеистического воспитания отмечается не только в этой работе В.Е. Майера. В брошюре 1979 г.³ он писал: «Наш атеизм гуманен по своему существу. <...> Мы не имеем права оскорблять чувства верующих. <...> Наша беседа <...> не преследует цели говорить о какой-нибудь религии хуже, чем о другой, кого-то унижить из-за веры, организовать шумную кампанию против религии и верующих. <...> Против религии мы боремся идейными средствами, без шума, но постоянно и уверенно. <...> Освободить его [человека – А.Т.] от ложных воззрений, дать ему возможность стать на наши позиции – вот наша цель»⁴.

Наконец, отметим, что и работа 1960 г., и последовавшие за ней, отнюдь не несут в себе какой-либо принципиальной исторической или идеологической но-

¹ Майер В.Е. Что такое христианство? Ижевск, 1960. С. 22.

² Макаров Л.Д. В.Е. Майер о вопросах религии и атеизма (предварительные наблюдения) // Историк и его дело. Вып. 9. Ижевск, 2011. С. 96.

³ Майер В.Е. Модернистские тенденции религий на современном этапе (методический материал в помощь лектору). Ижевск, 1979. 16 с.

⁴ Там же. С. 15.

визны. Впрочем, историк и не ставил перед собой подобной задачи. Для него, прежде всего, было важным донести до читателей, слушателей и будущих лекторов основную мысль: религия есть порождение прошлого, «дурман», который не нужен советскому человеку.

Другой заметной работой В.Е. Майера на религиозную тематику стала уже упомянутая брошюра «Модернистские тенденции религии на современном этапе». В ней ученый обратился уже не столько к истории христианства, сколько к проблемам приспособления мировых религий (христианства и мусульманства) к изменяющемуся миру. Изданные как методическое пособие для лекторов общества «Знание», «Модернистские тенденции», по задумке В.Е. Майера, должны были продемонстрировать, что религии, возникшие сотни лет назад, не могут не изменяться и не приспосабливаться к новым порядкам. Это, в свою очередь, с одной стороны, демонстрирует их «двуличие», отказ от убеждений в пользу конъюнктуры, а с другой, — создает определенные сложности для лекторов-пропагандистов, поскольку вынуждает их по-новому вести атеистическую агитацию. «Атеистическая работа, — заключал Майер, — должна вестись с верующими и неверующими. Должны читаться лекции и вестись беседы в аудиториях. Особое значение должно придаваться устранению причин, толкающих отдельных людей на религиозный путь. Работая с людьми индивидуально, не следует выпячивать религиозный вопрос на первый план»¹.

Несмотря на сложившуюся еще в детстве атеистическую убежденность, В.Е. Майер не позволял себе поверхностно относиться к вопросам религии. Имеющиеся в нашем распоряжении документы² демонстрируют скрупулезность, с которой историк относился к новейшим исследованиям по истории религии и смежным темам. Например, в 1965 г., в преддверии Пасхи, Василий Евгеньевич фактически пошагово проанализировал особенности этого религиозного праздника, его проведение, характерные черты и т.п. «Пасха привлекательна, — замечал он, —

¹ Майер В.Е. Модернистские тенденции религий на современном этапе (методический материал в помощь лектору). Ижевск, 1979. С. 16.

² ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 94. ЛЛ. 1-48; ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 191. ЛЛ. 1-5.

эмоциональной стороной, привлекательна теми переживаниями, которые порождают у верующих их посещение церкви в дни Великого поста, предшествующего Пасхе»¹.

Другой заметной сферой деятельности В.Е. Майера по линии общества «Знание» стала работа по подготовке лекторских кадров. Именно лекции являлись основной формой пропаганды, поэтому подготовка специалистов, способных самостоятельно подготовить качественный материал и доступно доводить его до слушателей на местах, являлась важнейшей задачей.

Для Удмуртской организации Общества «Знание» вопрос подготовки квалифицированных лекторов стоял особо остро. Так, в 1983 г. ею были подготовлены «Инструктивные материалы в перестройке лекционной пропаганды в Удмуртской организации Общества «Знание»², издание которых было вызвано отсутствием «положительных изменений в работе по подбору и подготовке лекторских кадров, повышению качества лекций»³. Отмечалось, что в составе «Знания» остается немало лекторов, не умеющих читать лекции на высоком профессиональном уровне, кроме того, сами выступления зачастую неинтересны ни по форме, ни по содержанию.

В этой связи предлагалось следующее. 1. Повысить общий уровень работы с лекторскими кадрами; 2. Реорганизовать многочисленные научно-методические советы в более емкие организационно-методические секции (общественно-политических знаний, внешней политики КПСС и международных отношений, идеологической борьбы и контрпропаганды, научно-атеистических знаний и т.д.), которые должны были эффективнее решать вопрос подготовки лекторских кадров; 3. Организовать на базе вузов очно-заочные школы повышения квалификации лекторов городского и районного звена. 4. Улучшить качественный состав лекторских кадров на основании аттестации, базирующейся на принципе: «членом Общества «Знание» могут быть только те кто, способен на высоком идейном,

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 191. Л. 3.

² ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 104. ЛЛ. 1-47.

³ Там же. Л. 4.

научном и методическом уровне выступать с лекциями в трудовых коллективах и среди населения»¹. Основанием же для самой аттестации должны были являться высокие политические и нравственные качества лектора, систематичность выступления с лекциями, достаточный уровень профессиональной и методической подготовки, установленный на основе рецензирования текста лекций, прослушивания в аудитории, отзывов слушателей и индивидуального собеседования².

Одной из задач профессора В.Е. Майера в рамках «Знания» было именно чтение лекций по вопросам повышения мастерства лектора и пропагандиста. В этой связи представляют интерес заметки Василия Евгеньевича, использовавшие им в лекционной работе, о том, какими качествами должен обладать пропагандист³. Цитируя К. Маркса, В.Е. Майер выделял 3 элемента воспитания: техническое, физическое и умственное и отмечал, что пропагандист, как и педагог, занимается умственным воспитанием. Следовательно, «воспитатель» должен знать, как воспитывать, т.е. знать педагогику. Оценивая пропагандистскую работу как учебный процесс, историк замечал, что благодаря ей у слушателей должны вырабатываться определенные моральные качества, упорство, воля, воспитываться гражданственность. Однако все это может быть осуществлено только при «сознательном подходе» пропагандиста, т.е. соблюдении учебного плана, преподавательской дисциплины и т.п. Большое значение приобретает личный пример пропагандиста: «воспитатель сам должен быть воспитан», – подчеркивал В.Е. Майер⁴. Чтение лекций по общественно-просветительской тематике должно быть искренним со стороны лектора: не должно быть фальши, но внимание к слушателям – обязательный элемент грамотного занятия.

Отдельное внимание ученый уделяет тому, что чтение агитационных лекций – это, помимо прочего, занятие в коллективе. Таким образом, воспитание должно осуществляться в коллективе и через коллектив. Сплоченная и дружная группа

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 104. Л. 7.

² Там же. Л. 25.

³ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 343. ЛЛ. 1-6.

⁴ Там же. Л. 4.

может стать «могучим» воспитателем, и этот фактор лектор обязан использовать, включая в свою работу разного рода коллективные задания¹.

Имеющийся в нашем распоряжении текст лекции В.Е. Майера «Лекторское искусство. Что это значит? Каким ему быть?»² позволяет понять, каким критериям должно было отвечать, по мнению историка, идеальное занятие на общественную тематику. В первую очередь, он отмечал, что лекция в рамках «Знания» – это не то же самое, что занятие в школе или в вузе, поскольку в данном случае лектор каждый раз выходит к новой аудитории, обладающей своей спецификой. Для того, чтобы добиться успеха от агитатора требуется многое. Он должен знать не только тему и предмет занятия, но и быть эрудированным в смежных областях. Идеальная лекция должна быть выстроена логически, лектор при этом должен говорить ясно и доступно, постоянно держать контакт с аудиторией, влиять на ее настроение и реагировать на факты, отвлекающие слушателей.

«Мастерство чтения лекций, – отмечал В.Е. Майер, – это результат длительного и упорного труда»³. Начинающий лектор должен знакомиться с методической литературой, знать педагогику и психологию, поскольку эти области напрямую связаны с успехом лекционной работы. Важнейшим условием отличной лекции является ее тщательная подготовка, т.е. доскональное изучение литературы по теме, составление конспекта по произведениям, используемых лектором, составление плана, а также оформление конспекта или текста лекции. Идеальная лекция, по словам историка, должна быть написана с приведением примеров, с обобщениями и выводами. Отдельно акцентировал внимание Василий Евгеньевич на том, что текст лекции в дальнейшем должен постоянно совершенствоваться с учетом пополнения знаний.

Успешность лекции во многом зависит от ее «актуализации» в зависимости от аудитории, в которой она читается. Лектор должен знать задачи и обстановку в коллективе или на предприятии, строить занятие таким образом, чтобы оно отве-

---

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 343. Л. 5.

² ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 321. ЛЛ. 1-4.

³ Там же. Л. 1.

чало требованиям конкретной ситуации и обстановки. При этом, для лектора важно уметь читать лекцию в любой аудитории, выявляя характерные черты слушателей: профессиональный состав, возраст, подготовленность к восприятию. Агитатор должен заранее озаботиться оформлением помещения, где будет вестись работа: иметь карту, кафедру, наглядные пособия и т.п. Наконец, настоящая лекция должна читаться идейно-убежденно, с эмоциональным подъемом¹.

Несмотря на то, что, как уже отмечалось, тематика лекционной пропаганды В.Е. Майера в обществе «Знание» не была связана с его основной деятельностью, он активно использовал профессиональные навыки (например, огромный опыт преподавательско-лекторской работы) в этом направлении. Это можно сказать не только о чтении лекций по лекторскому искусству, но и о методике составления конспектов, обучение которой он проводил и для студентов УГПИ–УдГУ, и для широкого круга слушателей в рамках просветительской работы.

Сегодня умение грамотно составлять конспекты можно рассматривать как пережиток прошлого. Школьник, студент, исследователь, которого интересует какой-либо документ или книга, обладает широчайшим спектром возможностей для «удаленного» пользования. Та или иная статья может быть доступна в сети интернет, интересующие исследователя страницы монографии могут быть сфотографированы, что позволяет обращаться к ним в любое время и т.д. Необходимость составления конспекта просто отпала. Однако еще 20-30 лет назад без умения конспектировать обойтись было трудно; без цифровых фотоаппаратов, смартфонов, сети интернет у учащихся и исследователей фактически не было других возможностей для того, чтобы «сохранить» важный материал, кроме как кратко перенести его содержание на бумагу в виде конспекта. В этой связи, овладение техникой конспектирования считалось тем мастерством, которому необходимо было учиться.

В брошюре «Повышать идейность и эффективность партийной учебы», изданной Домом политического просвещения Удмуртского обкома КПСС, была

---

¹ ЦДНИ УР. Ф. 5014. Оп. 1. Д. 321. Л 4.

помещена статья В.Е. Майера, посвященная методике конспектирования¹. В ней, на примере работы с произведениями В.И. Ленина, историк рассмотрел основные принципы составления конспекта и продемонстрировал, какую роль он отводил этому виду работ. Остановимся на этом подробнее.

«Конспектировать, – писал В.Е. Майер, – значит извлечь из изучаемого произведения важнейшие мысли, формулируя их своими словами ли цитируя дословно»². Конспект для его автора должен стать индивидуальным пособием, которым он может пользоваться по-разному, в зависимости от стоящих перед ним задач. Профессор В.Е. Майер подчеркивал, что умение составлять конспект может быть полезно широкому кругу специалистов. Пропагандист, преподаватель, лектор нуждаются в конспекте, который служил бы им наиболее эффективно при написании лекции, реферата, доклада или наилучшим образом мог быть использован в ходе проведения занятия. Для партийных работников, журналистов, писателей, ученых конспект будет наиболее полезен в практической работе и теоретической деятельности³.

В.Е. Майер отдельно отмечал, что конспект, являясь, безусловно, индивидуальным творением его составителя, не может быть составлен без следования определенным канонам. Умение конспектировать, по мнению историка, свидетельствует об определенной дисциплине ума, внутренней собранности и целенаправленности характера, т.е. о чертах, которые формируются в ходе воспитания, а значит, нуждаются в активном воздействии⁴.

Приводя в качестве примера методику конспектирования, использованную В.И. Лениным, В.Е. Майер дал несколько советов начинающим лекторам. В частности, он писал, что конспект обязательно должен быть аккуратно оформлен, поскольку это позволит при необходимости вносить в него правки и дополнения; прослужить такое пособие может всю жизнь. В конспекте необходимо указывать

---

¹ Майер В.Е. Как научить конспектировать произведения В.И. Ленина // Повышать идейность и эффективность партийной учебы. Ижевск, 1969. С. 70-79.

² Там же. С. 70.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 70-71.

не только название и автора изучаемой работы, но и ее выходные данные (издание, год и т.п.). Рабочее пространство листа делится на две неравные части, в большей из которых излагаются извлеченные из произведения мысли, в меньшей — указывается план, записываются свои замечания, ставятся знаки и т.п. В качестве условных обозначений, применимых в конспектировании, Майер рекомендовал те, что использовались В.И. Лениным: извилистая линия, подчеркивание, в т.ч. двойное и тройное, восклицательный и вопросительные знаки, а также некоторые другие¹. Все это, по мысли ученого, должно было способствовать выделению ключевых мыслей и, в конечном итоге, повышению качества работы с конспектом.

В.Е. Майер уделял огромное внимание лекторской работе как педагогического плана, так и общественно-просветительского, а его мастерство в этом аспекте отмечали ученики и коллеги. Однако исследователь сталкивается с тем, что в связи с отсутствием соответствующих фоно-и видеоисточников, он вынужден анализировать лекционную работу историка исключительно по материалам текстов лекций и источников личного происхождения, прежде всего, воспоминаниям. Поэтому выводы, к которым приходит исследователь, относятся к особенностям тематики лекционной работы и пониманию ее места в творчестве ученого. В связи с этим, мы должны отметить, что для В.Е. Майера лекция, по какой бы теме она ни была, для какой бы аудитории она бы ни читалась, была важнейшим инструментом работы, поэтому ее подготовка осуществлялась самым тщательным образом. Скрупулезный анализ материала, составление плана и конспекта занятия, актуализация лекции в зависимости от аудитории вкупе с грамотной подачей материала (которая может быть осуществлена только при уверенном владении темой и знании педагогики и психологии) — вот тот перечень требований, которые Василий Евгеньевич предъявлял и к себе, и к будущим лекторам. Подобное отношение к лекции, действительно строгое, проистекало из ее признания В.Е. Майером важнейшим средством обучения, воспитания и пропаганды.

---

¹ Майер В.Е. Как научить конспектировать произведения В.И. Ленина // Повышать идейность и эффективность партийной учебы. Ижевск, 1969. С. 73.

4.3. Деятельность В.Е. Майера на посту депутата Индустриального районного совета г. Ижевска

Трудовой стаж Василия Евгеньевича Майера в стенах УГПИ–УдГУ составил почти 40 лет. За время его работы здесь дирекции вуза неоднократно приходилось выдавать историку разного рода характеристики для предоставления их в те или иные структуры и инстанции. По большей части это однотипные документы, информация в которых зачастую дублировалась, однако одна из характеристик нам показалась чуть более примечательной, чем остальные. Речь идет о том, что в ней среди положительных черт историка отмечаются не только его учебно-воспитательная деятельность как заведующего кафедрой всеобщей истории и не только его научно-исследовательские разработки, но и «большая общественная работа», которую он выполняет, в качестве депутата Индустриального районного совета г. Ижевска. «К своим депутатским обязанностям относится с большой ответственностью, систематически встречается с избирателями, правильно реагирует на их просьбы, находится в курсе вопросов жизни района и города», – сообщалось в характеристике¹.

Поставленная перед нами исследовательская задача анализа общественной деятельности В.Е. Майера в Удмуртской АССР в 1940–1980-е гг. побуждает нас к тому, чтобы подвергнуть анализу эту сферу приложения гражданской активности ученого². Она представляется важной не только потому, что деятельность на посту депутата районного совета выходит за рамки более привычного для нас представления о В.Е. Майере как, прежде всего, преподавателе университета и, как следствие, об общественной работе, выполняемой им в стенах УГПИ–УдГУ. Но и потому, что в опубликованных материалах, посвященных жизненному и научному пути ученого, в лучшем случае, упоминается либо о том, что В.Е. Майер занимал пост депутата, либо, что гораздо чаще, вовсе не говорится об этом.

---

¹ Архив УдГУ. Оп. 2в. Д. 3677. ЛЛ. Л. 26.

² Шишкина Н.Г., Туркевич, А.Л. Профессор-депутат: общественная деятельность советского историка (на примере В.Е. Майера) // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 371–374

Анализ деятельности В.Е. Майера в качестве депутата районного совета позволит нам сформировать представления об обязанностях, которые он выполнял, о роли, которую играло для него депутатство, оценить степень гражданской и политической ответственности историка, а также то, каким образом, отмечавшиеся современниками черты характера ученого находили здесь свое отражение. Основным источником, содержащим информацию о пребывании на депутатском посту В.Е. Майера, являются сведения, содержащиеся в архивном отделе Администрации муниципального образования «Город Ижевск»¹.

«Сталинская» Конституция СССР 1936 г., являвшаяся основным законодательным актом в период исполнения В.Е. Майером депутатских обязанностей, декларировала, что вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся². Иерархия Советов выстраивалась от высших органов государственной власти – Верховного Совета СССР, к местным (в который входил и В.Е. Майер) – Советам краевым, областным, автономных областей, окружным, районным, городским, сельским³.

Согласно Конституции РСФСР на депутатов возлагались функции руководства культурно-политическим и хозяйственным строительством, установлении местного бюджета, руководства деятельностью подчиненных органов управления, обеспечение охраны государственного порядка, содействие усилению обороноспособности страны, обеспечение законов и охрана прав граждан⁴. Выполнение столь масштабных задач требовало от депутата, пусть даже районного уровня, определенных знаний и ответственности. «Чтобы депутат мог успешно выполнять свои обязанности, – писал Л.А. Соковиков, – он должен быть хорошо осведомлен о жизни не только избирательного округа, но и всего района, города, села, поселка. Ему необходимо знать местную экономику, ход выполнения народнохозяйственных заданий, планов социально-культурного строительства, перспективы развития города, <...> состояние коммунального хозяйства и бытового обслужи-

¹ См. АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1.

² Конституция СССР. 1936. Гл. I. Ст. 3.

³ Конституция СССР. 1936. Гл. VIII. Ст. 95.

⁴ Конституция РСФСР. 1937. Гл. VIII. Ст. 79.

вания населения. Ему надо быть в курсе того, как удовлетворяются нужды и потребности населения в области торговли, здравоохранения, социального обеспечения, транспорта, связи, народного образования и культуры»¹. Л.А. Сокоиков представил, безусловно, идеализированный образ депутата, но нужно понимать, что В.Е. Майеру по мере сил приходилось им соответствовать.

В Ижевске второй половины 1960-х гг. действовали городской Совет и четыре районных Совета депутатов трудящихся. Число депутатов было значительно: по итогам выборов 1975 г. в Ижевске насчитывалось 1369 депутатов разного уровня². Василий Евгеньевич Майер четырежды избирался на должность депутата Индустриального райсовета на выборах десятого – тринадцатого созывов, последовательно в 1965, 1967, 1969 и 1971 годах³ по четырем разным избирательным округам (Сибирскому, Крымскому, Пионерскому и Шолоховскому соответственно). Мы должны отметить, что под ведомством конкретного депутата районного совета в Ижевске находилось весьма небольшое избирателей. Сам город, насчитывавший тогда около 420 тысяч жителей, был разделен на 4 района, и только в одном лишь Индустриальном, по которому баллотировался В.Е. Майер, по данным на 1969 г. насчитывалось 162 (!) избирательных округа. Избирательные округа объединялись в чуть более крупные избирательные участки, на которых, собственно, и проводилось голосование⁴. Подобная дробность округов позволяла депутату ближе вникать в проблемы конкретного, закрепленного за ним района и его жителей. В целом, по Ижевску в избирательный округ входило от 100 до 1000 человек, обладавших правом голоса; среднее число – 300-350 человек.

Депутаты районных советов выдвигались на этот пост от организаций и коллективов граждан. Не случайно, каждый из будущих народных избранников перед выборами обязан был написать соответствующее заявление, в котором указывал, что он «выражает согласие» на то, чтобы стать депутатом районного совета. Не был освобожден от этой процедуры и Василий Евгеньевич, выдвигавшийся в де-

¹ Сокоиков Л.А. Контроль и проверка исполнения. Ижевск, 1979. С. 29.

² Бахина В.И. Советы – органы народовластия. Ижевск, 1975. С. 48.

³ Там же. С. 80.

⁴ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 51.

путаты от Удмуртского пединститута (а в 1965 г. и от «работников кинопроката»). Так, 15 февраля 1969 г. он написал заявление в Пионерскую окружную избирательную комиссию №10 по выборам в Индустриальный районный совет депутатов трудящихся г. Ижевска, в котором сообщал, что согласен с тем, чтобы быть избранным, благодарил «коллектив рабочих, служащих и студентов УГПИ за высокое доверие» и обещал с честью это доверие оправдать¹. Уже через 5 дней, 21 февраля 1969 г., Василий Евгеньевич был утвержден как кандидат в депутаты районного совета². Таким же образом развивалась ситуация и в 1965, 1967 и 1971 годах: выдвижение от Пединститута, подтверждение кандидата, утверждение избирательной комиссией.

В выборах, проводившихся 16 марта 1969 г., Василий Евгеньевич баллотировался по Пионерскому избирательному округу, включавшему в себя дома, находившиеся вблизи Пединститута. В.Е. Майер был выбран практически единогласно: за его кандидатуру проголосовали 375 из 378 избирателей (по данным другого протокола 367 из 370³). Конечно, мы не должны забывать о том, что выборы в Советском Союзе на всех уровнях власти были безальтернативными: избирателю предлагался лишь один кандидат, за которого он мог отдавать или не отдавать свой голос. Тем не менее, свидетельства того, что электорат отказывался выбирать предложенную фигуру, были далеко не единичными. Даже беглый анализ надписей на избирательных бюллетенях⁴, оставленных в день выборов в 1969 г., демонстрирует существование практики голосования «против», и часто это было связано с фигурой конкретного кандидата: «не выполняет своих обязанностей», «не знакома с ним, выбрать не буду» и т.п.⁵ Таким образом, мизерные 0,8 % избирателей, не проголосовавших за В.Е. Майера в 1969 г., могут свидетельствовать о том, что для большинства из них кандидат был фигурой, достойной быть из-

¹ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 81. Л. 10.

² АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 71. Л. 10.

³ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 83. ЛЛ. 10, 10 (об); АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331, Оп. 1, Д. 84. ЛЛ. 10., 10 (об).

⁴ Весьма своеобразный и уникальный в некотором роде вид исторического источника. Является ярким и показательным срезом общественного мнения граждан того времени, в котором он был создан. Отражает их умонастроения, политическую ситуацию в стране и т.п.

⁵ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 80. ЛЛ. 224-260.

бранной. В 1967 и 1971 годах процент голосовавших за В.Е. Майера был еще более высоким: 1019 голосов из 1020 (в Индустриальном районе это был вообще самый крупный участок в ходе избирательной кампании того года) и 453 из 453 соответственно¹. Лишь в 1965 г., избираясь впервые на пост депутата, В.Е. Майер показал несколько более слабые результаты: 399 голосов от 403 пришедших на участок избирателей, хотя, как мы понимаем, это прекрасный показатель².

Принцип выдвигаемости кандидатур от организаций и предприятий зачастую играл негативную роль в плане активности, ответственности и работоспособности депутатов. Навязанное, в определенной мере, депутатство для многих становилось обузой: не получая каких-либо ощутимых прав и привилегий, избранники зачастую манкировали свои прямыми обязанностями, то есть собраниями внутри депутатских групп, встречами с жителями «подшефного» района для обсуждения их первичных просьб и пожеланий. Не случайно, при подведении итогов работы депутатов в 1969 г. в актив (т.е. в число тех, кто ответственно подходил к выполнению своих обязанностей) попало лишь около 50 % от общего числа народных избранников. Отметим, что в ряды актива попал и В.Е. Майер³.

Большое значение для понимания той роли, которую играл В.Е. Майер на посту депутата райсовета, имеет анализ выполняемых им обязанностей, которые были весьма разнообразны и видоизменялись в зависимости от срока занимания должности. 22 марта 1965 г. на первой сессии Индустриального районного совета депутатов десятого созыва В.Е. Майер был избран в состав постоянной бюджетной комиссии. На первый взгляд, подобное назначение вызывает некоторое недоумение: почему специалист-гуманитарий, преподаватель института становится членом не комиссии по образованию, но бюджетной? По-видимому, мы должны принять во внимание то обстоятельство, что более 66 % от всех избранных были из числа рабочих и инженерно-технических работников, а процент лиц с высшим образованием был крайне мал⁴.

¹ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 52. Л. 14. АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 111. Л. 27.

² АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 28. Л. 91.

³ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 75. Л. 59.

⁴ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

Рассмотрим на основании конкретных примеров мероприятия, осуществленные В.Е. Майером в рамках работы бюджетной комиссии. В план работы комиссии на II квартал 1965 г. была внесена «проверка клуба завода им. В.И. Ленина по организации работы с кинозрителями», ответственным за проведение которой выступил именно Василий Евгеньевич. По ее итогам он представил подробный отчет, в котором отметил и положительные стороны в его работе (грамотный подбор фильмов для детской аудитории, наличие своего актива, организация мероприятий по привлечению зрителей и т.п.), и отрицательные (слабое состояние дел с подбором картин для взрослого населения, факты отмены сеансов без предварительного предупреждения клиентов и др.). Справка, написанная рукой В.Е. Майера, включает в себя 10 пунктов, отражающих помимо, собственно, анализа деятельности киноклуба и некоторые практические советы по улучшению его работы: «было бы целесообразно демонстрировать лучшие фильмы осенью и зимой, когда имеется большой наплыв зрителей, но на практике получается так, что кинопрокат дает лучшие картины на май и последующие месяцы», когда основная масса потенциальных клиентов занята в огородах и садах¹. В целом, отчет представляет собой довольно подробный и грамотно оформленный документ, оставляющий впечатление о его составителе как об ответственном и добросовестном депутате.

Подобным образом была выполнена проверка состояния бытового обслуживания в Индустриальном районе, т.е. инспектирование ателье, мастерских по ремонту обуви, парикмахерских и т.д. «Депутаты, проверявшие объекты бытового обслуживания, беседовали с руководителями комбинатов, начальниками цехов, с мастерами, передовиками производства, приемщиками и частью рабочих, осматривали помещения и рабочие места, проверяли документацию, книги жалоб, интересовались мнением заказчиков», – записал в своем отчете В.Е. Майер. Как и в справке, касающейся деятельности киноклуба, он подробен и даже дотошен: помимо цифр и процентов, отражающих степень выполнения плана, В.Е. Майер по

---

¹ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 27. Л. 5.

пунктам расписывает достоинства и недостатки инспектируемых объектов. Заметим, что последние в документе отчетливо преобладают¹.

Кроме того, в обязанности В.Е. Майера как члена бюджетной комиссии входили и собственно финансовые проверки, в частности по расходованию средств школами г. Ижевска. И если в случае со школой № 44 было установлено (через проверку бухгалтерских отчетов, беседы с директором школ, учащимися и их родителями), что отпущенные средства расходуются в соответствии со сметой и злоупотреблений нет, то со школой № 24 ситуация обстояла иначе. В справке от 20 октября В.Е. Майер записал: «За 9 месяцев перерасход наблюдается по 12-й статье на 66 рублей и по статье 5-й на 1437 рублей. Плановые наметки по спецсмете не выполнены, т.к. новые мастерские не введены в эксплуатацию из-за несоблюдения обязательств строительства. <...> Расходуются средства по статьям спецсчета, не предусмотренных по плану»².

Для нас, безусловно, важны не столько сами цифры, проценты и выкладки, представленные В.Е. Майером в своих справках в рамках деятельности в бюджетной комиссии, сколько подход, с которым он отнесся к возложенным на него обязанностям. Отчеты, которые он предоставил – полные, конкретные и не формализованные. Обращает на себя внимания тот факт, что лишь в случае со школой № 44 В.Е. Майер обошелся без критики в адрес инспектируемых им объектов образования и бытового обслуживания. Эти документы могут служить прекрасным свидетельством личных качеств ученого, проявляемых на не совсем привычном для него поприще: ответственности, внимательности, заинтересованности в результатах своего труда и убежденности в том, что проводимая им работа послужит на благо обществу.

В 1969 г. по результатам одного из собраний с избирателями, в котором принимал участие и В.Е. Майер, были приняты следующие постановления: организовывать встречи жителей и депутатов для решения вопросов по охране общественного порядка; провести проверку ряда магазинов с целью анализа ассортимента

---

¹ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 48-53.

² Там же. Л. 23.

товаров; отремонтировать пункт приема стеклотары; организовать дежурство депутатов при клубе «Юность»; отремонтировать две спортплощадки; ликвидировать пивной ларек возле пединститута и т.п.¹ Сложно сказать насколько в дальнейшем выполнялись эти предписания, но, по крайней мере, одно из них и в самом деле возымело действие – был подготовлен сводный график дежурства жителей и депутатов возле клуба «Юность». Для нас важен тот факт, что в число дежурных попал и В.Е. Майер, которому выпало нести вахту вечером 12 декабря 1969 г. Сейчас довольно трудно себе представить, чтобы немолодой уже преподаватель института или университета, тем более «обремененный» званиями и регалиями (напомним, что в 1969 г. Василий Евгеньевич был уже доктором наук и утверждение его в должности профессора оставалось лишь делом времени) не находил для себя вечерне-ночное дежурство у клуба ниже своего достоинства. Тем не менее, факт остается фактом, а практика подобных дежурств была не единичной для В.Е. Майера: как минимум (мы должны понимать, что архивные документы могли сохранить далеко не все свидетельства деятельности депутатов райсоветов) он принимал в них участие еще раз, осенью 1970 г.² Будучи депутатом, В.Е. Майер не только выполнял разного рода «прямые» и конкретные действия, но и был ответственным за проведение мероприятий, за которые ратовали избиратели. Так, например, в 1970 г. на его плечи легла организация посадок деревьев и кустарников около ряда домов по улицам Лихвинцева и Советской³. В целом же, между депутатом и избирателями устанавливались весьма деловые отношения: проходили встречи, регулярность которых определялась индивидуально, где высказывались обоюдные пожелания и предложения. Кроме того, Василий Евгеньевич, как и другие избранники, был обязан отчитываться в конце календарного года о ходе своей работы на депутатском посту перед жителями района. Для этих целей составлялся специальный график, утвержденный председателем Индустриального райисполкома, в котором указывалось время, место и сроки проведе-

¹ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 75. Л. 58.

² Там же. Л. 119

³ Там же. Л. 109.

ния этого мероприятия. Результатами таких собраний и встреч были «наказы», которые депутаты передавали все тому же председателю Индустриального райисполкома. В декабре 1971 г. В.Е. Майер в соответствующем документе писал: «Наказ избирателей по 25 избирательному округу. Во время моего отчета 01.12.1971 г. перед избирателями <...>, на котором присутствовало около 80 избирателей, единогласно просили поставить светофор по улице Удмуртской между двумя зданиями пединститута»¹.

Таким образом, мы можем сделать некоторые общие выводы об этой сфере общественной работы профессора Майера. Во-первых, важно понять, что его выдвижение от Удмуртского пединститута уже является свидетельством того, что здесь он являлся действительно уважаемой фигурой, авторитет которой признавался коллективом «рабочих, служащих и студентов УГПИ», ратовавших за то, чтобы пост занял действительно достойный кандидат. Не случайно, что в числе депутатов горсовета (должность на одну ступеньку выше районного депутата) был доцент Михаил Павлович Бабин, ректор пединститута.

Во-вторых, значимым представляется то, что В.Е. Майер не отказался от того, чтобы занять этот пост, хотя, наверное, имел к этому немало оснований и возможностей, сославшись на чрезвычайную занятость преподавательской деятельностью, научные разработки и т.п. Более того, о его искренней заинтересованности в исполнении возложенных на него обязанностей свидетельствует то, что он четырежды соглашался быть депутатом районного совета, не ограничившись одним сроком.

В-третьих, мы можем говорить об ответственности, с которой Василий Евгеньевич относился к возложенным на него обязанностям: с одной стороны, он регулярно посещал встречи депутатских групп, был их активным участником, а с другой, внимательно выполнял те поручения, которые возлагались на него избирателями. По воспоминаниям самого Василия Евгеньевича активным пропагандистом он стал уже в годы Великой Отечественной войны, когда на него огромное

---

¹ АО АМО «Город Ижевск». Ф. 331. Оп. 1. Д. 106. Л. 27.

впечатление произвела политическая и воспитательная деятельность ВКП(б). Находясь в Удмуртии в 1942–1944 гг., он читал лекции по международной политике среди жителей республики в тех районах, где ему доводилось работать, а также вел агитпропаганду среди немецких военнопленных¹. После войны, в Ижевске, он продолжил агитационную работу, на этот раз – как представитель будущих депутатов (тех самых, к числу которых он примкнет в 1960–1970-е гг.), организуя встречи и беседы с избирателями и пр.² Говоря о том, почему В.Е. Майер внимательно и ответственно подходил к исполнению депутатских обязанностей, почему он, доктор исторических наук, без пяти минут профессор не считал ниже своего достоинства занимать должность, которая на 90 процентов состояла из выслушивания бесконечных жалоб избирателей на грязь на дорогах, отсутствие горячей воды, очереди в магазинах, отсутствие тех или иных товаров или просьб о благоустройстве территорий дворов, об организации сушилок для белья, о проведении субботников и т.п., мы должны помнить о том, что прибыв после войны в Ижевск, он и сам с молодой женой оказался ровно в тех же условиях, о которых говорили его избиратели, помнить о том, что и 20 лет спустя условия его проживания нельзя было назвать барскими, и сталкивался с теми же проблемами, что и жители «подотчетных» ему районов³. Василий Евгеньевич прекрасно понимал наказы избирателей и то, какую роль может сыграть выполнение хотя бы части из них.

В.Е. Майер, профессиональный историк, большую часть жизни посветил педагогической и научной работе. Еще в годы учебы в Московском государственном университете в нем совершенно явно обнаружились и способности, и желание к подлинно исследовательской работе, которой, на наш взгляд, он отдавал предпочтение более всего прочего. Вместе с тем, значительное место в жизни ученого занимала общественно-просветительская деятельность. Более того, мы

¹ Майер В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 191.

² Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 17.

³ Там же. С. 22–35.

должны отметить, что огромный, удивительно разнообразный массив общественных обязанностей, которые выполнял В.Е. Майер, историк возлагал на себя сам. Однако, имеющиеся в нашем распоряжении источники¹ (это, прежде всего, письма Василия Евгеньевича к жене и коллегам) отчетливо демонстрируют, что разного рода административные и общественные обязанности зачастую воспринимались им как обуза, досадные препятствия, мешавшие заниматься действительно любимым делом. С чем связана подобная «непоследовательность»: с одной стороны, явное стремление к научной работе (при явном же понимании того, что «посторонние» обязанности скажутся исключительно негативно на ее продуктивности), а с другой, совершенно осознанное принятие и взваливание на себя разнонаправленной общественной работы? На наш взгляд, следует говорить о двух основных причинах названного противоречия. Первая – это то, что можно назвать «гражданской ответственностью». В.Е. Майер был убежден, что он как гражданин, историк, коммунист не может оставаться в стороне от выполнения общественной работы, которую он считал своим долгом. Вторая причина более «приземленная». Как отмечала Б.П. Сысоева, в первые послевоенные годы положение Василия Евгеньевича в УГПИ было шатким, к нему было приковано внимание общественности². Сложное правовое положение немцев в Советском Союзе после Великой Отечественной войны, о котором мы писали в первой главе настоящей работы, буквально вынуждало В.Е. Майера использовать любую возможность быть полезным – выступать с лекциями, ездить «на картошку» и т.д. – для того, чтобы поддержать свое «шаткое положение». В дальнейшем, смягчение правового положения должно было сместить акценты в общественной работе с точки зрения добровольности ее исполнения. Однако тот факт, что активной общественной деятельностью В.Е. Майер продолжал заниматься и в 1970-е, и 1980-е гг., по нашему мнению, свидетельствует о главенстве гражданской ответственности среди иных причин, побуждавших эту деятельность.

¹ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 224-231.

² Там же. С. 15-16.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании впервые была предпринята попытка создания «персональной истории» Вильгельма (Василия) Евгеньевича Майера – советского ученого-историка, педагога и общественного деятеля, оказавшего значительное влияние на развитие исторической науки и высшего образования в Удмуртии. Уже становившийся объектом внимания исследователей, профессор Майер рассматривался ими, в первую очередь, как медиевист, специалист по аграрной истории средневековой Германии. Однако с опорой на достижения микроистории, целью настоящей работы было определено создание целостного портрета В.Е. Майера, который включил в себя не только его научную деятельность, но и не анализировавшиеся ранее аспекты биографии, меры по организации высшего образования в Удмуртской АССР и разнообразную общественно-просветительскую работу. При этом указанные сюжеты рассматривались в историческом контексте: как яркий, но вместе с тем типичный представитель своего времени, В.Е. Майер и его деятельность стали прекрасной демонстрацией истории эпохи, в которую он жил. Подобное определение предмета исследования потребовало привлечение широкого круга источников – в работе были использованы материалы 10 фондов 5 архивов и музеев, а также значительное число материалов личного происхождения.

Последовательное решение поставленных задач позволило воссоздать хронологию первых 30 лет жизни В.Е. Майера, которые во многом предопределили его дальнейшую судьбу и характер деятельности. Особенности воспитания в семье и советской школе значительно повлияли на формирование мировоззрения будущего ученого. С одной стороны, они заложили в нем интерес к обучению и истории, активную жизненную позицию, с другой, – устойчивую убежденность в коммунистических и атеистических идеалах. Тематика научных исследований была продиктована наличием объективных сильных сторон у В.Е. Майера: свободным владением немецким языком, в том числе и средневековым, а также знанием крестьянской жизни, что определило его интерес к аграрной истории.

Огромное влияние на «удмуртский» период (1942–1985 гг.) в биографии В.Е. Майера оказал весь его предшествующий жизненный опыт. Годы учебы на историческом факультете Московского государственного университета (1937–1941, 1945 гг.) решающим образом воздействовали на него в плане выбора последующей деятельности (педагогическая и научная работа), ориентированности на высочайшие стандарты ее осуществления, выработки активной гражданской позиции – понимание неотделимости исторической работы от общественно-просветительской.

Начало Великой Отечественной войны и последовавшее за ней законодательное ущемление прав немецкого населения на территории Советского Союза, привело к тому, что В.Е. Майер на десятилетия оказался поневоле «привязанным» к территории Удмуртской АССР, где сформировались границы поля его последующей деятельности. Однако сам факт того, что в столь сложных условиях В.Е. Майер начал и успешно развил новую для отечественной науки тему исторических изысканий, продемонстрировал наличие незаурядных личных качеств и таланта исследователя. Годы Войны не изменили его убеждений: по ее окончании Василий Евгеньевич остался верен педагогическому призванию, остался осознанным коммунистом и атеистом, несмотря на то, что он тяжело переживал ограничения, налагавшиеся на него существующим законодательством.

Наиболее значительных успехов В.Е. Майер добился в сфере изучения истории средневековой Германии. Проявив себя как блестящей мастер источниковедческой работы, проведя анализ различных сфер сельского хозяйства (виноградарства, овцеводства, выращивания вайды и др.), социальной и идеологической борьбы, взаимоотношений города и деревни, а также грамотную историографическую работу, в своих исследованиях он раскрыл основные особенности социально-экономической жизни немецкой деревни XIV–XVI вв. Широкий научный кругозор профессора Майера позволил ему эффективно исследовать не только проблемы германской истории, но и истории своей второй родины, Удмуртии.

В Удмуртском государственном университете В.Е. Майер проявил себя как талантливый организатор исторического образования. Итогом анализа его деятельности как заведующего кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ стало определение заслуг ученого в области организации высшего образования в стенах университета. В ходе работы был проведен анализ особенностей преподавания и организации кадрового обеспечения дисциплин всеобщей истории в 1931–1964 гг., т.е. до того времени, когда В.Е. Майер возглавил кафедру. Изучение в исторической динамике проблем преподавания всеобщей истории в УГПИ–УдГУ позволило оценить характер и уровень новаций, привнесенных профессором Майером в методику преподавания, в подготовку педагогических кадров и организацию научной работы. Опережая многих коллег по вузу, Василий Евгеньевич уже в середине 1960-х гг. стремился в преподавании истории переориентироваться от строго педагогического уклона к его гармоничному совмещению с исследовательской деятельностью и, соответственно, подготовке специалистов, готовых заниматься научной работой. Таким образом, еще до реорганизации Пединститута В.Е. Майер начал переориентацию педагогической работы своих коллег на вузовские стандарты и соответствующую подготовку студентов.

Иллюстрацией успешности выбранного В.Е. Майером подхода стало формирование школы специалистов-историков на базе кафедры всеобщей истории УГПИ–УдГУ. Школа в широком смысле, применительно к деятельности профессора Майера, была охарактеризована как научно-педагогическая, поскольку ее формальные и неформальные члены разделяли и развивали в дальнейшем не только его научные интересы, связанные со средневековой германистикой, но и принципы, подходы и методы в организации педагогической работы.

Научная деятельность В.Е. Майера включала и организаторскую составляющую, которую он реализовывал как проректор по научной работе УдГУ. Здесь историк пошел по пути распространения «кафедральных» принципов деятельности на вуз в целом. Начавшаяся в 1972 г. коренная перестройка педагогического института в классический университет во многом определялась именно развитостью

научной деятельности, которая в предыдущие десятилетия фактически находилась на нулевом уровне. Благодаря активному и квалифицированному руководству В.Е. Майера в этом направлении стала возможной подготовка базы для дальнейшего развития Университета как мощного научного центра Удмуртской Республики.

Среди инициатив В.Е. Майера можно выделить, прежде всего, реорганизацию студенческой научной работы. Основной целью, которую преследовал историк, было полноправное участие студентов, уже с первого курса, в научной жизни вуза. Это позволило создавать новые и поддерживать уже существующие научные школы, расширять сферу исследований, эффективно внедрять полученные достижения на производство, в практику и т.п. Помимо этого, обращает на себя внимание инициатива В.Е. Майера выделить отдельное здание для научной библиотеки Университета, что позволило бы вывести ее работу на принципиально новый уровень. Это начинание прошло испытание временем и доказало свою состоятельность, хотя и было осуществлено спустя 40 лет.

Комплексный портрет В.Е. Майера не мог быть полным без анализа его общественно-просветительской деятельности, которой он занимался на протяжении всего «удмуртского» периода. Рассмотрев его административную и организаторскую работу в составе общественных организаций, на посту депутата Индустриального райсовета г. Ижевска, а также особенности лекционной пропаганды, которой В.Е. Майер придавал большое значение, можно сделать вывод, что она была удивительно разнообразна. Василий Евгеньевич проявил себя как грамотный лектор и автор публицистических статей, он ответственно и инициативно подходил к возлагавшимся на него обязательствам. Свою задачу он видел в просвещении населения: заложенные еще в годы учебы в МГУ требования к историку не только как к учителю, но и как к лектору-пропагандисту, В.Е. Майер сохранил до конца жизни. При этом было бы неправомерно утверждать, что его общественная работа была революционна или принципиально нова. Нет, но она была масштаб-

на, квалифицирована, отвечала требованиям времени, была востребована и, во многом, образцова для его коллег.

Изучение этих аспектов деятельности В.Е. Майера представляет интерес и в том плане, что через отношение историка к общественной работе удалось составить представление о его личных качествах, убеждениях, гражданской позиции, понять его систему ценностей. Кроме того, рассматривая эту деятельность как типичную для своего времени, мы получили представление о том, что такое советская интеллигенция в лучшем смысле этого слова.

Василий Евгеньевич Майер стал знаковой фигурой для Удмуртского государственного университета и для Удмуртии в целом. Воспитавший не одно поколение учеников, он стал примером для них как человек, ученый и педагог. Его принципы организации педагогической и научной работы для УГПИ–УдГУ во многом стали инновационными. Преподавание дисциплин всеобщей истории, благодаря усилиям В.Е. Майера, было поднято на действительно высокий для регионального университета уровень. Его достижения в области изучения средневековой Германии были по достоинству оценены коллегами СССР и ГДР. И сегодня В.Е. Майер остается в анналах отечественной науки, памяти коллег и учеников, прежде всего, как историк-медиевист, специалист по истории аграрных отношений позднесредневековой Германии.

Вместе с тем, В.Е. Майер был типичным человеком своего времени. Его биография и его деятельность стали ярким отражением явлений и событий советской эпохи. Отношение Советского государства к религии, события Великой Отечественной войны, процесс формирования системы высшего образования в СССР, создание и развитие многочисленных общественных организаций и многое другое, без чего немислимо представление о Советском Союзе, нашло свое отражение в жизни профессора Майера. Атеистическое воспитание в семье и советской школе – яркая черта эпохи. Оно было настолько «эффективным», что Василий Евгеньевич пронес свое убеждение через всю жизнь: первый опыт его атеистической пропаганды относится еще к школьным годам, а последняя публикация на эту те-

му вышла за несколько дней до смерти ученого. То же самое можно сказать и об искренней коммунистической убежденности ученого: сформировавшееся в юношеские годы мировоззрение не было поколеблено ни репрессиями, затронувшими его семью, ни законодательством военных и первых послевоенных лет, серьезно ограничивших его права. Несмотря на то, что Василий Евгеньевич тяжело переживал свою ущемленность, для него стало значительным событием принятие в 1961 г. в члены КПСС, осуществление еще студенческой мечты. Как ученый-историк В.Е. Майер был убежденным сторонником марксистского подхода, что нашло свое отражение фактически во всех научных работах ученого. Работа Василия Евгеньевича в составе общественных организаций – это тоже отличительная черта эпохи, в которую он жил. Ученый был уверен в том, что его задача – это не только преподавание в вузе, но и постоянная просветительская и пропагандистская работа с населением, которую он не может игнорировать.

Незаурядная личность, талантливый ученый и педагог, активный общественный деятель – Василий Евгеньевич Майер с полным основанием может считаться «человеком второго плана в истории». Деятельность профессора Майера не выдвинула его в первые ряды исторических акторов, но она оказала значительное влияние на те сферы, в которых он был вовлечен. Яркий, но вместе с тем типичный представитель времени, своей биографией и деятельностью он отразил более чем полувековой период жизни нашей страны.

Говоря о перспективах дальнейших исследований, отметим, что важной остается задача поиска и введения в научный оборот новых источников, отражающих биографию В.Е. Майера. Прежде всего, речь идет о периоде обучения на историческом факультете Московского государственного университета, его взаимоотношениях с учителями и коллегами, возможном определении будущих сфер деятельности.

Важной для исследования представляется проблема коммуникации советских ученых-историков. В.Е. Майер был активно вовлечен в научную жизнь страны, регулярно поддерживал контакты с ведущими специалистами как Москвы и Ле-

нинграда, так и региональных центров, поэтому анализ деятельности Василия Евгеньевича как одного из участников этой коммуникации может расширить представление о ней в целом, в масштабе страны.

Кроме того, интерес представляет сравнительный анализ проблем развития исторического образования в региональных вузах Советского Союза, выявление типичного, присущего рассматриваемой эпохе, и уникального, которое может быть обнаружено для каждого из объектов изучения. Это позволит расширить представление о формировании в России системы высшего исторического образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Неопубликованные источники

Центральный государственный архив Удмуртской Республики

1. Фонд 363. Христорождественная церковь с. Нылга-Жикья Сарапульского уезд. Вят. губернии.

Оп. 1. Д. 28.

2. Фонд 400. Рождество-Богородицкая церковь с. Муки-Какси Малмыжского уезд. Вят. губернии

Оп. 1. Д. 24.

3. Фонд р-1152. Удмуртское отделение Общества «Знание»

Оп. 1. ДД. 2, 4, 5, 13, 17, 20, 25, 26, 27, 30, 38, 56, 74, 83, 138, 223, 338, 377, 381, 386.

4. Фонд р-1282. Удмуртский государственный педагогический институт

Оп. 2. ДД. 8, 17, 43, 53, 66, 71, 81, 82, 147, 227, 249, 291, 313, 336, 354, 378, 405, 407а, 429, 455, 456н, 479, 510, 538, 564, 589, 705.

5. Фонд р-1550. Удмуртский государственный университет.

Оп. 1. ДД. 2, 4, 5, 20, 35, 66, 115, 154, 155, 173, 198, 225, 226, 227, 243, 257, 302, 303, 304, 1615, 1756.

Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики

6. Фонд 176. Удмуртский государственный университет

Оп. 1. ДД. 5, 7, 8, 27, 30, 42, 48.

7. Фонд 5014. Вильгельм (Василий) Евгеньевич Майер.

Оп. 1. ДД. 1, 7, 94, 104, 164, 165, 166, 167, 169, 171, 173, 191, 252, 321, 343.

*Архивный отдел Администрации муниципального образования
«Город Ижевск»*

8. Фонд 331. Материалы деятельности депутатов Индустриального райсовета г. Ижевск.

Оп. 1. ДД. 24, 27, 28, 51, 52, 71, 75, 80, 81, 83, 84, 106, 111.

Архив ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

9. Оп. 1. ДД. 741, 942.

10. Оп. 2в. ДД. 291, 1964, 1999, 2824, 3677, Л.Н. Заболотской (без номера).

Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда

11. Фонд Р-178. Миллиор Елена Александровна – ученый, историк античности, литературовед, преподаватель Удмуртского государственного педагогического института, кандидат исторических наук.

Оп. 1. ДД. 1, 3, 6, 28.

Личный архив автора

12. Майер, В.Е. Межвузовский симпозиум по аграрной истории развитого феодализма. [Черновик доклада] / В.Е. Майер. – 1979.

13. Майер, В.Е. К 35-летию образования ГДР. [Текст выступления в радиопередаче] / В.Е. Майер. – 1984.

14. Отчет правления Ижевского отделения СОДГ за 1979 г. [Черновик].

15. Письмо Исх. № 120/78 от 28 февраля 1978 г. председателя Головного Совета по истории Минвуза РСФСР В.В. Мавродина [Копия].

16. Письмо В.Е. Майера В.В. Мавродину. 25 марта 1978 г. [Черновик].

17. Письмо В.Е. Майера членам КИДа Сигаевской средней школы. 18 ноября 1978 г.

18. Письмо Г.Л. Курбатова В.Е. Майеру. 2 февраля 1978 г.

19. Письмо Л.Н. Заболотской В.Е. Майеру (не позднее 24 ноября 1962 г.).

20. Письмо С.М. Стама В.Е. Майеру. 29 апреля 1978 г.

21. План правления Ижевского отделения Советского общества дружбы с ГДР на 1977 г. [Машинопись].
22. Свидетельство об окончании Л.Н. Заболотской Вятского педагогического института им. В.И. Ленина.
23. Тетрадь посещения занятий преподавателями кафедры. Всеобщая история. 1976–1984 гг. [Рукопись].
24. Устав Советского общества дружбы с ГДР [Проект].
25. Учетная карточка члена КПСС Л.Н. Заболотской.

Опубликованные источники

Нормативные и правовые акты

26. Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. 1958. – 24 декабря. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alppp.ru/law/obrazovanie--nauka--kultura/obrazovanie/42/zakon-sssr-ot-24-12-1958.pdf> [Дата обращения: 18.03.2016].
27. Кодекс законов о труде РСФСР. 1922. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901857831> [Дата обращения: 12.01.16].
28. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 46 с.
29. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с изменениями и дополнениями, принятыми на I и II сессиях Верховного Совета РСФСР третьего созыва. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 36 с.
30. Манифест «О позволении иностранцам, кроме Жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу». 1762. – 4 декабря. // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. II Отд. ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 16: С 28 июня 1762 по 1765: От № 11.582 до 12.301. – 1830. – № 11720. – С. 126–127.

31. Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». 1763. – 22 июля. // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 48 т.: указ. Т. 16: С 28 июня 1762 по 1765: От № 11.582 до 12.301. – 1830. – № 11880. – С. 313–315.

32. Приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР № 1117. 1977. – 5 декабря. «Об организации и проведении всесоюзных, межвузовских и вузовских научных и научно-технических конференций, совещаний, семинаров и симпозиумов».

33. Решение Республиканского совета по научной работе студентов вузов РСФСР. 1975. – 27 февраля. – М., 1975. – 14 с.

Работы и переводы В.Е. Майера

34. Володарский, В.М. [Рец. на книгу]: *Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution* / Autorenkollektiv: A. Laube, M. Steinmetz, G. Fogler (Leiter); Bildredaktion in Zusammenarbeit mit den Autoren: R. Weber. Berlin: Dietz, 1974. 416 S. / В.М. Володарский, В.Е. Майер, А.Л. Ястребицкая // Средние века. – М., 1976. – Вып. 40. – С. 294–300.

35. Герготт, И. О новом преобразовании христианской жизни. Перевод и комментарии В.Е. Майера / Иоганн Герготт // Майер В.Е., Иванов В.В. Памфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1992. – С. 15–34.

36. К собранию простого крестьянства. Перевод и комментарии В.Е. Майера // Майер В.Е., Иванов В.В. Памфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1992. – С. 61–92.

37. Майер, В.Е. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.Е. Майер. – М., 1955. – 19 с.

38. Майер, В.Е. Уставы (“Weistümer”) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века: дис. ... канд. ист. наук. / В.Е. Майер. – М., 1955. – 385 с.
39. Майер, В.Е. Уставы как источник изучения классовой борьбы в немецкой деревне XV – начала XVI в. / В.Е. Майер // Ученые записки Удмурт. гос. пед. ин-т. – Ижевск, 1956. Вып. 9. – С. 125–143.
40. Майер, В.Е. Уставы как источник по изучению положения крестьян в Германии в конце XV– начале XVI в. / В.Е. Майер // Средние века. – М., 1956. – Вып. 8. – С. 197–216.
41. Майер, В.Е. Характер и ценность уставов (“Weistümer”) конца XV – начала XVI в. / В.Е. Майер // Ученые записки Удмурт. гос. пед. ин-т. – Ижевск, 1956. Вып. 10. – С. 83–98.
42. Майер, В.Е. Что такое христианство? / В.Е. Майер. – Ижевск: Удмурт. книж. изд-во, 1960. – 32 с.
43. Майер, В.Е. Древний период в истории Удмуртии (до III–IV вв. н.э.) / В.Е. Майер // Использование краеведческого материала в курсе истории СССР. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 1961. – С. 5–18.
44. Майер, В.Е. Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии / В.Е. Майер // Средние века. – М., 1961. Вып. 20. – С. 151–165.
45. Майер, В.Е. Мировое коммунистическое движение – самая влиятельная политическая сила нашего времени / В.Е. Майер. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1962. – 27 с.
46. Майер, В.Е. Вейстюмер / В.Е. Майер // Советская историческая энциклопедия. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 3. – Стб. 30.
47. Майер, В.Е. Вопросы аграрной истории Германии XIV–XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ / В.Е. Майер // Средние века. – М., 1964. – Вып. 26. – С. 117–131.
48. Майер, В.Е. Крупная издольная аренда на бывших домениальных землях в Германии в XIV–XVI вв. (преимущественно по материалам Вюртемберга) / В.Е. Майер // Ученые записки Перм. гос. ун-та. – Пермь, 1964. Вып. 117. – С. 3–47.

49. Майер, В.Е. Новые издания вейстюмер / В.Е. Майер // Ученые записки Перм. гос. ун-та. – Пермь, 1964. Вып. 117. – С. 107–112.
50. Майер, В.Е. Виноградарство и его место в аграрной истории Германии в XIV–XVI вв. / В.Е. Майер // Средние века. – М., 1965. Вып. 27. – С. 114–138.
51. Майер, В.Е. Имущественное положение крестьянства в Юго-Западной Германии на рубеже XIV–XV вв. (по стат. данным графства Гогенберг, 1392–1408 гг.) / В.Е. Майер // Средние века. – М., 1965. – Вып. 28. – С. 95–118.
52. Майер, В.Е. Крупное овцеводческое хозяйство в Германии в XIV–XVI вв. и появление в нем элементов капиталистического предпринимательства / В.Е. Майер // Генезис капитализма в промышленном и сельском хозяйстве. – М.: АН СССР, 1965. – С. 85–123.
53. Майер, В.Е. [Рец. на книгу]: Pannach, H. Das Amt Meisen vom Anfang des 14. bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts / H. Pannach. – Berlin, 1960 (Гейнц Паннах. Мейссенский округ с начала XIV до середины XVI века. Берлин, 1960) / В.Е. Майер // Средние века. – М., 1965. – Вып. 27. – С. 225–229.
54. Майер, В.Е. Феодальное законодательство Германии XIV–XVI вв. об отчуждении крестьянских держаний / В.Е. Майер // Ученые записки Перм. гос. ун-та. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1966. Вып. 143. – С. 103–111.
55. Майер, В.Е. Специализация мелких хозяйств города и деревни Германии XIV–XVI вв. на выращивании огородных, садовых и некоторых технических культур (к вопросу о развитии производительных сил) / В.Е. Майер // Ученые записки Удмурт. гос. пед. ин-т им. 10 УАО. – Ижевск, 1967. Вып. 15. – С. 112–141.
56. Майер, В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.Е. Майер. – М., 1968. – 33 с.
57. Майер, В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. / В.Е. Майер. – М., 1968. – 873 с.

58. Майер, В.Е. [Рец. на книгу]: История средних веков: учеб. для ист. фак. гос. унт-ов: в 2-х т. Т. 2. / под ред. С.Д. Сказкина [и др.] М.: Высш. шк., 1968. – 388 с. / В.Е. Майер // Вопросы истории. – 1968. № 10. – С. 171–174.
59. Майер, В.Е. Как научить конспектировать произведения В.И. Ленина / В.Е. Майер // Повышать идейность и эффективность партийной учебы. – Ижевск, 1969. – С. 70–79.
60. Майер, В.Е. Проблемы генезиса капитализма в Германии МГУ / В.Е. Майер // Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. – М., 1969. – С. 143–148.
61. Майер, В.Е. Роль ростовщического капитала в немецкой деревне XVI – XVI вв. / В.Е. Майер // Проблемы генезиса капитализма. – М.: АН СССР, 1970. – С. 57–82.
62. Майер, В.Е. Славное столетие Парижской Коммуны / В.Е. Майер // Блокнот агитатора. – 1971. № 3. – С. 17–24.
63. Майер, В.Е. Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XIV–XVII вв. / В.Е. Майер // Средние века. – М., 1971. – Вып. 34. – С. 145–162.
64. Майер, В.Е. Атеистическая пропаганда / В.Е. Майер // Удмуртская правда. – 1972. – 12 мая.
65. Майер, В.Е. Философия но атеизм / В.Е. Майер // Советской Удмуртия. – 1972. – 12 марта.
66. Майер, В.Е. Школа, религия, но нылпиос // Советской Удмуртия. – 1972. – 10 сентября.
67. Майер, В.Е. [Рец. на книгу]: Смирин, М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.) / М.М. Смирин – М.: Наука, 1969. – 408 с. / В.Е. Майер // Средние века. – М., 1973. – Вып. 36. – С. 195–201.
68. Майер, В.Е. [Реф. на книгу]: Sabeau, D.W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkriegs / D.W. Sabeau. – Stuttgart, 1972. – 175 S. (Землевладение и общество накануне Крестьянской войны) / В.Е. Майер // РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер. 5. История. – 1974. № 4. – С. 177–179.

69. Майер, В.Е. [Реф. на статью]: Fogler, G. Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft. Betrachtungen über die Entwicklung des Bürgertums in Mittel- und Westeuropa vom 11. bis zum 18. Jahrhundert / G. Fogler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 1973. – №10 (Фоглер Г. Проблемы развития классов в феодальном обществе. Взгляды на развитие бюргерства в Центральной и Западной Европе в XI–XVIII вв. / В.Е. Майер // РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер. 5, История. – 1974. № 2. – С. 193–195.

70. Майер, В.Е. В исторической науке нуждаются все / В.Е. Майер // Удмуртский университет. – 1975. – 24 апреля.

71. Майер, В.Е. Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка / В.Е. Майер // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. – Ижевск, 1975. – С. 24–34.

72. Майер, В.Е. Новый этап научно-исследовательской работы студентов / В.Е. Майер // Удмуртский университет. – 1975. – 26 июня.

73. Майер, В.Е. Университет и его перспективы / В.Е. Майер // Буммашевец. – 1975. – 20 ноября.

74. Майер, В.Е. [Рец. на книгу]: Norden, A. Herrscher ohne Krone / A. Norden. – Berlin, 1974. – 250 S. (А. Норден. Некоронованные властители. Берлин, 1974. 250 с.) / В.Е. Майер // Средние века. – М., 1975. – Вып. 39. – С. 244–249.

75. Майер, В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил) / В.Е. Майер. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 168 с.

76. Майер, В.Е. Модернистские тенденции религий на современном этапе (методический материал в помощь лектору) / В.Е. Майер. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР, 1979. – 16 с.

77. Майер, В.Е. «Прусский путь» развития капитализма в Заэльбской Германии: историография проблемы (ГДР, 50–60-е гг.) / В.Е. Майер // Проблемы генезиса капитализма. – М.: АН СССР, 1979. – С. 3–33.

78. Майер, В.Е. О чем говорят факты / В.Е. Майер // Удмуртская правда. – 1980. – 9 февраля.

79. Майер, В.Е. Кыззы кылдиз религия / В.Е. Майер // Советской Удмуртия. – 1981. – 22 декабря.
80. Майер, В.Е. Атеизм и задачи атеистического воспитания / В.Е. Майер // Удмуртская правда. – 1981. – 23 декабря.
81. Майер, В.Е. Важный источник по истории крестьянской общины в Удмуртии / В.Е. Майер // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. – Ижевск, 1981. – С. 36–60.
82. Майер, В.Е. [Рец. на книгу]: История средних веков учеб. для ист. фак. гос. унт-ов: в 2-х кн. / под общ. ред. С.Д. Сказкина. – М.: Высш. шк., 1977. / В.Е. Майер // Вопросы истории. – 1981. № 1. – С. 136–140.
83. Майер, В.Е. [Рец. на книгу]: Mägdefrau, W. Der Thtiringer Städtebund im Mittelalter / W. Mägdefrau. – Weimar, 1976. (Магдефрау В. Тюрингский союз городов в средние века) / В.Е. Майер // Историографический сборник. – Саратов, 1981. Вып. 6(9) Методологические проблемы исторической науки. – С. 140–157.
84. Майер, В.Е. Кризис религии и задачи антирелигиозного воспитания / В.Е. Майер // Путь Октября (Ува). – 1982. – 12 января.
85. Майер, В.Е. Сущность и происхождение религии / В.Е. Майер // Путь Октября (Ува). – 1982. – 23 января.
86. Майер, В.Е. Ленинское учении о религии и путях ее преодоления / В.Е. Майер // Буммашевец. – 1982. – 28 января.
87. Майер, В.Е. Носитель высокой культуры / В.Е. Майер // Удмуртский университет. – 1982. – 21 октября.
88. Майер, В.Е. Крестьяне Германии к востоку от Эльбы в XII–XV вв. / В.Е. Майер // Античная древность и средние века. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1983. – С. 105–120.
89. Майер, В.Е. Атеистическое воспитание молодежи / В.Е. Майер // Удмуртская правда. – 1985. – 23 января.
90. Майер, В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма / В.Е. Майер. – М.: Высш. шк., 1985. – 190 с.

91. Майер, В.Е. Формы и характер крестьянских движений в Германии XIV–XV вв. // Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII–XV вв. – М., 1985. – С. 194–221.

92. Майер, В.Е. Вопрос о власти в программных документах Крестьянской войны в Германии / В.Е. Майер // Классы и сословия средневекового общества: сб. статей / под ред.: З.В. Удальцовой. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 203–208.

93. Майер, В.Е. Мартин Лютер и рост социально-политического сознания народных масс Германии в 1517–1521 гг. / В.Е. Майер // Вестник Удмуртского университета. – 2007. № 7. – С. 171–186.

94. Майер, В.Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ / В.Е. Майер // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – С. 190–194.

95. Методические разработки по истории средних веков для студентов II курсов исторического факультета / сост. В.Е. Майер. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР, 1984. – 44 с.

96. Положение о научно-исследовательской работе студентов / сост. В.Е. Майер. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР, 1975. – 56 с.

Публикации о В.Е. Майере

97. Барг, М.А. [Рец. на книгу]: Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 168 с. / М.А. Барг // Вопросы истории. – 1981. № 5. – С. 139–141.

98. Бессмертный, Ю.Л. Памяти В.Е. Майера (1918–1985) / Ю.Л. Бессмертный // Средние века. – М., 1986. – Вып. 49. – С. 323–333.

99. Васильев, А. Состоявшаяся жизнь / А. Васильев, В. Любич // Инфо-Панорама. № 48. – 2003. – 4 декабря.

100. Васильев, А. Вильгельм Майер: состоявшаяся жизнь / А. Васильев, В. Любич // Номенклатура: сборник биографических очерков. – Ижевск, 2005. – С. 341–349.

101. Васильев, А. Состоявшаяся жизнь / А. Васильев, В. Любич // Вспоминая былые годы ...: сб. воспоминаний к 80-летию УГПИ–УдГУ. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – С. 167–173.

102. Владыкин, В.Е. Самый большой титул / В.Е. Владыкин // Удмуртский университет. – 1978. – 7 декабря.

103. Владыкин, В.Е. Профессор В.Е. Майер и его исследования по проблемам аграрной истории / В.Е. Владыкин // Проблемы аграрной истории Удмуртии. – Ижевск, 1988. – С. 5–14.

104. Владыкин, В.Е. В Ижевск, к Майеру / В.Е. Владыкин // Историк и его дело: материалы науч. чтений памяти проф. В. Е. Майера, 6 дек. 2001 г. / редкол.: В.Е. Владыкин, Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2002. – С. 3–8.

105. Владыкин, В.Е. Профессор В.Е. Майер – ученый и педагог / В.Е. Владыкин, Н.Г. Шишкина // Проблемы германской истории (эпоха феодализма). – Ижевск, 1989. – С. 5–22.

106. Володарский, В.М. [Рец. на книгу]: Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 168 с. / В.М. Володарский // Средние века. – М., 1981. Вып. 44. – С. 294–297.

107. Ворожцов, С.С. Профессор В.Е. Майер и Удмуртия: нить, связавшая судьбу / С.С. Ворожцов // Историк и его дело: материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. Вып. 9 / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – С. 27–33.

108. Гуца, Е.М. Вспоминая учителя. Слово о В.Е. Майере / Е.М. Гуца // Историк и его дело: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / под ред.: Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. – С. 149–153.

109. Зорина, А.А. Научная школа В.Е. Майера в контексте подготовки профессиональных историков медиевистов / А.А. Зорина, Н.Г. Шишкина // Полити-

ческие и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. – М.: ИВИ РАН, 2007. – С. 137–140.

110. Зорина, А.А. В.Е. Майер и традиции преподавания истории средних веков в Удмуртском государственном университете / А.А. Зорина, Н.Г. Шишкина // История средних веков: учебное пособие для студентов исторических факультетов / под. ред. проф. Г.П. Мягкова. – Часть 1. Западная Европа в период раннего средневековья. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – С. 26.

111. Иванов, В.В. В.Е. Майер о проблемах идеологии и культуры / В.В. Иванов // Из истории Германии в эпоху средневековья и раннего нового времени: Сборник документов / Сост.-ред. В.В. Иванов, Л.В. Котова, Д.А. Черниенко, Н.Г. Шишкина. – Ижевск: УдГУ, 2008. – С. 64–66.

112. Иванов, В.В. Из научного наследия В.Е. Майера (6.12.1918 – 10.02.1985) / В.В. Иванов // Вестник Удмуртского университета. – 2008. № 2. – С. 164.

113. Иванов, В.В. Профессор В.Е. Майер – учитель, российский интеллигент, харизматичный лидер / В.В. Иванов // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения: биобиблиогр. указатель / сост. Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко. – Ижевск, 2008. – С. 48–50.

114. Иванов, В.В. Слово об учителе / В.В. Иванов // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения: биобиблиогр. указатель / сост. Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко. – Ижевск, 2008. – С. 60–62.

115. Котова, Л.В. Вайстюм Бингенхеймской марки и другие переводы В.Е. Майера / Л.В. Котова // Историк и его дело: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 4 / под ред.: Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2005. – С. 150–158.

116. Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения: биобиблиогр. указатель / сост. Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко. – Ижевск, 2008. – 64 с.

117. Макаров, Л.Д. В.Е. Майер о вопросах религии и атеизма (предварительные наблюдения) / Л.Д. Макаров // Историк и его дело: материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Уд-

муртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. Вып. 9 / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – С. 94–100.

118. Мельникова, О.М. В.Е. Майер и развитие археологии в Удмуртском государственном университете / О.М. Мельникова // Историк и его дело: спец. вып.: сб. науч. ст., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. В.Е. Майера (1918–1985) / редкол.: Н.Г. Шишкина, Д.А. Черниенко, Н.Ю. Старкова [и др.]. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2003. – С. 13–20.

119. Мерзлякова, Л.В. Профессиональная педагогическая этика и культура преподавателя вуза: взгляд современников на опыт В.Е. Майера / Л.В. Мерзлякова, М.Г. Савельева // Историк и его дело: материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. Вып. 9 / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. С. 74–76.

120. Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера / подгот. к публ. и коммент. Б.П. Сысоевой-Майер // Средние века. – М., 2009. Вып. 70 (1-2). – С. 316–355.

121. Немировский, А.И. Воспоминания о В.Е. Майере / А.И. Немировский // Проблемы германской истории (эпоха феодализма). – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР, 1989. – С. 143–145.

122. Пантюхин, Л.А. Воспоминания о В.Е. Майере / Л.А. Пантюхин // Российские немцы: история и современность: материалы науч.-практ. конф., Ижевск, 3 дек. 2004 г. / отв. ред. А.Н. Маркин. – Ижевск, 2006. – С. 142–151.

123. Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах / сост. Б.П. Сысоева; под общ. ред. Н.Г. Шишкиной. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2012. – 419 с.

124. Разбаков, С.Г. Анализ Urkunden позднесредневековой Германии как компонент источниковедческого мастерства В.Е. Майера / С.Г. Разбаков // Историк и его дело: материалы науч. чтений памяти проф. В.Е. Майера, 6 дек. 2001 г. /

редкол.: В.Е. Владыкин, Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2002. С. 63–66.

125. Список научных трудов В.Е. Майера / сост. Б.П. Сысоева, И.В. Никитина // История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики: сб. ст. и материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения проф. В.Е. Майера (1918–1985) (Историк и его дело; вып. 10) / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2013. – С. 262–271.

126. Сысоева-Майер, Б.П. Из переписки с учителем и другом / Б.П. Сысоева-Майер // Историк и его дело: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 6 / под ред.: Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2007. – С. 172–202.

127. Сысоева-Майер, Б.П. В.Е. Майер в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям) / Б.П. Сысоева-Майер // Великая Отечественная война в нашей памяти: сб. воспоминаний. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2010. – С. 6–17.

128. Тронин, А.А. Майер не кабинетный ученый / А.А. Тронин // Удмуртский университет. 1978. – 7 декабря.

129. Туркевич, А.Л. Научные связи профессора В.Е. Майера (по переписке и автографам) / А.Л. Туркевич // Историк и его дело: материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. Вып. 9 / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – С. 81–88.

130. Туркевич, А.Л. Полемика В.Е. Майера с западногерманскими историками о проблемах аграрного развития Германии в позднее Средневековье / А.Л. Туркевич // Наука в УГПИ–УдГУ: история, современное состояние, перспективы. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – С. 121–130.

131. Туркевич, А.Л. Автографы и дарственные надписи на книгах из библиотеки профессора В.Е. Майера (как дополнительный источник к биографии учено-

го) / А.Л. Туркевич // История. Международные отношения. Вып. 5. – Ижевск, 2012. – С. 137–142.

132. Туркевич, А.Л. Архивы Удмуртской Республики о профессоре В.Е. Майере: новые штрихи к портрету учёного / А.Л. Туркевич // Архивы сегодня: взгляд извне и изнутри: Сб. статей. / Отв. ред. Н.Г. Пушкарёва. – Ижевск, 2013. – С. 99–102.

133. Туркевич, А.Л. В.Е. Майер и методы руководства кафедрой всеобщей истории УГПИ–УдГУ (1964–1985) / А.Л. Туркевич // История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики: сб. ст. и материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения проф. В.Е. Майера (1918–1985) (Историк и его дело; вып. 10). – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2013. – С. 56–66.

134. Туркевич, А.Л. «Вот правда, с которой я вступаю в новую жизнь»: историк в дневнике, дневник как история / А.Л. Туркевич // Диалог со временем. – 2013. № 43. С. 170–179.

135. Туркевич, А.Л. Профессор В.Е. Майер в годы Великой Отечественной войны: начало «удмуртского этапа» в жизни ученого / А.Л. Туркевич // Патриотизм – духовный потенциал Великой Победы: материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Ижевск, 29–30 апреля 2015 г.) / Под общ. ред. А.Е. Загребина и В.В. Пузанова: Сб. статей / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2015. – С. 119–124.

136. Туркевич, А.Л. Вовлечение студентов вуза в научно-исследовательскую работу (опыт профессора В. Е. Майера) / А.Л. Туркевич // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 26. – Вып. 1. – С. 113–117.

137. Туркевич, А.Л. Школа профессора В.Е. Майера в УГПИ–УдГУ: характер и основные черты / А.Л. Туркевич, Н.Г. Шишкина // Классический университет: история и современность: материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ.

конф., посвящ. 85-летию Удмурт. гос. ун-та (Ижевск, 3–4 февр. 2016 г.). – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2016. – С. 270–277.

138. Фанасова, М.А. Воспоминания о В.Е. Майере / М.А. Фанасова // Российские немцы: история и современность: материалы науч.-практ. конф., Ижевск, 3 дек. 2004 г. / отв. ред. А.Н. Маркин. – Ижевск, 2006. – С. 151–153.

139. Черниенко, Д.А. Историк и его дело (из научной переписки профессора В.Е. Майера) / Д.А. Черниенко // Диалог со временем. – 2009. №. 28. – С. 166–175.

140. Шапран, И.Г. К вопросу об источниковой базе для создания аналитической биографии В.Е. Майера / И.Г. Шапран // Историк и его дело: материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. Вып. 9 / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – С. 53–59.

141. Шишкина, Н. Человек большой души / Н. Шишкина // Удмуртский университет. – 1974. – 4 июля.

142. Шишкина, Н.Г. Профессор В.Е. Майер. Опыт анализа педагогической концепции / Н.Г. Шишкина // Исторический факультет: история, современной состояние и перспективы. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 1996. – С. 52–54.

143. Шишкина, Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: педагогическое наследие / Н.Г. Шишкина // Инновационные процессы в сфере образования и проблемы повышения качества подготовки специалистов. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2005. – Т.2. – С. 158–162.

144. Шишкина, Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело / Н.Г. Шишкина // Средние века. – М., 2006. – Вып. 67. – С. 216–245.

145. Шишкина, Н.Г. Методика проведения экзаменов и зачетов (из опыта профессора В.Е. Майера) / Н.Г. Шишкина // Проблема качества исторического образования в системе высшей школы. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2008. – С. 201–207.

146. Шишкина, Н.Г. Размышления В.Е. Майера о творческом характере подготовки к экзаменам и зачетам / Н.Г. Шишкина // Историк и его дело: межвуз. сб.

науч. тр. Вып. 8 / под ред.: Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. – С. 144–149.

147. Шишкина, Н.Г. Научно-педагогическое наследие профессора В.Е. Майера / Н.Г. Шишкина, В.Е. Владыкин // Вестник Удмуртского университета. 1998. Специальный выпуск: Всеобщая история: к 80-летию профессора В.Е. Майера. – С. 3–18.

148. Шишкина, Н.Г. Некоторые проблемы социальной истории позднесредневековой Германии в трудах В.Е. Майера / Н.Г. Шишкина, С.Г. Лукина // Национальный/ социальный характер: археология идей и социальное наследство. – М.: ИВИ РАН, 2010. – С. 272–273.

149. Шишкина, Н.Г. Немецкое происхождение профессора В.Е. Майера: тернистый путь к профессиональному мастерству / Н.Г. Шишкина, А.Л. Туркевич // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 77–80.

150. Шишкина, Н.Г. Профессор В.Е. Майер как просветитель и популяризатор исторической науки / Н.Г. Шишкина, А.Л. Туркевич // Историческая науки образование в условиях современных вызовов. – Казань, 2012. – С. 147–149.

151. Шишкина, Н.Г. Теоретические и практические принципы построения спецкурса «История западноевропейской культуры XIV–XVII вв.» / Н.Г. Шишкина // История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики: сб. ст. и материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения проф. В.Е. Майера (1918–1985) (Историк и его дело; вып. 10) / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2013. – С. 10–13.

152. Шишкина, Н.Г. Профессор-депутат: общественная деятельность советского историка (на примере В.Е. Майера) / Н.Г. Шишкина, А.Л. Туркевич // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума, посв. 100-летию со дня рожд. проф. А.С. Шофмана, Казань, 13–15 нояб. 2013 г. – Казань: Издательство «Яз», 2013. – С. 371–374.

Справочные издания

153. Державний архів Херсонської області. Анотований реєстр описів: Фонди до 1917 року. До 85-річчя Державного архіву Херсонської області: / Автор-упорядник Ю.Коник; А.Карпова (керівник проекту); Державний комітет архівів України, Державний архів Херсонської області. // [Електронний ресурс]. Херсон, 2006. 137 с. Режим доступа: <http://www.archives.gov.ua/Publicat/Guidebooks/ReestrKhers.pdf> [Дата обращения: 18.03.2016).

154. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). – М., 1993. – 448 с.

155. Книга памяти жертв политических репрессий. Республика Татарстан. Т. 2, "Б". – Казань, 2001. – 448 с.

156. Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / Сост.: В.Ф. Дизендорф. – М.: «ЭРН», 2006. – 590 с.

157. Общество германо-советской дружбы: факты и цифры // Центральное правление Общества германо-советской дружбы. – 1981. – 16 с.

158. Энциклопедический словарь /Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. 1890–1907. Т. 5а: Вальтер – Венути. 1892. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003924250#?page=276>. [Дата обращения: 19.05.2016].

Литература*Монографии, статьи и периодические издания*

159. Александров, Е.П. Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса / Е.П. Александров // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2008. – № 4. – С. 223–227.

160. Александров, Е.П. Биография историка как предмет исследования: постановка проблемы / Е.П. Александров // История и историки в контексте времени. – 2009. – № 6. – С. 125-132.

161. Бахина, В.И. Советы – органы народовластия / В.И. Бахина, Е.А. Никифорова, В.И. Юшкова. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 87 с.
162. Безносова, О.М. Фонд Василия Евгеньевича Майера в ГКУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики» / О.М. Безносова // Историк и его дело: материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. Вып. 9 / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – С. 59–67.
163. Вайнштейн, О.Л. История советской медиевистики / О.Л. Вайнштейн. – Л.: Наука, 1968. – 424 с.
164. Варьяш, О.И. Симпозиум по проблемам истории и историографии средневекового города / О.И. Варьяш // Средние века. – М., 1978. – Вып. 42. – С. 361–363.
165. Великая Отечественная война в нашей памяти: Сб. воспоминаний. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2010. – 77 с.
166. Верещагин, Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда / Г.Е. Верещагин // Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Этнографические очерки, кн. 1. – Ижевск, 1997. – С. 63–122.
167. Вестник Удмуртского университета. Спец. выпуск, посв. Е.А. Миллиор / сост. Д.И. Черашняя. – Ижевск, 1995. – 160 с.
168. Володарский, В.М. Научно-педагогическая деятельность М.М. Смирин / В.М. Володарский // Средние века. – М., 1965. – Вып. 28. – С. 3–11.
169. Володарский, В.М. Утопия Ганса Гергота / В.М. Володарский // История социалистических учений. – 1986. – М.: Наука, 1986. – С. 134–153.
170. Володарский, В.М. Ганс Гергот и его утопия «О новом преобразовании христианской жизни» / В.М. Володарский // История социалистических учений. – 1987. – М.: Наука 1987. – С. 252–273.
171. Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. / сб. статей. – Ижевск, 1981. – 156 с.

172. Воробьева, И.Г. Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого феодализма в Ижевске / И.Г. Воробьева // Советское славяноведение. – М., 1980. – Вып. 3. – С. 124–125.

173. Воробьева И.Г. Историк и педагог Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) / И.Г. Воробьева, А.А. Кузнецов // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 6. Серия: История. – Вып. 1. – С. 62–87.

174. Воробьева И.Г. Историк Запада в российском провинциальном вузе / И.Г. Воробьева, А.А. Кузнецов // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 377–402.

175. Владыкин Владимир Емельянович: К 60-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель / Сост. Л.М. Васильева, Е.Н. Зайцева. – Ижевск, 2003. – 64 с.

176. Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время. / Отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. – М.: Наука, 2013. – 889 с.

177. Галямичев, А.Н. Саратовская школа историков-славистов: быть или не быть / А.Н. Галямичев // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – С. 227–233.

178. Генинг, В.Ф. Археологические памятники Удмуртии / В.Ф. Генинг. – Ижевск, 1958. – 192 с.

179. Герман, А.А. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945) / А.А. Герман, А.Н. Курочкин. – М.: Готика, 1998. – 208 с.

180. Германия в XII–XV вв. Аграрные отношения в XII–XV вв. // Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. – М., АН СССР, 1963. Т. 2. X–XV века. – С. 440–459.

181. Гинзбург, К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / К. Гинзбург // К. Гинзбург. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история / Сб. статей. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 287–320.

182. Голдина, Р.Д. Силуэты растаявших веков / Р.Д. Голдина. – Ижевск, 1996. – 213 с.

183. Голубович, И.В. Биография: силуэт на фоне humanities (Методология анализа биографии в социогуманитарном знании) / И.В. Голубович. – Одесса: СПД Фридман, 2008. – 212 с.

184. Гончаров, Г.А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография / Г.А. Гончаров // Экономическая история. Обозрение. – Вып. 7. – М., 2001. – С. 154–162.

185. Гуревич, А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе: Уч. пособие / А.Я. Гуревич. – М.: Высшая школа, 1970. – 224 с.

186. Девятайкина, Н.И. Новое десятилетие в научном творчестве профессора С.М. Стама / Н.И. Девятайкина // Средневековый город. – Саратов, 1998. – Вып.13. – С. 5–19.

187. Девятайкина, Н.И. Соломон Моисеевич Стам и его кафедра истории средних веков. К 90-летию со дня рождения / Н.И. Девятайкина // Известия Саратовского университета, 2003. – Т.3. – Вып.2. – С. 42–45.

188. Девятайкина, Н.И. Заслуженный профессор СГУ С.М. Стам и его кафедра (к 90-летию со дня рождения / Н.И. Девятайкина // Средние века. – М., 2004. – Вып. 65. – С. 166–173.

189. Девятайкина, Н.И. Профессор С.М. Стам как культурная и ученая личность: роль для университета и Саратова / Н.И. Девятайкина // Средневековый город. – Вып. 20. – Саратов, 2009. – С. 47–64.

190. Девятайкина, Н.И. Видный советский историк (к 70-летию С.М. Стама) / Н.И. Девятайкина, Т.М. Негуляева // Средневековый город. – Саратов, 1987. – Вып. 8. – С. 5–18.

191. Жигунин, В.Д. Надежда Степановна Талашова: путь историка / В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков // Талашова Н.С. Избранные труды: В 2 т. – Т. 1. – Иваново, 2011. – С. 5–12.

192. Евтухов, И.О. Кафедра истории средних веков (По материалам архивов) / И.О. Евтухов // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. – Вып. 3. – Мінск: БДУ, 2008. – С. 193–198.

193. Ермакова, Л.Л. Елена Александровна Миллиор: штрихи к портрету / Л.Л. Ермакова // Историк и его дело: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / под ред.: Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. – С. 127–143.
194. Заболотская, Л.Н. Изучение биографии К. Маркса и Ф. Энгельса в 8 классе средней школы / Л.Н. Заболотская // Ученые записки УГПИ. – Вып. 9. – Ижевск, 1956. – С. 47–56.
195. Заболотская, Л.Н. Подготовка учащихся 8 класса средней школы к изучению темы «Возникновение научного коммунизма. К. Маркс и Ф. Энгельс» / Л.Н. Заболотская // Ученые записки УГПИ. – Вып. 10. – Ижевск, 1956. – С. 37–50.
196. Зорина, А.А. Кафедра истории древнего мира и средних веков: прошлое, настоящее, перспективы / А.А. Зорина, Н.Ю. Старкова, Н.Г. Шишкина // Историческая наука в УГПИ–УдГУ. Историографические очерки / отв. редактор О.М. Мельникова. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2007. – С. 57–82.
197. Зорина, А.А. Содержание и формы организации научно-педагогической деятельности на кафедре истории древнего мира и средних веков / А.А. Зорина, Н.Ю. Старкова, Н.Г. Шишкина // Наука Удмуртии. – № 6 (33), июнь 2009. – С. 105–134.
198. Зорина, А.А. Медиевистика в Удмуртском университете: традиции и перспективы / А.А. Зорина, Н.Г. Шишкина // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 455–457.
199. Иванова, Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования / Т.Н. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чувш. ун-та, 2009. – 382 с.
200. Иванова, Т.Н. Новые аспекты биографики в современных исторических исследованиях / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 167–176.
201. Из истории Германии в эпоху средневековья и раннего нового времени: Сборник документов / Сост.-ред. В.В. Иванов, Л.В. Котова, Д.А. Черниенко, Н.Г. Шишкина. – Ижевск: УдГУ, 2008. – 88 с.

202. Из писем А.И. Доватура к Е.А. Миллиор (1947–1956 гг.) // Вестник Удмуртского университета. Спец. выпуск. – Ижевск, 1995. – С. 52–71.
203. Иконникова, С.Н. Биографика как часть исторической культурологии / С.Н. Иконникова // Вестник СПбГУКИ. – № 2 (11) июнь. – 2012. – С. 6–10.
204. Историк и его дело: материалы науч. чтений памяти проф. В.Е. Майера, 6 дек. 2001 г. / редкол.: В. Е. Владыкин, Н. Г. Шишкина, Н. Ю. Старкова [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2002. – 86 с.
205. Историк и его дело: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2 / под ред.: Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2003. – 151 с.
206. Историк и его дело: спец. вып.: сб. науч. ст., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. В.Е. Майера (1918–1985) / редкол.: Н.Г. Шишкина, Д.А. Черниенко, Н.Ю. Старкова [и др.]. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2003. – 424 с.
207. Историк и его дело: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 4 / под ред.: Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2005. – 190 с.
208. Историк и его дело: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 6 / под ред.: Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2007. – 203 с.
209. Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. В. Е. Майера / сост. и под общ. ред.: Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко, Н.Г. Шишкиной. – Ижевск: РХД, 2008. – 547 с.
210. Историк и его дело: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / под ред.: Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. – 167 с.
211. Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. Вып. 9 / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – 109 с.

212. Историческая наука в УГПИ–УдГУ. Историографические очерки / отв. редактор О.М. Мельникова. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2007. – 257 с.

213. История крестьянства в Европе: эпоха феодализма: в 3 т. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории; гл. ред. З.В. Удальцова. – М.: Наука, 1986. – 697 с.

214. История крестьянства в Европе: эпоха феодализма: в 3 т. Т. 3. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории; гл. ред. З.В. Удальцова. – М.: Наука, 1986. – 593 с.

215. История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики: сб. ст. и материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения проф. В.Е. Майера (1918–1985) (Историк и его дело; вып. 10) / редкол.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко [и др.]. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2013. – 284 с.

216. История средних веков: в 2 т. Т. 2. Раннее новое время / под ред. С.П. Карпова. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 429 с.

217. История средних веков: учебное пособие для студентов исторических факультетов / под. ред. проф. Г.П. Мягкова. – Часть 1. Западная Европа в период раннего средневековья. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 285 с.

218. Ипатов, А.Н. Меннониты. (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности) / А.Н. Ипатов. – М.: Мысль 1978. – 213 с.

219. Каждан, А.П. От Христа к Константину / А.П. Каждан. – М.: Знание, 1965. – 303 с.

220. Кирпикова, Н.Н. «Военнопленные питались лучше, чем охрана» / Н.Н. Кирпикова // Неделя Удмуртии. – № 51 (1216). – 17.12.1993.

221. Клаус, А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистке иностранной колонизации в России / А. Клаус. – Вып. 1. – СПб: Типография В.В. Нусвальта, 1869. – 516 с.

222. Клибанов, А. Меннониты / А. Клибанов – М.; Л.: Огиз, Моск. рабочий. – 110 с.

223. Кондратьева, Г.Т. Археологические и этнографические работы на р. Чепце / Г.Т. Кондратьева // Археология и этнография Башкирии. – Т. II. – Уфа. – 1962. – С. 232–236.

224. Кондратьева, Г.Т. Древнеудмуртский могильник у д. Чиргино / Г.Т. Кондратьева // Ученые записки МОПИ. – Т. 183. – Вып. 2. – 1967. – С. 103–117.

225. Кондратьева, Г.Т. Новые данные из истории древнеудмуртской одежды / Г.Т. Кондратьева // Ученые записки МОПИ. – Т. 183. – Вып. 2. – 1967. – С. 327–333.

226. Кондратьева, Г.Т. Некоторые древние городища северных районов Удмуртской АССР (к этногенезу северных удмуртов) / Г.Т. Кондратьева // Ученые записки МОПИ. – Т. 198. – Вып. 3. – 1967. – С. 147–162.

227. Кондратьева, Г.Т. Археологические работы по р. Чепце / Г.Т. Кондратьева, В.Е. Стоянов // Вопросы археологии Урала. – Вып. II. – Свердловск, 1962. – С. 100–106.

228. Кореневский, А.В. Неукротимый ересиарх (штрихи к портрету Н.С. Ильина) / А.В. Кореневский // Человек второго плана в истории. – Вып. 1. – Ростов н/Дону, 2004. – С. 62–80.

229. Коровкина, Г.С. Новый Мултан. История села: документы и воспоминания / Г.С. Коровкина. – Ува, 2011. – 160 с.

230. Корзун, В.П. На первый-второй рассчитайся: человек второго плана как исследовательский проект / В.П. Корзун, Д.М. Колеватов // Диалог со временем. – Вып. 28. – М., 2009. – С. 342–357.

231. Корзун, В.П. Биографический жанр в современном историографическом нарративе / В.П. Корзун, Д.М. Колеватов // Историк в историческом и историографическом времени. – Казань: Изд-во «Яз», 2013. – С. 232–235.

232. Корзун, В.П. Современное историографическое сообщество и его поиски на страницах «Мира историка» / В.П. Корзун, С.П. Бычков, С.Б. Крих // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 10. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – С. 12–28.

233. Костицына, Т.П. Путевка в жизнь / Костицына Т.П. // Костицына Т.П. Я твой, Революция. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 111–114.
234. Котова, Л.В. Три вайстюма из собрания Якоба Гримма / Л.В. Котова // Вестник Удмуртского университета. – 1998. – Спец. выпуск. – С. 132–135.
235. Кузнецов, А.А. Отзывы Н.И. Кареева, Е.А. Косминского, В.Н. Бочкарева в 1929 г. о научных работах С.И. Архангельского / А.А. Кузнецов // История и историки в пространстве национальной культуры XVIII – начала XXI веков: сборник статей. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – С. 245–253
236. Кузнецов, А.А. Новые факты биографии С.И. Архангельского / А.А. Кузнецов // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 40. – С. 267–282.
237. Кузнецов, П.К. Культурная революция в Удмуртской АССР (1917–1958 гг.) / П.К. Кузнецов. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 548 с.
238. Курбатов, Г.Л. Межвузовская конференция по проблемам античного и раннесредневекового города / Г.Л. Курбатов // Средневековый город. – Вып. 5. – Саратов, 1978. – С. 181–188.
239. Лигенко, Н.П. Научное наследие Г.Е. Верещагина и пути развития предпринимательской деятельности удмуртской деревни. Конец XIX – начало XX века / Н.П. Лигенко // Экономическая история. – № 1(16). – Саранск, 2012. – С. 71–78.
240. Мазур, Л.Н. Методы исторического исследования / Л.Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.
241. Маловичко, С.И. Историографический источник как факт интеллектуальной биографии историка / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // Историк в историческом и историографическом времени. – Казань: Изд-во «Яз», 2013. – С. 238–241.
242. Маркина, В.А. Магнатское поместье Правобережной Украины во второй половине XVIII в. (Социально-экономическое развитие) / В.А. Маркина. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1961. – 232 с.
243. Маркина, В.А. Крестьяне Правобережной Украины. Конец XVII – 60-е годы XVIII ст. / В.А. Маркина. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1971. – 174 с.

244. Маркина, В.А. Основные черты разложения феодализма Восточной Европы (на материалах Правобережной Украины второй половины XVIII вв.) / В.А. Маркина // Аграрная история эпохи феодализма. Сборник научных трудов. – Ижевск, 1983. – С. 105–117.

245. Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья (сб. статей) / редкол.: В.Е. Майер, Р.Д. Голдина, В.Е. Владыкин, М.Г. Иванова. – Ижевск, 1977. – 168 с.

246. Медик, Х. Микроистория / Х. Медик // THESIS. – Вып. 4. – 1994. – С. 193–202.

247. Мельникова, О.М. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете / О.М. Мельникова. – Ижевск: УдГУ, 2006. – 140 с.

248. Мельникова, О.М. Университетские научные школы в археологии как фактор формирования квалифицированных кадров / О.М. Мельникова // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы. – Чебоксары: Чувашский гос. ун-т, 2008. – С. 321–328.

249. Миллиор, Е.А. Исократ и Второй Афинский морской союз / Е.А. Миллиор // Ученые записки ЛГУ. – 1939. – № 39. – Вып. 4. – С. 89–134.

250. Мининков, Н.А. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя / Н.А. Мининков, А.В. Кореневский, А.Е. Иванеско // В тени великих: образы и судьбы. – СПб, 2010. – С. 5–18.

251. Мягков, Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической науки» / Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. – 298 с.

252. Мягков, Г.П. Школа профессора И.Я. Фроянова в Удмуртии: диалектика формирования регионального научного общества / Г.П. Мягков // Россия и Удмуртия: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского гос-ва, Ижевск, 20–22 мая 2008 г. / сост.: В.В. Пузанов и А.Е. Загребин. – Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2008. – С. 372–380.

253. Мягков, Г.П. «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: историк А.С. Шофман в череде поколений / Г.П. Мягков // Мир историка. – Вып. 5. – Омск, 2009. – С. 72–98.

254. Мягков, Г.П. Развитие традиций науки всеобщей истории в Казанском университете (научоведческий аспект) / Г.П. Мягков // Историк в историческом и историографическом времени. – Казань: Изд-во «Яз», 2013. – С. 28–33.

255. Научная школа как структурная единица научной деятельности / Е.В. Устюжанина, С.Г. Евсюков, А.Г. Петров [и др.] / Препринт #WP/2011/288–М.: ЦЭМИ РАН, 2011. – 73 с.

256. Никитина, Г.А. Землепользование в соседской общине удмуртов в пореформенный период (1861–1900 гг.) / Г.А. Никитина // Семейный и общественный быт удмуртов в VIII – XX вв. – Устинов, 1985. – С. 35–52.

257. Останина, Т.И. Материалы профессора В.Е. Майера в фондах Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда / Т.И. Останина // Историк и его дело. – Вып. 9. – Ижевск, 2011. – С. 67–74.

258. Очерки истории Удмуртской АССР. – Т. 1. – Ижевск: Удмуртия, 1958. – 288 с.

259. Очерки истории Удмуртского государственного университета. 1931–2005 / В.В. Пузанов, И.В. Верижникова, А.Н. Кутявин [и др.]; отв. ред. В.В. Пузанов. – Ижевск, 2006. – 564 с.

260. П.С. В институте истории Академии Наук СССР / П.С. // Вопросы истории. – №8. – 1951. – С. 152.

261. Памяти Е. Миллиор / О. Дешарт, Л.В. Иванова, Д.В. Иванов [и др.] // Вестник Русского Христианского Движения. – 1978. – I. – № 124. – С. 251–253.

262. Парфенов, В.Н. Владимир Григорьевич Борухович в моей жизни / В.Н. Парфенов // Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах. – Саратов: Саратовский ун-т, 2009. – С. 86–109.

263. Перцев, В. Учебник древней истории для VIII кл. мужских и женских гимназий, ч. 1. – «Греция». / В. Перцев. – М., 1912. – 179 с.

264. Перцев, В.Н. Германия и Австрия в XIX в.: исторические очерки / В.Н. Перцев. – М., 1917. – 93 с.

265. Писаревский, Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам) / Г. Писаревский. – М., 1909. – 438 с.

266. Повесть о себе (из дневника и писем гражданина с непролетарским происхождением) / Автор-составитель В.Н. Лихачев. – Ижевск, 2004. – 39 с.

267. Поляковская, М.А. Ученый и время: к 100-летию со дня рождения М.Я. Сюзюмова / М.А. Поляковская // Византийский временник. – Т. 54 (79). – М., 1993. – С. 170–182.

268. Пономарёв, К.А. Личность в истории / К.А. Пономарёв. – Ижевск, 2009. – 326 с.

269. Пономарёв, К.А. Непричёсанные размышления / К.А. Пономарёв. – Ижевск, 2011. – 31 с.

270. Попова, Т.Н. П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) / Т.Н. Попова // Мир историка: историографический сборник. – Омск, 2009. – Вып. 5. – С. 52–71.

271. Попова, Т. Историография в человеческом измерении / Т. Попова // Історіографічні дослідження в Україні: Зб. наук. пр. 2012. – Вип. 22. – С. 265–292;

272. Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1. Отеч. история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.Т. Мильская. – М.: Унив. кн., 2000. – 431 с.

273. Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.Т. Мильская. – М.: Унив. кн., 2000. – 461 с.

274. Портреты историков: Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века / Отв. ред.: Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. – М.: Наука, 2004. – 618 с.

275. Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история / Отв. ред. Н.Г. Севостьянов; сост. Н.Г. Севостьянов. – М.: Наука, 2004. – 549 с.

276. Портреты историков. Время и судьбы. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2010. – 626 с.

277. Призвание / Н.П. Долгина, Н.П. Кралина, В.И. Петровский; под ред. Н.П. Кралиной. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2001. – 310 с.
278. Пудов, А.И. История увинских деревень / А.И. Пудов. – Ува, 2000. – 394 с.
279. Пудов, А.И. Народное образование Увинского района: история, известные педагоги, учительские династии / А.И. Пудов. – Ува–Ижевск–Сарапул, 2012. – 367 с.
280. Пузанов, В.В. История Удмуртского государственного университета: краткие очерки. 1931–2001 гг. / В.В. Пузанов, И.В. Верижникова. – Ижевск: РХД, 2001. – 271 с.
281. Радциг, С.И. Введение в классическую филологию / С.И. Радциг. – М.: Изд-во Московского Университета, 1965. – 527 с.
282. Ренев, Е. Немецкие армии Сталина / Е. Ренев // «МК в Ижевске». – 2005. – 13–20 апреля.
283. Репина, Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания / Л.П. Репина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – С. 76–100.
284. Репина, Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти / Л.П. Репина // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. – Казань: Мастер Лайн, 2001. – С. 343–359.
285. Репина, Л.П. От исторической биографии к биографии истории / Л.П. Репина // В тени великих: образы и судьбы. – СПб: Алетейя, 2010. – С. 5–18.
286. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
287. Репина, Л.П. Биографические исследования в современной российской историографии / Л.П. Репина // Историк в историческом и историографическом времени. – Казань: Изд-во «Яз», 2013. – С. 229–232.
288. Решетников Сергей Максимович: к 65-летию со дня рожд.: биобиблиографический указатель / сост. Л.М. Васильева. – Ижевск, 2006. – 102 с.
289. Российские немцы: история и современность: материалы науч.-практ. конф., Ижевск, 3 дек. 2004 г. / отв. ред. А.Н. Маркин. – Ижевск, 2006. – 155 с.

290. Санников, Н.И. Новая история (II период): курс лекций. / Н.И. Санников. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2008. – 296 с.
291. Санников, Н.И. Историография новой и новейшей истории ведущих стран Запада: курс лекций. / Н.И. Санников. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. – 406 с.
292. Санников, Н.И. Новая история (I период): курс лекций. / Н.И. Санников. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. – 624 с.
293. Севостьянов, Г.Н. Предисловие / Г.Н. Севостьянов // Портреты историков: Время и судьбы. Т.1. Отеч. история / Отв. ред. Г.Н.Севостьянов, Л.Т. Мильская. – М.: Унив. кн., 2000. – С. 5–8.
294. Сокоиков, Л.А. Контроль и проверка исполнения: из опыта организационно-массовой работы исполкомов местных Советов Удмуртии / Л.А. Сокоиков. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 72 с.
295. Старкова, Н.Ю. Притяжение древней Спарты: учебное пособие по курсу «Источниковедение и историография античности». Ч. 1. / Н.Ю. Старкова. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2002. – 100 с.
296. Старкова, Н.Ю. Притяжение древней Спарты: учебное пособие по курсу «Источниковедение и историография античности». Ч. 2. / Н.Ю. Старкова. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2002. – 100 с.
297. Старкова, Н.Ю. Пелопоннесский союз в источниках и историографии: курс лекций / Н.Ю. Старкова. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2010. – 334 с.
298. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под. ред. В.П. Корзун. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 471 с.
299. Туркевич, А.Л. Кафедра всеобщей истории УГПИ–УдГУ: первые шаги, становление, развитие / А.Л. Туркевич // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2013. Вып. 1. – С. 134–139.
300. Туркевич, А.Л. «Утопия» Ганса Герготта в интерпретации отечественных историков / А.Л. Туркевич // Мир истории: новые горизонты. – Екатеринбург, 2013. – С. 67–68.

301. Фролов, Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. / Э.Д. Фролов. – СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. – 608 с.

302. Храм книги. [Интервью с Л.П. Бесклинской] // Удмуртский университет. – 2013. – 2 апреля. № 18 (171).

303. Хрестоматия по истории Удмуртии / под общ. ред. В.Е. Майера; сост.: Г.К. Аникина, И.А. Боброва (отв. сост.), Р.А. Ислентьева [и др.]. – Ижевск: Удмуртия, 1973. – 272 с.

304. Шишкина, Н.Г. Кафедра истории древнего мира и средних веков УдГУ (из опыта руководства) / Н.Г. Шишкина // Диалоги о прошлом: материалы семинара-совещания преподавателей истории древнего мира и средних веков. – Казань, 2002. – С. 57–61.

305. Шишкина, Н.Г. Кафедра истории древнего мира и средних веков: из века минувшего в век нынешний / Н.Г. Шишкина // Историк и его дело: спец. вып.: сб. науч. ст., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. В. Е. Майера (1918–1985) / редкол.: Н.Г. Шишкина, Д.А. Черниенко, Н.Ю. Старкова [и др.]. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2003. – С. 3–13.

306. Шишкина, Н.Г. Начало творческого пути: Надежда Степановна Талашова в Ижевске (1967–1974) / Н.Г. Шишкина, А.Л. Туркевич // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума, посв. 100-летию со дня рожд. проф. А.С. Шофмана, Казань, 13–15 нояб. 2013 г. – Казань: Издательство «Яз», 2013. – С. 55–58.

307. Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. – М.: Наука, 1977. – 526 с.

308. Штаерман, Е.М. О некоторых проблемах истории рабства в период поздней Римской республики / Е.М. Штаерман // Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сб. памяти акад. А.И. Тюменева. – М.: Л., 1963. – С. 339–354.

309. Янин, В.Л. Я послал тебе бересту... / В.Л. Янин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. – 235 с.

310. Deutsche Geschichte. Band 2. Von 1789 bis 1917. – Berlin, 1965.

311. Dinklage, K. Fränkische Bauernweistümer / K. Dinklage. – Würzburg, 1954.
312. Grimm, J. Weistümer, Bd. I u. II. – Gottingen, 1840; Bd. III. – Gottingen, 1842; Bd. IV. – Gottingen, 1863; Bd. V. – Gottingen, 1866; Bd. VI. – Gottingen, 1869.
313. Grimm, J. Weistümer. Bd. I–VII / J. Grimm. – Berlin, 1957.
314. Loersch, H. Die Weistümer der Rheinprovinz. Bd. 1. / H. Loersch. – Bonn, 1900.
315. Norden, A. Herrscher ohne Krone. / A. Norden. – Frankfurt/Main, 1974. – 250 s.
316. Weizsäcker, W. Pfälzische Weistümer. / W. Weizsäcker. – Speyer, 1957.

Электронные публикации

317. Ананьев, Б.Г. Социальные ситуации развития личности и ее статус / Б.Г. Ананьев // Хрестоматия по психологии. – М., 1987. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uchebniki-besplatno.com/voprosyi-psihologii-obschie/ananev-sotsialnyie-situatsii-razvitiya-26625.html> [Дата обращения: 21.03.2016].
318. Врачи Удмуртии // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alibudm.ru/pis/pisdoc2.html> [Дата обращения: 26.11.2016].
319. Дизендорф, В.Ф. Чтобы помнили: трудармия, лесные лагеря, усольлаг / В.Ф. Дизендорф // [Электронный ресурс]. Немцы Поволжья: историко-краеведческий и генеалогический форум. Режим доступа: http://wolgadeutsche.ru/gedenkbuch/usollag_1.htm [Дата обращения: 21.03.2016].
320. Иконникова, С.Н. Биография как социокультурное измерение истории / С.Н. Иконникова // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). С. 1–6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/files/file/02_2012_13_50_01_1328608201.pdf [Дата обращения: 24.11.2016].
321. История городов и сел Украинской ССР. Херсонская область. Высокополье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mycity.kherson.ua/hersonskij-kraj/vysokop/vysokopole.html> [Дата обращения: 11.01.16].

322. Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memo.ru/memory/kazan/index.htm> [Дата обращения: 11.01.16].

323. Медведева, Н.М. Советско-восточногерманские общественные связи во второй половине 1960-х гг. / Н.М. Медведева // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rams.org.ru/istoriya> [Дата обращения: 21.03.2016].

324. Некрасова, Н.В. Интеллектуальная биография тверского историка В.И. Колосова (1854 – 1919): возможности реконструкции по документам личных фондов / Н.В. Некрасова [Электронный ресурс]. Режим доступа: [tcdni.ru>files/ArchiviSTLibrary/archreading1.doc](http://tcdni.ru/files/ArchiviSTLibrary/archreading1.doc) [Дата обращения: 21.03.2016].

325. Немцы Поволжья: историко-краеведческий и генеалогический форум. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wolgadeutschen.borda.ru/?1-14-40-00000007-000-0-0> [Дата обращения: 11.01.16].

326. Общество «Знание» России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.znanie.org/OZR/history.htm> [Дата обращения: 04.06.2012].

327. Пономаренко, Л. Вчений і педагог – Валентина Олексіївна Маркіна / Л. Пономаренко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Вып. 106. 2011. С. 46–47. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://papers.univ.kiev.ua/istorija/articles/The_scholar_and_the_teacher_V.O._Markina_15352.pdf [Дата обращения: 21.03.2016].

328. Смоленщина 1941. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://smol1941.narod.ru/divnaropolh.htm> [Дата обращения: 11.01.16].

329. RusDeutsch – информационный портал российских немцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=8&hmenu01=76&hmenu02=238> [Дата обращения: 11.01.16].

Диссертации и авторефераты диссертаций

330. Агеева, Н.Н. Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист наук / Н.Н. Агеева. – Чебоксары, 2015. – 22 с.

331. Владыкин, В.Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. / В.Е. Владыкин. – М., 1969. – 20 с.

332. Заболотская, Л.Н. Методика преподавания в восьмом классе средней школы темы «К. Маркс и Ф. Энгельс – возникновение научного коммунизма»: автореф. дис ... канд. пед. наук по методике преподавания истории / Л.Н. Заболотская. – Ижевск, 1953. – 20 с.

333. Иванов, В.В. Памфлеты и программы Юго-Западной Германии в 1523–1526 гг. и реформация Ульриха Цвингли: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.В. Иванов. – Л., 1986. – 24 с.

334. Иванова, Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века): дис. ... д-ра ист. наук / Т.Н. Иванова. – Казань, 2011. – 760 с.

335. Крайнева, И.А. Научная биография академика А.П. Ершова: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.А. Крайнева. – Томск, 2008. – 39 с.

336. Мельникова, О.М. Научные школы в археологии: дис. ... д-ра ист. наук / О.М. Мельникова. – Ижевск, 2004. – 470 с.

337. Петрина, А.Б. Научная биография в российской культурной и интеллектуальной традиции: поиск новой модели: дис. ... канд. ист наук / А.Б. Петрина. – Омск, 2009. – 182 с.

338. Савицкая, И.С. Д.Н. Блудов: формирование личности представителя «просвещенной бюрократии»: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.С. Савицкая. – М., 2012. – 26 с.

339. Санников, Н.И. НДП – новая нацистская партия Западной Германии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Н.И. Санников. – М., 1971. – 20 с.

340. Сергееенкова, И.Ф. Фашизм и антифашистское сопротивление в освещении американской буржуазной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.Ф. Сергееенкова. – Томск, 1978. – 25 с.

341. Случевский, В.В. Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области: история, формы и методы просветительской деятельности 1947–2002 гг.: дисс. ... канд. ист. наук / В.В. Случевский. – СПб, 2003. – 222 с.

342. Солодовченко, С.А. Общественно-просветительская деятельность Г.М. Веселовского в Воронежском крае во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.А. Солодовченко. – Воронеж, 2012. – 24 с.

343. Фролова, Г.Д. История школы в Удмуртской АССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г.Д. Фролова. – Пермь, 1968. – 20 с.

344. Черниенко, И.Б. Германия на рубеже XV–XVI веков: эпоха и ее видение в творчестве Альбрехта Дюрера: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.Б. Черниенко. – Пермь, 2004. – 26 с.

345. Чиркин, В.А. Социально-экономическое положение немецкого крестьянства в I четверти XVI века (по материалам тюринго-саксонского района): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.А. Чиркин. – Москва, 1986. – 21 с.

346. Чиркин, В.А. Аграрные отношения Средней Германии середины XV – середины XVI веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.А. Чиркин. – Нижний Новгород, 1996. – 55 с.

347. Шишкина, Н.Г. Проблемы классовой борьбы в позднесредневековой Германии в историографии ГДР: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.Г. Шишкина. – М., 1984. – 20 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Основные даты жизни В.Е. Майера

1918 г., 6 декабря – рождение В.Е. Майера в семье крестьян Евгения Вильгельмовича и Матильды Федоровны Майеров в с. Высокополье Херсонской губернии.

1931 г. – переезд Вилли Майера в с. Зеленое Поле к старшему брату Оскару.

1934 г. – окончание 8-классной Зеленопольской средней школы.

1934 – 1935 гг. – первый трудовой опыт В.Е. Майера в качестве счетовода ст. Пичугино Сталинской железной дороги и сельсовета с. Зеленое Поле.

1936 г. – вступление в члены ВЛКСМ

1936 – 1937 гг. – учеба в Запорожье, в средней школе № 11 с преподаванием на немецком языке.

1937 – 1941 гг. – учеба на историческом факультете Московского государственного университета.

1938 г., январь – первый брак В.Е. Майера.

1941 г., март–июль – работа вспомогательным сотрудником Института Маркса–Энгельса–Ленина.

1941 г., 7 июля – отправка на фронт в качестве добровольца, начало службы рядовым 21-й дивизии Народного ополчения.

1941 г., 17 августа – мобилизация Киевским РК ВКП(б) Москвы на строительство Малоярославского укрепрайона.

1941 г., декабрь – 1942, январь – нахождение в распоряжении 133-го запасного стрелкового полка в Марийской АССР.

1942 г., 13 января – демобилизация из рядов РККА; мобилизация на работу в трест «Ижлес» – начало работы в рядах «Трудовой армии».

1942 г., 20 февраля – 20 апреля – штабной писарь штаба 133-й строительной колонны Увинского военкомата Удмуртской АССР.

1942 г., 26 апреля – 1943 г., 13 января – экспедитор Увинского лесозавода Удмуртской АССР.

1943 г., 13 января – 20 июня – преподаватель истории и конституции Увинского педучилища, преподаватель истории и рисования средней школы с. Новый Мултан Увинского района УАССР.

1943 г., 20 июня – 1944 г., 20 февраля – политинструктор НКВД, оперуполномоченный лагеря для военнопленных № 155 Увинского района УАССР.

1944 г., 20 февраля – 1945 г., 20 июня – преподаватель Увинского педучилища.

1945 г., 20 июня – 20 сентября – сдача государственных экзаменов и защита дипломной работы в МГУ.

1945 г., 20 сентября – начало преподавательской деятельности на историческом факультете УГПИ

1946 г., март – брак с Б.П. Сысоевой.

1954 г. – смерть отца, Евгения Вильгельмовича.

1955 г. – защита в МГУ кандидатской диссертации «Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века».

1956 г. – первые научные публикации.

1958 г. – первая публикация по общественной тематике.

1958 – 1962 гг. – помощник декана историко-филологического факультета УГПИ.

1961 г. – вступление в члены КПСС.

1962–1964 гг. – докторантура в секторе истории средних веков Института истории АН СССР.

1962 г. – смерть матери, Матильды Федоровны.

1964 г., сентябрь – назначение заведующим кафедрой всеобщей истории УГПИ.

1965 – 1973 гг. – исполнение обязанностей депутата Индустриального райсовета г. Ижевска.

1968 г. – защита в МГПИ докторской диссертации «Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв.».

1972 – 1976 гг. – проректор по научной работе УдГУ.

1973 г. – открытие в УдГУ аспирантуры по всеобщей истории.

1976 г. – инфаркт, «освободивший» В.Е. Майера в должности проректора.

1979 г. – выход в свет монографии «Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. (развитие производительных сил)».

1979 г. – проведение на базе кафедры всеобщей истории УГПИ III Всесоюзного научного симпозиума по проблемам аграрной истории развитого феодализма

1981 г. – первая и единственная заграничная поездка в Венгрию по линии Общества «Знание».

1985 г., 10 февраля – смерть В.Е. Майера в результате инсульта.

1985 г. – посмертная публикация учебного пособия «Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма».

Фотографии¹

Фото 1. Вильгельм (Василий) Евгеньевич Майер (1918–1985 гг.)

---

¹ Представленные фотографии находятся в личном архиве автора.

Фото 2. Родители В.Е. Майера: Матильда Федоровна и Евгений Вильгельмович.

Фото 3. Ученики Запорожской 11-й средней школы. 1937 г. (?).

Третий справа в верхнем ряду – Вилли Майер.

Фото 4. В.Е. Майер ведет урок в школе села Новый Мултан в годы Великой Отечественной войны.

Фото 5. В.Е. Майер со второй женой, Б.П. Сысоевой. Вторая половина 1940-х гг.

Фото 6. Профессор В.Е. Майер принимает экзамен по истории средних веков,
1980-е гг.

Фото 7. Преподаватели кафедры всеобщей истории УдГУ, 1983 г.

Второй справа в нижнем ряду – В.Е. Майер.